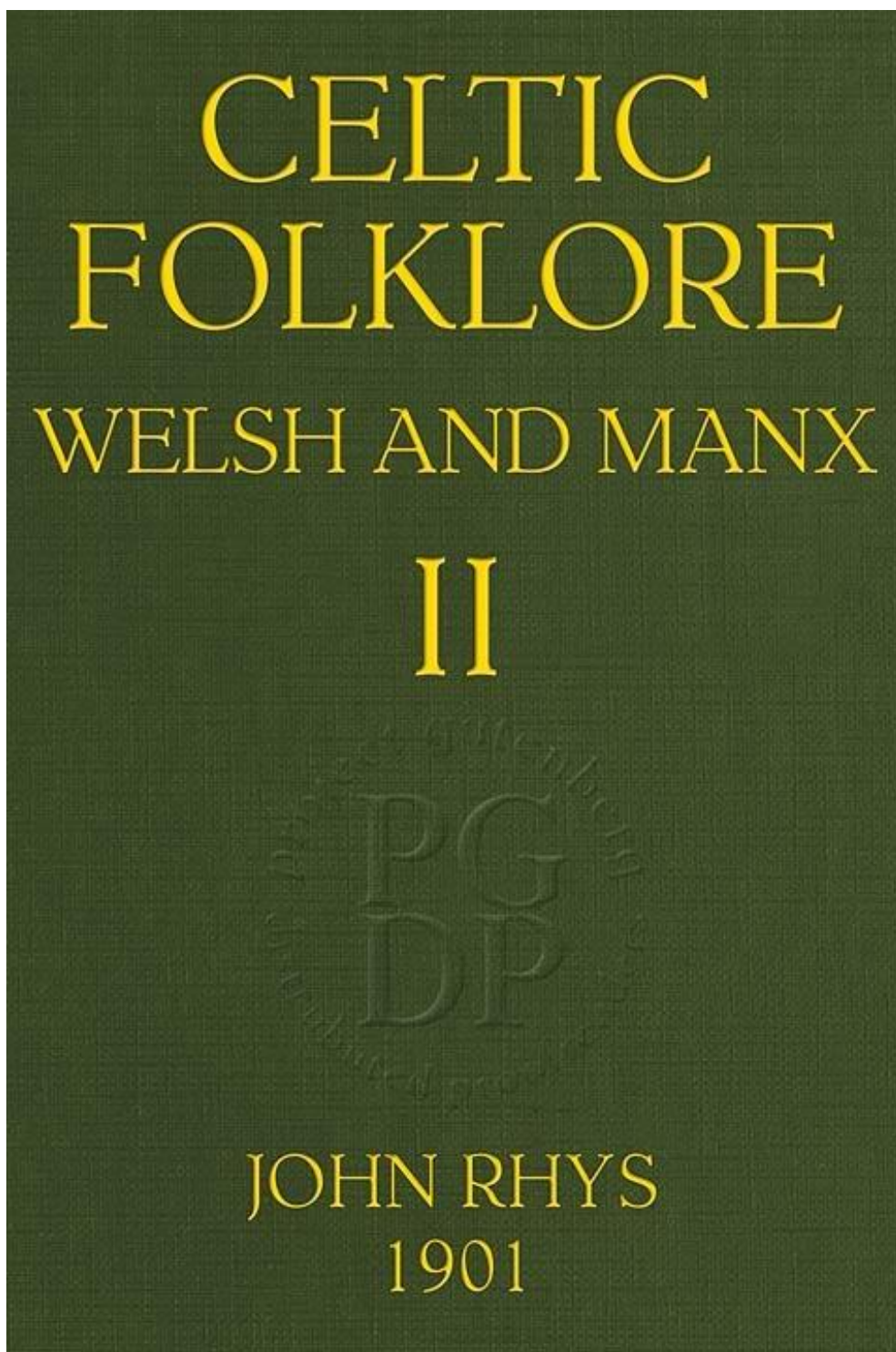

Кельтский фольклор. Валлийцы и
жители Мэна (том 2 из 2) - Сэр Джон

Рис

Сэр Джон Рис

The Project Gutenberg eBook of Celtic Folklore: Уэльс и Мэнкс (том 2 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Кельтский фольклор: Уэльс и Манкс (Том 2 из 2)

Автор: Сэр Джон Рис

Дата выхода: 17 ноября 2017 [eBook #55989]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Йеруном Хеллингманом и командой Online Distributed группа корректуры на сайте <http://www.pgdp.net/> для проекта Гутенберг. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: УЭЛЬС И МЭН (ТОМ 2 ИЗ 2) ***

КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

J. RHŶS

ГЕНРИ ФРОУД, М.А.

ИЗДАТЕЛЬ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛОНДОН, ЭДИНБУРГ И НЬЮ-ЙОРК

CELTIC FOLKLORE

WELSH AND MANX

BY

JOHN RHŶS, M.A., D.LITT.

HON. LL.D. OF THE UNIVERSITY OF EDINBURGH

PROFESSOR OF CELTIC

PRINCIPAL OF JESUS COLLEGE, OXFORD

VOLUME II

OXFORD

AT THE CLARENDON PRESS

MDCCCCI

КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УЭЛЬС И МЭН

ДЖОН РЭЙС, магистр, доктор лит.
НОН. ДОКТОР ПРАВА ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОФЕССОР КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫКА
ДИРЕКТОР КОЛЛЕДЖА ИИСУСА, ОКСФОРД

ТОМ II
ОКСФОРД
В КЛАРЕНДОН ПРЕСС
MDCCCCI

Оксфорд
НАПЕЧАТАНО В КЛАРЕНДОНСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ГОРАЦИЕМ ХАРТОМ, М.А.
ПЕЧАТНИК УНИВЕРСИТЕТА

ГЛАВА VII

Триумфы водного мира

Одной из самых известных легенд Бретани является история древнего города Ис, который в небывалую эпоху был заселен морем. В разных уголках побережья можно увидеть местоположение этого сказочного города, а пещеры расскажут вам множество необычных историй. В жаркие дни, уверяют они, можно увидеть, как в сгущающихся тучах, на фоне своих церквей, опускаются флаги; в спокойные дни можно наблюдать, как с возвышения доносится звук своих часов, модулирующих дневной гимн. - Ренан.

Не раз в предыдущей главе перед читателем поднималась тема погружений и катаклизмов, и, возможно, будет удобно перечислить здесь наиболее примечательные случаи и добавить один или два к их числу, а также несколько подробнее остановиться на некоторых случаях, которые, можно сказать, попали в валлийскую литературу. Ему уже рассказывали о выходе из берегов озера Гласфрин (с. 367) и Ффиннон Гивер (с. 376), о *ŷyn ŷech Owen* (с. 379) и Кримлин (с. 191), а также об утоплении Кантре'р Гвэллод (с. 383); не говоря уже о том, что одному из моих информаторов было что рассказать (с. 219) о затоплении Каэр Арианрход, скалы, которую сейчас можно увидеть только при низкой воде между Селинног Фавр и Динас Дин, на побережье Арфона. Но, если говорить кратко, в княжестве существует древнее поверье, что его озера обычно поглощали жилища людей, как в случае с *ŷyn Syfaðon* (стр. 73) и бассейном *Corwrion* (стр. 57). Теперь я добавлю другие примеры, а именно: озеро Бала, бассейн Кенфиг, *ŷynclys* и территория Хелига аб Гланнога, включая Трает Лафан.

Пожалуй, лучше всего начать с исторических событий, а именно с тех, что связаны с вторжением моря и песка на побережье Гламорганшира, от Мамблса в Гоуэре до устья Огмора ниже Бридженда. Считается, что раньше берега залива Суонси находились на расстоянии от трех до пяти миль дальше, чем сейчас, и устричные землекопы указывают на ту часть залива, которую они называют Зелеными землями, а траулеры, парящие над этими затопленными лугами острова Гроув, утверждают, что иногда видят фундаменты древних усадеб, разрушенных страшным штормом, бушевавшим около трех столетий назад. Старики иногда рассказывают об обширном лесе под названием *Coed Arian*, "Серебряный лес", простиравшемся от берега Мамблса до Кенфиг-Берроуз, и о давно забытой уздечке, которой

пользовались многие поколения Мэнселов, Моубрей и Тэлботов от замка Пенрайс до аббатства Маргам. Все это, как говорят, подтверждается тем, что время от времени в заливе Суонси вылавливают олени рога, рога лося, рога дикого быка и бивни кабана, а также останки других древних обитателей затопленного леса. Различные упоминания в регистрационных книгах Суонси и Аберавона отмечают последовательные этапы наступления запустения со второй половины XV века и далее. Среди прочих упоминается сильная песчаная буря, которая захлестнула район Синфиг или Кенфиг и посягнула на побережье в целом: серия катастроф, похоже, достигла кульминации в затоплении, вызванном ужасной приливной волной в начале 1607 года¹.

Вернемся к Кенфигу: то, что осталось от этого старого города, находится недалеко от моря, со всех сторон окружено холмами из мелкозернистого песка и окаймлено такими же грядами, окаймляющими побережье. Из-под земли выглядывают руины нескольких старых зданий, наполовину засыпанных песком, а в непосредственной близости находится бассейн Кенфиг, окружность которого, как говорят, составляет почти две мили. Когда образовался бассейн, мне выяснить не удалось: из дошедших до меня рассказов следует, что он старше, чем растущий песок, а остров, который сейчас можно увидеть в нем, искусственный и сделан в наши дни². История, связанная с озером, приводится следующим образом в томе *"Рукописи Иоло"*, стр. 194, и оригинал, с которого я делаю перевод, является четким, сжатым и, как мне кажется, написанным собственными словами Иоло: - "Плебей полюбил плебея.

Один плебей был влюблен в дочь графа Клэра, но она не хотела его брать, так как он был небогат. Он вышел на шоссе и увидел, как агент владыки доминиона идет к замку, собирая деньги своего господина. Он убил его, забрал деньги, предъявил монету, и дама вышла за него замуж. Был устроен великолепный пир: пригласили лучших людей страны, и они веселились как могли. На вторую ночь брак был заключен, и в этот момент счастливейший из людей услышал голос: все прислушивались и уловили слова: "Мсть придет, мсть придет, мсть придет", - три раза. Один спросил: "Когда?" "В девятом поколении (*âch*)", - ответил голос. "Нет причин для страха", - сказала супружеская пара, - "мы будем под плесенью задолго до этого". Однако они жили дальше, и у них родился *горесгынныдж*, то есть потомок шестого прямого поколения, а у убитого - *горесгынныдж*, который, видя, что настал назначенный срок, посетил Кенфига. Это был сдержанный юноша с мягкими манерами, он осмотрел город и его великолепие и заметил, что никто не владеет здесь ни бороздой, ни палатой, кроме отпрыска убийцы: он и его жена были еще живы. В час петуха он услышал крик: "Мсть пришла, пришла, пришла". Он спрашивает: "Кому?" - и отвечает: "Тому, кто убил моего отца девятого чада". Он встает в ужасе, идет к городу, но ничего не видит, кроме большого озера с тремя трубами над поверхностью, испускающими дым, который образует зловонный³. По лицу воды к ногам юноши плывут перчатки убитого: он поднимает их и видит на них имя и руки убитого; и слышит на рассвете звук хвалы Богу, которую возносят мириады людей, соединяясь в небесной музыке. И так заканчивается история".

На этом побережье находится еще один участок воды, а именно Кримлин, или "Крамлинский бассейн", который теперь называется Болотом. По-видимому, его также иногда называли *Rwŷ Cynan*, по имени сына Риса аб Тевдвра, который во время бегства после поражения своего отца на Хирваен Вргане утонул в его водах⁴. Оно расположено на в поместье лорда Джерси, на расстоянии около одной мили к востоку от устья реки Тэйв и примерно в четверти мили от уровня высоких вод, от которого его отделяет полоса земли, известная в окрестностях как Кримлин Бэрроуз. Название *Crymlyn* означает "Кривое озеро", что, как мне сказали, описывает форму этого участка воды. Когда болото превращается в бассейн, оно

окружает остров, состоящий из небольшого каменистого холма, на котором нет ни следов свай, ни стен, ни каких-либо других творений рук [человеческих](#)⁵. История об этом бассейне также гласит, что он покрывает город, погребенный под его водами. Об этом уже упоминал мистер Вирт Сайкс, а я располагаю свидетельством уроженца ближайших окрестностей, что он часто слышал, как его отец и дед рассказывали о затопленном городе. К этому следует добавить, что Кадрауд, которому я уже был вынужден (стр. 23, 376) признать свой долг, в колонках "Саут Уэльс Дейли Ньюс" за 15 февраля 1899 года говорит о Кримлине следующее:- "Старики говорили, что он был затоплен.

Старые люди говорили, что на месте этого болота когда-то стоял старый город Суонси, и что в ясную и тихую погоду на дне озера можно было увидеть дымовые трубы и даже церковный шпиль, а в одиночестве ночи в озере часто слышался звон колоколов. Говорили также, что если кому-то случится стоять лицом к озеру, когда ветер дует через озеро, и если брызги воды коснутся его одежды, то только с величайшим трудом он сможет спастись от того, чтобы его не затянуло или не засосало в воду. Когда-то озеро было гораздо больше, чем сейчас. Усилия по его осушению привели к тому, что из него ушла большая часть воды, но только для того, чтобы превратить его в болото, которое никто не решается пересечь, кроме как в исключительно сухой сезон или в сильный мороз".

В связи с этим я хочу мимоходом заметить, что, хотя здравый смысл заставляет предположить, что ветер, дующий через воду, поможет человеку, стоящему перед ней, уйти, когда он захочет, рассуждения здесь другого порядка, характерные, по сути, для способов и средств симпатической магии. За примерами читателя удобно отсылать к странице 360, где он может сравнить слова, процитированные мистером Хартлендом, особенно в том, что касается использования камней или дробинки, брошенных из рук. В случае с Кримлином ветер, дующий с поверхности воды в лицо наблюдателю и уносящий с собой часть воды в виде брызг, которые смачивают его одежду, как бы мало это ни было, очевидно, рассматривался как установление связи между ним и телом воды - или, лучше сказать, между ним и божеством воды, - и эта связь считалась настолько прочной, что человеку требовались максимальные усилия, чтобы разорвать ее и избежать того, чтобы быть затянутым в воду и утонуть, как Цинан. Это в высшей степени глупое утверждение не является современным изобретением, поскольку можно обнаружить, что Ненний - или кто-то другой - рассуждал точно так же, за исключением того, что вместо одного зрителя он заменил целую армию людей и лошадей, и что он указывает на антитезу, четко заявляя, что если они будут стоять спиной к захватывающему потоку, то будут вне опасности. Условия, которые он имел в виду, несомненно, заключались в том, что люди должны были стоять лицом к воде и их одежда должна была в большей или меньшей степени намочить от брызг. Отрывок (§ 69), на который я ссылаюсь, находится в "Мирабилии", и Джеффри Монмутский повторяет его в несколько лучшем латинском стиле (ix. 7): ниже приводится неннийская версия: - Aliud miraculum est, id.

Aliud miraculum est, id est Oper Linn Liguani. Ostium fluminis illius fluit in Sabrina et quando Sabrina inundatur ad sissam, et mare inundatur similiter in ostio supra dicti fluminis et in stagno ostii recipitur in modum voraginis et mare non vadit sursum et est litus juxta flumen et quamdiu Sabrina inundatur ad sissam, istud litus non tegitur et quando recedit mare et Sabrina, tunc Stagnum Liguani eructat omne quod devoravit de mari et litus istud tegitur et instar montis in una unda eructat et rumpit. Et si fuerit exercitus totius regionis, in qua est, et direxerit faciem contra undam, et exercitum trahit unda per vim humore repletis vestibibus et equi similiter trahuntur. Si autem exercitus terga versus fuerit contra eam, non nocet ei unda.

Есть еще одно чудо, а именно Абер *Abertawe*. Вода из устья этой реки впадает в Северн, и когда Северн разливается до своих берегов, и когда море также разливается в устье вышеупомянутой реки и засасывается, как водоворот, в бассейн Абера, море не поднимается дальше: оно оставляет берег у берега реки, и все время, пока Северн разливается до своих берегов, этот берег не покрыт. А когда море и Северн отливают, тогда *Abertawe* поднимает все, что он поглотил из моря, и тот берег покрыт, пока *Abertawe* выплескивает свое содержимое одной горной волной и извергает его. Если бы армия всего округа, в котором находится это чудо, находилась вместе с людьми, стоящими лицом к волне, то сила ее, как только их одежда окажется залитой брызгами, увлекла бы их за собой, и их лошадей тоже. Но если бы люди стояли спиной к воде, волна не причинила бы им вреда".

Одна из историй об образовании озера Бала, или *Llyn Tegid*, как оно называется на валлийском языке, была приведена на с. 376: вот другая, которую я перевожу с версии в книге Хью Хамфриса "*yfr Gwybodaeth Gyffredinol*" (Carnarvon), вторая серия, т. i, № 2, с. 1. Я могу предположить, что автор, чье имя не указано, проявляет своего рода литературные амбиции, которые заставили его изложить эту историю в путаной манере; кроме всего прочего, он использует слово *edifeirwch*, "раскаяние", вместо *dial*, "месть". С этим исправлением история выглядит следующим образом: предание гласит, что озеро Бала - это водная гробница дворцов беззакония, и что некоторые старые лодочники в тихие лунные ночи во время сбора урожая могут видеть на дне его вод руины башен, а также слышать временами слабый голос, говорящий: *Dial a daw, dial a daw*, "Месть придет"; а другой голос спрашивает: *Pa bryd y daw*, "Когда она придет?". Тогда первый голос отвечает: *Yn y dryded genhedlaeth*, "В третьем поколении". Эти голоса были лишь воспоминанием о забвении, поскольку в одном из этих дворцов в давние времена жил деспотичный и жестокий князь, соответствующий известному описанию того, о ком сказано: "Кого хотел, того убил, а кого хотел, того оставил в живых". Его притеснения и жестокость по отношению к бедным крестьянам были известны далеко и близко. Этот принц, наслаждаясь летним утренним бризом в своем саду, часто слышал голос, говорящий: "Месть придет". Но он всегда смеялся над этой угрозой с безрассудным презрением. Однажды ночью бедному арфисту с соседних холмов было приказано явиться во дворец принца. По дороге арфисту рассказали, что во дворце царит великое ликование по случаю рождения первенца у сына принца. Добравшись до дворца, арфист был поражен количеством гостей, среди которых были знатные господа, принцы и принцессы: никогда прежде он не видел такого великолепия ни на одном празднике. Когда он начал играть, танцующие кавалеры и дамы предстали перед ним в превосходном виде. Веселье и вино были в изобилии, и он любил играть для них еще больше, чем они танцевали под музыку его арфы. Но около полуночи, когда в танцах наступил перерыв, и старый арфист остался один в углу, он вдруг услышал голос, прошептавший ему на ухо: "Месть, месть! Он тут же повернулся и увидел, что над ним парит маленькая птичка и как бы зовет его за собой. Он последовал за птицей так быстро, как только мог, но, оказавшись за пределами дворца, начал колебаться. Но птица продолжала звать его дальше и пела пронзительным и заунывным голосом слова "Месть, месть!". Старый арфист побоялся отказаться, и они пошли дальше через болота и заросли, а птица все время витала перед ним и вела его по самым легким и безопасным тропинкам. Но стоило ему на мгновение остановиться, как та же заунывная нота "Месть, месть!" доносилась до него все более жалобно и душераздирающе. К этому времени они добрались до вершины холма, расположенного на значительном расстоянии от дворца. Почувствовав усталость, старый арфист решил еще раз остановиться и отдохнуть, но больше не услышал предостерегающего голоса птицы. Он прислушался, но не услышал ничего, кроме журчания маленького ручейка неподалеку. Теперь он подумал, как глупо поступил, что позволил увести себя с пира во

дворце: он повернул назад, чтобы успеть к следующему танцу. Побродив по холму, он сбился с пути и был вынужден дожидаться рассвета. Утром, когда он обратил свой взор в сторону дворца, он не увидел никаких следов: все урочище внизу было одним спокойным, большим озером, а его арфа плавала на поверхности воды.

Далее следует история о бассейне *Yncllys Pool* в окрестностях Освестри. Говорят, что этот водоем отличается необычайной глубиной, а его название означает "проглоченный двор". В честь него названа деревня *Yncllys*, а легенда о бассейне сохранилась в стихах, напечатанных среди сочинений местного поэта Джона Ф. М. Довастона, который опубликовал свои произведения в 1825 году. Первая строфа звучит так:...

Клерк Виллин сидел в правлении короля Алариха,

И был он хитрым клерком;

Ведь жил он в земле Оксенфордской

С сыновьями Грамматика.

Сколько именно в поэме исходит от собственной музыки Довастона, а сколько - от легенды, я сказать не могу. Возьмем, к примеру, имя короля: оно, как я полагаю, не вытекает из предания; что же касается имени клерка, то, возможно, и вытекает, ибо поэт основывает его на *Croes-Willin*, валлийская форма которого была передана мне как *Croes-Wylan*, то есть Крест Вайлана, название основания того, что, как предполагается, было старым крестом, расположенным немного в стороне от Освестри с северной стороны; Мне сказали, что в том же районе есть ферма под названием *Tre' Wylan*, "Стед Вайлана". Вернемся к легенде: королева Алариха была наделена молодостью и красотой, но король не был счастлив; прожив с ней девять лет, он рассказал клерку Уиллину, как впервые встретил ее, когда охотился "среди скал Блодуэлла". Он женился на ней с условием, что ей будет позволено покидать его одну ночь из каждых семи, и она так и делала, ни разу не узнав, куда она отправляется в ночь своего отсутствия. Клерк Уиллин пообещал восстановить мир с королем, если тот отдаст ему королеву, а также ежегодно отдавать десятину от его скота и вина в погребу ему и монахам Белого монастыря. Король согласился, и хитрый клерк поздно ночью поспешил со своей книгой к скалам у Могилы великана, где находилась *ого*, или пещера, которая, как считалось, вела в Фейри. Пока королева находилась в пещере, он начал творить свои заклинания и решил, что она должна принадлежать ему, а его пищей должно быть то, что питается на королевском лугу и течет в его погребу. Когда мощные заклинания писаря заставили королеву встретиться с ним, чтобы завершить сделку с королем, он увидел лишь мрачную проказницу, которая сказала ему, что их заклинания сцепились. Она рассказала ему, как была женой короля тридцать лет и как король начал уставать от ее морщин и старости. Тогда, при условии, что она будет возвращаться в *Ого*, чтобы одну ночь из семи становиться скотиной, ей снова были дарованы молодость и красота, которыми она вновь привлекла короля. В самом деле, она обещала ему счастье.

Пока в его зале не вырастут высокие флаги

И вырастут длинные зеленые камыши.

Прорицательница продолжала говорить словами, которые заставили клерка понять, насколько полно он попал в свои собственные сети:

Тогда возьми свою невесту в свою опочивальню,

Как клятвой и заклинанием предписано,

И не будет у тебя ничего, кроме щуки и уклеи,

И воды, в которой они питаются.

Клерку удалось восстановить мир на пиршественном столе короля, но это был мир мертвых;

Ибо пал король, и дворец его, и все остальное,

И воды теперь текут над ним,

И уже в его зале растут флаг-трости.

И растут длинные зеленые камыши.

Но посетитель, говорит Довастон, найдет покой Виллина облегченным благодаря историям, которые жители деревни могут рассказать о хитроумном клерке, о Крез-Виллине и о "пещере под названием Мрачный Ого"; не говоря уже о том, что, когда озеро будет чистым, они покажут вам башни дворца внизу, *Yncllys*, которые, по мнению Бритона прошлых веков, находились там.

Теперь мы переходим к другому рассказу об этом бассейне, а именно к тому, который сохранился на латыни у историка Хамфри Лхуйда, или Хамфри Овида, и звучит следующим образом

"После описания *Гвинед* перейдем к *Поуису*, второму кингедому *Ввалеса*, который во времена Германа Альтисиодорского [святого Германа Осерского], проповедовавшего там некоторое время против Пелагия Ереси, был силен, как явствует из его жизни. Он же, как сказано, за то, что отказался слушать того доброго человека, по тайному и страшному суду Божию вместе со своим дворцом и всеми домочадцами был поглощен в недра земли, в том месте, где недалеко от Освастрии теперь находится стоячая вода огромной глубины, называемая *Лхунклис*, то есть глубина дворца. И в той же провинции найдено много церквей, посвященных имени *Германа*".

Мне не удалось найти эту историю ни в одном из житий святого Германа, но Ненний, § 32, упоминает некоего Бенлия, которого он описывает как *rex iniquus atque tyrannus valde*, который, отказавшись принять святого Германа и его последователей в свой город, был уничтожен со всеми своими придворными, однако не водой, а огнем с небес. Но название *Benli* в современном валлийском написании *Benli* указывает на горы *Moel Fatau*, одна из которых известна как *Moel Fenli*, между Рутином и Молдом, а не на какое-либо место вблизи Освестри. В любом случае нет оснований полагать, что эта история с ее христианским и этическим мотивом хоть сколько-нибудь древняя, как и субстрат стихов Довастона.

Единственная известная мне версия легенды об *Yncllys* на валлийском языке напечатана в *Brython* за 1863 год, стр. 338, и вкратце ее можно изложить так: "Семья *Yncllys* была известна своей разгульной жизнью, и на их пирах часто раздавался голос, провозглашавший: "Мсть идет, идет", но никто не принимал это близко к сердцу. Однако однажды беспечная служанка спросила голос: "Когда?". В ответ прозвучало, что в шестом поколении: голос больше не звучал. И вот однажды вечером, когда шестой по счету наследник со времени последнего предупреждения устраивал большой пир, а музыка активно способствовала развлечению хозяев и гостей, арфист вышел на улицу подышать воздухом; но когда он повернулся, чтобы вернуться, то - о чудо! весь двор исчез. На его месте была тихая заводь, на волнах которой плавала его арфа, и больше ничего.

Напоследок следует добавить еще одну легенду о затоплении, а именно ту, которая, как предполагается, произошла в то или иное время на северном побережье Карнарвоншира. В "Брайтоне" за 1863 год, стр. 393-4, приводится цитата из книги Оуэна Джонса *"Aberconwy a'i Chyffiniau"*, "Конвей и его окрестности", которую мне не удалось найти. Здесь говорится о том, что некогда эта местность простиралась от Гогарта¹⁰, "Большого Орме", до Бангора, и от Анфайр-Фехана до Ынис Сейриол, "Пристхолма или острова пуффинов", и что она принадлежала злому князю по имени Хелиг аб Гланнавк или Гланног¹¹, от которого она получила название *Тино Хелиг*, "Лощина Хелига". По преданию, место, где стоял двор, находится примерно на полпути между Пенмаен Мавр и Пен-и-Гогарт, "Головой Большого Орме", напротив Трвин-ир-Вильфа; история гласит, что здесь было предсказано бедствие за четыре поколения до его наступления, а именно месть Небес Хелигу-аб-Гланногу за его гнусную нечестивость. Когда этот древний принц ехал по своим плодородным владениям однажды с наступлением ночи, он услышал голос невидимого последователя, предупредившего его, что "Мелье грядет, грядет". Злой старый принц однажды взволнованно спросил: "Когда?". Ответ был таков: "Во времена твоих внуков, правнуков и их детей". Возможно, Хелиг успокоил себя мыслью, что если такое и случится, то не при его жизни. Но по случаю большого пира при дворе, когда вся семья до пятого поколения принимала участие в празднике, один из слуг, зайдя в погреб для медовухи, заметил, что вода проникает внутрь. Он успел только предупредить арфиста об опасности, которой тот подвергался, когда все остальные, находясь в состоянии опьянения, были захлестнуты потоком.

Эти легенды о затоплении имеют много общих черт: так, в легендах о Синклисе, Сифаддоне, Син Тегиде и Тайно Хелиге, несмотря на их суровость, арфист - благосклонный человек, который всегда спасается, когда все пирующие оказываются вовлечены в катастрофу. Кроме того, в рассказах обычно считается, что затопленные жилища затонули в целости и сохранности, так что древние шпили и церковные башни все еще можно иногда увидеть, а звон их колоколов может быть услышан теми, у кого есть слух для такой музыки. В некоторых случаях за легендой мог скрываться след факта, как это сделал мистер Оуэн М. Эдвардс из Линкольн-колледжа в связи с озером Бала. По его словам, когда поверхность этого водоема покрывается битым льдом и дует юго-западный ветер, масса осколков движется к северо-восточному концу вблизи города Бала; и он заметил, что трение производит несколько металлический звук, который быстрое воображение может превратить в нечто похожее на отдаленный звон колоколов. Осталось упомянуть, пожалуй, самый примечательный случай: Я имею в виду *Cantre'r Gwaelod*, как называют затопленную страну Гвидно Гаранхира, см. с. 382 выше. В одной из частей его сказочного царства ближайшими реальными населенными пунктами являются Абердовей и Борт на по обе стороны от устья реки Довей. В 1892 году у меня, как у казначея Колледжа Иисуса, были дела в Золотой долине Херефордшира, и я пробыл день или два в Дорстоуне, наслаждаясь гостеприимством настоятеля и узнавая интересные факты от настоятеля, мистера Проссера Пауэлла, и от миссис Пауэлл, в частности, о фольклоре прихода, который в некоторых отношениях все еще остается очень валлийским. Миссис Пауэлл, однако, не ограничилась Дорстоном и долиной Доре, а рассказала мне следующее: "Я была в Абердови в 1852 году и отчетливо помню, что мое детское воображение было сильно возбуждено легендой о городе под морем и колоколах, которые, как мне сказали, можно услышать ночью. Я часто лежал без сна, пытаюсь, но тщетно, уловить отголоски звона. Мне было всего семь лет, и я не помню, кто рассказал мне эту историю, хотя никогда ее не забывала". Миссис Пауэлл добавила, что с тех пор она слышала, что в определенный период прилива в устье Голубятни волны, перемещая гальку, заставляют ее издавать какой-то звенящий звук, который принимали за эхо далекого колокольного звона.

Эти подсказки показались слишком хорошими, чтобы сразу от них отказаться, и в результате дальнейших расспросов миссис Пауэлл направила меня к "Ежемесячному пакету" за 1859 год, где я нашел статью под заголовком "Легенды Абердовей" и подписью М. В. - инициалы, как полагает миссис Пауэлл, мисс Брэмстон из Винчестера. Писательница дает набросок истории страны, затопленной соседней частью Кардиганского залива, и упоминает, стр. 645, что когда-то на берегах Дови и Дисинни стояли великие города. Города с мраморными причалами, - говорит она, - оживленными фабриками и церквями, чьи башни звучали прекрасным звоном колоколов". Далее она говорит, что "Маусна - это название города на Дови; его восточный пригород находился на песчаной отмели, которая сейчас называется Борт, а западный простирался далеко в море". Что может означать название Маусны, я не знаю, если только это не результат путаницы с названием большой турбазы за Бортом, а именно Мохно, или *Корс Фохно*, "Болото Мохно". Название Борт означает *Y Borth*, "гавань", которая, по более адекватному описанию, когда-то была *Porth Wydno*, "гавань Гвиджно". Однако писатель продолжает рассказ о нечестивом принце, который оставил открытыми шлюзы морской стены, защищавшей его страну и столицу: мы читаем дальше: - "Но хотя море и не хочет возвращать этот прекрасный город свету и воздуху, оно хранит его как доверие, но лишь до поры до времени, и даже сейчас иногда, хотя и очень редко, глаза, глядящие вниз сквозь зеленые воды, могут увидеть не только рифленый сверкающий песок, усеянный тут и там ракушками и пучками водорослей, но и широкие улицы и дорогие здания этого ныне безмолвного города. Но не всегда безмолвный, ибо время от времени доносятся звоны колоколов, то близкие, то далекие, звучащие негромко и сладко, как призыв к молитве или как ликование по поводу победы. Эти звуки раздаются даже днем, но чаще всего их можно услышать долгими сумеречными вечерами или ночью. Английские уши иногда слышали эти звуки еще до того, как узнавали сказку, и предполагали, что они должны доноситься из какой-нибудь церкви на холмах или на другом берегу воды, но такой церкви там нет; звук и его связь настолько приятны, что не хочется разрушать чары, выискивая происхождение легенды, как в праздных сказках, которыми изобилует эта местность".

Сон о "широких улицах и дорогих зданиях того ныне безмолвного города", похоже, имеет свой аналог на западном побережье Эрина - скажем, где-нибудь у скал [Мохер12](#), в графстве Клэр - о чем свидетельствуют строки Джеральда Гриффина, на которые уже была сделана мимолетная ссылка, стр. 205:-

Я слышал историю на западных скалах,
Что часто, сквозь волнорезы разделяющие,
На дикой груди океана виден город,
В башенном величии восседающий.
Но краток взгляд на этот яркий фантом:
Вскоре белые воды закрывают его.

Ссылка на подводные куранты делает непростительным пропуск мимо внимания известной валлийской мелодии под названием *Clychau Aberdyfi*, "Колокола Абердовей", которая, как я всегда подозревал, получила свое название от сказочных [колокольчиков13](#). Эта популярная мелодия неизвестного происхождения, а слова, на которые она обычно поется, заставляют колокола произносить *un, dau, tri, pedwar, pump, chwech*, "один, два, три, четыре, пять, шесть"; и я слышал, как одна очаровательная валлийская вокалистка добавляла *saith*, "семь", в своем исполнении этой песни. Этому не стоит удивляться, поскольку ее инстинкты

должны были восстать против такого банального числа, как шесть, в песне, наполненной чувствами старого мира. Но наши сказочные колокольчики должны были остановиться на пяти: похоже, об этом забыли, когда скрепляли мелодию и нынешние слова. Во всяком случае, из наших историй следует, что счет у фей не выходил за рамки перебирания пальцами одной руки. Единственная валлийская фея, изображенная считающей, вынуждена делать это на пятерки: она считает *un, dau, tri, pedwar, pump; un, dau, tri, pedwar, pump*, настолько сильно, насколько позволяет ей язык. Ведь от того, сколько раз она может повторить пять числительных на одном дыхании, зависит количество живого скота каждого вида, который должен составить ее приданое: см. стр. 8 выше, а о музыке в сказках см. стр. 202, 206, 292.

Теперь, когда ряд наших историй о наводнениях был рассмотрен в этой и предыдущей главах, можно уделить некоторое внимание вопросу об их первоначальной форме. Как уже было замечено, они делятся, по крайней мере, на две группы: (1) те, в которых причина катастрофы этическая - наказание нечестивых и беспутных; и (2) те, в которых нет никаких четких предположений на этот счет. Нет нужды говорить, что все указывает на сравнительную поздность полностью развитого этического мотива; и мы не вынуждены довольствоваться этим теоретическим различием, поскольку в более чем одном случае мы имеем два вида рассказа. В случае с *Yn Tegid* менее известная и, предположительно, более древняя история связывает образование озера с небрежным отношением к каменной двери колодца, в то время как более популярная история делает катастрофу наказанием за нечестивую и буйную жизнь: ср. с. 377, 408, выше. Так же и с более древней историей о Кантре'р Гвэлоде, к которой, как нам кажется, была привита более поздняя история о подвыпившем Сейтеннине, стр. 395. В первом случае, как и в случае с *Ffynnon Gywer*, закрытие колодца было мерой предосторожности, но пренебрежение ею не было причиной последующего несчастья. Даже если бы у нас были истории, подобные ирландским, в которых священный колодец вырывается наружу, преследуя заглянувшего в его глубины, это ни в коем случае не было бы сопоставимо с наказанием за буйство и беззаконие. Сравним скорее с историей о проклятии Пантаннаса, когда человек навлек на себя гнев фей, распахав землю, которую они хотели сохранить как зеленое поле; но угрожающая месть за этот акт культуры не свершилась в течение столетия, до времени того, кто, по сути, не был обвинен в том, что сделал что-то, чтобы заслужить её. Понятно, что этику этой легенды обнаружить нелегко, и в наших наводняющих историях можно проследить этапы развития с такого же низкого уровня. Дело можно представить так: божество оскорблено человеком, и по тем или иным причинам оно мстит не обидчику, а его потомкам. Если допустить это, то легко понять, что со временем народная совесть не сможет смириться с жестокой идеей ревнивого божества, насылающего беззакония отцов на детей. Соответственно, можно выделить следующие этапы: - 1.

1. Легенда утверждает, что отец был очень злым.
2. Он делает его потомков такими же злыми, как и он сам.
3. Представляет собой одно и то же наказание, постигшее отца и сыновей, предков и потомков.
4. Самым простым способом обеспечить такую равную справедливость было, несомненно, позволить предкам-обидчикам дожить до потомков того поколения, для которого было определено время возмездия, и позволить им быть уничтоженными вместе с ними в одном и том же катаклизме, как в валлийских версиях легенд о Сифаджоне и Кенфиге, а также,

возможно, в версиях *□yn Tegid* и *Tyno Helig*, которые не содержат четких указаний на этот счет.

Давайте на мгновение рассмотрим указания на время, на которое откладывается месть. В случае с земельными семьями древнего Уэльса положение и обязательства каждого члена семьи определялись его родословной, которая должна была быть точно записана вплоть до восьмого поколения или восьмой жизни в Гвинедде и до седьмого в Гвенте и Дайфеде. Эти поколения считались границами признанных семейных отношений согласно валлийским законам, и для ведения любого практического подсчета такого рода, простирающегося всегда на два столетия назад, должен был быть задействован целый класс профессиональных *людей*¹⁴. В любом случае девятое поколение, называемое на валлийском языке *у nawfed âch*, что является термином, используемым по всему княжеству в настоящее время, рассматривается как лежащее за пределами всех признанных родственных связей. Таким образом, если *AB* хочет сказать, что он не родственник *CD*, он скажет, что он не родственник *о fewn у nawfed âch*, "в пределах девятой степени", или *hyd у nawfed âch*, "до девятой степени", подразумевая, что в девятой степени и за ее пределами родство не учитывается. Однако фольклорные истории, похоже, предполагают другое толкование слова *âch*, и меньшее количество поколений по прямой линии, как показано в следующей таблице. Для простоты предполагается, что у основателя семьи есть как минимум два сына, *A* и *B*, а каждое последующее поколение состоит только из одного сына; и, наконец, женщины вообще опущены: - *Tâd I* (отец)

Тад I (отец)

1				
	Брат А	II	В	Маб (сын)
	2			2
i	Кузен А ^a	III	В ^a	Вир (внук)
	3			3
ii	Кузен А ^b	IV	В ^b	Горвир (правнук)
	4			4
iii	Кузен А ^c	V	В ^c	Эсгиннидж (Г.Г.Внук)
	5			5
iv	Кузен А ^d	VI	В ^r	Горесгынныдж (Г.Г.Г. Внук).

При подсчете отношений между боковыми членами семьи учитываются не поколения или роды, не удаления или степени, а родословная или количество предков, так что отец или основатель семьи учитывается только один раз. Таким образом, его потомки А^d и В^d в шестом поколении или при жизни являются четвероюродными братьями и сестрами, отделенными друг от друга девятью предками: то есть они родственники в девятом *âch*. Иными словами, у А^d пять предков, и у В^d тоже пять, но поскольку у них один общий предок, отец семейства, их разделяют не 5 + 5 предков, а 5 + 5 - 1, то есть 9. Аналогично, всегда вычитая единицу, троюродные братья А^c и В^c состоят в седьмом *ач*, а троюродный брат - в пятом *ач*: так и с остальными в нечетных числах вниз, а также с родственниками, считающимися вверх до седьмого или восьмого поколения, что означало бы, что коллатерали разделены одиннадцатью или тринадцатью предками соответственно. Такое исчисление, чисто умозрительное, основано главным образом на истории Кенфига, которая предсказывает, что возмездие придет в девятом *âch*, а в противном случае - во время *goresgynnyd*, то есть в шестой жизни. Все верно, если под девятым *âch* понимать поколение или время жизни,

когда залоговых родственников разделяют девять предков, ибо это не что иное, как шестой род от основателя семьи. Валлийская версия легенды *yncllys* фиксируется на том же поколении, поскольку говорит *yn oes wyrion, gorwyrion, esgynnyd a goresgynnyd*, "при жизни внуков, правнуков, восходящих и их детей", ибо время этих последних - шестое поколение. В случае с легендой о Сифаддоне время мести - девятое поколение, что следует считать, вероятно, небрежным способом обозначить поколение, когда родственников разделяют девять предков, то есть шестое от отца семейства. Вряд ли это может иметь другое значение, поскольку согрешившие предки представлены как еще живые. В случае с легендой о Тайно Хелиге дело обстоит иначе, поскольку время, объявленное предку-нарушителю, описывается как *amser dy wyrion, dy orwyrion, a dy esgynnydion*, "время твоих внуков, твоих правнуков и твоих возничих", что соответствует лишь пятому поколению с коллатералами, разделенными лишь семью предками, а не девятью. Но есть вероятность, что *goresgynnydion* здесь случайно пропущено, и что первоначально указанное поколение было таким же, как и в остальных случаях. Это, однако, не объясняет легенду о Бале, которая устанавливает время для третьего поколения, а именно сразу после рождения первого внука князя-нарушителя. Если же, как я склонен полагать, нормальным сроком в этих историях было шестое поколение с девятью предками, то легко понять, что рассказчик мог пожелать заменить поколение, более близкое к первоначальному преступнику, особенно если он сам должен был считаться дожившим до грозящего ему наказания: доживание до рождения первого внука не предполагало необычайного долголетия.

Вопрос о том, почему месть феи так часто изображается отложенной на долгое время, больше не может быть отложен. Здесь напрашиваются три или четыре варианта ответа: - 1.

1. История о проклятии Пантаннаса рассказывает о том, что преступником был не сам наказанный, а один из его потомков через сто или более лет после него, а сам преступник представлен избежавшим мести фей, потому что он очень сильно просил их оставить его безнаказанным. Все это кажется мне лишь своего рода протестом против неумолимого характера маленького народца, протестом, к тому же, вероятно, придуманным сравнительно поздно.

2. Следующий ответ является полной противоположностью ответа Пантаннаса; он заключается в том, что феи медлят, чтобы вовлечь в свершаемое ими возмездие как можно больше мужчин и женщин: Признаюсь, я не вижу причин для столь зловещей идеи.

3. Возможно, лучший ответ заключается в том, что феи не всегда были в состоянии причинить вред тому, кто их обидел. Вполне возможно, что так считали все, кто обладал страшной магической силой. Возьмем, к примеру, ирландскую историю о короле Эрина по имени Эохайд Айрем, который с помощью своего мага или друида Далана бросил вызов феям и пробрался в самое сердце их подземной станции, пока, по сути, не завладел своей королевой, которую унес туда вождь фей по имени Мидер. Эохайд, которому помогал его друид и могущественные огамы, написанные последним на прутьях тиса, был слишком грозен для фей, и их гнев не был приведен в исполнение до времен непутевого внука Эохайда, Конаира Мора, который пал его жертвой, о чем повествует эпическая история *Брудена Дадерга*, названного так по дворцу, где был убит [Конаир](#)¹⁵.

4. Наконец, можно сказать, что, поскольку феи считаются бессмертными, у них нет причин торопиться; и даже если задержка составит столетие или два, это не будет ощутимым приближением к экстравагантной шкале времени, распространенной в наших сказках, когда, например, человек, проведенный в сказочной стране целую вечность, считает ее всего лишь несколькими [минутами](#)¹⁶.

Каковы бы ни были причины, придавшие нашим сказкам их форму в отношении задержки мести феи, ясно, что валлийский фольклор не мог допустить, чтобы эта задержка простиралась дальше шестого поколения с его двоюродным родством в девять родов, если, как я понял, он считал родство не дальше. Если бы его спроецировать на седьмое или восьмое поколение, оба из которых предусмотрены в Законах, это был бы не фольклор. Скорее всего, это было бы преданиями земельного дворянства и влиятельных семей, чьи родословные и разветвления родства были досконально известны профессиональным людям, от которых зависело держать себя и тех, от кого они зависели, в курсе подобных дел.

Мне остается рассмотреть неэтические мотивы других историй, например тех, в которых халатность и последующее затопление приписываются женщине, отвечающей за дверь или крышку угрожающего колодца. Ее халатность не является причиной катастрофы, но она оставляет путь к ней открытым. Что же тогда можно считать причиной? Кое-что на этот счет можно почерпнуть из ирландской истории, где божество колодца оскорблено тем, что женщина заглянула в его глубины, и здесь, вероятно, как уже предполагалось (с. 392), мы сталкиваемся с древним табу, направленным против женщин, которое могло применяться только к некоторым колодцам, имеющим особо священный характер. Однако это наводит на мысль, что божества водного мира были не прочь воспользоваться любой возможностью расширить свои владения на поверхности земли; и я убежден, что когда-то это было универсальным верованием той или иной расы, владевшей этими островами. Помимо уже упомянутых ирландских легенд (стр. 382, 384) об образовании Lough Neagh, Lough Ree и других, свидетельствуют легендарные анналы ранней Ирландии, в которых, наряду с битвами, вырубкой лесов и строительством дамб, упоминается образование озер и рек; то есть образование или появление, или, иначе говоря, серьезное расширение, некоторых из реальных вод страны. Для данной цели достаточно подробностей, приведенных *Четырьмя Владыками*, и я поспешно подсчитал их случаи следующим образом:-

Anno Mundi	2532,	количество	озер	образовалось,	2.
Anno,,Mundi,,	2533,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	1.
Anno,,Mundi,,	2535,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	2.
Anno,,Mundi,,	2545,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	1.
Anno,,Mundi,,	2546,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	1.
Anno,,Mundi,,	2859,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	2.
Anno,,Mundi,,	2860,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	2.
Anno,,Mundi,,	3503,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	21.
Anno,,Mundi,,	3506,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	9.
Anno,,Mundi,,	3510,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	5.
Anno,,Mundi,,	3520,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	9.
Anno,,Mundi,,	3581,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	9.
Anno,,Mundi,,	3656,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	3.
Anno,,Mundi,,	3751,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	1.
Anno,,Mundi,,	3751,,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	3.
Anno,,Mundi,,	3790,	количество,,озер,,	озер	образовалось,,	4.
Anno,,Mundi,,	4169,	количество,,рек,,	рек	образовалось,,	5.

Anno,,Mundi,,, 4694, количество,,озер,,, озер образовалось,, 1.

Таким образом, в совокупности получается тридцать пять озер и сорок шесть рек, то есть в общей сложности восемьдесят одно извержение. Но я, пожалуй, должен пояснить, что в понятие "озера" я включил не только отдельные куски воды, но и шесть морских заливов, таких как Стрэнгфорд-Лаф и т. п. Еще упомянуть, что два из этих озер, как говорят, вырывались наружу при рытье могил. Так, в А.М. 2535 в *"Четырех мастерах"* есть следующее: "Лайглинн, сын Парталона, умер в этом году. Когда его могила была вырыта, Лох Лайглинн возник в Уй Мак Уайс, и от него он [назван](#)¹⁷". О'Донован, редактор и переводчик *"Четырех мастеров"*, полагает, что это место находится где-то к юго-западу от Тары, в Мите. Аналогично, в А.М. 4694, говорится о некоем Мелге Молбтахе: "Когда рыли его могилу, Лох Мелге вырвался на поверхность земли в Каирбре, так что она была названа по его имени". Говорят, что сейчас это место называется Лог Мелвин, расположенный на границе графств Донегал, Лейтрим и Ферманаг. Эти два случая упоминаются в *"Четырех мастерах"*; а вот один, приведенный Стоуксом в *"Ренн Динд"*: см. *Revue Celtique*, xv. 428-9. Она связана с *Лох-Гарманом*, как называлась гавань Уэксфорда на ирландском языке, и звучит следующим образом: "*Лох Гарман*, откуда он? Легко сказать. Гарман Глас, сын Дега, был похоронен там, и когда его могилу разрыли, озеро разлилось по всей земле. Отсюда *Лох Гарман*". Здесь не имеет значения, что существуют альтернативные версии названия.

Смысл всего этого, по-видимому, в том, что срезание зеленой травы или беспокойство земли под ней в определенных случаях приводило к оскорблению какого-то подземного божества, связанного с миром вод. Это божество мстило за досаду или обиду, нанесенную ему, заставляя воду вырваться наружу и немедленно образовать озеро. Близость таких божеств к поверхности кажется не слишком примечательной, и это видно не только из фольклора, который сохранили для нас *"Четыре мастера"*, но и из обычной истории о заброшенной двери колодца. Эти замечания заставляют задуматься о том, не было ли это одним из представлений, определявших поверхностные захоронения, то есть захоронения, при которых не происходило разрезания земли, а кубышки или камеры и тела, помещенные в них, закрывались кучей земли или камней, принесенных с более или менее удобного расстояния. Можно сказать, что все это подразумевает лишь людей, способных осквернить землю и вызвать недовольство соответствующих божеств, и для такого предположения, конечно, можно привести фольклорные параллели. Но это вряд ли адекватно: факты, похоже, указывают на более общее возражение со стороны соответствующих сил; и они напоминают скорее пункт, который, если верить газетам, вставляется в договоры аренды на добычу полезных ископаемых в Китае с целью предотвратить погружение шахт ниже определенной глубины, опасаясь оскорбить восприимчивость демонов или драконов, правящих под землей.

Интересно отметить тот факт, что кельтский фольклор связывает подземные божества с водой; можно сказать, что они имеют доступ туда, куда может доставить их вода. С этой оговоркой можно сказать, что вера в это существовала в последнее время в Уэльсе, например, в связи с □уп Barfog, недалеко от Абердоева. Считается, что "выпускать воду из озера очень опасно", - пишет мистер Пуге, стр. 142 выше, - "а незадолго до его написания, в 1853 году, одна пожилая жительница района сообщила ему, "что, по ее воспоминаниям, это было сделано в период долгой засухи, чтобы обеспечить двигательную силу для мельницы Пайр, и что после этого долго шли проливные дожди". Затем мистер Рейнольдс рассказал историю о том, как из воды появился огромный волосатый человек отвратительного вида, который набросился на нарушителей его покоя и пригрозил, что если они не оставят его в покое, то он утопит целый город. Таким образом, сила водяного духа представлена как

способная вызвать чрезмерно влажную погоду и разрушительные наводнения. По всей вероятности, его не следует отождествлять с афанком из истории Конви, которая уже приводилась (с. 130-3). По местным поверьям, афанка пришлось вытаскивать из реки потому, что он вызвал наводнение и не позволил людям переправиться через нее по пути на рынок в *anrwst*. Некоторая местная легенда была обобщена в некую универсальную историю о наводнении в поздней Триаде, iii. 97, следующим образом: "Три шедевра Острова Прайдайн: Корабль Нефиджа Наф Нейфиона, который перевозил на себе мужчин и женщин всех видов, когда озеро *llyn* лопнуло; и *Ичен Банног Ху* Могучего, вытащивший афанс озера на сушу, так что озеро больше не лопнуло; и Камни Гвиджона Ганхебона, на которых читаются все искусства и науки мира". История, похожая на конвийскую, но, насколько мне известно, уже не столь полная, бытовала в разных частях княжества, особенно в окрестностях Синфаддона и на берегах бассейна на острове Англси под названием *llyn yr Wyth Eidion*, "Бассейн восьми оленей", так как многие из них представлены здесь Ху как требующие обращения к англсийскому афанку. Согласно г-ну Пуге из Абердовея, тот же подвиг был совершен в *llyn Barfog*, но не Ху и его волами, а Артуром и его конем. Точнее говоря, здесь можно считать, что задачу выполнил Артур, сменивший Ху: см. с. 142 выше. Однако это не имеет значения, и я возвращаюсь к афанку: в легенде Фан Фаха, рассказанной г-ну Рейнольдсу, правитель озера огромный и волосатый, отвратительный и грубый, но он выражается человеческой речью, фактически в двух строчках доггерриала: см. с. 19 выше. С другой стороны, история *llyn Cwm llyn wch*, в которой тот же самый доггерл, стр. 21, вкладывается в уста угрожающей фигуры в красном, сидящей в кресле на берегу этого озера, не предполагает ничего ненормального в его внешности. Что касается афанка из Конви, то он очень тяжел, это правда, но он также говорит на языке этой страны. Его выманивают из его дома на озере привлекательностью молодой женщины, которая позволяет ему положить голову к себе на колени и заснуть. Проснувшись, он обнаруживает себя в цепях и жестоко мстит ей. Но с бесконечными усилиями и трудом его затаскивают за водораздел Конви в один из самых высоких тарнов на Сноудоне, ибо здесь не стоит вопрос о том, чтобы убить его, а лишь о том, чтобы удалить туда, где он не сможет причинить вреда жителям долины Конви. Правда, в истории Передура рыцарь отрубает голову афанку, но тем хуже для составителя этого романа, поскольку в афанке мы, несомненно, видим некое бессмертное существо. Однако описание, которое дает о нем история [Передура18](#), интересно: он живет в пещере, у входа в которую стоит каменный столб: он видит всех, кто приходит, и никто не видит его; из-за столба он убивает всех проходящих отравленным копьём.

До сих пор мы описывали афанк в основном с враждебной точки зрения: давайте изменим нашу позицию, что позволяют сделать некоторые из уже приведенных историй. Возьмем, к примеру, первую из всей серии, где на стр. 7 описывается отчаяние юноши из Фан-Фаха, когда озерная дева, чьей любви он добился, внезапно нырнула за отцом и сестрой. Там говорится, что из озера вышли две прекраснейшие дамы в сопровождении копытного мужчины благородного вида и необыкновенного роста, но в остальном обладающего всей силой и крепостью молодости. Этот копытноголовый человек благородного вида владел стадами крупного рогатого скота и отарами овец, часть которых, как говорится далее, была пущена из озера в приданое его дочери. В истории *llyn Du'r Ardu*, стр. 32, у него есть супруга, которая появляется вместе с ним, чтобы дать родительскую санкцию на брак, который их дочь собиралась заключить с пастухом из Сноудона. Ни в одной из этих историй эта необычная фигура не имеет имени, и кажется *prima facie* вероятным, что термин *afanc* - это скорее оскорбление, согласующееся с нелицеприятным описанием его в других историях. Но и в них термин *ur afanc* не подходит для обозначения чудовища, поскольку нет сомнений, что слово *afanc* является этимологическим эквивалентом ирландского слова *abass*, "карлик"; и пока не будет пролит дальнейший свет на эти слова, можно предположить, что когда-то

afanc также означало карлика или пигмея на валлийском языке. В современном валлийском это слово рассматривается как означающее бобра, но поскольку это слишком маленькое животное для популярных историй, его также серьезно рассматривают как означающее крокодила¹⁹: это противоречит единодушному мнению о том, что он антропоморфен в рассматриваемых легендах. Если придерживаться значения "карлик" или "пигмей", то следует рассматривать afanc как один из терминов, первоначально применявшихся к феям в их более нелицеприятных проявлениях: сравните использование *crimbil*, p. 263. Сюда же можно отнести *legor*, "карлик или пигмей", который встречается в *Книге Талиессина*, поэма vii. (с. 135):-.

Gogŷn py pegor

yssyd ydan vor.

Gogwn eu heissor

paŷb yny oscord.

Я знаю, какая (разновидность) пигмея

есть под морем.

Я знаю их род,

Каждый в своем отряде.

Также следующие строки в рукописи двенадцатого века "*Черная книга Кармартена*": см. факсимиле автотипии Эванса, fo. 9^(b):-

Ar gnyŷuer pegor

ŷssit ŷdan mor.

Ar gnyŷuer edeinauc

aoruc kyuoethauc.

Ac vei. vei. paup.

tri trŷchant tauaud

Nŷellŷnt ve traethaud.

kŷuoetheu [ŷ] trindaud

И каждый гном

Есть под морем,

И каждое крылатое существо

Могучий создал,

И было у каждого

Триста триста языков.

Они не смогли бы рассказать

Силы Троицы.

Поэтому я скорее предположу, что пигмеи в водном мире состояли из множества классов и были бесчисленны, как и Luchorpaín из ирландских легенд, которые также считались уменьшительными. С Luchorpaín также [ассоциировались](#)²⁰ *Fomori* или *Fomoraig* (современное ирландское написание *Fomhoraigh*), и *Goborchinn*, "лошадиные головы". Этимология слова *Fomori* была указана выше на с. 286, но ирландская легендарная история долгое время связывала его с *muir*, "морем", родительным падежом *tara*, валлийским *mor*, и зашла так далеко, что в них, как там предполагалось, видели не подводных, а трансмаринных врагов и захватчиков Ирландии. Так, единственное число *fomor*, которое сейчас пишется *fomhor*, в *Ирландском словаре* О'Рейли трактуется как "пират, морской разбойник, великан", а в горном гэльском, где оно пишется *fomhair* или *famhair*, регулярно используется как слово, обозначающее великана. В манкском гэльском, соответствующем ирландскому *fomor* и его производному *fomorach*, есть *foawr*, "великан" и *foawragh*, "гигантский", а также "пират". Однако я помню, как много лет назад слышал упоминание о *фоморах*, которое, не передавая никакого определенного намека на их рост, связывало их с подземными местами: один студент из окрестностей Киллорглина, в Керри, случайно рассказал мне, как, когда он исследовал какие-то подземные *рати* недалеко от своего дома, рабочие его отца предупредили его, чтобы он остерегался *фоморов*. Но на границах графств Мэйо и Слайго я встречал это слово, как и в Шотландском нагорье, а именно в значении "великаны", а доктор Дуглас Хайд и другие сообщили мне, что Великанский проход называется по-ирландски *Clochán na bh-Fomhorach*.

Гоборхины или лошадиные головы также представляют интерес, причем не только в связи с фоморами, как мы читаем о короле последних по имени Эоха [Eachcheann](#)²¹, или Эохи Лошадиная Голова, но и как связующее звено между валлийским афанком и горной водяной лошастью, о которой Кэмпбелл много рассказывает в своих *"Популярных рассказах о Западном нагорье"*. Особенно см. iv. 337, где он, среди прочего, отмечает, что "водяной конь принимает различные обличья; часто он появляется в виде человека, - добавляет он, - а иногда в виде большой птицы". Страницей или двумя ранее он приводит историю, которая иллюстрирует это утверждение, в то же время живо напоминая ту часть легенды о Конви, в которой (стр. 130) афанк покоит свою голову на коленях девушки, являющейся одной из *драматических персон*. Далее следует рассказ самого Кэмпбелла, опустив, однако, все, что касается чудесного быка, который в конце концов должен был одолеть водяного коня: - "Спустя долгое время после этих событий к нам пришел человек, который был в состоянии одолеть водяного коня.

Спустя долгое время после этих событий девушка-служанка пошла с фермерским стадом скота пастись на берег озера и присела у самого берега. Через некоторое время она увидела, что навстречу ей идет мужчина, который попросил ее *распутить* ему волосы. Она сказала, что готова оказать ему эту услугу, и он положил голову ей на колено, а она стала укладывать его локоны, как это делают неаполитанские девицы со своими сватами. Но вскоре она очень испугалась, так как среди волос мужчины обнаружила большое количество *лиобхагач-ан-лоха*, некоего склизкого зеленого [сорняка](#)²², который в изобилии водится в таких озерах, как пресное, соленое и солоноватое. Девушка знала, что если она закричит, то ей придет конец, поэтому она сдержала свой ужас и работала до тех пор, пока мужчина не заснул, положив голову ей на колени. Тогда она развязала веревки фартука, тихонько положила его на землю вместе с ношей, а потом быстро, как только хватало сердца, направилась [домой](#)²³. Когда же она приблизилась к домам, то оглянулась назад и увидела, что за ней идет ее *карайда* (подруга) в облике лошади".

Лошадиный облик также более или менее постоянно присущ келпи низменных районов Шотландии и острова Мэн, где мы видим его в глаштин, чьи амурные наклонности представлены как более отталкивающие, чем в валлийских или ирландских легендах: см. стр. 289 выше, и *Lioar Manninagh* за 1897 г., стр. 139. Возможно, в "Человеке и нагорьях" лошадиная природа этого существа усилилась под влиянием норвежского *Ныкра*, северного Протея или старого *Ника*, который принимает множество обликов, но предпочтение отдается "серой водяной лошади": см. *исландско-английский словарь* Вигфуссона. Но идея ассоциировать лошадиную форму с водным божеством отнюдь не ограничивается ирландцами и северными народами: свидетельствуют греческие легенды о лошади, созданной самим Посейдоном, и о звере, чей облик он иногда принимал.

Именно в таком представлении о водяном коне, вероятно, следует искать ключ к загадке таких концепций, как Марч аб Мейршион, король с лошадиными ушами, и соответствующая ирландская фигура Лабрайда [Лорка](#)²⁴. В обоих случаях грубые черты сведены почти к минимуму: оба имеют человеческий облик, за исключением одних ушей. Имя *Labraid Lorc* достаточно отлично от валлийского *March*, но под этим именем можно обнаружить его следы с лошадиными ушами в Уэльсе, Корнуолле и [Бретани](#)²⁵. Вероятно, то же имя носит и *Морк* из ирландской легенды: во всяком случае, *Морк*, *Марк* или *Маргг*, похоже, то же имя, что и валлийское *Марч*, которое является не чем иным, как словом *march*, "конь или зарядное устройство". Ирландский Морк, как утверждается, не имел лошадиных ушей, но он и другой человек по имени Конаинг представлены в легендарной истории раннего Эрина как морские вожди фоморов, и такая позиция, похоже, подошла бы и бриттскому Марчу, если бы он рассматривался всерьез как исторический персонаж. Но если не считать этого, можно заподозрить, что с ним действительно поступили по-другому, а именно: превратили водяного коня в коня и его хозяина. Похоже, мы имеем два примера в ходе рассказа о формировании Lough Neagh в *Book of the Dun Cow*, fo. 39-41:-

Жил-был добрый король по имени Мейред, правивший Мунстером, и было у него два сына, Эохайд и Риб. Он женился на жене по имени Эблиу (род. п. *Эблинде*), которая любила своего пасынка Эохайда. Братья решают покинуть отца и забрать Эблиу с собой, вместе со всем, что им принадлежало, включая тысячу человек. Они отправляются на север, но друиды убеждают их, что нельзя селиться в одном районе, и Риб отправляется на запад, на равнину, известную как *Тур Ключи Мидир акус Майк Ойк*, "Место игр Мидера и Мак Ока", названную так в честь двух великих вождей фей Ирландии. Мидер приходит в лагерь Риб и убивает их лошадей, а затем дарит им своего собственного большого коня, запряженного вьючным седлом. Им пришлось взвалить весь свой багаж на спину большого коня и уехать, но через некоторое время кляча легла, и там образовался колодец с водой, который в конце концов вырвался наружу и утопил их всех: это Лох-Ри, "Лох Риб, или Лох-Ри", на реке Шеннон. Эохайд, другой брат, отправился со своим отрядом на берега Бойна близ Бруга, где жил вождь фей Мак Ок или Мак Инд Ок: в первую ночь он уничтожил лошадей Эохайда, а на следующий день пригрозил уничтожить и самих людей, если они не уйдут. Тогда Эохайд сказал, что они не могут путешествовать без лошадей, и Мак Ок дал им большого коня, на спину которого они положили все, что у них было. Мак Ок предупредил их, чтобы они не разгружали клячу по дороге и не позволяли ей останавливаться, чтобы она не стала их смертью. Однако, достигнув середины Ольстера, они бездумно сняли со спины коня все свое имущество, и никто не догадался повернуть голову животного в ту сторону, откуда они пришли: так он и сделал [колодец](#)²⁶. Над этим колодцем Эохайд построил дом, а на колодец поставил крышку, которую поручил охранять женщине. Впоследствии она пренебрегла ею, и колодец прорвался и образовал Lough Neagh, о чем уже говорилось выше, с. 382. Что стало с большими лошадьми в этих историях, не сообщается, но, скорее всего, первоначально они

были представлены как исчезающие в источнике воды, где каждая из них стояла. Сравните рассказ об Ундине на похоронах ее неверного мужа. В процессии она таинственным образом появилась в виде белоснежной фигуры, глубоко завуалированной, но когда кто-то поднялся с колен у могилы, где она стояла на коленях, ничего не было видно, кроме маленького серебряного источника прозрачной воды, бурлящего из дерна и стекающего дальше, окружая новую могилу: *-Da man sich aber wieder erhob, war die weisse Fremde verschwunden; an der Stelle, wo sie geknieet hatte, quoll ein silberhelles Brunnlein aus dem Rasen; das rieselte und rieselte fort, bis es den Grabhügel des Ritters fast ganz umzogen hatte; dann rann es fürder und ergoss sich in einen Weiher, der zur Seite des Gottesackers lag.*

Далее следует поздний и гротескный рассказ о Гилле Декейре: он был одним из фоморов и имел чудесного коня, на спину которого побуждали садиться большинство главных воинов Финна. Тогда Гилла Декейр и его конь поспешили в Коркагини, что в Керри, и вышли к морю, ибо он и его конь одинаково хорошо передвигались и по морю, и по суше. Так люди Финна, не в силах разойтись, попали в плен на безымянный остров, на который впоследствии высадился Дэрмот в поисках их и откуда после больших опасностей добрался до Тир фо Туинн, "Терра под Ундой", и вернул своих друзей в [Эрин27](#). Теперь число людей Финна, силой уведенных Гиллой Декейром, было пятнадцать, четырнадцать на спине его коня и один, уцепившийся за хвост животного, а валлийские триады, i. 93 = ii. 11, похоже, повторяют похожую историю, но в них число людей не пятнадцать, а лишь половина, а конь описывается как Du (y) Moroed, "Черный из (морей)", конь Элидира Мвинфаура, который перенес семь человек с половиной от Пен *Pen* Ech Elidyr на севере до Пен *Pen* Ech Elidyr в Моне, "Англси". Объясняется, что Ду вез семерых на своей спине, и что тот, кто плыл, держась руками за крупер лошади, считался в этом случае получеловеком. Ду Мороэдж в истории о Кулхвхе и Олвен называется Ду Марш Моро, "Черный конь Моро", конь, на котором ездил на охоту Тврх Трвит Гвин аб Нудж, король потустороннего мира; он также появляется как рыцарь с именем, безошибочно переведенным в Брун де Моруа, в романе Дурмарта ле Галуа, который увозит королеву Артура на своем коне в свой замок в [Моруа28](#). Наконец, здесь также можно упомянуть случай из истории Передура или Персеваля, в котором рассказывается, как к этому рыцарю, когда он находился посреди леса, сильно огорченный отсутствием лошади, одна дама привела прекрасного коня, черного, как ежевика. Он сел на него и обнаружил, что его животное удивительно быстрое, но, направившись к огромной реке, рыцарь совершил крестное знамение, после чего остался лежать на земле, а его конь погрузился в воду, которая от его прикосновения словно загорелась. Лошадь интерпретируется как [дьявол29](#), и это хороший пример того, как кельтское язычество трактуется авторами Граала, когда они чувствуют себя в юморе, чтобы принять назидательное отношение.

Если правильно поставить Môn, "Англси", напротив безымянного острова, на который Гилла Декейр торопит людей Финна, то Англси должен считаться одним из островов мертвых и домом для обитателей потустороннего мира. Об этом свидетельствует двустишие в поэме средневекового поэта Дафиджа аб Гвилима, который заставляет сову Блoduэдж рассказать немного о своей истории следующим образом

Merch i arglwyd, ail Meirchion,

Wyf i, myn Dewi! o [Fon30](#).

Дочь лорда, сына Мейрчиона,

Я, святой Давид! из Моны.

Это, как видно, связывает March ab Meirchion, как бы "Steed son of Steeding", с островом Англси. Добавим к этому, что ирландское название Англси или Мона - *Móin Conaing*, "Болото Конаинга", названное так, очевидно, в честь Конаинга, связанного с Морком, именем, которое практически является *Марчем* на валлийском языке. Оба они были предводителями фоморов в ирландских сказаниях: см. мою "*Артурианскую легенду*", с. 356.

О том, какое большое место отводится островам в кельтских легендах и мифах, здесь нет необходимости говорить: Свидетель Бриттия, на которую Прокопий описывает отправку душ усопших с берегов континента, остров Аваллон в "Романсах", остров Гвалес в "*Мабиногионе*", *Ynys Enlli* или Бардси, на котором Мерлин и его свита входят в Стекланный [Дом31](#), и остров, о котором мы читаем на страницах Плутарха, что на нем находится Кронос, удерживаемый в узах вечного [сна32](#).

Вернемся к более антропоморфной фигуре афанка и возьмем в качестве его более благосклонного представителя мужественную личность, описанную как выходящую из озера Фан-Фах, чтобы дать свое согласие на брак дочери с пастухом Мыджфаем. Вполне вероятно, что божество того же порядка принадлежало каждому другому озеру в стране значительных размеров. Но следует помнить, что в случае с историей о Ду'р Арджу вместе с озерной девой явились два родителя - отец и мать, и мы можем предположить, что это были божества водного мира. То же самое можно заключить и из поздней Триады, iii. 13, где говорится о разрыве озера *llŷon*, в результате чего все земли были затоплены, и весь род людской утонул, кроме Дуайфана и Дуайфаха, которые спаслись на безмачтовом корабле: именно от них остров Прайдэн был вновь заселен. Похожая триада, iii. 97, но, очевидно, другого происхождения, уже упоминалась как повествующая о корабле Нфиджа Наф Нейфиона, который нес в себе мужчин и женщин всех видов, когда озеро *llŷon* взорвалось. Эта более поздняя триада, очевидно, содержит то, что было забыто в предыдущей, а именно: по паре от каждого вида животного мира, а не только от человечества. Но из имен *Dwyfan* и *Dwyfach* я делаю вывод, что автор триады iii. 13 разработал свой вселенский потоп на основе рассказа Писания о нем, поскольку эти имена, по всей вероятности, относились к колодцам и рекам: другими словами, это были имена водных божеств. Во всяком случае, есть некоторые свидетельства того, что два источника, воды которых впадают в озеро Бала, в свое время назывались Двайфан и Двайфак, причем эти имена носили как сами источники, так и вытекающие из них реки. Считалось, что *Dwyfan* и *Dwyfach* соединяются в озере, а вода, вытекающая из озера, называется *Dyfrdwy*. Теперь *Dyfrdwy* означает более древнее *Dyfr-dwyf*, которое на древневаллийском было *Dubr duiu*, "вода божества". Одним из имен этого божества было *Doniu*, обозначавшее раннюю форму *Danuvios* или *Danuvia*, в зависимости от того, мужского или женского рода. В любом случае это было практически то же имя, что и *Дунай* или *Данувиос*, образованное от слова, которое в ирландском языке представлено прилагательным *dána*, "audax, fortis, intrepidus". В валлийской поэзии у Ди есть еще одно название - Аэрфен, которое, по-видимому, означает богиню войны или дух поля боя, что подтверждает и объясняет [Гиральдус33](#), который представляет реку в качестве авторитетного арбитра, решающего судьбу войн в своей стране между валлийцами и англичанами. Название *Dyfrdonwy* встречается в поэме *lluwarch Brydyd y Moch*, поэта, процветавшего в конце двенадцатого века, следующим [образом34](#):...

Nid kywiw35 a llwyr dwfyr dyfyrdonwy

Kereist oth uebyd gwryd garwy.

С трусом Дифрдонви вода плохо соглашается:

С детства ты любил доблесть Гарви.

Восхваляемый принц был *ŷwelyn ab Iorwerth*, которого поэт, похоже, отождествляет здесь с Ди, и это выглядит так, как будто вода Ди является своего рода испытанием, которому не может противостоять трус: сравните случай с осторожным котлом, который не сварит мясо для труса³⁶.

В валлийском названии реки буквы *dwy*, *dwyf*, *dui* представляют собой раннюю форму *dēva* или *dēiva*, откуда римляне называли свою станцию на ее берегах *Deva*, возможно, как сокращение *om ad Devam*; но то, что *Dēva* должна была просто и непосредственно означать реку, становится вероятным благодаря тому, что Птолемей в другом месте приводит ее как название северной части Ди, которая впадает в море около Абердина. От этого же корня были образованы названия *Dwyf-an* и *Dwyf-ach*, которые рассматриваются в Триадах как мужской и женский род соответственно. В своем течении валлийская Ди принимает реку *Seirw* недалеко от Корвена, и эта река протекает через фермы, называемые *Ar-dwyfan* и *Hendre' Ar-dwyfan*, а к *Ar-dwyfan* примыкает другая ферма, называемая *Foty Ar-dwyfan*, "Шилинги *Ar-dwyfan*", а *Hendre' Ar-dwyfan* означает старое стойбище или зимнее место жительства *Ar-dwyfan*. Само слово *Ar-dwyfan*, по-видимому, означает "На Двайфане", а *Hendre' Ar-dwyfan*, которое можно считать первоначальной усадьбой, стоит рядом с озером, впадающим в Сейрв. Я предполагаю, что этот ожог был Двайфаном, и, возможно, название распространялось на сам Сейрв; но Двайфан не известен сейчас как название какого-либо потока в окрестностях. В других местах мы имеем две реки, называемые *Dwyfor* или *Dwyfawr* и *Dwyfach*, которые соединяются немного ниже деревни *ŷan Ystumdwy*; и оттуда до моря поток называется *Dwyfor*, устье которого находится между *Criccieth* и *Afon Wen*, в Карнарвоншире. *Ystumdwy*, обычно искаженное в *Stindwy*, кажется, означает *Ystum-dwy*, "изгиб реки *Dwy*"; так что здесь также есть *Dwyfach* и *Dwy*, как и в случае с рекой Ди. Возможно, Двайфор раньше назывался просто Двай или даже Двайфан; но теперь он объясняется как *Двай-фавр*, "большой Двай", что, скорее всего, было подсказано Двайфахом, поскольку этот последний объясняется деревенским народом как *Двай-фах*, "маленький Двай". Однако будет правильным сказать, что в дарственной *ŷwelyn ab Gruffyd* на земли монахам Абер Конви они, похоже, называются *Dwyuech* и *Dwyaur*³⁷.

Все эти водоемы имеют общую репутацию склонных к внезапным и опасным наводнениям, особенно *Dwyfor*, который дренирует *Cwm Straŷyn* и его озеро, лежащее за большим скалистым барьером слева по ходу от *Tremadoc* в сторону *Aber Glaslyn Bridge*. В еще большей степени это относится к реке Ди и озеру Бала, уровень которых временами поднимается на семь-девять футов выше обычного. Наводнение, которое тогда обрушивается на долину от Бала вниз, представляет собой зрелище более величественное, чем удобное для созерцания. На самом деле ничто не могло быть более естественным, чем история, разработанная автором некоторых поздних триад, связать самые удивительные наводнения с самым большим водоемом в княжестве, который подвержен таким внезапным изменениям уровня: другими словами, следует рассматривать *ŷyn ŷïon* как просто одно из названий озера Бала, которое теперь называется по-валлийски *ŷyn Tegid*, а раньше иногда *ŷyn Aerfen*.

Когда в стр. 286 речь шла о Гваэне *ŷïfon* с его *ŷyn Pencraig* как об одном из тех, кто претендует на роль *ŷyn ŷïon* из триады, был сделан намек на то, что *ŷïon* - это лишь более тонкая форма *ŷïfon*. Здесь можно было бы упомянуть, возможно, еще одного *ŷïfon*, для которого, однако, не нашлось бы аргументов. Я ссылаюсь на название резиденции Виннов, происходящих от Гилмина Троеджу, а именно Глин *ŷïfon*, что означает "Глен реки *ŷïfon*"; Но

не стоит удивляться, если окажется, что соседняя *ŷŷfni*, впадающая в озера Нанта, когда-то тоже была известна как *ŷŷifon*, а воды Нанта соответствовали ей, называясь *ŷŷyn ŷŷifon*. Но как бы то ни было, в отношении наводнения, вызванного прорывом любого такого озера, можно сказать, что представление о всеобщности катастрофы было, вероятно, привнесено автором Триады iii. 13 из не валлийского источника. Однако он мог и не придумывать судно, в которое он помещает Двайфана и Двайфаха: во всяком случае, одна из версий истории о Фан-Фахе представляет Владычицу Озера прибывающей в лодке. Что касается автора другой триады, iii. 97, то он ничего не говорит о Двайфане и его жене, но заимствует корабль Нэфиджа Наф Нейфиона, чтобы спасти всех, кого нужно было спасти; и здесь, вероятно, можно рискнуть отождествить *Нэфиджа* с [Немедом38](#), генитив *Немид*, имя, которое в ирландской легенде носит скиталец, представленный как один из первых колонизаторов Эрина. Что касается остального, то имя Нейфион само по себе используется в валлийском языке для обозначения Нептуна и моря, как в следующем двустишии из поэмы Д. аб Гвилима lv:-.

Nofiad a wnaeth hen Neifion

O Droia fawr draw i Fôn.

Это старый Нептун, что плыл

Из великой Трои далекой в Мону.

Таким же образом *Môr Neifion*, "море Нейфиона", по-видимому, обозначает океан, открытое море.

Возвращаясь к триаде о Двайфане и Двайфахе, следует отметить, что они не только превратились из водных божеств в мужчину и женщину, но нет уверенности даже в том, что оба они не были женского рода. В современном валлийском все реки считаются женскими, и даже *Dyfrdwyf* обычно подчиняется, хотя современный бард Тегид, анализируя это слово как *Dwfr Dwyf*, "Вода божества или божественная вода", где *dwfr*, "вода", может быть только мужского рода, обращается к *ŷŷyn Tegid* так, p. 78:

Drwyot, er dyđiau'r Drywon,

Y rhwyf y Dyfrdwyf ei don.

Через тебя, со времен друидов,

Dwfr Dwyf гонит свою волну.

Однако вопрос о половой принадлежности названий рек, а точнее, о том, какой пол им приписывает персонификация, является очень сложным. Если мы заглянем в "Географию" Птолемея, написанную во втором веке, то обнаружим, что в своем рассказе о Британских островах он называет более пятидесяти устьев и эстуариев наших рек, и что он делит их названия почти поровну на мужские и женские. Современный валлийский обиход, как видно, далеко отошел от этого, но не так далеко ушел фольклор: Афанк - мужчина, и фигура того же пола фигурирует в качестве отца озерной девы в истории Фан Фаха и в истории *ŷŷyn Du'r Ardu*; того же пола был и главный житель *ŷŷyn Cwm ŷŷwch*; это же замечание применимо и к величайшему божеству этих островов - величайшему, во всяком случае, настолько, насколько скудные следы его культа позволяют с ним познакомиться. Поскольку его имя

вошло в легенду, оно принадлежит здесь, как и божествам древности, в том же смысле, что и Ди. Я имею в виду Нудонса или Нодонса, [останки39](#) святилища которого много лет назад были обнаружены на приятном холме в Лиднейском парке, на западном берегу Северна. На мозаичном полу храма бога есть цветная надпись, показывающая, что расходы на эту часть работы были покрыты за счет пожертвований (*ex stipibus*) верующих, и что ее выполняли два человека, один из которых, по-видимому, был офицером, командовавшим военно-морскими силами, охранявшими побережье Северного моря. В центре мозаичной надписи находится круглое отверстие в полу диаметром девять дюймов, окруженное широкой полосой красного цвета, вложенной в две синие. Это дало повод для различных предположений, в том числе и о том, что оно предназначалось для возлияний. Мозаики и надписи, похоже, указывают на третий век как на время, когда святилище Нудонса было построено под эгидой римлян, хотя это место, несомненно, было священным для бога задолго до этого. В любом случае, поощрение такого культа местных жителей, следы которого мы находим в Лиднейском парке, в точности соответствовало политике более проницательных римских государственных деятелей.

Одна из надписей начиналась с D. M. Nodonti, "великому богу Нудонсу", а маленький бронзовый полумесяц, предназначенный для диадемы бога или одного из его жрецов, дает представление о нем как о коронованном безбородом человеке, едущем на колеснице с четырьмя лошадьми; по обе стороны от него - обнаженная фигура, предположительно представляющая ветры, а за ними с каждой из двух сторон - тритон с передними ногами лошади. В левой руке бог держит поводья, а в правой, поднятой вверх, - скипетр или, возможно, хлыст; все снаряжение бога напоминает в некоторой степени Солнечную колесницу. На другом фрагменте бронзового орнамента изображен другой тритон с якорем в одной из рук, а напротив него - рыбак, подсекающий прекрасного лосося. Другие предметы, такие как весла и раковинные трубы, вместе с мозаичными изображениями морских животных на полу храма, заставляют нас отождествлять Нудонов с Нептуном более тесно, чем с любым другим богом классической мифологии.

Имя бога, приведенное в надписях, варьируется между Nudons и Nodens, в действительности встречаются дательные Nodonti, Nodenti и Nudente и родительный Nodentis, поэтому я должен рассматривать *ō* или *ū* как необязательные в первом слоге, а *o*, возможно, предпочтительнее *e* во втором слоге, так как нет никаких оснований сомневаться в том, что мы имеем дело с тем же именем, что и ирландское *Nuadu*, генетив *Nuadat*, заметное в легендарной истории Ирландии. Нуаду, который, естественно, приходит на ум первым, был Нуаду Аргетлам или Нуаду Серебряной Руки, от *argat*, "серебро, *аргентум*", и *lām*, "рука". Ирландская литература объясняет, как у него появилась рука, сделанная из серебра, и мы можем отождествить его с валлийцем *□uđ □awereint*; ведь если вернуть его в более ранний британский, то это будет *Lūdo(ns) Lām'-argentios*: то есть происходит изменение порядка элементов, образующих эпитет, из *ereint* (для более древнего *ergeint*), 'серебро, *аргентеус*', и *□aw*, для более раннего *lāma*, 'рука'. Затем в игру вступает аллитерационный инстинкт, заставляя *Nūdo(ns) Lāmargentio(s)* превращаться в *Lūdo(ns) Lāmargentio(s)*, откуда [регулярно](#) происходит более поздняя форма, *□uđ □awereint*⁴⁰. Таким образом, в валлийском языке мы имеем имя *□ūđ*, преобразованное в эту форму под влиянием эпитета, тогда как в других местах это *Nūđ*, которое встречается как мужское имя в родословных, а промежуточной формой, вероятно, было *Nūdōs* или *Nūdo*, генетив *NVDI* которого встречается в постримской надписи, найденной возле Yarrow Kirk в Селкиркшире. Стоит отметить, что модификация *Nūdo* в *Lūdo* произошла сравнительно рано - не исключено, что в то время, когда язык был еще гойдельским, - так как мы, похоже, сохранили это название в самом *Лиднее*.

Вполне возможно, что у нас есть *Lūdo*, *□uđ*, также в *Porthlud*; это название Джеффри Монмутский, iii. 20, приводит как валлийское название *Ludesgata* или *Ludgate* в Лондоне, которые, по его словам, были названы в честь древнего короля Британии по имени Луд. Похоже, он использовал древнюю традицию, и нет ничего невероятного в предположении, что Луд Джеффри - это наш *□uđ*, и что у великого водного божества этого имени было другое святилище на холме у Темзы, где-то рядом с нынешним местом, где стоит собор Святого Павла, и оно занимало пост, как бы пророчествуя о владычестве Британии над водными путями в более поздние времена.

Возможно, поскольку следы Нудонов можно обнаружить от устья Темзы до Северна и далее в Ирландию, можно сделать вывод, что этот бог был одним из божеств, которым поклонялись гойделы. Что касается британских кельтов, то ничто не указывает на то, что он принадлежал и им, за исключением того, что он, вероятно, был заимствован ими у гойделов. Можно также предположить, что сами гойделы в первую очередь усыновили его от докельтских аборигенов, но в этом случае более вероятной была бы *богиня*⁴¹. На самом деле в случае с Северном мы, кажется, имеем след такой богини в Сабрине, древневаллийском Хабрене, теперь Хафрен, названной так в честь принцессы, которую Джеффри, ii. 5, представляет утонувшей в реке: возможно, она была докельтской богиней Северна, а имя, соответствующее валлийскому Хафрену, встречается в Ирландии в форме Сабранна, старого названия реки Ли, протекающей через Корк. Точно так же сейчас иногда читают об *отце* Темзе, следуя моде на классические фразеологизмы, и в кельтский период Нудоны могли тесно отождествляться с этой рекой, но древнее имя *Tāmēsa* или *Tāmēsis*⁴² было явно женским, и, скорее всего, это было имя речного божества с тех времен, когда докельтские аборигены владели исключительно этими островами. В целом представляется более безопасным рассматривать нудонов как принадлежащих к расе, которая развила в более широком масштабе идею патриархального или царского правителя, властвующего над сравнительно обширной территорией. Поэтому нудонов можно считать исключенными из дискуссии о происхождении фей, которой мы посвятим несколько параграфов.

Если говорить о рядовых феях в довольно неразборчивой манере, то можно сказать, что мы нашли множество доказательств их тесной связи с водным миром. Не только предполагается, что они преследуют места, граничащие с реками, живут под озерами или населяют некие зеленые острова, способные играть в прятки с древним мореплавателем, а возможно, и не очень древним; но и другие соображения безошибочно указывают на тот же вывод. Возьмем, к примеру, косвенное доказательство, которое дает метод возвращения младенца, украденного феями. В одном из рассказов говорится следующее: Мать, потерявшая ребенка, должна была пойти с волшебником и отнести ему к реке ребенка, оставленного ей в обмен. Волшебник говорил: *Crap ar y wrach*, "Хватайся за карга", а женщина отвечала: *Rhy hwyr, gyfraglach*, "Поздно, *ёж*⁴³". Прежде чем она произносила эти слова, она бросала ежа в реку, а затем возвращалась в свой дом. К этому времени похищенный ребенок должен был вернуться *домой*⁴⁴. Использованные здесь слова не совсем забыты в Карнарвоншире, но, похоже, сейчас им не придается никакого определенного значения; во всяком случае, мне не удалось найти никого, кто мог бы их объяснить. Однако я предполагаю, что волшебник обратился к фее-еловику с намерением, предположительно, чтобы феи в реке в то же время слышали и отметили то, что собирались сделать. Другая, более понятная версия приводится в *Gwylieddyd* за 1837 год, стр. 185, автором, который публикует ее по рукописи, которую Льюис Моррис начал писать в 1724 году и закончил, по-видимому, в 1729 году. Он был уроженцем Англси, и, вероятно, именно к этому графству относится история, которую он приводит для иллюстрации одного из фонологических аспектов некоторых видов валлийского языка. Этот рассказ отличается от

только что приведенного тем, что в нем нет волшебника, а предполагаются две феи, между которыми происходит диалог, что не редкость в наших историях о подменышах: см. с. 62. После этого объяснения я перевожу слова Морриса следующим образом

"Но, возвращаясь к вопросу о том, насколько слова подходят к сути задуманного, скажу, что среди нас ходит старая история о женщине, чьих детей обменяли на *Tylwyth Teg*. Правда это или ложь, не имеет большого значения, но она показывает, что думали люди той эпохи о звучании слов, и как им казалось, что язык тех спрайтов был ужасен и громоздок. История такова: женщина, двух детей которой обменяли, случайно подслушала, как две феи, которых она получила вместо них, рассуждали друг с другом о том, что не соответствует их возрасту и личности. Тогда она подхватила двух мнимых детей, по одному под мышку, чтобы пойти и бросить их с моста в реку, чтобы они утонули, как ей казалось. Но едва тот, что упал, достиг дна, как закричал своему товарищу следующие слова:...

Grippiach greppiach

Dal d'afel yn y wrach,

Hi aeth yn rhowyr 'faglach-

Mi eis i ir [mwthlach](#)45.

Grippiach Greppiach,

Держись за карга.

Стало слишком поздно, ты, урка...

Я упал в

Несмотря на неясность этих слов, совершенно ясно, что возвращение фей к реке считалось самым естественным делом на свете, и не успели они туда упасть, как обнаружилось, что домой отправлены правильные младенцы.

То же самое можно узнать и из истории о проклятии Пантаннаса, стр. 187-8 выше; когда приближается время мести фей, веселая компания, собравшаяся у Пантаннаса, пугается пронзительного голоса, доносящегося из черного, похожего на котел бассейна в реке; через некоторое время они слышат его во второй раз, возвышающегося над шумом реки, когда она каскадом низвергается с плеча соседней скалы. Вскоре после этого на столе у окна появляется некрасивая, миниатюрная женщина, и если бы не грубость одного из присутствующих, она бы открыла им будущее, но, как и было, она сказала очень мало и ушла обиженная; но пока она была там, голос из реки молчал. Здесь мы имеем валлийский аналог *ben síde*, произносимого в англо-ирландском языке как *banshee* и означающего женщину-фею, которая, как предполагается, появляется перед некоторыми ирландскими семьями перед смертью или другими несчастьями, которые должны постигнуть их. Несомненно, именно таким феям принадлежат голоса, угрожающие местью наследнику Пантанны, злему принцу и его потомкам перед катаклизмом, который приносит озеро на место обреченного города: свидетельствуют такие случаи, как [Cyncllys](#), *Syfaðon* и *Kenfig*.

Последнее упоминание заслуживает дальнейшего изучения; и я пользуюсь случаем, чтобы отослать читателя к с. 403-4, чтобы обратить его внимание на тот факт, что голос настолько тесно отождествляет себя с обиженной семьей, что говорит от первого лица, восклицая: "Месть пришла на того, кто убил моего отца из девятого поколения! Стоит отметить, что такое же олицетворение характерно и для [Cyhiraeth](#)46. Эту призрачную женщину чаще слышали,

чем видели, но ее леденящий кровь вопль, как правило, можно было услышать, когда она подходила к перекрестку или к воде, в которой она плескалась руками. При этом она издавала самые жалобные звуки и восклицала, если испуганный слушатель оказывался женой: *Fy ngwr, fy ngwr!* 'Мой муж, мой муж! Если же это был мужчина, то восклицание звучало так: *Fy ngwraig, fy ngwraig!* 'Моя жена, моя жена!' Или в любом случае это может быть: *Fy mhlentyn, fy mhlentyn, fy mhlentyn bach!* 'Мое дитя, мое дитя, мое маленькое дитя!' Эти крики означали приближающуюся смерть мужа, жены или ребенка слушателя, в зависимости от ситуации; но если крик был невнятным, считалось вероятным, что сам слушатель и есть тот, кого оплакивают. Иногда предполагалось, что она, подобно ирландской банши, приходит в темном тумане к окну человека, который долго болеет, и хлопает крыльями по стеклу, повторяя вслух его или ее имя, что, как считалось, означало, что больной должен умереть⁴⁷. Обычно Cyhiraeth изображают в самом отталкивающем виде: спутанные волосы, длинные черные зубы, жалкие, тощие, сморщенные руки ненужной длины, несоразмерные с телом. Тем не менее, на мой взгляд, это лишь еще один аспект баншиподобной женщины, которая вмешивается в историю о Проклятии Пантаннаса. Можно было бы, наверное, рассматривать оба эти образа как пережитки веры в некое олицетворение или божество, отождествляемое с семьей или племенем, если бы не тот факт, что подобный язык лишен большей части своего смысла из-за абстракций, которые связывают его с первобытным состоянием общества. Поэтому предпочтительнее, как наиболее близкое к истине, сказать, что перед нами след прародительницы. Такую идею прародительницы в противовес прародительнице в изобилии подтверждают тусклые фигуры, подобные Дону из "Мабиногиона" и ее двойнику, после которого племена богини Дону или Дану⁴⁸ известны в ирландской литературе как *Tuatха Де Дананн*. Но больше всего сравнений вызывает уже упоминавшаяся Старуха из Бира, стр. 393-4: она фигурирует в ирландском фольклоре в основном как карга, выжившая после того, как ее потомки были пересчитаны по племенам и народам. Возможно, это лишь случайность, что поэтически выстроенная легенда изображает ее не столько заинтересованной в судьбе своих потомков, сколько занятой оплакиванием непривлекательного вида ее худых рук и сморщенных кистей, а также общей разрушенной красоты, которая принадлежала ей когда-то или несколько веков назад.

Однако свидетельства фольклора не такого рода, чтобы оправдать возведение тяжелой надстройки теории на предположении, что фундамент прочно удерживается вместе мощным чувством последовательности или однородности. Поэтому я не решаюсь сделать что-то настолько опрометчивое, чтобы утверждать, что все феи имеют одно и то же происхождение: их вполне может быть несколько. Например, есть те, что выросли из традиций об аборигенной докельтской расе, а некоторые могут быть представителями призраков ушедших мужчин и женщин, считавшихся предками; но вряд ли стоит сомневаться, что другие, и, возможно, не самые интересные, произошли от демонов и божеств - не все из которых имеют родовое происхождение - которыми странная фантазия наших далеких предков населила озера и ручьи, заливы, бухты и лиманы. Возможно, не стоит слишком надеяться, что читатель убедится в том, что в ходе этой главы некоторые интересные экземпляры были, так сказать, пойманы в своей родной стихии, или же в наслаждении земноводной жизнью веселья и забав, в значительной степени проведенной в уединенных озерах, у спокойных рек или журчащих ручьев.

1 За большую часть информации по этому вопросу я должен поблагодарить мистера Дэвида Дэвиса, редактора газеты "Саут-Уэльс Дейли Пост", издающейся в Суонси. ↑

2 Я обязан этой информацией мистеру Дж. Герберту Джеймсу из Вайнора, который недавно посетил Кенфиг и обратил мое внимание на статью "Боро Кенфиг" в *Archæologia Cambrensis* за 1898 год: см. особенно карты на стр. 138-42. ↑

3 В валлийском языке здесь есть слово *edafwr*, точное значение которого от меня ускользает, а из замечаний местных этимологов я понял, что в Гламоргане такое слово сейчас не используется. ↑

4 См. Книгу Аберпергвм, напечатанную как *Brut y Tywysogion*, в *Мивируанской археологии*, ii. 524; также Morgan's *Antiquarian Survey of East Gower*, p. 66, где этот случай приводится из "*Brut y Tywysogion*, A. D. 1088". Однако он не содержится в книге, которую обычно называют "*Brut y Tywysogion*", а взят, как любезно сообщил мне автор, из тома под названием "*Brut y Tywysogion*, гвентийская хроника Карадока из Канкарвана, с переводом покойного Аневрина Оуэна, напечатанная для Кембрийской археологической ассоциации, 1863": см. с. 70-1. ↑

5 За это я также должен поблагодарить мистера Герберта Джеймса, который недавно осмотрел это место вместе с мистером Гласкодином из Суонси. ↑

6 Я не знаю, удалось ли кому-нибудь обнаружить место, которое имел в виду писатель, и сохранились ли на побережье Северна какие-либо признаки, которые хоть в какой-то мере соответствуют описанию. ↑

7 Предполагается, что он назван так в честь некоего *Тегида Фоэля*, или "Тегида Лысого", из Пена: имя *Тегид* - это фонетическое написание того, что можно было бы написать как *Тегид* - это латинское имя, заимствованное *Тацитом*, и вместе с другими латинскими именами в родословной I. из династии Кунеджа; см. *Cymmrodor*, xi. 170. По написанию можно сравнить *Idris* с тем, что можно было бы ожидать от *Idrys*, того же произношения, с более ранним *ludrys* или *ludris*. ↑

8 Перевод был сделан Томасом Твайном и опубликован в 1573 году под названием "*Бревиарий Британии*", где на листе 69^b находится приведенный здесь отрывок. Оригинал был озаглавлен "*Commentarioli Britannicæ Descriptionis Fragmentum*", опубликованный в Кельне в 1572 году. В оригинале нашего отрывка, лист 57^a, есть *Gwynedhia* и *Llunclis*. Основа *wns* от *ynsaf*, 'я глотаю', отвечает, согласно валлийской идиоме, использованию того, что в английском или латинском языке было бы причастием. Аналогично, когда причастие не используется, используется отглагольное существительное (в родительном падеже): так, "притворная болезнь", по-валлийски "сделанная болезнь", - это *saldra gwneyd*, буквально "недомогание или болезнь, сделанная". Таким образом, "deuouryng of the Palace" - неверно, и основано на *wyd's vorago Palatij* вместо *Palatium voratum*. ↑

9 Другие случаи употребления этого имени см. в *Черной книге*, лл. 35^a, 52^a, и в "*Кельтских останках*" Морриса, где валлийское название Бардси, а именно *Ynys Eni*, рассматривается кем-то, несомненно справедливо, как сокращение *Ynys Fen-i*, s. v. *Ben-i*. ↑

10 Значение этого имени точно не известно, но, по-видимому, оно соотносится с ирландским *Fochard*, англизированным *Faughard*, в графстве Лут: см. O'Donovan's *Four Masters*, A. D. 1595; также в *Book of the Dun Cow*, где оно *Focherd*, genitive *Focherda*, dative *Focheird*, fo. 70^b, 73^b, 75^a, 75^b, 76^a, 77^a. ↑

11 Иногда это имя передается как *Glannach*, что похоже на гойдельскую форму имени: см. *Enislannach* Гиральдуса в его *Itin. Kambriæ*, ii. 7 (p. 131). ↑

12 См. *Choice Notes*, p. 92, и *Gerald Griffin's Poetical and Dramatic Works*, p. 106. ↑

13 Не видя этого, различные авторы пытались претендовать на честь владения колоколами для Абертейфи, "Кардигана", или для Абертаве, "Суонси"; но ни один из аргументов, достойных рассмотрения, не был приведен в пользу того или другого места: см. *Cyfai y'r Aelwyd* за 1892 год, p. 184. ↑

14 О некоторых данных, касающихся составления родословной и разветвления семьи, см. первый том книги Аневрина Оуэна "*Древние законы*": *Гвинед*, III. i. 12-5 (стр. 222-7); Дайфед, II. i. 17-29 (стр. 408-11); Гвент, II. viii. 1-7 (с. 700-3); также *The Welsh People*, pp. 230-1. ↑

15 См. *Книгу коровы Дун*, лист 99^a и далее. ↑

16 За примерами читатель может обратиться к с. 154 или 191, но их достаточно много в предыдущих главах; также он может обратиться к "*Кембрийским суевериям*" Хауэллса, с. 123-8, 141-2, 146. В одном случае, стр. 123, он приводит пример противоположного воображения: пастух, присоединившийся к компании фей на Френни-Фах, был убежден, когда к нему вернулись чувства и память, что, "хотя ему казалось, что он отсутствовал столько лет, он был всего лишь столько минут". Эта история имеет обычную обстановку, но может ли она иметь народное происхождение? Френни-Фах - это часть горы, известной как Френни-Фавр, на северо-востоке Пемброкшира; названия означают соответственно Малый и Большой *Брени*. Устаревшее слово *breni* означало в древневаллийском языке нос корабля; местная привычка, однако, склоняет к солецизму *Brenin Fawr*, с *brenin*, "король", определяемым прилагательным, мутировавшим в женский род; но люди на расстоянии, которые называют ее *Frenni Fawr*, произносят первый вокабуляр с *nn*. Наконец, *Y Vrevi Va* встречается в "Сне Максена" в *Красной книге* (Oxford *Mab.* p. 89); но в *Белой книге* (в коллекции Peniarth), col. 187, собственное имя написано *Freni*: за эту информацию я должен поблагодарить мистера Гвеногврина Эванса. ↑

17 Правильно будет сказать, что другой рассказ приводится в Реннском *Динде*, опубликованном Стоуксом в *Revue Celtique*, xvi. 164, а именно, что Лайглинн с пятьюдесятью воинами "пришел к колодцу Дера, сына Скера. На них обрушилась волна и утопила Лайглинна с его пятьюдесятью воинами, и из этого образовалось озеро". Отсюда мы говорим *Лох Лайглинни*, озеро Лайглинна". ↑

18 *The Oxford Mabinogion*, p. 224, и Guest's, i. 343. ↑

19 См. *Afanc* в *Geiriadur* Сильвана Эванса, который приводит соответствующие примеры. ↑

20 См. *Revue Celtique*, i. 257, и мои "*Лекции Хибберта*", стр. 92-3. ↑

21 *The Four Masters*, A.M. 3520. ↑

22 В другой версии Кэмпбелл считал, что это песок и ничего больше. ↑

23 Что касается этого случая с девушкой и сверхъестественным существом, Кэмпбелл говорит, что слышал его на острове Мэн и в других местах. ↑

24 См. *Revue Celtique*, ii. 197. Его также называли Лабрайд Лонгсех и Лабрайд Лонгсех Лорк. Объяснение имени *Лабрайд Лорк*, возможно, заключается в том, что первоначально оно было Лабрайд Морк, а пристрастие к аллитерации привело его в соответствие с именем

Лабрайд Лорк: сравните *□ûđ □aweraint* в валлийском языке с *Nûđ □aweraint*. Это не опровергается тем фактом, что деда Лабрайда Лорка, как говорят, звали Логайр Лорк: Скорее, Логайр Лорк и Лабрайд Лорк могут рассматриваться как дубликаты одного и того же оригинала. ↑

25 См. мою "Артуруанскую легенду", с. 70; также *Hibbert Lectures*, p. 590. ↑

26 В оригинале в этих отрывках соответственно *siblais a fual corbo thipra*: "minxit urinam suam, чтобы это был источник"; *ar na siblad a fúal ar na bad fochond báis doib*: "ne mingat urinam suam, чтобы это не стало причиной смерти для них"; и *silis*, "minxit", fo. 39b. Перевод всей истории см. в *Silva Gadelica* д-ра О'Грейди, стр. 265-9; также *Joyce's Old Celtic Romances*, pp. 97-105. ↑

27 См. историю в книге доктора О'Грейди "*Сильва Гаделика*", с. 292-311. ↑

28 См. издание Штенгеля "*li Romans de Durmart le Galois*" (Тюбинген, 1873), строки 4185-340, и мою "Артуруанскую легенду", с. 68-9. ↑

29 См. *Williams' Scint Greal*, pp. 60-1, 474-5; *Nutt's Holy Grail*, p. 44; и мою "Артуровскую легенду", pp. 69-70. ↑

30 *Bardoniaeth D. ab Gwilym*, стихотворение 183. Подобное происхождение Блодуэджа подразумевается в следующем *энглине* - одном из двух, написанных Энтони Пауэлом, умершим в 1618 году: его приводит Талиесин аб Иооло в своем очерке о долине Нит, озаглавленном *Traethawd ar Gywreined, Hynafiaeth, a hen Bendefigion Glynn Ned* (Aberdare, 1886), p. 15:-

Crug ael, carn gadarn a godwyd yn fryn,

Yn hen fraenwaith bochlwyd;

Main a'i □ûđ man y □ađwyd,

Merch hoewen loer Meirchion lwyd.

В ней, как и в шести других "*энглинионах*" других авторов, упоминается замечательная скала под названием Крейг-и-Джинас, с которой Талиесин связывал пещеру, где Артур или Оуэн Лоугох и его люди, по его словам, должны были наслаждаться светским сном, и подразумевается, что Блодуэдж, чей конец в "*Мабиноги Мата*" был превращен в сову, был, согласно другому рассказу, повержен Крейг-и-Джинасом. В переводе на русский язык это можно передать следующим образом:

Нагроможденный на бровях, могучий каирн, построенный как холм,

Как древняя работа, грубая от возраста, сероглазая;

Камни, что заключают ее там, где она была убита,

Дочь седого Мейрхиона, быстрая и яркая, как луна.

↑

31 Это происходит из поздней серии Триад, iii. 10, где девять спутников Мерлина называются *naw beird cylfeird*: *cylfeird* должно быть множественным числом *cylfard*, которое должно быть тем же словом, что и ирландское *culbard*, название одного из бардовских классов в Ирландии. ↑

32 Дополнительные замечания по этому вопросу в целом см. в моей "Артурианской легенде", глава xv, об "Островах мертвых". ↑

33 См. его *Itinerarium Cambriæ*, ii. 11 (р. 139); также мои "Кельтская Британия", р. 68, и "Артуровская легенда", р. 364. ↑

34 Из "Мивирианской археологии Уэльса", i. 302. ↑

35 Я считаю, что *nid kywiw* - это изменение *ni chywiw* от *cyf-uw*, экземпляр глагола, соответствующего *sumod* (= *sum-bod*), "мир, примирение". В Оксфордских *брутто* 1217 г. (стр. 358) претерит *kynni* напечатан вместо *куму*: тогда получится *у куму reinald y breys ar brenhin*, "что Реджинальд де Бреос примирился с королем или уладил с ним дела". ↑

36 См. *Книгу Талиессина*, стихотворение xxx, в Skene's *Four Ancient Books*, ii. 181; также Guest's *Mabinogion*, ii. 354, и *Brython* за 1860 г., р. 372^b, где упоминается не одна статья с подобной способностью отличать храбрецов от трусов. ↑

37 См. Dugdale's *Monasticon*, v. 672, где они напечатаны *Dwynych* и *Dwynaur* соответственно. ↑

38 См. мои "Лекции Хибберта", с. 649-50. ↑

39 Полный отчет о них можно найти в посвященном им томе под названием "Римские древности в Лиднейском парке, Глостершир, посмертная работа преподобного У. Хайли Батерста, с примечаниями К. У. Кинга", Лондон, 1879. См. также статью "Das Heiligtum des Nodon" д-ра Хюбнера в *Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande*, lxvii. pp. 29-46, где критикуются некоторые моменты в книге г-на Кинга. ↑

40 См. мои "Лекции Хибберта", с. 122, 125. ↑

41 По этому вопросу см. *The Welsh People*, особенно pp. 54-61. ↑

42 Почему наши составители словарей взяли себе в голову рассматривать его как *Tamësis*, я не знаю. В валлийском языке это *Tafwys* с дифтонгом, регулярно представляющим более раннее долгое *e* или *ei* во втором слоге. Насколько мне известно, нет оснований считать *Tafwys* изобретением, а не подлинным вокабулой того же происхождения, что и название реки *Таф* в Гламорганшире, по-валлийски *Taf*, которое также является названием реки, впадающей в Лаугарн в Кармартеншире. *Тафвис*, однако, не встречается ни в одном старом валлийском документе; но нет такой слабости и у свидетельства французского *Тамиз*, которое вряд ли могло произойти от *Тамиз*: сравните также географическое название *Тамиз* у Шельды в Восточной Фландрии; оно, однако, может быть совершенно иного происхождения. ↑

43 Более сложную версию прислал мне Деви Глан Ффридлас из Бетесды: *Caffed y wrach*, "Пусть он схватит карга"; *Methu'r cryfaglach*, "Ты потерпел неудачу, еж". Но он не смог получить никакого объяснения этих слов в каменоломнях Пенрхин. *Cryfaglach* - это также форма *Mur y Cryfaglach*, "Стена Урчина", в книге Дженкинса "Bed Gelert", р. 249. Он сообщил мне, что так называются старые руины на возвышенности в двадцати или тридцати ярдах от быстрого ручья и недалеко в юго-юго-восточном направлении от шале сэра Эдварда Уоткина. ↑

44 За это я в долгу перед мистером Вм. Дэвису (стр. 147 выше), который сказал мне, что скопировал оригинал из *Chwedlau a Thraðodiadau Gwyned*, "Gwyned Tales and Traditions",

опубликованного в периодическом издании, которое я не смог найти, под названием *Y Gordofigion*, за 1873 год. ↑

45 Значение слова *mwthlach* сомнительно, поскольку в настоящее время оно бытует в Гвинедде только в значении мягкого, тестообразного или пухлого человека, который, так сказать, весь в куче. Пуге дает *mwythlan* и *mwythlen* с похожими значениями. Но *mwthlach*, по-видимому, имело в догереле такое значение, как неровная земля или место, покрытое кустарником, спутанными зарослями. Возможно, это то же самое слово, что и ирландское *mothlach*, "грубый, кустистый, лохматый"; см. "Видение Лайспрена" под редакцией профессора К. Мейера в *Otia Merseiana*, pp. 114, 117. ↑

46 Приведенный здесь рассказ о Сихирет взят частично из "Записок Чойса", с. 31-2, а частично из "Хауэллса", с. 31-4, 56-7, который, похоже, в своем повествовании не определился с полом Сихирет; но нет никаких причин считать ее либо мужчиной, либо женщиной - последнее оправдано, как он мог понять из того, что ее называли у *Gyhiraeth*, "Сихирет", но никогда не у *Cyhiraeth*, насколько мне известно. В Северном Кардиганшире призрак, о котором идет речь, известен только под другим именем - *Gwrach y Rhibyn*, а у *Gyhiraeth* или *yr hen Gyhiraeth* - обычное ругательство, применяемое к долговязому, трупному человеку как там, так и в Гвинедде; в книгах, однако, оно иногда встречается в значении призрачных похорон. Слово *cyhiraeth*, по-видимому, первоначально означало скелет с *суhyrau*, "сухожилиями", но без плоти. Однако *суhyrau*, единственное число *суhуr*, правильнее было бы писать через *i*; ведь слова произносятся - даже в Гвинедде - *суhir*, *суhiraу*. Написание *суhyraeth* не соответствует ни одному произношению, которое я когда-либо слышал; но есть и третье написание, *суheuraeth*, которое соответствует реальному *суhoereth* или *суhoуreth*, разговорному произношению, которое можно услышать в некоторых районах Южного Уэльса: Я не могу объяснить этот вариант. *Gwrach y Rhibyn* означает Хаг из Рубина, а *rhibyn* обычно означает ряд, полосу, линию - *ma' nhw'n mynd yn un rhibyn*, "они идут в линию". Но что именно должно означать *Gwrach y Rhibyn*, я сказать не могу. Однако я могу упомянуть со слов мистера Гвеногврина Эванса, что в Среднем Кардиганшире термин *Gwrach y Rhibyn* означает длинный рулон или пучок папоротника, связанный веревками из соломы и уложенный вдоль середины верха сеновала. Это делается для того, чтобы сформировать гребень, над которым и на который укладывается солома: мне сказали, что в Гламорганшире в этом смысле используется *gwrach* без оговорок. Кое-что о спрайте *Гврач* можно найти в *Brython* за 1860 год, стр. 23^a, а другой рассказ приводится в "Bed Gelert" Дженкинса, стр. 80-1. ↑

47 Это утверждение я привожу из *Choice Notes*, р. 32; но должен признаться, что я скептически отношусь к "крыльям из кожистой и похожей на летучую мышь субстанции" или к любой другой субстанции. ↑

48 Подробнее о ней и подобных ей родовых персонажах см. в "Уэльском народе", с. 54-61. ↑

ГЛАВА VIII

Уэльские пещерные легенды

Ἐκεῖ μέντοι μίαν εἶναι νῆσον, ἐν ᾗ τὸν Κρόνον καθεῖ ρχθαι φρουρούμενον ὑπὸ τοῦ Βριάρεω καθεύδοντα- δεσμὸν γὰρ αὐτῶν τὸν ὕπνον μεμηχανῆσθαι, πολλοὺς δὲ περὶ αὐτὸν εἶναι δαίμονας ὀπαδοὺς καὶ θεράποντας.-Плутарх.

В предыдущих главах были сделаны различные ссылки на пещеры с сокровищами, помимо пещеры Марчлин-Мор, которая подробно описана на стр. 234-7 выше. Далее следуют еще несколько, иллюстрирующих этот вид фольклора, распространенный в Уэльсе: их трудно классифицировать, но большинство из них упоминают сокровища со спящими воинами, охраняющими их, или без них. Остальные настолько разнородны, что не поддаются никакой попытке дать им общую и краткую характеристику. Возьмем, к примеру, пещеру в ближайшей к Cwm [Cwm anhafan](#) части скалы Rhiwarth, расположенной по соседству с [Cwm angynog](#) в Монтгомеришире. В нее, как пишет Синджелв в "*Брайтоне*" за 1860 г., с. 57, некоторые мужчины проникли настолько, насколько хватило фунта свечей, которыми они себя снабдили; но, похоже, ее арендует карга, которая всегда деловито стирает одежду в медной кастрюле.

Или возьмем следующую историю из очерка Дж. Х. Робертса, приведенную на валлийском языке в Edwards' *Cymru* за 1897 год, р. 190: она напоминает обычную сказку, но не похожа ни на одну из известных мне: - В западной части Аренниг-Фора есть пещера: на самом деле там несколько пещер, и некоторые из них очень большие; но есть одна, на которую указывает перст традиции как на древнее обиталище *Tylwyth Teg*. Около двух поколений назад пастухи той страны были очарованы одной из них по имени Мэри, которая отличалась красотой. Многие пытались поймать ее или встретиться с ней лицом к лицу, но безуспешно, так как она была слишком быстра на ногах. Она появлялась изо дня в день, и ее можно было увидеть со своей маленькой арфой, поднимающейся по голым склонам горы. В туманную погоду, когда летом дни были самыми длинными, музыка, которую она издавала, доносилась ветерком до ушей пастухов, страдающих от любви. Много раз мальчики из Фитир Герриг слышали сладкое пение, проходя мимо пещеры в светлое время суток, но на них действовали какие-то чары, и они не решались войти. А вот пастух Бох-и-Раядр смог лучше разглядеть фей в одну из Аллодовых ночей (*ryw noson Calangaeaf*), когда возвращался домой после веселья в Амнодже. На лугу перед пещерой он увидел не кого иного, как десятки поющих и танцующих *Tylwyth Teg*! Никогда в жизни он не видел такого яркого собрания, и ему стоило большого труда удержаться от того, чтобы не втянуться в их круговорот.

Теперь перейдем к пещерам сокровищ, и начнем с *Огоф Артур*, "пещеры Артура", в южной части Муну́ у [Cnwyc1](#) в приходе [Cwm angwylfan](#), на юго-западном побережье Англси. Подножие горы Муну́ у [Cnwyc](#) омывается морем, и устье пещеры закрывается его водами во время прилива, но пещера, которая просторна, имеет вентиляционное отверстие в склоне [горы2](#). Так, во всяком случае, сообщается в *Brython* за 1859 год, стр. 138, писателем, который исследовал это место, хотя и не до конца мили, которую, как говорят, оно измеряет в длину. Он упоминает местную традицию о том, что в нем хранятся различные сокровища и что он временно давал убежище Артуру во время его войн с *Гвиделодом* или Гойделами. Но он также описывает кромлех на вершине Муну́ у [Cnwyc](#), вокруг которого был круг из камней, а внутри последнего, как считается, был зарыт железный сундук, полный древнего золота. Говорят, что более жадные из соседних жителей предпринимали различные попытки откопать его, но их всегда отпугивали знамения. Значит, хранители сокровищ - существа сверхъестественные, как и во многих других случаях, в частности в Дайнас Эмрис, о котором мы еще поговорим.

Далее следует первая из группы пещерных легенд о сокровищах, доверенных на хранение вооруженным воинам. Она взята из книги Элайджи Уоринга "*Recollections and Anecdotes of Edward Williams, Iolo Morgannwg*" (London, 1850), pp. 95-8, где она озаглавлена "A popular Tale in Glamorgan, by Iolo Morgannwg"; ее версию на валлийском языке можно найти в *Brython* за 1858 год, стр. 162, но версия Уоринга в нескольких отношениях лучше, и я привожу ее его

словами: "Валлиец, идущий по Лондонскому мосту с аккуратным ореховым посохом в руке, был остановлен англичанином, который спросил его, откуда он пришел. "Я из своей страны", - ответил валлиец беззлобным тоном. "Не обижайтесь, мой друг, - сказал англичанин, - если вы ответите на мои вопросы и последуете моему совету, это принесет вам больше пользы, чем вы думаете. Эта палка в вашей руке выросла на месте, под которым спрятаны огромные сокровища золота и серебра; если вы помните это место и сможете провести меня к нему, я отдам вам эти сокровища".

Уэльсец вскоре понял, что незнакомец, как он выразился, хитрый человек или фокусник, и некоторое время колебался, не желая идти с ним среди чертей, от которых этот маг, должно быть, получил свои знания; но в конце концов его уговорили сопровождать его в Уэльс; и, подойдя к Craig-y-Dinas [Крепостной скале], уэльсец указал место, где он срезал палку. Она была из ствола или корня большого старого орешника: они раскопали его и нашли под ним широкий плоский камень. Он закрывал вход в очень большую пещеру, в которую они и спустились. В середине прохода висел колокол, и фокусник убедительно просил валлийца не трогать его. Они дошли до нижней части пещеры, которая была очень широкой, и увидели там многие тысячи воинов, которые лежали, крепко уснув, в большом кругу, головами наружу, каждый облаченный в яркие доспехи, с мечами, щитами и другим оружием, лежащим рядом с ними, готовые в одно мгновение схватиться за них, как только зазвонит колокол и разбудит их. Все оружие было так отполировано и ярко, что освещало пещеру, как свет десяти тысяч огненных языков. Среди воинов они увидели одного, сильно выделявшегося среди остальных своим оружием, щитом, боевым топором и золотой короной, украшенной самыми драгоценными камнями, лежавшей рядом с ним.

Посреди этого круга воинов они увидели две очень большие кучи, одна из золота, другая из серебра. Маг сказал валлийцу, что он может взять столько, сколько сможет унести из одной или другой, но не должен брать из обеих куч. Валлиец нагрузился золотом, а фокусник не взял ни одного, сказав, что оно ему не нужно, что золото бесполезно только для тех, кому нужны знания, и что презрение к золоту позволило ему приобрести те превосходные знания и мудрость, которыми он обладает. Когда они уходили, он еще раз предупредил валлийца, чтобы тот не прикасался к колоколу, но если, к несчастью, он это сделает, то это может иметь для него самые роковые последствия, так как один или несколько воинов проснутся, поднимут голову и спросят, *день ли сейчас*. "Если это случится, - сказал хитрец, - ты должен, не раздумывая, ответить: *"Нет, спи дальше"*"; услышав это, он снова опустит голову и уснет". Однако, поднимаясь, валлиец, нагруженный золотом, не смог пройти мимо колокола, не задев его - он зазвонил, и один из воинов поднял голову и спросил: "День?" "Нет, - быстро ответил валлиец, - не день, спи дальше", - и они вышли из пещеры, заложили вход камнем, а на его место поставили орешник. Хитрец, прежде чем расстаться со своим спутником, посоветовал ему бережливо относиться к своим сокровищам, заметив, что при его благоразумии их хватит на всю жизнь, но если по непредвиденным обстоятельствам он снова окажется в нищете, то может вернуться в пещеру за добавкой; повторил предостережение, чтобы он по возможности не трогал колокол, а если тронет, то как можно скорее дал правильный ответ, *что сейчас не день*. Он также сказал ему, что выдающийся человек, которого они видели, - Артур, а остальные - его воины; И легли они спать, держа оружие наготове, чтобы дожидаться рассвета того дня, когда *Черный Орел* и *Золотой Орел* пойдут на войну, громкий крик которой заставит землю так сильно содрогнуться, что колокол громко зазвонит, а воины проснутся, и уничтожили всех врагов Кимри, которые после этого должны были вернуть себе остров Британию, восстановить своего короля и правительство в Каэрфоне, и править по справедливости, и благословлять мир до тех пор, пока будет существовать мир.

Настало время, когда все сокровища валлийца были израсходованы: он отправился в пещеру и, как и прежде, перегрузился. Выходя, он коснулся колокольчика: тот зазвонил; воин поднял голову, спрашивая, день ли сейчас, но валлиец, который жадно перегружал себя, запыхавшись от непосильного труда, да к тому же пораженный ужасом, не смог дать нужного ответа; тогда некоторые воины встали, отобрали у него золото и страшно избили его. Затем они вышвырнули его вон, а камень утащили за собой через устье пещеры. Уэльсец так и не оправился от последствий этого избиения, но до конца жизни оставался почти калекой и очень бедным. Он часто возвращался с друзьями в Крейг-и-Динас, но они так и не смогли найти это место, хотя перерыли, кажется, каждый дюйм холма".

Эта история Иоло завершается моралью, которую я опускаю, чтобы освободить место для того, что он говорит в примечании: в Гламорганшире есть два холма под названием Крейг-и-Динас - сейчас в Южном Уэльсе более принято произносить Крейг-и-Джинас - один в приходе Антрисант, а другой в Истрад-Дифодвг. По словам Иоло, в долине Тоуи, недалеко от Кармартена, тоже был холм с таким названием. Он добавляет, что в Гламоргане рассказывают о кармартенширском холме, а в Кармартеншире говорят, что холм находится в Гламоргане. Согласно сыну Иоло, Талиесину *Уильямсу*3 или Талиесину аб Иоло, Крейг-и-Джинас, с которым связана пещера Артура (или Оуэна Лоугоха), находится на границе Гламоргана и Брекнокшира. Таково же мнение моего друга мистера Рейнольдса, который описывает эту пещеру как очень смелый скалистый выступ в верхней части долины реки Нит, недалеко от Понт-Недж-Фехан. Он добавляет, что в этой сказке, рассказанной его матерью "в ее молодые годы" очень старой женщиной, известной как Мари Шенсин-и-Клочидж "Дженкина пономарь", место Артура занял Оуэн Лоугох, "Оуэн из Красной Руки", о котором будет рассказано далее.

Следующая артурианская история не совсем по теме, поскольку в ней нет намека на сокровища; но поскольку в остальном она так похожа на рассказ Иоло, я не могу не представить ее здесь. Она включена в составную историю *Bwca 'r Trwyn*, "Тряпка с носа", написанную для меня на гвентийском валлийском мистером Крейгфрином Хьюзом. В пещерной части рассказывается о том, как фермер из Монмутшира, чей дом сильно пострадал от тележки, отправился однажды утром навестить волшебника, жившего неподалеку от Керлеона, и как по пути ему встретился очень странный и чудаковатый человек в треугольной шляпе. Они разговорились, и странный человек спросил фермера, не хочет ли он посмотреть на какую-нибудь диковинку. Тот ответил, что не прочь. Тогда пойдите со мной, - сказал обладатель треугольной шляпы, - и вы увидите то, чего не видел никто из ныне живущих". Когда они добрались до середины леса, этот духовный наставник соскочил с лошади и пнул большой камень у дороги. Тотчас же он отъехал в сторону, открыв устье большой пещеры; и теперь он сказал фермеру: "Сядь и приведи сюда свою лошадь: привяжи ее рядом с моей, и следуй за мной, чтобы ты мог увидеть то, чего глаза человека не видели уже много веков". Фермер, сделав все, что ему было приказано, долго шел за своим проводником: в конце концов они пришли к лестнице, на которой висели два огромных колокола. "Только учти, - сказал предупреждающий голос странного проводника, - не трогай ни один из этих колоколов". Внизу лестницы находилась огромная комната, где на полу лежали сотни мужчин в полный рост, а голова каждого покоилась на прикладе ружья. "Вы знаете, кто эти люди?" - "Нет, - ответил фермер, - не знаю, как и не знаю, что им нужно в таком месте, как это". "Что ж, - сказал проводник, - это тысячи воинов Артура, которые отдыхают и спят, пока они не понадобятся Кымри. А теперь давайте выберемся отсюда так быстро, как только смогут донести нас наши ноги". Когда они достигли верха лестницы, фермер каким-то образом ударил локтем в один из колоколов, так что тот зазвенел, и в мгновение ока все спящие поднялись на ноги с криками: "Кымры в беде? Пока нет: спите

дальше", - ответил носитель шапки с петухом, после чего все опустились на свои пушки, чтобы тут же снова погрузиться в сон. "Вот те доблестные люди, - продолжал он, - которым предстоит переломить чашу весов в пользу кымров, когда придет время сбросить с себя саксонское иго и вернуть себе владение страной". Когда оба вернулись к своим лошадям у устья пещеры, проводник сказал крестьянину: "Теперь иди с миром, и позволь мне под страхом смерти предупредить тебя, чтобы ты не произносил ни слова об увиденном в течение года и одного дня: если ты это сделаешь, тебя ждет горе". После того как он перенес камень на место, фермер потерял его из виду. По прошествии года крестьянин снова проходил тем же путем, но, хотя он долго и тщательно искал, ему так и не удалось найти камень в устье пещеры.

Возвращаясь к рассказу Иоло, можно сказать, что в нем сохранились следы истории, бытовавшей когда-то в Мерионетшире, но с той разницей, что валлиец встретил волшебника не на Лондонском мосту, а на ярмарке в Бала, и что пещера находилась где-то в Мерионете: героем был Артур, а пещера называлась Огоф Артур. Известна ли такая пещера до сих пор, я сказать не могу; но третья интересная версия приводится в "*Брайтоне*" за 1858 г., с. 179, покойным Гвиниондом, который рассказывает эту историю как народное поверье в своем родном приходе Троед-ир-Аур, на полпути между Ньюкаслем Эмлином и Абер-Портом, в Южном Кардиганшире. В этой последней версии героем является не Артур, а более поздний человек, о котором говорится следующее: - Не последним из чудес воображения, которыми были заняты умы стариков, была история Оуэна Лоугоха. На наших ярмарках иногда поют такие слова:...

Yr Owain hwn yw Harri 'r Nawfed

Syđ yn trigo 'ngwlad estronied, &c.

Этот Оуэн - Генрих Девятый,

Который задерживается на чужбине, и т. д.

Но этот Оуэн Лоугох, национальный освободитель нашего древнего рода Брайтонов, по словам людей Троеда ир Аура, пребывал не в чужой земле, а где-то в Уэльсе, недалеко от дамбы Оффы. Рассказывали, что некий Дафидж Мейриг из Беттвс Бледрвс, поссорившись с отцом, отправился в [□oegr4](#), "Англию". Отойдя на значительное расстояние от дома, он заключил сделку с торговцем скотом, чтобы тот перегнал стадо его животных в Лондон. Где-то в углу обширного болота Дафид вырезал замечательный ореховый посох; ведь хороший посох так же необходим для профессии хорошего погонщика, как зубы для собаки. И вот, когда его товарищи сломали свои посохи, не доезжая до Лондона, посох Дафиджа остался в прежнем виде, а когда они вместе беседовали на Лондонском мосту, к Дафиджу подошел незнакомец, пожелавший узнать, где он раздобыл этот чудесный посох. Он ответил, что получил ее в Уэльсе, и, когда незнакомец заверил его, что под деревом, на котором она выросла, происходят чудеса, они оба отправились в Уэльс. Когда они добрались до места и немного покопались, то обнаружили, что под деревом находится большое дупло. Когда ночь расстелила свою соболиную мантию, и они стали спускаться глубже, то обнаружили, что в огромной камере есть лестница, по которой легко ступать, и большие лампы, освещающие ее! Они медленно спустились вниз, испытывая смешанные чувства ужаса и непобедимого желания увидеть это место. Спустившись вниз, они оказались возле большого стола, за одним из концов которого сидел высокий мужчина ростом около семи футов. Он сидел на старомодном стуле, положив голову на левую руку, а другой, красной, лежал на столе и сжимал большой меч. При этом он наслаждался удивительно безмятежным сном, а у его ног на полу лежала большая собака. Окинув их взглядом, волшебник сказал Дафиджу: "Это Оуэн

Лоугох, который должен спать до особого времени, когда он проснется и станет править Брайтонами. Это оружие в его руке - один из мечей древних королей Прайдена. Ни одна битва не была проиграна, в которой использовался этот меч". Затем они медленно двинулись дальше, разглядывая чудеса этой подземной комнаты; повсюду они видели оружие давно минувших веков, а на столе - тысячи золотых изделий с изображениями разных королей Прайдена. Они поняли, что им позволено взять по горсти каждого, но не класть в кошельки. Они оба несколько раз заходили в пещеру, и наконец Дафидж положил в свой кошелек немного золота с изображением одного из самых храбрых предков Оуэна. Но, выйдя снова, они так и не смогли найти подземный дворец Оуэна.

Таковы, по словам Гвиниона, представления, которые лелеют старики Троеда ир Аура в Кередионе, и редактор добавляет примечание, что подобные истории бытуют среди крестьян Камберленда и, возможно, других частей Британии. Это замечание сразу же напомнит читателю об известных [стихах](#)5 шотландского поэта Лейдена об Артуре, спящем в пещере на холмах Эйлдон в окрестностях аббатства Мелроуз. Но он, естественно, спросит, почему Лондонский мост введен в эту историю и в историю Иоло, и в ответ я должен сказать, во-первых, что Лондонский мост раньше занимал очень большое место в народном воображении как одно из главных чудес Лондона, самого замечательного города в мире. Во всяком случае, именно такое представление о Лондоне и Лондонском мосте было у жителей Уэльса, даже на моей памяти. Во-вторых, мода выбирать Лондонский мост в качестве начальной сцены легенды о сокровищах была заложена, возможно, широко распространенной английской историей следующего содержания: "Одному торговцу из Сваффхэма в Норфолке приснился сон, что если он пойдет и постоит на Лондонском мосту, то получит очень радостные новости; поскольку сон удвоился и утроился, он решил пойти. Так он простоял на мосту два или три дня, когда наконец один лавочник, заметив, что он так долго стоит там, не предлагая ничего на продажу и не прося милостыню, заинтересовался его делами. Торговец рассказал ему о своем поручении и был от души рассмешен лавочником, который сказал, что этой ночью ему приснилось, будто он находится в местечке Сваффхэм в Норфолке и что если он только покопается под большим дубом во фруктовом саду за домом торговца, то найдет там огромное сокровище; но это место было ему совершенно незнакомо, и он не такой дурак, чтобы следовать глупой мечте. Нет, он был мудрее, поэтому посоветовал торговцу идти домой и заниматься своими делами. Торговец спокойно внял словам о сне и поспешил домой в Сваффхэм, где и нашел сокровище в собственном саду. Остальную часть этой истории приводить нет необходимости, так как она сильно отличается от валлийских, с которыми читатель только что [ознакомился](#)6.

Вернемся к Оуэну Лоугоху, поскольку мы с ним еще не покончили: на ферме Сил-ир-Ичен возвышается примечательный известняковый холм под названием *Й-Джинас*, "Крепость", в миле к северу от деревни Кандибай, что в Кармартеншире. Этот *динас* и постепенно поглощающие его известковые печи видны справа от железной дороги, когда вы едете из Кандейло в Кандиби. Это отвесная высокая скала, которая образует очень хорошее естественное укрепление, а на ровной площадке на вершине находится устье очень длинной пещеры, известной как *Ого'р Джинас*, "пещера Динас". Вход в нее небольшой и низкий, но постепенно она расширяется, становясь в одном месте высокой и просторной, и из нее выходят несколько небольших ответвлений; считается, что некоторые из них соединяют Ого'р-Джинас с пещерами меньшего размера в Пант-и-Ефайн, "Озерной лощине", где, как указывает название, немного выше есть небольшое озеро: И Ого'р Джинас, и Пант-и-Хин находятся в миле от деревни [Андибу](#)7. В письме, написанном в 1893 году одним из местных жителей, мне сообщили, что местная легенда об Ого'р-Джине гласит, что Оуэн Лоугох и его люди спят в нем, а другой местный житель, мистер Фишер, пишет в том же году. Фишер,

написавший в том же году, но на основании несколько более поздних слухов, выражается так: "Я помню, что слышал две легенды об Ого'р-Джинасе: (1) что король Артур и его воины спят в нем, сжимая правой рукой рукояти своих мечей, готовые встретить любого, кто осмелится нарушить их покой - нет ли где-нибудь в Карнарвоншире *динаса* с подобной легендой? (2) Что Оуэн Лоугох жил в нем какое-то время или другое: это все, что я помню, что слышал о нем в связи с этим *огофом*". Кроме того, мистер Фишер утверждает, что про *огоф* в Пант-и-Ефайн говорится, что Оуэн Лоугох и его люди по какому-то случаю укрылись в нем, где их заперли и уморили голодом до смерти. Он добавляет, что, как бы то ни было, фактом является то, что в 1813 году в этом *огофе* было обнаружено десять или более человеческих скелетов необычного *роста*⁸.

К этому я могу приложить ссылку на "*Генинен*" за 1896 год, стр. 84, где г-н. Эйфер Томас, также уроженец этого района, ссылается на местное поверье, что Оуэн Лоугох и его люди спят, как уже говорилось, в пещере Пант-и-Эфен, и что они будут спать там, пока трубный звук и звон оружия на Рив Гоч не пробудят их, чтобы выступить на бой с саксами и победить, как описано у Хауэллса: см. с. 381 выше. Нет нужды говорить, что, как мы увидим далее, нет никаких оснований предполагать, что Оуэн Лоугох когда-либо был вблизи какой-либо из пещер, о которых здесь говорилось; но это ничуть не умаляет очарования легенды, сложившейся вокруг его личности; и мимоходом я могу позволить себе выразить удивление, что в таких историях, как эта, более ранний Оуэн не был затмлен Оуэном Глиндвром: должна быть какая-то историческая причина, почему этого не произошло. Может быть, привычка к осторожности заставляла валлийцев говорить об Оуэне Лоугохе, когда на самом деле имелся в виду другой Оуэн?

Приведенный мною отрывок из письма мистера Фишера поднимает вопрос о *динасе* в Карнарвоншире, о котором он вспомнил в своем родном приходе; его мы и рассмотрим далее. Несомненно, он имел в виду *Динас Эмрис*, ранее называвшийся *Дин Эмрейс*⁹, "Крепость Амброзия", расположенный недалеко от Беджгелерта и известный в окрестностях просто как у *Dinas*, "Форт". Оно упоминается в легенде о Вортигерне как место, где были спрятаны драконы, что расстроило строительство замка этого короля; а в "*Топографическом словаре Уэльса*" Льюиса, в статье о *Бетгеларте* (*Бедж-Келерте*), это место описывается как изолированная скалистая возвышенность с обширной вершиной, которая защищена стенами из сыпучих камней и доступна только с одной стороны. Он добавляет, что вход, по-видимому, охранялся двумя башнями, и что внутри огражденной территории находятся фундаменты круглых зданий из сыпучих камней, образующих стены толщиной около пяти футов. Об этом Динасе мы читаем в *Brython* за 1861 год, стр. 329, легенду следующего содержания: "После ухода Вортигерна, Мирджин, или Мерлин, как его называют по-английски, долгое время оставался в Динасе, пока, по сути, не ушел с Эмрисом Бен-ауром, "Амброзием Золотоголовым" - очевидно, имеется в виду Аврелий Амброзий. Когда он собирался отправиться с последним, то сложил все свои сокровища и богатства в *крохан-аур*, "золотой котел", и спрятал его в пещере в Динах, а на устье пещеры навалил огромный камень, который засыпал землей и дерном, чтобы никто не смог его найти. По его замыслу, это богатство должно было принадлежать какому-то особенному человеку в будущем поколении, и говорят, что наследником его должен стать юноша с желтыми волосами и голубыми глазами. Когда этот человек приблизится к Дайнам, зазвонит колокольчик, приглашая его в пещеру, которая откроется сама собой, как только его нога коснется ее. О том, что в Беджгелерт и Нанхвинейн когда-то верили, свидетельствуют любопытные истории о различных попытках найти сокровища, о грозах и предсказаниях, которые побеждали жадность местных жителей к золоту. Несколько таких примеров см. в *Brython*, pp. 329-30; а о других, показывающих, как спрятанные сокровища тщательно оберегаются для наследников

нужного рода, см. выше, р. 148. Чтобы доказать, насколько широко эта идея преобладала в Карнарвоншире, могу добавить короткую историю, которую миссис Уильямс-Эллис из Гласфрина получила от инженера, рассказавшего ей о священном угре *angybi* (р. 366):- По его словам, на Пентирхе, холме над *angybi*, был большой камень, такой тяжелый и так прочно закрепленный в земле, что ни лошади, ни люди не могли сдвинуть его: это часто пытались сделать. Но однажды маленькая девочка играла возле камня, и от прикосновения ее маленькой руки камень сдвинулся с места. Под ним был найден клад монет, и это в то время, когда родители девочки очень нуждались в них. Долго искали недостойные люди сокровища, которые должны были быть спрятаны в этом месте, но всегда безуспешно, пока нужный человек не прикоснулся к камню, чтобы он сдвинулся с места. О том, что даже в случае обнаружения сокровищ не тот, кто их искал, может свидетельствовать история, приведенная мистером Дерфелем Хьюзом в его "*Древностях andegai u anechid*", стр. 35-6, о том, что один слуга, где-то в горах у озера Огвен, случайно наткнулся на устье пещеры, в которой было множество медных сосудов (*pres*) всех форм и описаний. Он сразу же пошел и схватил один из них, но, увы, он был слишком тяжел, чтобы он мог его сдвинуть с места. Тогда он решил уйти и вернуться рано утром с другом, чтобы тот помог ему; но перед уходом он закрыл устье пещеры камнями и дерном, чтобы оставить ее в безопасности. Во время этого занятия он вспомнил, что слышал, как другие, подобно ему, находили пещеры и не могли их найти. Он не мог найти ничего, что могло бы удовлетворить его как знак, поэтому ему пришлось в голову усеять свой путь обломками палки, которую он обтесывал по мере того, как возвращался назад, пока не вышел на знакомую тропу: эти обломки должны были указать ему путь к пещере. Когда наступило утро, он и его друг отправились в путь, но когда они достигли места, где должны были начаться щепки, ни одной не было видно: *Тильвит Тер* подобрал все до единой. Так что находка изделий из латуни - скорее всего, бронзы - оказалась напрасной. Но, говорит писатель, не суждено быть всегда тщетным, ибо в долине существует предание, что эти сокровища достанутся Гвиделю, "гойделю, ирландцу", и что произойдет это следующим образом:-Гвидел придет в окрестности, чтобы стать пастухом, и однажды, когда он пойдет на гору, чтобы присмотреть за овцами, как раз в тот момент, когда судьбе будет угодно, перед ним пробежит черная овца с крапчатой головой и направится прямо к пещере: овца войдет туда, а Гвидел будет преследовать ее, пытаясь поймать. Когда Гвидел войдет в пещеру, он увидит сокровища, посмотрит на них с удивлением и завладеет ими; таким образом, через несколько поколений Гвидел вернет им их собственные сокровища. Таково предание, которое Дерфель Хьюз обнаружил в долине Огвен, и он делает из него вывод, который, как ему кажется, оправдывает, выражаясь следующими словами: "Возможно, это показывает нам, что Гвиджилы когда-то имели отношение к этим местам, и что мы не должны считать безосновательными историями все, что говорится об этом народе; и поговорки старых людей по сей день показывают, что между нашим народом и Гвиджилами всегда есть какая-то вражда". Так, например, продолжает он, если человек оказывается изменчивым, о нем говорят, что он стал Гвиджлом (*Y mae wedi troi'n Wydel*), или если кто-то очень бесстыдный и нахальный, его называют Гвиджлом и говорят, чтобы он держал язык за зубами (*Taw yr hen Wydel*); и целый ряд подобных выражений, используемых нашими людьми, доказывает, по его мнению, что в прошлом между двумя братскими народами было много разногласий. Выражения такого рода, упомянутые мистером Хьюзом, хорошо известны во всех частях княжества, и их трудно объяснить, кроме как предположением, что гойделы и бритоны долгое время жили лицом к лицу, так сказать, друг с другом на больших территориях на западе нашего острова.

Следующая история, которую мы упомянем, относится к тому же району Сноудона и возвращает нас к Артуру и его людям. Согласно писателю, который уже цитировался в "*Брайтоне*" за 1861 год, стр. 331, Артур и его последователи отправились из Динас-Эмриса и

пересекли гору Хафод-и-Борт в местечко над верховьями реки Квм^аан, называемое Трегалан, где они нашли своих антагонистов. От Трегалана их оттеснили вверх по перевалу, в сторону Cwm Dyli; но когда авангард армии с Артуром во главе достиг вершины перевала, враги обрушили на них ливень стрел. Там Артур упал, и его тело было похоронено на перевале, чтобы ни один враг не мог пройти тем путем, пока там покоится прах Артура. Такова, по его словам, история, и по сей день на перевале, как он утверждает, остается груда камней, называемая *Carned Arthur*, "Артуров каирн": перевал называется *Bwlch y Saethau*, "Перевал стрел". Затем Огоф ^аanciau Eryri является темой следующей истории, приведенной на с. 371 того же тома: "После смерти Артура на Бвлх-и-Саэтау его люди поднялись на хребет ^аiweđ и спустились в огромную пещеру, называемую *Oroф* ^аanciau Eryri, "Пещера молодых людей Сноудонии", которая находится в обрывистом утесе с левой стороны недалеко от вершины ^аyn ^аydw. Это в Cwm Dyli, и там, в пещере, по преданию, до сих пор спят те воины в своих доспехах и ждут второго пришествия Артура, чтобы вернуть корону Британии Кимри. Поговорка гласит

^аancia' 'Ryri a'u gwyn gy^а a'i henni^а hi.

Молодежь Сноудонии с ее белыми орехами победит".

Когда однажды давным-давно местные пастухи собирали своих овец на горе ^аiweđ, одна из овец упала на полку в этом обрыве, и когда пастух Cwm Dyli добрался до места, он увидел, что выступ скалы, на котором он стоял, ведет в скрытую пещеру ^аanciau Eryri. Внутри было светло: он заглянул туда и увидел множество воинов без числа, все они спали, опираясь на оружие и готовые к бою. Увидев, что все они спят, он почувствовал сильное желание осмотреть все вокруг; но, протискиваясь внутрь, он ударился головой о колокол, висевший у входа. Он зазвонил так, что зазвенели все уголки огромной пещеры, и все воины проснулись, издав ужасный крик, который так напугал пастуха, что он больше никогда не был здоров; и с тех пор никто не осмеливался даже приблизиться к устью пещеры.

Вот и все, и мне остается только заметить, что эта легенда несколько примечательна тем, что в ней юноши Эрири спят в своей пещере без Артура. На самом деле этот герой описан как похороненный неподалеку под *carned* или каирном на *Bwlch y Saethau*. Что касается точного местоположения этого каирна, могу сказать, что некоторое время назад мое внимание привлекли следующие строки мистера Уильяма Оуэна, более известного как Гласлин, живого барда, родившегося и выросшего в этом районе:...

Ger^аaw Carned Arthur ar ysgwyđ y Wyđfa

Y gorwed gweđi^аion y cawr enwog Ricca.

Рядом с каирном Артура на плече Сноудона

лежат останки знаменитого великана Рикки.

Эти слова напоминают более древнее двустиие из поэмы Риса Гоха Эрири, который, по преданию, умер в 1420 году. Он был уроженцем прихода Беджгелерт, и его слова звучат так: -
Ar y drum oer dramawr

Ar y drum oer dramawr,

Yno gorwed Ricca Gawr.

На хребте холодном и огромном

лежит великан Рикка.

Из этого ясно, что Рис Гох имел в виду, что каирн на вершине Сноудона покрывал останки великана, чье имя по-разному писали - Рикка, Ритта, Рита. Поэтому я был вынужден выяснить у Гласлина, правильно ли я понял его слова, и он оказался достаточно любезен, чтобы помочь мне выйти из некоторых затруднений, поскольку я не знаю Сноудон наизусть, особенно сторону Нанхвина и Беджгелерта: - Каирн на вершине Сноудона был останками великана до того, как его снесли и превратили в некое подобие башни, существовавшей до того, как была построена гостиница. Гласлин не слышал, чтобы его называли по имени Рикка, но он утверждает, что старые люди называли его *Carned y Cawr*, "каирн великана". В 1850 году на вершине Bwlch y Saethau можно было увидеть *Carned Arthur*, "каирн Артура", но он не знает, так ли это на самом деле, поскольку не был там со времен строительства отеля. Bwlch y Saethau - это возвышенное плечо Сноудона, вытянутое в направлении Nanhwynain, и расстояние от вершины Сноудона до него невелико; чтобы пройти от одной *карнеды* до другой, вам потребуется полчаса или, возможно, чуть больше. Можно проследить путь Артура от Динас-Эмриса по склонам Хафод-и-Борта, через плечо Арана и Брайх-ир-Оен до Трегалана - или Квм Трегалана, как он называется сейчас, - но от Трегалана ему пришлось бы подниматься в северо-восточном направлении, чтобы достичь Бвлх-и-Саэтау, где он, по преданию, упал и был похоронен под каирном. Это можно рассматривать как обычный или банальный рассказ о его смерти. Но эта сцена наводит на мысль о гораздо более романтической картине; ведь внизу находился остров *Yn ydau* с его уединенным островком, связанный тогда лишь примитивным каноем с берегом, на котором работали люди, добывавшие руду Эрири. Глазами Мэлори мы наблюдаем за тем, как Бедивер с Экскалибуром в руках совершает три неохотных путешествия к озеру, прежде чем отдать его руке, появившейся из глубины. Мы воображаем, что видим, как "на берегу быстро причалила литиевая баржа со многими прекрасными дамами в ней", которая должна была унести раненого Артура под аккомпанемент траура и громких причитаний; но легенда о Марчлине заставляет нас изменить формулировку Мэлори о барже, в которой было много дам в черных капюшонах, и в последний раз взглянуть на воина, уплывающего скорее в корабле с тремя дивно прекрасными женщинами, занимающимися его *ранами*¹⁰.

Некоторые дополнительные заметки о Сноудоне, а также любопытный рассказ о пещере Эрири (*anciau Eryri*) были любезно предоставлены в мое распоряжение г-ном Эллисом Пирсом (Ellis Pierce) из Долвиджелана. Эллис Пирс (*Ellis¹¹ o'r Nant*) из Долвиджелана: - В самой верхней части котловины, называемой Cwmanc, находится Трегалан, а в середине Cwm Tregalan - зеленый холм, или, скорее, возвышенность, которая едва ли является холмом, но то, что обычно называют *boncyn¹²* в Карнарвоншире, А между этим зеленым холмом и *Clogwyn Du*, "Черным обрывом", находится болото, глубину которого никто так и не смог определить, и, по легенде, там был поглощен какой-то город - возможно, от *tre* в Трегалане. Другой мой информатор говорит о нескольких холмах или *бонкинах*, образующих одну из сторон этого маленького ручья; но он слышал от геологов, что эти зеленые курганы представляют собой морены, отложившиеся здесь в ледниковый период. От дна Клогвин-Ду до Бвлх-и-Саэтау около мили. Что касается пещеры Эрири (*anciau Eryri*), которую сейчас никто не может найти, то спуск к ней начинается с вершины горы Айведж (*iwed*), но, как правило, туда, где она должна была находиться, нельзя спуститься без веревки, что не согласуется с историей о пастухе из Квм-Дайли, который шел за овцой до самого устья пещеры; не говоря уже о том, что спуск должен был представлять трудности для людей Артура, когда они в нее вошли. В рассказе Эллис о'р Нант говорится, что она закрылась за

ними и открылась перед пастухом только после того, как он наступил на определенный дерн или место. Затем он нечаянно соскользнул вниз и задел висевший там колокольчик, который зазвонил и мгновенно разбудил спящих воинов. Не успело это произойти, как артуровцы взяли за оружие - не обращайтесь внимания на анахронизм - и пастух выбрался наружу скорее мертвым, чем живым; испуганный парень так и не оправился от потрясения до самой своей смерти. Когда эти воины берут в руки оружие, они стреляют, как нам говорят, без пощады с того места, где стоит каждый человек: они не должны продвигаться ни на шаг, пока Артур не придет, чтобы призвать их обратно в мир.

Чтобы не усугублять неуместности, над которыми и без того трудится эта глава, и чтобы не разрывать слишком грубо однородные вопросы, я хочу добавить, что Элис о'р Нант превращает имя великана, похороненного на вершине Сноудона, в Ритту или Риту, а не в Рикку. Это также форма имени, с которой миссис Рис была знакома на протяжении всего своего детства, проведенного на стороне Анбериса. Она часто слышала о том, что [Puma13](#) Гавр был похоронен на вершине Сноудона, и о других воинах на других частях Сноудона, таких как Моэль Гингорион и Гист на этом *моэле*. Но Элис о'р Нант идет дальше и добавляет, что от Риты гора называлась *Wydfa Rhita*, правильнее *Gwydfa Rita*, "Гвиджфа Риты". Опасаясь, что это может быть всего лишь умозаключением, я попытался провести перекрестный допрос, насколько это возможно по письму. Он ответил, что его отец вырос и родился в маленькой ложине под названием [Эвибрант14](#), между Беттвс-и-Коэд и Пен Махно, и что его дед тоже жил там, и, похоже, владел землей неподалеку от дома знаменитого епископа Моргана. Отец Элиса, по его словам, часто рассказывал о "Гвиджфе Рите". Желая получить более точные свидетельства, я написал ему еще раз, и он сообщил мне, что его отец очень любил говорить о своем отце, деде Элиса о'р Нанта, который, судя по всему, был персонажем и большим сторонником сэра Роберта Уильямса, особенно на ожесточенных политических выборах в 1796 году, когда против последнего выступал тогдашний глава семьи Пенрхин. Иногда старик из Эвибранта отправлялся в своих *клоках*, "сабо или деревянных башмаках", навестить сэра Роберта Уильямса, жившего в Плас-и-Нант, неподалеку от Беджгелерта. Отправляясь в путь, он говорил своей семье: "*Mi a'i hyibio troed Gwydfa Rhita ag mi do'n ol rwbrud cin nos*, или иногда *foru*". То есть "я обойду подножие Гвиджфы Риты и вернусь как-нибудь до ночи": иногда он говорил "до завтра". Элис также утверждает, что его отец рассказывал, как была построена Гвиджфа Риты, а именно: каждый из его воинов брал камень, чтобы положить его на могилу Риты. Как бы ни возникла история о том, что Рита Гавр была похоронена на вершине Сноудона, нет никаких сомнений в том, что она была актуальна в сравнительно недавние времена, и что валлийское название у *Wydfa*, происходящее от нее, относится к горе в отличие от района, в котором она расположена. В валлийском языке этот район называется Эрири, место обитания *эрира*, "орла", птицы, которая раньше жила здесь, о чем свидетельствуют многие местные названия, такие как *Carreg yr Eryr15*, "Камень Орла", упомянутый в границах земель на Сноудоне, пожалованных аббатству Аберконви в грамоте Эвелина, где гора Сноудон также называется *Wedua vawr*, "Великая Гвиджфа". Как уже говорилось, слово *gwydfa* отсылает нас к ританскому *Carned* или *Cairn*, поскольку оно означало памятник, могилу или курган: Доктор Дэвис в своем валлийско-латинском словаре приводит его как *Locus Sepulturæ, Mausoleum*. Это значение слова можно проиллюстрировать упоминанием в *Brut y Tywysogion* о захоронении Мадога аб Маредиджа. Ведь под 1159 годом нам говорят, что он был похоронен в Мейфодде, поскольку именно там находилась его гробница или склеп его семьи, предназначенный также для него (у [y ydua16](#)).

Против только что приведенных доказательств того, что традиция помещает могилу Риты на вершине Сноудона, не имеет смысла мимолетное упоминание Дерфела Хьюза (стр. 52), хотя

он и утверждает, что именно на вершине соседней горы под названием *Карнедж Лювелин*, "Каирн Лювелина", был возведен каирн Риты. Однако он заслуживает большего внимания, когда помещает *Carned Drystan*, "каирн Тристана или Тристрама", на отроге этой горы, то есть на востоке над Ffynnon у [yffaint17](#). Ибо стоит отметить, что имя Дристана, связанное с Артуром в поздних романах, должно фигурировать вместе с именем Артура в топографии того же района Сноудона.

Прежде чем покинуть Сноудон, я упомяну о пещере у небольшого ручья недалеко от Гвинея, в полутора милях выше Динас Эмрис. В письме [wyd](#) (напечатано в *Cambrian Journal* за 1859 год, pp. 142, 209), , на которое я уже ссылался, она называется *Ogo'r Gwr Blew*, "пещера волосатого человека"; а история рассказывает, как живший в ней Gwr Blew был смертельно ранен женщиной, которая случайно оказалась дома, одна, в одном из ближайших фермерских домов, когда Gwr Blew пришел ее разграбить. Единственный интерес в данном случае заключается в том, что более поздняя [версия18](#) отождествляет Волосатого человека с Оуэном Лоугохом, изменив обозначение первого у *Gwr Blew*, которое буквально означало "волосатый человек", на у *Gwr Blewog*, "волосатый человек". Этот сомнительный случай присутствия Оуэна Лоугоха в фольклоре Северного Уэльса, похоже, не имеет аналогов.

Некоторые из этих пещерных историй, как мы видели, открывают нам героя, который, как ожидается, вернется, чтобы снова вмешаться в дела этого мира, и нет нужды говорить, что Уэльс далеко не одинок в наслаждении воображаемыми перспективами такого рода. Подобные поэтические ожидания не были неизвестны, например, в Ирландии. Летом 1894 года я провел несколько солнечных дней в окрестностях Бойна и однажды утром решил посмотреть на главные курганы, усеивающие берега этой интересной реки; но прежде чем выйти из гостиницы в Дрогеде, мое внимание привлекла книга железнодорожных объявлений того рода, которые заставляют задаться двумя вопросами: почему железнодорожные компании не оставят в покое тех людей, которые не хотят путешествовать, и почему они делают это таким утомительным для тех, кто хочет? Но, перелистывая листы этой брошюры, я склонился к более спокойному настроению, так как наткнулся на абзац, посвященный древней крепости под названием Грианан-оф-Айлих, или Гринан-Эли, в горном районе Донекала. Здесь я прочитал, что тысяча вооруженных мужчин сидят там, опираясь на свои мечи, и связаны магическим сном до тех пор, пока их не призовут принять участие в борьбе за восстановление свободы Эрина. Говорят, что через определенные промежутки времени они просыпаются и, выйдя из своего транса, спрашивают тоном, который торжественно разносится по многочисленным покоям Грианана: "Пришло ли время?". Громкий голос духовного хранителя отвечает: "Время еще не пришло". Они возвращаются в прежнюю позу и снова погружаются в сон. Такова суть прочитанных мною слов, и они вызвали в моей памяти легенды о таких героях прошлого, как Барбаросса, сон которого прерывался лишь сменой позы раз в семь лет; о Доме Себастьяне, которого веками ждали из мусульманских земель, чтобы он восстановил славу Португалии; о Сиде Родриго, которого ждали, чтобы он вернулся и сделал то же самое с королевством Кастилия; и, наконец, О'Донохью, который спит под озерами Килларни, готовый выйти, чтобы исправить ошибки Эрина. С головой, забитой этими и подобными фольклорными мечтами, меня повезли на место битвы при Бойне; и водитель машины, тщетно пытавшийся заинтересовать меня этим, в отчаянии бросил, что я некультурный дикарь, не испытывающий интереса к истории Ирландии. Однако он несколько изменил свое мнение, когда, добравшись до первого древнего кургана, увидел, как я исчезаю под землей, не боясь фомхораев; и стал сомневаться, вернусь ли я когда-нибудь, чтобы заплатить ему за проезд. На этом, собственно, и держались все мои надежды, ибо я полагал, что в случае, если я застряну в узком проходе или заблужусь в покоях доисторических мертвецов, джарви обязательно

выведет меня обратно. Так что к тому времени, как я посетил три этих древних места - Даут, Ноут и Нью-Грейндж, - я значительно поднялся в его мнении; и он вспомнил истории, более древние, чем битва при Бойне. Поэтому на обратном пути он рассказал мне несколько кусочков из менее тоскливой истории. Среди прочего он указал на местечко под названием Арди в графстве Лут, где, по его словам, находится заколдованный форт Гарри Герлауга, полный воинов, погруженных в волшебный сон, и среди них сам Гарри Герлауг. Говорят, однажды в их зал забрел пастух и застал спящих с мечом и копьем наготове. Но поскольку незваный гость не мог оторваться от металлических богатств этого места, владельцы копий начали подниматься, и незваному гостю пришлось спасаться бегством. А вооруженное воинство все еще ожидает призыва к оружию, когда им предстоит выступить в поход, чтобы вернуть Ирландии процветание и славу. Таков был его рассказ, и я весь обратился в слух, как только услышал об Арди, который по-ирландски называется *Áth Fhir-dheadh*, или Брод Фер-деда, названный так от имени Фер-деда, который вел затяжной поединок с Кучулейном на этом броде, где в конце, согласно известной ирландской истории, пал от руки Кучулейна. Еще большее впечатление произвело на меня имя Гарри Гирлауг, поскольку я узнал в Гарри англо-ирландское произношение норвежского имени Godhfrejdhr, позднее Godhroedh, иногда передаваемого как Godfrey, а иногда Godred, в то время как в Мэне и Шотландии оно стало Gorru, что можно услышать и в Ирландии. Далее мне показалось, что я узнал в последней части имени Гарри Геерлауг норвежское женское имя Гейрлауг. В десятом и одиннадцатом веках в этой части Ирландии не было недостатка в Гарри; но я пока не нашел ни одного историка, который бы опознал воина по имени или прозвищу Гарри Геерлауг, который должен вернуться в этот мир, мигнув, когда его сон закончится. Покидая Ирландию, на днях мне рассказали о месте под названием Том-на-Хурич, недалеко от Инвернесса, где Финн и его спутники отдыхают, каждый на своем левом локте, наслаждаясь прерванным сном в ожидании ноты, которая должна позвать их вперед. Что они будут делать дальше, мне не сказали: возможно, они сразу же приступят к решению вопроса о Крофтере, поскольку таковой, несомненно, будет.

Возвращаясь к Уэльсу, следует отметить, что король Кадваладр, который в седьмом веке вел безуспешную войну с англами Нортумбрии, еще долгое время после своей смерти ожидал возвращения, чтобы восстановить власть Брайтонов. Во всяком случае, так можно предположить, читая несколько стихотворений в рукописи, известной как "*Книга Талиессина*". Однако в наших пещерных легендах нет и следа Кадваладра: их героями являются Артур и Оуэн Лоугох. Об Артуре сейчас говорить почти не приходится, разве что можно отметить, что вера валлийцев в возможное возвращение Артура в свое время была мощным мотивом, влиявшим на поведение жителей Уэльса, как это, например, чувствовали английские государственные деятели в эпоху правления Генриха II. Но в наше время ожидаемое возвращение Артура - гехке *futurus* - рассеялось, превратившись в обычное место фольклора, пригодное лишь для аллегии, как, например, в стихотворении Элвет Льюис, одной из самых милых валлийских поэтесс, озаглавленном *Arthur gyda ni*, "Артур с нами":...

Mae Arthur Fawr yn cysgu,

A'i dewrion syđ o'i deutu,

A'u gafaél ar y cled:

Pan daw yn dyđ yn Nghymru,

Daw Arthur Fawr i fynu

Yn fyw-yn fyw o'i fed!

Великий Артур все еще спит,

Вокруг него его воины,

Схватившись за сталь:

Когда рассветет день в Кембри,

Великий Артур выйдет вперед

Живой, чтобы творить благо!

Не так в отношении надежд, связанных с именем Оуэна Лоугоха; ведь по свидетельству Гвиниона (Gwyniond, р. 464) мы знаем, что наши старые балладники пели о нем на валлийских ярмарках: нет ничего невероятного в том, что они до сих пор делают это то тут, то там, если только ужасы ужасного убийства, о котором в последний раз писали в газетах, не оказались более действенными. Во всяком случае, мистер Фишер (стр. 379) знал стариков в своем родном районе в долине Айхвер, которые могли повторять строфы или куплеты из баллад, о которых идет речь. Он прослеживает эти обрывки до брошюры, озаглавленной *"Пророчество Мерлина" 19, вместе с краткой историей его жизни, взятой из "Книги предсказаний"*. На этой небольшой книге нет даты, но, судя по всему, она была опубликована в начале девятнадцатого века. Частично она написана в прозе, где кратко описывается история Мерлина Дикого или Сильватика, а остальная часть состоит из двух поэм. Первая из этих поэм называется *Dechreu Darogan Myrddin*, "Начало предсказаний Мерлина", и состоит из сорока девяти стихов, в нескольких из которых говорится об Оуэне как короле, покоряющем всех своих врагов и изгоняющем саксов: затем в сорок седьмой строфе идет двустишие, в котором говорится, что этот Оуэн - Генрих Девятый, который задерживается в чужой стране. Другое стихотворение носит более общий характер и называется "Вторая песнь о предсказании Мерлина" и состоит из двадцати шести строф по четыре строки в каждой, как и предыдущее; но в третьей строфе описывается колокол Артура в Каэрлеоне, который звонит с большой силой, возвещая о приходе Оуэна; а седьмая строфа начинается со следующего двустишия:-.

Ceir gweled Owen Law-goch yn d'od i Frydain Fawr,

Ceir gweled newyn ceiniog yn nhref Gaerlleon-gawr.

Оуэн Лоугох один должен в Британию приехать,

И в Честере на Ди обнаружит недостаток грошей.

Она завершается датой в стихах в конце, а именно 1668 годом, который возвращает нас в очень беспокойные времена: 1668 год был годом Тройственного союза Англии, Швеции и Голландии против Людовика XIV; вскоре после этого разразилась чума, а в Лондоне случился Великий пожар. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые люди в Уэльсе догадывались о скором конце могущества Англии, и *baledwyr* посчитал своевременным обновить и адаптировать некоторые из пророчеств Мерлина так, чтобы они были приемлемы для крестьян Южного Уэльса. В любом случае у нас нет оснований

полагать, что две поэмы, описанные здесь на основе данных мистера Фишера, представляли либо дворянство Уэльса, чья обычная речь, вероятно, по большей части была английской, либо бардовское братство, которое с презрением отнеслось бы к языку и стилю "Прогноза". Ведь, если не считать небрежной печати, подобная литература не может претендовать на достоинства в плане дикции или метража. Подобные произведения, вероятно, представляют *baledwyr* и простой деревенский народ, который до сих пор с восторженным вниманием слушает, как они исполняют на валлийских ярмарках и рынках то, что им приятно считать пением. Все это вполне согласуется с фольклором пещер, каким его представляют вышеприведенные истории. Здесь я могу добавить, что мистер Крейгфрин Хьюз сообщил мне о предании, согласно которому Артур и его люди коротают время неподалеку от Керлеона на реке Уск, то есть в пещере, в целом напоминающей те, что описаны в вышеприведенных легендах. Он также упоминает предание об Оуэне Глиндвре - так он его называет, хотя это, несомненно, Оуэн из племени *баледуиров*, о которых упоминал г-н Фишер, - что он и его люди подобным образом дремлют в пещере в Крейг Гвртхейрн, в Кармартеншире. Это место в окрестностях Кандиссила, представляющее собой возвышенное поле, заканчивающееся с одной стороны резким уклоном, а подножие скалы омывается потоком Тейфи. *Craig Gwrtheyrn* означает "скала Вортигерна", и это одно из тех мест, с которыми легенда связывает имя старого короля, вызывающего недоверие. Я не знаю, есть ли на ней следы древних работ, но издали она выглядит идеальным местом для старого укрепления. Более раннее пророчество об Оуэне Лоугохе, чем любое из этих, встречается, как любезно указал мне мистер Гвеногврин Эванс, в Peniarth MS. 94 (= Hengwrt MS. 412, p. 23), и относится, возможно, к последней четверти XIV века. См. также цитируемый им текст из Mostyn MS. 133, в его "*Отчете о MSS. на валлийском языке*", i. 106. Вероятно, можно было бы обнаружить еще много подобных пророчеств, если бы кто-нибудь взялся за их систематический поиск.

Но кто же такой Оуэн Лоугох, если такой человек вообще существовал? Такой человек, несомненно, был; ибо мы читаем в одном из документов, напечатанных в сборнике, известном под названием "*Записи Карнарвона*", что на суде, состоявшемся в Конвее в сорок четвертом году правления Эдуарда III, некий Груффидж Сейс был приговорен к конфискации всех земель, которыми он владел в Англси, принцу Уэльскому - который в то время был не кто иной, как Эдуард Черный Принц - по той причине, что упомянутый Груффидж был приверженцем Оуэна: *adherens fuisset Owino Lawegogh (или Lawgogh) inimico et proditori predicti domini Principis et de consilio predicti Owyni ad mouendam guerram in Wallia contra predictum dominum Principem*²⁰. Сколько времени назад была предпринята попытка начать войну от имени этого Оуэна Лоугоха, сказать невозможно, но так случилось, что в это время жил капитан по имени Йеувейн, Йевейн или Йвен де Галес или Галлес, "Оуэн из Уэльса", сражавшийся на стороне французов против англичан в континентальных войнах Эдуарда. Фруассар в своих "*Хрониках*" много рассказывает о нем, поскольку он сильно отличился в различных критических случаях. Из рассказа историка можно узнать, что Оуэн еще мальчиком сбежал ко двору Филиппа VI Французского, который принял его с большой благосклонностью и дал ему образование вместе с собственными племянниками. Фруассар рассказывает о нем, что король Англии, Эдуард III, убил его отца и отдал его лордство и княжество своему сыну, принцу Уэльскому; Фруассар называет имя отца Оуэна - *Аймон*, что должно означать *Эдмонд*, если только имя, предназначенное для него, не было скорее *Эйнионом*. Как бы то ни было, Оуэн участвовал в битве при Пуатье в 1356 году, а когда был заключен мир, отправился служить в Ломбардию; но когда в 1369 году между Англией и Францией снова вспыхнула война, он вернулся во Францию. Иногда он сражался на море, иногда на суше, но французский король, которым теперь был Карл V, всегда поручал ему важные *задания*²¹. Так, в 1372 году он был поставлен во главе флотилии с 3000 человек и

получил приказ действовать против англичан: он совершил поход на остров [Гернси22](#), а когда осаждал там замок Корнет, король Франции поручил ему отплыть в Испанию, чтобы предложить королю Кастилии снова послать свой флот для помощи в нападении на Ла-Рошель. Во время пребывания в Сантандере туда привезли графа Пемброка, попавшего в плен во время уничтожения английского флота перед Ла-Рошелем. Оуэн, увидев графа Пемброка, с горечью спрашивает его, не приехал ли он сюда, чтобы оказать ему почести за его земли, которыми он завладел в Уэльсе. Он угрожает отомстить ему, как только сможет, а также графу Херефорду и Эдуарду Спенсеру, поскольку именно отцы этих трех людей, по его словам, предали его собственной смерти. Эдуард III умер в 1377 году, а Черный принц - незадолго до этого. Оуэн пережил их обоих и принимал активное участие в осаде Мортань-сюр-Мер в Пуату, когда был убит неким Лэмбом, который втерся к нему в доверие и службу, частично притворившись, что приносит ему новости о его родной земле и говоря ему, что весь Уэльс жаждет вернуть его, чтобы он стал лордом своей страны - *et lui fist croire que toute li terre de Gales le desiroient mout à ravoir à seigneur*. Так Оуэн пал в 1378 году и был похоронен в церкви [Сен-Леже23](#), а Лэмб вернулся к англичанам, чтобы получить положенное жалование. Когда это случилось, тезке Оуэна, Оуэну Глиндвру, было уже почти тридцать лет. Последнему в конечном итоге предстояло с переменным успехом отстаивать на нескольких полях сражений в этой стране притязания своего старшего родственника, который, благодаря своей памяти во Франции, как представляется, облегчил поздному Оуэну вступление в дружеские отношения с французским двором своего [времени24](#).

Что касается Ивена де Галлеса, то преподобный Томас Прайс (Карнуанавк) в своей "Hanes Cymru", "Истории Уэльса", посвящает пару страниц, 735-7, рассказу о нем Фруассара. Томас Прайс (Carnhuanawc) в своей "Истории Уэльса" (*Hanes Cymru*) посвящает несколько страниц, 735-7, рассказу Фруассара о нем, и указывает, что Ангарад *ŷwŷd* в своем издании "Истории семьи Гвидир" сэра Джона [Уинна25](#) обнаружила, что Оуэн Лоугох был Оуэном аб Томас аб Родри, братом *ŷewelyn*, последнего коренного принца Уэльса. Однако одно из имен, помимо всего прочего, вызывает затруднение: почему Фруассар назвал отца Ивена Аймоном? Таким образом, очевидно, что необходимо провести более тщательное исследование валлийских родословных и других документов, включая те, что хранятся в Бюро [записей26](#), прежде чем можно будет с уверенностью определить преемственность Оуэна. На то, что он был в правильной линии преемников коренных принцев Уэльса, указывает и то, с каким нетерпением весь Уэльс ожидал его возвращения в качестве повелителя страны, и начальные слова Фруассара, описывающие то, чего его лишил Эдуард III, как одновременно лордство и княжество - *la signourie et princeté*. Как бы то ни было, мне кажется, мало сомнений в том, что Ивен де Галлес был не кто иной, как Оуэн Лоугох, чей приверженец Груффид Сейс был лишен своих земель и имущества во второй половине правления Эдуарда. Далее, вряд ли стоит сомневаться в том, что Оуэн Лоугох, о котором здесь идет речь, был тем самым человеком, которого *baledwyr* в своей мешанине пророчеств предназначали для Генриха Девятого, то есть валлийского преемника последнего короля Тюдоров, Генриха VIII, и что он в то же время был героем пещерных легенд различных частей княжества, особенно Южного Уэльса, как уже указывалось.

Теперь, не имея возможности сказать, почему Оуэн и его аналоги должны были стать героями пещерных легенд о втором пришествии, легко указать на обстоятельства, которые способствовали этому. Бесполезно пытаться обсуждать вопрос об исчезновении Артура, но возьмем, к примеру, Гарри Геерлауга, бродячего норманна, как мы можем предположить по его имени, который мог внезапно исчезнуть со своими последователями, и о нем больше никогда не слышали на востоке Ирландии. В отсутствие достоверных известий о его смерти тем более легко было представить, что он тихо дремлет в заколдованной крепости. Что же

касается короля Кадваладра, который тоже, возможно, должен был вернуться в этот мир, то о его конце известно так мало, что историки и по сей день не могут с уверенностью сказать, когда и где он умер. Поэтому тем охотнее распространялась история о том, что он где-то выжидал время, чтобы вернуться и вернуть утраченные богатства. Наконец, есть Оуэн Лоугох, магия имени которого рассеялась только в наши дни: он умер во Франции в ходе затяжной войны с королями Англии. Вряд ли крестьяне Уэльса могли услышать что-то определенное о его судьбе. Так что и здесь обстоятельства благоприятствовали пещерной легенде и мечте о том, что он, будь то на родине или за границей, лишь коротает время. Более того, во всех этих случаях внушающее надежду заблуждение получило распространение среди недовольного народа, вероятно, испытывавшего острую потребность в избавителе, который спас бы его от угнетения или других тягот судьбы.

Невозможно предотвратить возникновение вопроса о происхождении этой идеи второго пришествия героя прошлого; но в таком виде она слишком для обсуждения здесь, и это потребовало бы пересмотра, например, одного из основных верований Святых последних дней о пришествии Христа для царствования на Земле и других доктрин, которые, как предполагается, заимствованы из Нового Завета. С другой стороны, нет никакой логической необходимости в том, чтобы ожидаемый избавитель был в мире раньше: свидетельство тому - иудеи, которые ожидают не возвращения, а рождения и первого пришествия своего Мессии. Таким образом, вопрос здесь может быть ограничен более или менее строго его пещерной формой; и хотя я не могу ответить на него, возможно, можно сделать некоторый шаг вперед в направлении, откуда должен прийти ответ. Прежде всего, можно заметить, что Артур и Оуэн Лоугох более или менее мешают друг другу; и можно предположить, что Оуэн Лоугох в некоторой степени вытесняет Артура, который может считаться обладающим преимуществом, не говоря уже о том, что в случае с пещерой Gwr Blew, p. 481, Оуэн, согласно недавней версии рассказа, вытесняет из своего логова обычного разбойника, не представляющего особого интереса. Другими словами, легенда об Оуэне Лоугоче, так сказать, обнаруживает [самораспространение](#)²⁷. Вполне возможно, что именно это произошло в более отдаленный период в случае с самой артуровской легендой. Иными словами, Артур занял место какого-то древнего божества, о котором смутно догадывается Плутарх в словах, помещенных в начале этой главы. Он воспроизводит отчет некоего Деметрия, посланного императором Рима на разведку и осмотр берегов Британии. В нем говорилось, что вокруг Британии лежит множество необитаемых островов, некоторые из которых названы в честь божеств, а некоторые - в честь героев; а из обитаемых островов он посетил один, ближайший к необитаемым. Обитателей на нем было немного, но жители Британии относились к нему как к священному и неприкосновенному человеку. Среди прочего, они рассказали ему, какие страшные бури, болезни и предзнаменования случались по случаю ухода из жизни кого-либо из могущественных людей. Он добавляет: "Кроме того, по их словам, есть остров, на котором заточен Кронос, а Бриарей охраняет его во время сна; ибо, как они говорят, сон - это узы, выкованные для Кроноса. Они добавляют, что вокруг него находится множество божеств, его приспешников и [помощников](#)²⁸".

Какое божество, кельтское или докельтское, могло быть тем, кто напомнил римскому офицеру о Кроносе или Сатурне, сказать невозможно. Следует отметить, что он спит и что с ним находятся его приспешники, но нет никакого намека на сокровища. Не больше, впрочем, и в версии г-на Фишера истории об Ого'р-Джинасе, где, по его словам, говорится, что Артур и его воины лежат во сне, сжимая правой рукой рукояти своих мечей, готовые встретить любого, кто осмелится нарушить их покой. С другой стороны, легенды о пещерных сокровищах, вероятно, очень древние, и в некоторых, по крайней мере, наших историях

сохранность этих сокровищ должна рассматриваться как изначальная цель присутствия вооруженного воинства.

Предполагаемое разрешение незваному гостю забрать разумное количество пещерного золота, я должен рассматривать в свете своего рода протеста рассказчика против скудоумия пещерных сил. Я не могу не подозревать, что присутствие целой армии вооруженных воинов, охраняющих груды золота и серебра на протяжении бесчисленных веков, должно было показаться сказочникам несоразмерным, и это уже давно стало причиной изменения формы легенд. Иными словами, сокровища превратились в простую принадлежность присутствия вооруженных воинов, которые не столько охраняют, сколько ждут назначенного часа, когда они выйдут вперед, чтобы одержать победу в проигранном деле. Изначально вооруженные воины в некоторых случаях были приспешниками спящего божества, как в истории, рассказанной Деметрию; но, возможно, чаще они были хранителями сокровищ, так же как и невидимые силы, которые вызывают гром, молнию и знамения, когда кто-то начинает копать в Динас Эмрис или других местах, где спрятаны древние сокровища. Следует признать, что нет никаких возражений против того, чтобы считать служителей божества одновременно и хранителями его сокровищ. Однако ни в одной из этих пещерных историй мы, вероятно, не можем предположить, что главной фигурой изначально была фигура героя, от которого ожидали возвращения среди людей: он, когда его в них находят, предположительно рассматривается как сравнительно поздний интервент. Но, как уже говорилось, не следует понимать, что само представление о возвращающемся герое является поздним. Совсем наоборот; и тогда необходимо ответить на вопрос: где такой герой должен был провести время до своего возвращения? Уэльский фольклор дает только один ответ: в сказочной стране. Этому учит и древняя легенда об Артуре, который отправляется на остров Аваллон, чтобы фея-дева Морген исцелила его от ран; и, по словам анонимного [поэта29](#), именно в ее чарах следует искать причину того, что Артур так долго медлит: - *Immodice læsus Arthur.*

Immodice læsus Arthurus tendit ad aulam

Regis Avallonis, ubi virgo regia, vulnus

Illius tractans, sanati membra reservat

Ipsa sibi: vivuntque simul, si credere fas est.

При дворе Аваллона видят, как страдает Артур:

Его раны исцелены, королевская служанка - пиявка;

Успокоив свои боли, он теперь с ней должен жить,

Если верить древним преданиям.

Здесь можно привести для сравнения заявление Уолтера Мейпса о Тринию, которое он цитировал в первой главе, стр. 72 выше. Он говорит, что, поскольку Тринию никогда не видели после проигранной битвы, в которой он и его друзья сразились с соседним вождем, в округе вокруг Синфаддона считалось, что фея-мать Тринию спасла его от врага и увезла с собой в свой дом на озере. В случае с Артуром, как мы видели, в дело вмешивается фея или владычица озера; и не приходится сомневаться, что история о том, как он отправился в страну фей, чтобы исцелиться, гораздо древнее той, что изображает его спящим в пещере с воинами и золотом вокруг него. Что же касается золота, то оно в изобилии представлено как нигде более распространенное, чем в доме фей: так что этот металл, рассматриваемый в качестве пробы, не может сильно помочь нам в проведении предложенного здесь различия.

Что же касается Оуэна Лоугоха, то не стоит полагать, что он когда-либо жил в Фейри: легендарный прецедент об Артуре как пещерном спящем, вероятно, был достаточным, чтобы открыть ему дверь в недра Крейг-и-Джинас, как только деревенские жители начали уставать от ожидания его возвращения. Другими словами, большинство наших пещерных легенд объединили в себе два изначально разных набора народных представлений: в одной говорится о герое, ушедшем в мир фей и ожидающем когда-нибудь вернуться, а в другой - о герое или боге, наслаждающемся заколдованным сном со своей свитой вокруг. Однако в некоторых наших легендах, например в легенде об Эрири (Eryri), процесс совмещения двух наборов историй до сих пор остается незавершенным.

1 По-видимому, речь идет о гойдельском слове *borrowed*, которое в Mod. В ирландском языке пишется *спосс* или *спос*, "холм": исконно валлийская форма - *спвч*, как в *Спвч Кох* в Кардиганшире, *Спвч Дернаг* (искаженное в *Слвч Дернаг*) в Англси, напечатанное *Кувгх Дернак* в *Record of Carnarvon*, р. 59, где оно связано с другими интересными именами, которые будут отмечены позже. ↑

2 Все, что говорят уроженцы Англси о реках и горах на их острове, следует воспринимать относительно, поскольку, хотя страна имеет очень неровную поверхность, в ней нет ни одной настоящей горы: они склонны называть ручей рекой, а холм - горой, хотя величественные высоты Арфона находятся в пределах видимости. ↑

3 См. с. 13-16 его очерка о долине Нит, упомянутого в примечании на с. 439 выше, где также упоминается *Craig y Dinas*. ↑

4 Это интересное слово неясного происхождения, на которое я хотел бы обратить внимание наших изобретательных этимологов. ↑

5 См. "Поэтические произведения Джона Лейдена" (Эдинбург, 1875), с. 36 ("Сцены младенчества", часть ii); также "Артурианская легенда", с. 18. ↑

6 За английскую историю я обязан статье под названием "Две легенды о педлере из Ламбета и Сваффхэма", опубликованной мистером Гоммом на страницах "Антиквара", х. 202-5, в которой он приводит местные подробности и делает ценные сравнения. Я также должен поблагодарить мистера Гомма за вырезку из еженедельного выпуска "Лидс Меркьюри" за 3 января 1885 года, посвященного "Местным заметкам и вопросам" (№ сссхii), где практически та же история подробно описана в замке Апсолл в Йоркшире. ↑

7 Я никогда не был на этом месте, и этими сведениями я обязан отчасти мистеру Дж. П. Оуэну из Кенсингтона, 72 Комераг-роуд, а отчасти преподобному Джону Фишеру, уже цитировавшемуся на с. 379. Именно в этом приходе одни хотели бы найти историю о пожирателе грехов, которую другие упорно отрицают, как показали периодические вспышки полемики на страницах "Академии" и в других местах. Мистер Оуэн, написав мне в 1893 году, утверждает, что, когда он в последний раз посетил *дины* около тридцати лет назад, он обнаружил, что устье пещеры заделано, чтобы туда не забредал скот и овцы⁸. ↑

8 Мистер Фишер отсылает меня к рассказу об этом открытии, опубликованному в газете *Cambrian* за 14 августа 1813 года, полный текст которого, как он сообщил мне, хранится в библиотеке Королевского института Южного Уэльса в Суонси. Кроме того, на собрании кембрийцев в 1892 году этот рассказ был обсужден и исправлен мистером Степни-

Гулстоном: см. *Archæologia Cambrensis* за 1893 год, pp. 163-7. Он также "указал, что на противоположной стороне разрыва в хребте находится пещера Овайна Лоу Гоха. Недалеко от костяных пещер Пант-и-□ын находится место под названием Крейг Дервиджон, а рядом с ним сцена подвигов Овайна Лоу Гоха, персонажа, который, похоже, вобрал в себя некоторые черты артурианской романтики. Пещера в этой местности носит имя Овайна". ↑

9 Как и в грамоте □ewelyn монахам Аберконви, где мы имеем, согласно Dugdale's *Monasticon*, v. 673^a, *Scubordynemreis*, то есть *Scubor Dyn Emreis*, "Din-Emreis Barn", предположительно Hafod у Borth, около Беджгелерта: см. Jenkins' *Bed Gelert*, p. 198. В *Мивуриане*, i. 195^a, напечатано *Din Emrais*. ↑

10 См. Somer's Malory's *Morte Darthur*, xxi. v (= vol. i. p. 849), а что касается истории с Марчлином, см. выше, с. 236. Наконец, некоторые подробности, касающиеся □ун □ydaw, вы найдете в следующей главе. ↑

11 Древнейшие известные написания этого имени встречаются в рукописи A "*Annales Cambriæ*" и в *Кнуре □an Dâv* как *Elized* и *Elised*, несомненно, произносимое как *Elised*, пока оно не стало, путем отбрасывания конечного зуба, *Elisse*. Со временем оно утратило свою идентичность в результате ассимиляции с английским именем *Эллис*. Так, например, в издании Уинна "Карадог из истории Уэльса" Пауэлла (Лондон, 1774), стр. 22, 24, *Elised* сокращено до *Elis*. Что касается опускания *đ*, сравните наше *Dewi*, "Святой Давид", с *Dewid*, пример которого см. в "Описательном каталоге" Даффуса Харди, i. 119. Форма *Eliseg* с конечным *g* не имеет под собой никакой основы. Может ли английское имя *Ellis* само по себе происходить от *Elised*? ↑

12 *Bonsyn* происходит от *bonc* с почти тем же значением, а *bonc* - это просто заимствованное английское слово *bank*: в Южном Уэльсе оно произносится как *banc* и используется в Северном Кардиганшире в значении холма или горы. ↑

13 Это имя дважды встречается в истории о Кулхвхе и Олвен: см. *Mabinogion*, p. 107, где редакторы оба раза читают *Ricca* как "Гормант, сын Рикка". Это, однако, с лихвой компенсируется *Ритой* в *Кнуре □an Dâv*, а именно в Треф-Рите, "городе или местечке Риты", которое встречается пять раз как название места в епархии □andaff; см. с. 32, 43, 90, 272. Неопределенность касается только написания, и она возникла из-за сложности определения в средневековых рукописях между *t* и *s*: нет оснований полагать, что название когда-либо произносилось как *Ricca*. ↑

14 Вряд ли это настоящее название места, поскольку оно произносится как *Gwybrnant* (и даже *Gwybrant*), что напоминает мне о *Gwybr fynydd*, по которому бродит Гвин аб Нудж со своими гончими: см. факсимиле *Черной книги Кармартена* Эванса, стр. 50^a, где есть слова: *dŷgruidir ar wibir winit*. ↑

15 Дагдейл напечатал это (ст. 673^a). *Carrecereryr* с одним *er* слишком много, а другое имя является частью фразы *ad capud Weddua-Vaur*, "на вершину Великой Гвиджфы"; но я узнал от мистера Эдварда Оуэна, из Грейс-Инн, что в рукописи читается *Wedua vawr* и *Carrecereryr*. ↑

16 Во всех рукописях, кроме *B*, *stoum* у □ylva, что явно не является правильным словом, поскольку может означать только "его место наблюдения". ↑

17 См. книгу Дерфеля Хьюза "*□andegai and □an□echid*", p. 53. Что касается Дристана, то это пиктское имя *Дростан*, но родственная форма встречается в Корнуолле на камне близ Фоуи, где много лет назад я предположил древний генитив *Друстагни*; изучив его недавно, я смог подтвердить свою первоначальную догадку. Имя Драйстан напоминает имя Эсси, что

создает некоторые трудности. Впервые оно встречается на валлийском языке в Неннийских генеалогиях в Harleian MS. 3859: см. Родословную I в *Cymmrodor*, ix. 169, где мы читаем, что Мермин (Мерфин) был сыном Эттиль, дочери Циннана (Цинана), который сменил своего отца Родри Молвинога на посту правителя Гвинедда в 754 году. Написание *Эттила* следует рассматривать как написание валлийских имен в Ненниусе, некоторые примеры которых см. в § 73 (цитируется в следующей главе), а также древневаллийских слов *calaur, nouel, patel*, которые так написаны в кодексе Ювенкуса: см. Skene, ii. 2: во всех этих случаях *l* выполняет функцию $\bar{e}$. Таким образом, *Эттиль* следует рассматривать как произношение *Ethi $\bar{e}$* или *Ethy $\bar{e}$* ; но Jesus College MS. 20 дает более древнее произношение (по крайней мере, в отношении согласных), когда называет дочь Цинана *Эме $\bar{e}$ m*: см. *Cymmrodor*, viii. 87. Пауэлл в своей "*Истории Уэльса*" Карадога из Канкарфана, отредактированной Уинном, пишет имя *Esylht*; а средневековое валлийское написание обычно *Essy $\bar{e}$ t* или *Esy $\bar{e}$ t*, что совпадает по сибиланту с французским *Iselt* или *Iseut*; но кто сделал бретонское изменение *Eth* на *Es* или *Is* в этом имени, остается несколько сомнительным моментом. Профессор Циммер в журнале "*Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur*", xiii. 73-5, указывает, что имя является англосаксонским заимствованием *Ethylða*, которое он рассматривает как "Kurzform für *Ethelhild*": см. также *Revue Celtique*, xii. 397, xiii. 495. Принятие этого имени в Уэльсе можно рассматривать как доказательство междоуродового брака или союза между английской семьей и королевским домом Гвинедда уже в восьмом веке. ↑

18 См. *Brython* за 1861 г., с. 331-2, а также *Cymru Fu*, с. 468, где Glasynys также склонен считать Волосатого Парня Оуэном. ↑

19 Я никогда не видел копии, но мистер Фишер сообщает мне следующее название: *Prophwydoliaeth Myrðin Wy $\bar{e}$ t yn nghyda ber Hanes o'i Fywyd, wedi eu tynu a $\bar{e}$ an o Lyfr y Daroganau ... Caerfyrðin ... Pris dwy Geiniog*. На ней нет даты, но у мистера Фишера когда-то был экземпляр с датой 1847 года. Недавно ему попалось еще одно стихотворное пророчество, написанное в том же стиле, что и напечатанное, и относящееся к Овайну, который, возможно, был Оуэном Лоугохом. Человек, о котором идет речь, сравнивается с самым блестящим из жемчужин, *Овайн Глейн Голиаф*. Пророчество хранится в Публичной библиотеке Суонси, оно содержится в рукописном руководстве XVII века по римско-католическому посвящению на латыни и валлийском языке. В нем 1440 год назван годом избавления *Британиид*. Это первая из двух поэм (fo. 37), вторая из которых приписывается Талиессину. Таков рассказ мистера Фишера, и строки, которые он скопировал для меня, придерживаются той же темы конечного триумфа Кымры. Совсем недавно я получил дополнительную информацию об этих пророчествах от мистера Дж. Х. Дэвиса из Линкольнс-Инн (стр. 354), который, надо надеяться, вскоре опубликует результаты своего глубокого изучения их истории в Южном Уэльсе. ↑

20 *Запись Карнарвона*, р. 133, на которую я обратил внимание в *отчете Уэльской земельной комиссии*, р. 648: см. также *The Welsh People*, pp. 343-4, 593-4. ↑

21 Оуэн не был единственным валлийцем на службе у короля Франции: был еще капеллан Оуэна, который в одном случае сильно отличился в бою. В тексте Фруассара он назван Дэвидом Хаусом, но из других документов редактор выяснил, что его звали Хонвел Флинк, что, несомненно, Хауэл, каким бы ни был второй гласный: см. Froissart, viii, pp. xxxviii, 69. ↑

22 Что касается первоначального назначения флотилии, см. издание Фруассара Кервина де Леттенхове (Брюссель, 1870-7), viii. 435-7, где редактор собрал воедино несколько заметок, из которых следует, что Оуэн безуспешно пытался набрать армию в Испании, но легко собрал во Франции значительные силы. Так, 8 мая 1372 года Карл V приказал сформировать

армию под командованием Оуэна для отвоевания земель его предков в Уэльсе, а через два дня Оуэн опубликовал декларацию о своих валлийских претензиях и обязательствах перед французским королем; но флотилия остановилась у Гернси. Однако не исключено, что опасения в Англии по поводу того, что Оуэн может напасть на Уэльс, появились, по крайней мере, уже в 1369 году. В своей декларации Оуэн называет себя *Эвайн де Галес*, что приближается к валлийскому написанию *Ewein*, чаще *Ywein*, современному *Ywain*, за исключением того, что все эти формы, как правило, вытеснялись *Овайном* или *Оуэном*. Последнее, строго говоря, является разговорной формой, так же как *Howel* - разговорная форма *Huwel*, а *bowyd* - *bywyd*, "жизнь". ↑

23 О жизни Оуэна см. в *Chroniques de J. Froissart*, изданных Обществом истории Франции, под редакцией Симеона Люса, с аннотациями и примечаниями, особенно в томах viii. pp. 44-9, 64, 66-71, 84, 122, 190, и ix. pp. 74-9, где дается краткое изложение его жизни и полный отчет о его смерти. В переводе лорда Бернерса, опубликованном во времена Генриха VIII, Оуэн назван Юаном Уэльским, как будто кто-то мог даже взглянуть на романы, не обнаружив, что *Оуэн аб Уриен*, например, стал по-французски *Ywains* или *Ivains le fils Urien* в именительном падеже, а *Ywain* или *Ivain* в родительном. Томас Джонс из Хафода, чей перевод был опубликован в 1803-6 годах, проявил еще большее невежество, дав ему современное имя *Эван*; но у него было оправдание в том, что он сам был валлийцем. ↑

24 Копии некоторых документов, о которых идет речь, см. в Rymer's *Fœdera*, viii. 356, 365, 382. ↑

25 Мне не удалось найти копию этой работы, и за привлечение моего внимания к отрывку из "*Hanes Cymru*" я должен еще раз поблагодарить мистера Фишера. Родословную, о которой идет речь, можно найти напечатанной в Таблице I в издании Эскью Робертса "*История семьи Гвидир*" сэра Джона Уинна (Освестри, 1878); в примечании, очевидно скопированном у мисс □wyd, говорится, что она нашла идентификацию Оуэна Лоугоха именно в хенгвртском MS. Редактор предполагает, что ссылка на стр. 865 Hengwrt MS. 351, которую он представляет как копию Hengwrt MS. 96 в почерке Роберта Вогана, антиквара. ↑

26 Это уже было предпринято: 7 февраля 1900 года краткое изложение этой главы было прочитано на заседании Королевского общества Cymmrodorion, а шесть недель спустя мистер Эдвард Оуэн из Грейс-Инн прочитал обстоятельный доклад, в котором попытался более точно определить место Ивена де Галлеса в истории Уэльса. Здесь было бы невозможно отдать справедливость его рассуждениям, основанным на тщательном изучении записей, о которых идет речь. Однако на данный момент достаточно того, что эта статья со временем появится в "*Трудах Общества*". Мистер Дж. Х. Дэвис также сообщил мне, что он собирает вместе доказательства, которые, как он думает, имеют тенденцию показать, что информация мисс □wyd была практически верной. Однако прежде чем считать этот вопрос удовлетворительно решенным, необходимо дать какое-то объяснение заявлению Фруассара о том, что отца Ивена звали Аймон. ↑

27 По-видимому, у нас также есть пример в Кармартеншире, где легенда представляет Оуэна и его людей спящими в *Огоф Мирдин*, название которого означает "Пещера Мерлина" и, кажется, уступает приоритет владения великим магом: см. исчезнувшее периодическое издание "*Golud yr Oes*" (за 1863 год), i. 253, которое, как я полагаю, вероятно, было основано на "*Английских работах*" Элиэзера Уильямса (Лондон, 1840), p. 156. ↑

28 Греческий текст всего отрывка см. в Didot edition of Plutarch, vol. iii. p. 511 (*De Defectu Oraculorum*, xviii); также в моей "*Артурованской легенде*", pp. 367-8. Любопытно отметить, что

в Англии бури в некотором роде ассоциируются со смертью великих людей, в том числе и знаменитого герцога Веллингтона: см. *Choice Notes*, p. 270. ↑

29 См. мою "*Артурианскую легенду*", с. 335. Я в долгу перед профессором Морфиллом за перевод гекзаметров в английский стих. ↑

ГЛАВА IX

Истории о географических названиях

Dindŕenchas - это сборник рассказов (*senchasa*) в среднеирландской прозе и стихах о названиях примечательных мест (*dind*) в Ирландии - равнины, горы, хребты, каирны, озера, реки, броды, устья рек, острова и так далее Но его ценность для студентов, изучающих ирландский фольклор, романтику (иногда называемую историей) и топографию, давно признана компетентными авторитетами, такими как Петри, О'Донован и мистер Альфред Натт.

Уитли Стоукс.

В предыдущих главах были приведены некоторые фольклорные предания, в которых фигурируют свиньи: см. особенно те, что касаются Hwch Du Gwta, стр. 224-6 выше. Теперь я хочу представить читателю некоторые другие группы легенд о свиньях, не подтвержденные устной традицией, а найденные в более или менее древних рукописях. Первые три будут упомянуты в одной из *триад*¹. Я привожу ее содержание в трех наиболее известных версиях, предположив, что триада называется "Три стойких свинопаса с острова Прайдена":- i.

i. 30^(a):- *Дристан*² сын Тахвха, охранявший свиней Марча сына Мейрхиона, пока свинопас ходил просить Эссита выйти ему навстречу: в то же время Артур пытался заполучить одну свиноматку обманом или силой, и ему это не удалось.

ii. 56^(b):- Дристан, сын Тахвха, со свиньями Марча аб Мейрчиона, пока свинопас ходил с посланием к Эсси. Артур и Марч, и Кай, и Бедвир пришли к нему все четверо, но не получили от Дрыстана ни одной свинины, ни силой, ни обманом, ни воровством.

iii. 101^(c):- Третьим был Тристан сын Тахвха, который охранял свиней Марча сына Мейрчиона, пока свинопас ходил с посланием к Эсси, чтобы она назначила встречу с Тристаном. Тогда Артур и Марч, Кай и Бедвир взялись за дело и попытались покуситься на него, но им не удалось получить в дар или в качестве покупки даже одного свинопаса - ни обманом, ни силой, ни воровством.

В этой истории известная любовь Дристана и Эссита считается само собой разумеющейся; но вся обстановка настолько своеобразна и так не похожа на историю Тристана и Изельт или Изеут в романах, что нет оснований считать ее каким-либо образом заимствованной из последней.

Следующая часть триады выглядит следующим образом

1 30^(b):- И Придери, сын Пвифа из Аннвайна, который охранял свиней Пендарана из Дифеда в Глене Куча в Эмлине.

ii. 56 ^(a):- Прайдери сын Пви́фа из Аннвина со свиньями Пендарана из Дифеда, своего приемного отца. Свиньи - это семь свиней, которых привез Пви́ Глава Аннуна и отдал Пендарану из Дифеда, своему приемному отцу; а местом их содержания был Глен оф Куч. Причина, по которой Придери назван могучим свинопасом, заключается в том, что никто не мог одержать над ним верх ни обманом, ни *силой*3.

iii. 101 ^(a):- Первым был Придери, сын Пви́фа из Пендарана в *Дайфед*4, который охранял свиней своего отца, пока тот был в Аннуне, и охранял он их в Глене Куча.

История свиней изложена, так сказать, в "*Мабиногионе*". Рву́ сумел завязать дружбу и даже союз с Арауном, королем *Аннвайна*5 или Аннуна, что сейчас означает Аид или потусторонний мир; они поддерживали свою дружбу, частично обмениваясь подарками в виде лошадей, борзых, соколов и любых других вещей, призванных доставить удовольствие их получателю. Среди других подарков, которые Придери получил от короля Аннуна, были *hobeu* или *mosh*, "свиньи, свиньи", о которых раньше никогда не слышали на острове Приданных. Весть об этой новой расе животных и о том, что они являются более сладкой пищей, чем волы, не сразу дошла до Гвинедда; И вскоре мы увидим, что была еще одна история, которая полностью противоречит этой части Триады, а именно, что Гвидион, племянник короля Мата из Гвинедда и великий маг, пришел ко двору Придери в Рудлан, недалеко от Долау Баха или Хаймида на Тейфи, на территории современного графства Кардиган, и получил несколько свиней, обманув короля. Но, чтобы не говорить об этом, скажу, что Дифед, похоже, славился разведением свиней; и в наши дни в соседних округах склонны считать, что главная отрасль промышленности в Дифеде, особенно в Южном Кардиганшире, заключается в разведении парсун, плотников и свиней. Возможно, стоит упомянуть и о том, что жители южной части Дайфеда по сей день прозваны людьми из Гламоргана *Мох Сэр Бенфро*, "Свиньи из Пемброкшира".

Но почему свиньям придается такое большое значение? Я не могу дать лучшего ответа, чем может дать сам читатель, если он только подумает, какую роль играет свинья в домашнем хозяйстве современной Ирландии. Но, если судить по старой ирландской литературе, в древние времена это было еще больше, поскольку мясо свиньи ценилось так высоко, что под теми или иными названиями оно обычно занимало место во главе всех мясных блюд в ирландских историях. Так, например, происходит в средневековой истории под названием "Видение Макконглина"6; а если вернуться еще дальше, например, к пиру Брикриу, то можно обнаружить, что это, несомненно, относится к порции *чемпиона*7 на этом бурном пиру. Можно также упомянуть историю о роковом пире на большой свинье *Мак-Дато*8, где этого животного, очевидно, хватило бы для храбрецов как Коннаута, так и Ольстера, если бы Коналл Чернах не вырезал все по справедливости и не отдал больше их доли своим ультонским друзьям, чтобы оскорбить коннаутских мужчин, оставив им только передние ноги. Однако будет правильным отметить, что большинство историй показывают, что гурманы древнего Эрина уделяли большое внимание тому, чтобы свинья была правильно выкормлена, в основном молоком и лучшими сортами муки. В древнем Уэльсе дело обстояло иначе: в истории о Передуре мы читаем, что, отправившись из дома своей матери, полный ее советов, он приходит к павильону, перед которым видит еду, часть которой он берет по совету матери, хотя у сидящей рядом с ним роскошно одетой дамы не хватает вежливости, чтобы предугадать его желание. Как нам рассказывают, она состояла из двух бутылок вина, двух буханок белого хлеба и коллопсов из откормленной молоком свиной *плоти*9. Дом фей представлялся как страна роскоши и счастья, с которой ничто не может сравниться в этом мире. В этом сходятся некоторые валлийские и ирландские истории; а в одной из последних, где король фей пытается уговорить королеву Ирландии сбежать с ним, мы видим, что среди

множества предлагаемых ей средств побуждения - свежая свинья, сладкое молоко и [эль10](#). И наоборот, поскольку феи считались вечно живыми и очень старомодным и древним народом, вполне естественно предположить, что у них были животные, которых человек считает полезными, такие как лошади, крупный рогатый скот и овцы, за исключением того, что они считались высшей породы, как они представлены, например, в наших озерных легендах. Точно так же вполне естественно, что другие истории приписывают им владение стадами свиней; и все это до того, как у человека появились какие-либо животные. Следующим шагом в рассуждениях будет то, что человек получил их от фей. Возможно, именно подобная традиция подсказала сюжету Рвун линию происхождения свиньи от Аннуна: см. последнюю главу.

Следующая история в триаде, если возможно, еще более дикая: она выглядит следующим образом

i. 30^(c):- Ко сын Кофруи11, который охранял Хенвен12, свиноматку Давейра Дабена, которая зарылась в землю вплоть до мыса Аустин в Керниве, а затем ушла в море. На сушу она вышла в Абер-Тороги в Гвент-Ис-Козд, причем Ко продолжал держать ее за щетину, по какому бы пути она ни шла - по морю или по суше. В Маэс Гвенит, "Пшеничном поле", в Гвенте, она уронила пшеничное зерно и пчелу, и с тех пор это было лучшее место для пшеницы. Затем она дошла до [Пенфро](#) и уронила там зерно ячменя и пчелу, и с тех пор [Пенфро](#) стало лучшим местом для ячменя. Затем она отправилась в Рив Гифертвх в Эрири и сбросила волчонка и птенца орла. Ко отдал их, орленка - северному гойделю Брипаху, а волчицу - Менваэду из Ар-Эхведа, и стали они известны как Волк Менваэда и Орел Брипах. Затем свиноматка дошла до Маен Ду в Анфаире в Арфоне, и там она подбросила котенка, а того котенка Ко бросила в Менай: впоследствии он стал известен как Кат Палук, "Кот Палуга".

ii. 56^(c):- Третьим был Ко сын Каурея со свиньями Давира Дабена в Давирином Глене в Керниве. Одна из свиней была с потомством, и звали ее Хенвен; и было предсказано, что остров Прайдайн станет хуже от ее приплода; и Артур собрал все войско Прайдайна и отправился его уничтожить. Потом одна свиноматка зарылась в землю и у мыса Хоустин в Керниве ушла в море, а свинопас последовал за ней. А в Маэс Гвенит в Гвенте она уронила пшеничное зерно и пчелу, и с тех пор Маэс Гвенит - лучшее место для пшеницы и пчел. И в [Пенфро](#) она уронила зерно ячменя и пшеницы: поэтому ячмень из [Пенфро](#) превратился в пословицу. А на Rhiw Gyferthwch в Арфоне она уронила волчонка и орленка. Волчонка отдали Мергаэду, а орленка - принцу с севера Дыханию, и им было хуже от того, что они у них были. А на [Анфаире](#) в Арфоне, то есть ниже Маен Ду, она уронила котенка, и из Маен Ду свинопас бросил его в море, но сыновья Палука вырастили его во вред себе. Он вырос и стал Кат Палук, "Кошкой Палуга", и оказался одним из трех главных обидчиков Моны, выросших на острове: вторым был Даронви, а третьим - Эдвин, король Англии.

iii. 101^(b):- Вторым был Ко, сын Кофруи, который охранял свиноматку Дахварана Дахвабена, которая прорылась до мыса Пенведик в Керниве и затем вышла в море; и она вышла на сушу в Абер Тароги в Гвенте Ис-козд, а Ко держал ее за щетину всякий раз, когда она шла по морю или по суше. В Маэс Гвенит в Гвенте она уронила три зерна пшеницы и трех пчел, и с тех пор в Гвенте растут лучшие пшеница и пчелы. Из Гвента она отправилась в Дифед и уронила там зерно ячменя и свинину, и с тех пор в Дифеде лучшие ячмень и свиньи: это было в [Пенфро](#) [Пенфро](#), где они были сброшены. После этого она направилась в Арфон (sic) и в [Пенфро](#) высадила зерно ржи, и с тех пор в [Пенфро](#) и Eifionydd лучшая рожь. А на стороне Рив Гифертвх она уронила волчонка и орлицу. Ко отдала орленка Брипаху Гойделю из Динас Аффарона, а волчонка - Менваэду, владыке Ар-Эфведа, и часто можно услышать о волчонке Брипах и

орленке Менваэда [писатель был неосторожен: он заставил хозяев обмениваться вредителями]. Затем она дошла до Маен Ду в Арфоне, где уронила котенка, а Ко¹ бросила его в Менай. Это был Кат Балвг (*sic*), "Кот Палуга": впоследствии он стал досаждать острову Мона.

Таковы версии этой истории, и прежде чем продолжить, необходимо сделать несколько замечаний по поводу имен. Ко¹ называется Ко¹ сыном Ко¹уреви в i. 30, а Ко¹ сыном Ка¹уреуи в ii. 56: все, что известно о нем, происходит из других триад, i. 32-3, ii. 20 и iii. 90. В первых двух говорится, что он был одним из трех главных чародеев Острова Прайдена и что его обучил магии великан Рюдльвм; в то время как в ii. 20 последний назван карликом и добавлено, что Ко¹ был его племянником. В iii. 90 вопрос ставится иначе: великан Руддлвм научился своей магии у карлика Эйд[il]ига и у Ко¹ сына Ко¹фруи. Ничего не известно ни о Глене Даждвира в Керниве, ни о человеке, в честь которого он был назван. Керниу - это валлийское название Корнуолла, но если Пенрин Австин или Хоустин отождествляется с Ост Клифом на берегу Северного моря в Глостершире, то история, похоже, указывает на время, когда Корнуолл простирался на северо-восток до этого места. Более поздняя Триада, iii. 101, избегает Пенрин-Австин и заменяет его Пенведжиком, что напоминает о таком названии, как [Пенгваэд13](#) или Пенвит в Корнуолле: в других местах [Пенведжик14](#) приводится только как название самой северной сотни Кередигона. Гвент Ис-Коед означает Гвент под лесом или лесом, а Абер Тороги или Тароги - пропущенное, вероятно, случайно, в ii. 56 - теперь это Калдикот Пилл, где недалеко от Портскьюта впадает небольшая река Тароги, называемая теперь Трогги. Маес Гвенит в том же районе до сих пор известен под этим названием. Правильное написание названия места в Пенфро, вероятно, было ¹onyon, но его по-разному передают как ¹onwen, ¹onyon и ¹onion, не говоря уже о ¹onnio ¹onpwen из более поздней формы Триады: если последнее окажется хоть на чем-то основанным, можно предположить, что ¹onyon Henwen, названный так в честь свиноматки, является оригиналом. Современное валлийское написание ¹onyon было бы ¹onion, и мистер Эгертон Филлимор отождествляет его с Ланионом близ [Пембрука15](#). Предполагается, что Rhiw Gyferthwch - это один из склонов Сноудона со стороны Беджгелерта; но мне не удалось найти никого, кто когда-либо слышал это название в том районе.

Ар¹echweđ - это, грубо говоря, та часть Карнарвоншира, которая впадает в море между Конвеем и Бангором. Брипах и Менваэд или [Менгваэд16](#), по-видимому, являются именами, лежащими в основе ошибочного прочтения в ii. 56; но вполне возможно, что Брайпах, вероятно, обозначает ирландского Бронаха, заменившего здесь более раннего Урнаха или Эурнаха, также гойдельца, к которому мне придется вернуться в другой главе. Динас [Аффараон17](#) - это место, названное *Динас Ффараон Данде* в рассказе об ¹ud и ¹evelys, где говорится, что после того, как ¹ud похоронил там двух драконов, которые были вырыты в центре его королевства, то есть в Оксфорде, Ффараон, в честь которого было названо это место, умер от горя. Позже оно стало называться Динас Эмрис от имени Мирдина Эмриса, "Мерлина Амброзия", который побудил Вортигерна уйти оттуда в поисках другого места для строительства своего [замка18](#). Таким образом, читатель увидит, что упоминание этого Динаса возвращает нас к странному месту, с которым он познакомился в предыдущей главе: см. с. 469, 495 выше. ¹anfair in Arfon - это ¹anfair Is-gaer около Port Dinorwic на проливе Менай, а Маен Ду должен быть черной скалой или черным камнем на южной стороне этого пролива. Даронви и Кат Палук - личности, о которых до сих пор хотят получить информацию. Наконец, под Эдвином, королем Англии, следует понимать Эдвина, короля англов Дейры и Бернисии, который, согласно валлийской традиции, на некоторое время нашел убежище на острове Англси.

Теперь эта история в целом выглядит как некое приспособление для нанизывания друг на друга объяснений происхождения некоторых географических названий и некоторых местных особенностей. Если полностью исключить из рассмотрения весь Средний Уэльс, то есть более бриттскую часть страны, то она примечательна тем, что Южный Уэльс заслуживает похвалы за определенные ресурсы, а Северный - только за вредителей и бедствия, за исключением того, что автор поздней версии вспомнил об Эйне и Эйфионидже как о хороших землях для выращивания ржи; Но он очень смутно представлял себе географию Северного Уэльса - и он, и редакторы других Триад в равной степени принадлежали, несомненно, к Южному Уэльсу. Из географических названий ясно Maes Gwenith, "Пшеничное поле"; но едва ли менее ясен случай Aber Torogi, "Устье Трогги", где *torogi* - "беременность животных", от *torrog*, "быть с молодыми". Так же и с Rhiw Gyferthwch, "Склон холма или подъем *Cyferthwch*", где *cyferthwch* означает "задышаться, мучиться, рожать". Название Maen Du, "Черная скала", остается объяснять самому себе; и я не уверен, что первоначальный рассказ не был составлен таким образом, чтобы также объяснить *onion*, то есть как своего рода множественное число от *awn*, "полный", в связи, скажем, с полными колосьями ячменя, выращиваемого там. Но упоминание географических названий, похоже, частично ускользнуло от более поздних рассказчиков этой истории или не произвело на них впечатления, которое стоило бы подчеркнуть. Похоже, они больше думали о том, как объяснить происхождение волка Менваэда и орла Бринаха. Означает ли это в первом случае, что район Ар-Эф-Техведа был заселен волками больше, чем любая другая часть Уэльса, или что Менваэд, владыка Ар-Эф-Техведа, имел волка в качестве своего символа, сказать невозможно. Однако в другой триаде, i. 23 = ii. 57, он считается одним из трех боевых рыцарей, которые были любимцами при дворе Артура; другими были Карадог Фрейчфрас и *ur iudog* или *ud iurugog*, а в iii. 29 место Менваэда занимает его сын по имени Маэл Хир. По поводу орла Бринаха также нечего сказать, кроме того, что в просторечии в то или иное время орел, по-видимому, каким-то образом ассоциировался с Бринахом Гойделем. Прежняя распространенность орла в районе Сноудона, по-видимому, объясняет его валлийское название Эрири - как уже говорилось выше, с. 479, - и ассоциация птицы с гойдельским вождем, который держал свою крепость под сенью Сноудона, кажется, следует достаточно естественно. Но в валлийской литературе эти подробности заметны из-за их скудости, хотя орла Бринаха, вероятно, следует отождествить с эририйской *Aquila Fabulosa*, о которой с любопытством упоминает [Гиральдус](#)¹⁹. Возможно, окончательный отказ от использования гойдельской речи в этом районе в некоторой степени объясняет недостаток данных. Смена языка, по всей вероятности, повлекла за собой кораблекрушение многих привычных способов мышления; и многие домашние выражения, должно быть, были утрачены при переходе, прежде чем гойдельский эквивалент, приемлемый для него, был найден им в принятом идиоме.

Этот вопрос языковых изменений можно проиллюстрировать на примере истории, к которой я хочу перейти, а именно охоты на Тврха Трвита. Это одна из тех, что включены в более крупную историю, известную как история Кулхвха и Олвен, героя и героини: см. оксфордский "*Мабиногион*", с. 135-41, и перевод Госта, iii. 306-16. Тврх Трвайт изображен в виде грозного вепря во главе своего потомства, состоящего из семи свиней, а сам Тврх представлен носящим между ушами гребень, бритву и ножницы. Заговор Кулхвча делает необходимым добычу этих драгоценных предметов, и Кулхвч уговаривает своего двоюродного брата Артура предпринять охоту. Артур отправил одного из своих людей, а именно [Менва](#)²⁰, сына Тейргваэджа, проверить, действительно ли три упомянутые драгоценные вещи находятся там, где о них было сказано, а именно между ушами Тврха Трвита. Менв был великим магом, который обычно входил в отряд людей Артура, собиравшихся посетить языческую страну, ибо его делом было подвергать жителей магии и чарам, чтобы они не видели людей Артура, в

то время как последние видели их. Менв нашел Тврха Трвита и его отпрысков в том месте Ирландии, которое называется Эсгейр [Оервел21](#), и, чтобы подойти к ним, он прилетел в виде птицы неподалеку от места, где они находились. Он попытался выхватить у Тврха Трвита один из трех драгоценных предметов, но ему удалось лишь завладеть одной из его щетинок, после чего Тврх встал и затрясся так энергично, что капля яда из его щетины упала на Менва, который после этого ни дня не был здоров, пока жил. Менв вернулся и заверил Артура, что сокровища действительно находятся в голове Тврха, как и было сказано. Тогда Артур отправился в Ирландию с войском и не останавливался, пока не нашел Тврха Трвита и его свиней в Эсгейр-Орвеле. Охота началась и продолжалась несколько дней, но это не помешало Тврху опустошить *пятую* часть Ирландии, что в средневековом ирландском языке называется *sóiced*, провинция острова. Однако людям Артура удалось убить одного из отпрысков Тврха, и они спросили Артура об [истории22](#) этой свиньи. Артур ответил, что она была королем до того, как Бог за свои грехи превратил ее в свинью. Здесь я, кстати, должен заметить, что рассказчик истории забывает о смерти этого молодого кабана и продолжает считать стадо Тврча равным семи.

Следующим шагом Артура было послать одного из своих людей, Гврхира, толкователя [языков23](#), для переговоров с кабанами. Гврхир в облике птицы пролетел над местом, где лежали Тврх Трвит и его свиньи, и обратился к ним со следующими словами: "Ради Того, Кто создал вас в этом облике, если вы умеете говорить, я прошу одного из вас прийти поговорить с Артуром". Ответил один из кабанов, которого звали Гругин Гврх Эрейнт, то есть Гругин Серебряная Щетинка; ибо, как нам рассказывают, его щетина, куда бы он ни пошел, была подобна серебряным перьям, и в лесу или на равнине можно было увидеть блеск его щетины. И вот что ответил Гругин: "Клянусь Тем, Кто создал нас в в таком виде, мы не будем этого делать и не будем разговаривать с Артуром. Достаточно зла причинил нам Бог, когда создал нас в этом облике, чтобы ты не пришел сражаться с нами". Гврхир ответил: "Я говорю вам, что Артур будет сражаться за гребень, бритву и ножницы, которые находятся между ушами Тврха Трвита". "Пока не будет отнята его жизнь, - сказал Гругин, - эти безделушки не будут взяты, а завтра утром мы отправимся в страну Артура и причиним там весь вред, какой только сможем".

Кабаны отправились в Уэльс, а Артур со своим отрядом, конями и гончими на корабле *Прайдвен* держался в пределах видимости. Тврх Трвайт высадился на берег в Порт-Кле, небольшом ручье к югу от Сент-Давида, а Артур в ту же ночь отправился в Минив, который, по-видимому, был Меневиной или Сент-Давидом. На следующий день Артуру сообщили, что кабаны ушли, и он застал их убивающими стада Киннваса Кврвагила, после того как они уничтожили все, что смогли найти в Дойгледжифе, будь то люди или звери. Затем Тврх дошел до Преселеу, название которого сохранилось в имени Преселли или Преселли, как в Преселли Топ и Преселли Маунтинс в Северном Пембрукшире. Артур и его люди снова начали охоту, а его воины расположились по обе стороны *Нифера* или реки Неверн. Затем Тврх покинул Глен Неверн и направился к Квм Кервин, название которой сохранилось в названии Моэль Квм Кервин, одной из высот Преселли. Во время охоты в этом районе Тврх убил четырех чемпионов Артура и многих жителей страны. Далее его настигли в округе под названием [Пеулиниог24](#) или Пеулиниог, который, судя по всему, занимал центральную область между горами Вельфрей, Хенан Амгод и Лаугарн: вероятно, он охватывал часть прихода Уитленд и прихода Андисилио, церковь которого находится немного севернее железнодорожной станции Клин Дервен на линии Грейт Вестерн. Покинув Пеулиниог и отправившись в Лафарн Берроуз, он переправился, как кажется, из Гинст-Пойнта в Абер-Тоуи или [Тайу-Маут25](#), которые при низкой воде разделены в основном песчаными участками, прерываемыми лишь одним или двумя каналами не очень значительной ширины;

Абер-Тоуи, похоже, находился немного юго-восточнее Сент-Измаилса, на восточном берегу Тауи. Затем Тврч направляется в *Глинн-Исту*, правильнее, возможно, в *Клин-Истун*, сейчас пишется *Clyn Ystyn*²⁶, название фермы между Кармартеном и слиянием Аммана с Айхвром, точнее, примерно в шести милях от этого слияния и восьми с половиной от Кармартена, если считать с высоты полета ворона. Охота возобновилась в долине реки *ŷuchwr* или *Loughor*²⁷, где Гругин и еще один молодой кабан, названный *ŷydwawc Gouynnyat*²⁸, совершили ужасные опустошения среди егерей. Это привело Артура и его отряд на помощь, а Тврх Трвайт, со своей стороны, пришел на помощь своим кабанам; но поскольку теперь на него было совершено мощное нападение, он удалился, оставив *ŷuchwr*, и направился на восток к *Mynydd Amanw*, или "горе Аммана", поскольку *Amanw* в изобилии сохранилось в этом районе в сокращенной форме *Aman* или *Amman*²⁹. На *Mynydd Amanw* был убит один из кабанов, но он не имеет собственного имени: его просто называют *banw*, "молодой кабан". Тврх снова оказался в затруднительном положении и потерял еще одного по имени Тврх *ŷawin*. Затем убивают третью свинью, которую называют Гвис, после чего Тврх Трвит отправляется в *Диффрин Аманв*, или *Долину Аммана*, где теряет *banw* и *benwic*, "кабана" и "свиноматку". Все это, очевидно, происходит в одном и том же районе, а *Mynydd Amanw* - это если не Брин Амман, то, вероятно, одна из гор к югу или юго-востоку от реки Амман, так что *Dyffryn Amanw* мог быть тем, что до сих пор называется *Dyffryn Amman*, или *Долиной Аммана* от Брин Аммана до места впадения реки Амман в реку *ŷuchwr*. Из Аммана Тврх и два оставшихся кабана из его стада направлялись к Эвину (*ŷwch Ewin*), "озеру или бассейну Эвина", которое сейчас представлено болотом, расположенным над фермерским домом под названием *ŷwch* в приходе Беттвс, который занимает южный склон долины Аммана. На карте я нашел это болото под названием *ŷwch is Awel*, "Бассейн под Бризом", что бы это ни значило.

Далее мы находим их в *ŷwch Tawi*, местоположение которого указывает на *Ynys Pen ŷwch*, "Остров Пулс-Энд", расположенный на некотором расстоянии ниже по течению Тау, чем Понт-ар-Дау. В этот момент кабаны расходятся, и Гругин уходит в Дин Тиви, "Тауи Форт", неустановленное место где-то на Тауи, возможно, на холме Гронгар близ Кандейло, а затем в место в Кередигионе, где он был убит, а именно в Гарт Гругин. Мне пока не удалось определить это место, хотя там, должно быть, когда-то был замок, поскольку мы читаем о том, что замок под названием Гарт Гругин был укреплен Маэлгвном Виханом в 1242 году: *Бруты* определяют его местоположение в *Кередигионе*³⁰, но эта часть истории затуманена небрежным копированием переписчика³¹ *Красной книги*. После смерти Гругина мы читаем о том, что *ŷydwawc* добрался до Истрад-Ива, и после того, как он расправился с несколькими своими обидчиками, его самого убили там. Истрад-Ив, который наши картографы хотели бы назвать *Истрад-Вай*, как если бы он находился на реке *Baŷ*³², до времен Генриха VIII занимал примерно ту же территорию, что и сотня Крикхоуэла с тех пор, а именно: приходы (1) Крикховел, (2) *ŷanbedr Ystrad Yw* с Патришоу, (3) *ŷanfihangel Cwm Du* с Третовером и Пенмиартом, (4) *ŷangattock* с *ŷangenny*, (5) *ŷaneŷy* с Бринмауром и (6) *ŷangynidr*. Из них *ŷanbedr* увековечивает название *Ystrad Yw*, хотя он расположен у слияния Большого и Малого Грвине, а не в *Strath of the Yw*, что означает *Ystrad Yw*. Таким образом, под *Ланбедром Истрад Йу* можно понимать только тот конкретный Анбедр, или церковь Святого Петра, который относится к району под общим названием Истрад Йу. Теперь, если взглянуть на список кантретов и цимвдов *Красной книги*, датируемый второй половиной XIV века, можно обнаружить, что *Истрад Ю* и *Крук Хауэл* существуют как отдельные цимвды. Таким образом, мы должны искать первый в направлении прихода *Cwm Du*; и, возвращаясь к *Taxatio* Папы Николая IV, датированному примерно 1291 годом, мы обнаруживаем, что практически мы должны отождествить с *Cwm Du* название *Stratden'*, р. 273^a, которое, вероятно, следует рассматривать как *Strat d'Eue*³³ или какое-то подобное нормандское написание; поскольку большинство других приходов района упоминаются под названиями,

которые они носят до сих пор. Это еще не все; из Квм Ду вытекает приток Уска под названием Рианго (Rhiango) и принимает в Третовере воды меньшего потока под названием Ю (Yw). Земля по обеим сторонам этого ожога образует *Истрад* или Страт, о котором мы ищем. Главный источник этой воды называется *y gad Yw* и дает название дому с некоторыми претензиями, на котором есть надпись, показывающая, что он был построен в своем нынешнем виде примерно в середине семнадцатого века членом семьи Гюнтер, хорошо известной в истории графства. Рядом с домом на границе сада растет тисовое дерево, а недалеко от его ствола, но на более низком уровне, находится источник с бурлящей водой: это *y gad Yw*, "Глаз Yw". Ведь *y gad Yw* - это краткое выражение для источника Yw *burn*³⁴, и поток сохраняет название Yw до своего впадения в Рианго; но кроме источника *Llygad Yw* у него есть еще несколько подобных источников в полях возле дома. Однако в этом ручье нет ничего, что могло бы объяснить, почему название Истрад Yw было распространено на целый район; но если проследить его короткое течение, то можно сразу догадаться об объяснении. На несколько полей ниже *y gad Yw* находится деревня *Гаер* или крепость, состоящая из четырех фермерских домов, называемых Верхний, Средний, Нижний Гаер и Пен-и-Гаер: через эту деревню Гаер протекает Yw. Предполагается, что здесь, и особенно в Пен-и-Гаер, располагался римский лагерь значительной величины, а неподалеку от него реку Иу пересекала римская дорога, ведущая в *Брекон*³⁵. Лагерь в Страт-Ив был штаб-квартирой правящей власти в округе, отсюда и название Истрад-Ив для более обширной территории. Но для нашего повествования необходимо считать, что это название относится только к землям, расположенным в районе ожога Yw, или, в крайнем случае, к несколько большей части прихода Cwm Du, к которому относятся Yw и Tretower. Расположение Гаера в Истрад-Иве у подножия Бвлха или в расщелине сложного горного отрога, тянувшегося вниз к Уску, скорее всего, было выбрано римлянами, чем кем-либо из кельтских жителей, чьи постройки можно найти на нескольких соседних холмах, таких как *Muapm*³⁶ между Ивом и Уском.

Далее мы видим, как Тврх Трвайт, оставшийся в живых, направляется к Северну: Артур вызывает Корнуолл и Девон, чтобы встретить его в Абер Хафрен или устье Северна. Затем происходит яростный конфликт с Тврхом в самых водах этой реки, между *yw iwan* (р. 407) и *Aber Gwy* или устьем Wye. После долгих хлопот людям Артура удастся завладеть двумя из трех сокровищ кабана, но с третьим, а именно гребнем, он переправляется через *Северн*³⁷. Выбравшись на берег, он направляется в Корнуолл, где у него отбирают гребень. Преследуемый оттуда, он бросается прямо в море, а за ним гончие Анет и Этлем, и с того дня и по сей день ни о ком из троих ничего не было слышно.

Такова история Тврха Трвита, и доктор Стоукс обращает мое внимание на несколько похожую охоту, кратко описанную в "Ренн *Дунд*" в *Revue Celtique*, xv. 474-5. Что же касается драгоценных предметов, которые Тврх носит с собой на голове и в ушах, - гребня, бритвы и ножниц, то два из трех - гребень и бритва - входят в обычный набор определенной группы сказок, повествующих о том, как герой сбегает с дочерью великана, который погибает во время *погони*³⁸. Чтобы спастись от разъяренного великана, дочь берет у отца гребень, бритву и еще один предмет. Когда она и ее возлюбленный, бегущий на коне, оказываются в затруднительном положении, последний бросает за спину расческу, которая тут же превращается в непроходимый лес и задерживает великана на некоторое время. Когда он снова настигает их, возлюбленный бросает за спину бритву, которая превращается в крутой и острый горный хребет, через который преследующему его великану приходится прокладывать себе путь. Третьим предметом обычно является такой, который, будучи брошенным на пути великана, становится озером, в котором он тонет, пытаясь переплыть его. В рассказе Кулхвча, однако, аллюзия на эти предметы оторвана от того контекста, который можно было бы предположить. Великан - это *Yspadaden Penkawr*, чья смерть

наступила другим способом; но прежде чем от великана избавились, он требует, чтобы его побрили и уложили волосы. Волосы его, к тому же, настолько грубы, что для их укладки не обойтись без гребня и ножниц, имеющихся у Тврча Трвита, на которого и была организована охота; а для бритья, как можно предположить, должна была понадобиться бритва Тврча; но не тут-то было: бритье пришлось осуществлять с помощью другого предмета, а именно клыка *Искитирвинна Пеннбейджа*, "белокожего вождя кабанов", за добычей которого вкратце обращаются на другой охоте на кабанов. В этом отношении рассказ Кулхвча очень неоднозначен и разрознен, что, по-видимому, объясняется стремлением рассказчика умножить количество труднодоступных предметов, каждый из которых предполагает отдельный подвиг, подлежащий описанию.

Теперь рассмотрим охоту несколько подробнее, обратив особое внимание на упомянутые имена; начнем с имени *Twrch Trwyth*: слово *twrch* означает самца свиньи, *twrch coed*, "лесная свинья", - это дикий кабан, а *twrch daear*, "земляная свинья", - это слово, которым в Северном Уэльсе называют крота. В следующем месте мы можем практически приравнять *Twrch Trwyth* к имени, стоящему во главе одной из статей *Ирландского глоссария* Кормака. Там точная форма - *Orc tréith*, а ниже приводится первая часть самой статьи в переводе О'Донована под редакцией Стоукса: "*Orc Tréith, i. e. имя королевского сына, triath enim rex vocatur, unde dixit poeta Oínach n-uirc tréith*" "ярмарка королевского сына", то есть еда и драгоценные одежды, пух и одеяла, эль и мясо, шахматные фигуры и шахматные доски, лошади и колесницы, борзые и игры, кроме того". В этом отрывке слово *orc* встречается в родительном падеже как *uirc* и означает "свинья" или "кабан"; на самом деле это, с обычной для кельтов потерей согласного *p*, точный гойдельский эквивалент латинского *porcus*, родительного падежа *porci*. Из другой статьи в *Глоссарии* Кормака мы узнаем, что *Tréith* - это генитив *Triath*, который, как было объяснено, означает короля. Таким образом, *Orc Tréith* означает "опк Триата", "кабан Триата" или "кабан короля"; таким же образом мы принимаем *Twrch Trwyth* за "кабана Триата". Но здесь есть несоответствие, которое читатель наверняка заметил, поскольку *twrch* - это не то же самое слово, что и ирландское *orc*; ближайшая форма, которую можно было бы ожидать в валлийском, - *Wrch*, а не *Twrch*; но такого слова, как *Wrch*, насколько я знаю, не существует. Так обозначали ли валлийцы *orc* другим словом, не связанным с гойдельским, которое они слышали? Я думаю, что нет; ведь примечательно, что в ирландском языке помимо *orc* есть слово *torc*, означающее "кабан", а *torc* - это как раз валлийское *twrch*. Поэтому нет никаких возражений против предположения, что то, что Кормак называет *Orc Tréith*, было известно на гойдельском языке Уэльса как *Torc Tréith*, который имел аллитерацию, чтобы рекомендовать его популярности. В таком случае можно сказать, что гойдельское название *Torc Tréith* появляется в валлийском языке с минимальными изменениями как *Twrch Trwyth*, а также с печатью народной благосклонности, особенно в сохранении гойдельского *th*, как в названии древнего лагеря или укрепления в поместье Вити Буш в Пемброкшире: оно называется *Rath*, или *Rath Ring*. Здесь *rāth* идентично ирландскому слову *ráth*, "укрепление или земляное сооружение", и, похоже, оно также встречается в *Cil Râth Fawr*, названии фермы в окрестностях Нарберта. Гойдельское слово *tréith*, похоже, пришло в валлийский как *trēth-i*, долгий гласный которого должен был стать *oi* или *ui* примерно к концу шестого века; и если бы *th* рассматривалось по этимологическим принципам, его надлежащим эквивалентом в валлийском того времени было бы *d* или *t*. Сохранение *th*, таким образом, является доказательством устной передачи; то есть гойдельское слово перешло телесно в британский, чтобы затем подчиниться фонологическим правилам этого языка.

Небольшое исследование сказки, я думаю, убедит читателя в том, что одной из целей первоначального рассказчика было объяснить некоторые географические названия. Так,

Гругин должен был объяснить название Гарт Гругин, где был убит Гругин; Гвис - аналогично Гвису, притоку Тврха, который дал название станции на железной дороге между Исталиферой и Брин-Амманом; и Twrch $\square$ awin, чтобы объяснить название реки Twrch, которая принимает Gwys и впадает в Tawe на некотором расстоянии ниже Ystrad Gynlais, между графствами Brecknock и Glamorgan.

Кроме Гругина и Тврха $\square$ awin, был еще третий брат, которому история дает особое имя, а именно $\square$ wydaŵс Гоуунпуат, и это, как я полагаю, было сделано для того, чтобы объяснить название местности, которое, однако, не приводится: оно должно было быть где-то в Ystrad Yw, в графстве Brecknock. Еще больший интерес вызывают свиньи, не удостоившиеся собственных имен, те, которых называют просто *banw*, "молодой кабан", и *benwic*, "молодая свиноматка". В ирландском языке *banw* имеет эквивалент в слове *banbh*, которое, как объясняет О'Рейли, означает "сосущая свинья", и это же значение имеет манкское *bannoo*; но раньше это слово могло иметь несколько более широкое значение. Валлийское наречие дважды вводится в историю о Тврхе Трвите; один раз, как я понимаю, для объяснения названия Mynydd Amanw, "гора Амман", и один раз для Dyffryn Amanw, "долина Амман". В обоих случаях Аманв, как я полагаю, должен был объясняться *банвом*, убитым в каждом из указанных мест. Но как, спросите вы, слово *banw* объясняет *Amanw* или вообще проливает на него свет? Очень просто, если предположить, что название было гойдельским; ведь тогда достаточно снабдить его определенным артиклем, и получится *banbh*, "свинья или кабан", а это в валлийском языке не может дать ничего, кроме *ymmanw* или *ammanw*³⁹, которые со смещенным назад ударением становятся *Ammanw* и *Amman* или *Aman*.

Исходя из этих объяснений, давайте, прежде чем двигаться дальше, посмотрим, к чему именно сводятся наши доказательства. Итак, здесь упоминается семь свиней, но поскольку две из них, *banw* и *benwic*, убиты в одном и том же месте, наша цифра практически сокращается до *шести*⁴⁰. Вопрос заключается в том, в скольких из этих шести случаев рассказ об охоте объясняет названия мест смерти соответственно, то есть объясняет их обычным способом, с которым мы знакомы в других валлийских историях. Их можно перечислить следующим образом.

1. *Банв* убит в Mynydd Amanw.
2. *Тврх* убит в том же районе, где есть река *Тврх*.
3. Свинья по имени *Гвис* убита в том же районе, где есть река *Гвис*, впадающая в *Тврх*.
4. *Банв* и *бенвик* убиты в Диффрин Аманве.
5. Гругин убит в месте, называемом Гарт *Гругин*.
6. Свинья по имени $\square$ wydaŵс убита в месте, которое не названо, в Истрад-Иве или недалеко от *него*⁴¹.

Таким образом, в пяти случаях из шести история объясняет название места, и теперь возникает вопрос: может ли это быть простой случайностью? Только подумайте, какова вероятность того, что это случайность, если перевести ее в цифры: Южный Уэльс, от Сент-Дэвидса до долины Уск, может предоставить сотни названий местностей, заслуживающих упоминания, если не сказать больше, чем те, о которых идет речь в этом рассказе; вероятно ли, что из шести таких названий не менее пяти будут упомянуты или упомянуты по чистой случайности в ходе рассказа такой краткости, как Twrch Trwyth. На мой взгляд, такая случайность немыслима, и поэтому я вынужден предположить, что повествование изначально было построено таким образом, чтобы их учесть. Я сказал "изначально так было

задумано", потому что переписчик *Красной книги* или, скажем, последний редактор этой истории в том виде, в каком она существует в *Красной книге*, не показывает никаких признаков того, что он заметил подобный замысел. Если бы он обнаружил игру названий вводимых мест, он, вероятно, был бы более склонен развивать эту особенность истории, чем стирать ее.

То, что я имею в виду, можно лучше всего проиллюстрировать другой историей о свиньях, а именно той, которая уже упоминалась в "*Мабиноги* Мата". Там мы видим, как Придери, король Дифеда, держит свой двор в Рудлане на Тейфи, но хотя он стал гордым обладателем новой расы животных, подаренных ему его другом Арауном, королем Аннуна, он дал торжественное обещание своему народу, что не отдаст ни одного из них, пока они не удвоят свое число в Дифеде: эти животные были хобеу или свиньями, о которых говорилось выше на с. 69. Гвидион, прослышав о них, посетил двор Придери и с помощью магии и чародейства обманул короля. Преуспев в своих поисках, он отправляется в Гвинедд со своим хобеу, и вот как описывается его путешествие в "*Мабиноги*": "В тот вечер они дошли до верхней части Кередигона, до места, которое до сих пор называется по этой причине Мохдреф, "Свиной город или Свиное стойбище". На следующий день они отправились в путь, пересекли горы Эленид и провели ночь между Керри и Арвистли, в месте, которое также называется Мохдреф. Затем они отправились дальше и в тот же вечер добрались до коммуны в Поуисе, которая по этой причине называется *Mochnant*⁴², "Свиной ожог". Затем они отправились в кантрид Роса и провели ту ночь в городе, который до сих пор называется *Мохдреф*⁴³. Мои люди, - сказал Гвидион, - давайте отправимся в Гвинедд с этими зверями: страна поднимается в погоне за нами". Так они и поступили: добрались до самого высокого города Ар-Эф-Эчведа и построили там креу или стойло для свиней, и по этой причине город стал называться *Креу-Вирион*, то есть, возможно, "Стойло Вириона". В этом, нет нужды говорить, мы имеем дело с Корврионом из главы i: см. с. 47, 50-70 выше - это имя по-разному произносится, также как *Cyrrwion* и *C'rwion*.

Таким образом, часть истории о Мате объясняется серией географических названий, и если бы редактор Кулхвча понял, о какой игре с названиями мест идет речь в истории о Тврх Трвите, можно было бы ожидать, что он уделит бы ей особое внимание, как уже было предложено. Тогда возникает вопрос, как получилось, что он этого не понял? Первое, что напрашивается в качестве ответа, - это то, что он мог быть незнаком с географией соответствующей страны. Однако это очень недостаточное объяснение; ведь если бы он был незнакомцем, то, хотя это и объясняло бы его ошибки в отношении местностей, вряд ли удержало бы его от того, чтобы решиться на изучение географии, которой он не владел.

Что же скрыло от него часть оригинала в данном случае? Отчасти, по крайней мере, это должны были быть трудности языка. Давайте рассмотрим пример: Гвис уже неоднократно упоминался как имя, применяемое к одному из отпрысков Тврха Трвита, и использованные слова очень кратки, следующего содержания: "И тогда была убита еще одна из его свиней: Gwys was its name. На самом деле переписчик допустил ошибку, ибо ему следовало бы сказать: "И тогда была убита еще одна из его свиней: это была свиноматка", поскольку *gwys* - это слово, означающее свиноматку, а не название какой-либо отдельной свиньи. Это слово, несомненно, давно устарело в валлийском языке, но оно было известно поэту "Колыбельной для маленького поросенка" из *Черной книги Кармартена*, где одна из строк начинается, fo. 29^a, со строки:

Oian aparchellan. aparchell. guin guis.

Покойный доктор Пюхе перевел ее следующим образом:

Слушай, маленький поросенок! Ты, вперёдсмотрящий, маленький белый поросенок.

Боюсь, я должен был бы перевести ее менее изящно:

Колыбельная, маленький поросенок, белый поросенок свиноматки.

Для последних четырех слов Стокс предлагает "O pigling of a white sow"; но, возможно, наиболее естественным будет "O white porker of a sow!" - что, надо признать, не слишком рекомендуется с точки зрения смысла. Это слово встречается также в бретонском языке как *gwiz* или *gwéz*, "truie, femelle du porc", и как *gwys* или *guis* в старом корнуэльском, а в ирландском оно было *feis*. Тем не менее, редактор истории Twrch Trwyth не знал его; но было бы неудивительно, если бы валлиец, который достаточно хорошо знает свой язык, был бы озадачен таким словом, если бы оно не было в употреблении в его округе в его собственное время. Однако это едва ли затрагивает периферию вопроса. Область охоты, как уже говорилось, в основном находилась в границах, так сказать, той части Южного Уэльса, где мы находим гойдельские надписи огамского характера пятого или шестого века; и я убежден, что гойдельский язык, должно быть, жил до шестого или седьмого века на юге и на севере [Уэльса44](#), а часть Среднего Уэльса была тогда, вероятно, единственным районом, который можно считать полностью британским в плане речи. В этой истории, вероятно, такое название, как Гарт Гругин, является лишь незначительным изменением гойдельского *Горт Грукаинд*, "загон [Груканд45](#) или Груган": сравните Кухулайнд или *Кухулайнн*, превратившийся в валлийском языке в Кочолин. Но главным примером в истории Тврх Трвита, как уже было указано, является имя Аманв, которое я обнаружил также как *Амманн* (возможно, следует читать *Амману*) в *Книге □an Dâv* (или *Liber Landavensis*), стр. 199: оно приводится мирским свидетелем пожалования земли под названием Тир Димунер, которая, по-видимому, находилась на территории современного Монмутшира. Если интерпретировать его как означающее *in Banbh*, "кабан", то получится мужское имя того же класса, что и *Ibleid*, встречающееся в другой части той же рукописи (с. 178, 184), означающее, очевидно, *i Bleid*, теперь у *Blaid*, "волк". Но обратите внимание, что второе слово было валлийским, а первое - гойдельским, что имеет значение для нашей истории. Гойдель, рассказывающий эту историю, сказал бы, что кабан, *banbh*, был убит на горе или холме *in Banbh* или "Кабан"; и его гойдельский слушатель не мог не связать географическое название с апеллятивом. Но британец вряд ли смог бы понять, что означают слова *in Banbh*, и уж точно не после того, как он преобразовал их в *Ammanw*, с *nb*, ассимилированным в *mm*, и ударением, перенесенным на первый слог. Нет нужды говорить, что мои замечания не имеют смысла, если только гойдельский язык не был языком оригинала сказки.

В своем кратком описании охоты я опустил несколько имен людей, павших в разных местах, где Тврх был представлен в бухте. Теперь я хочу вернуться к ним с вопросом, почему их имена вообще были вставлены в рассказ? Можно предположить, что они, или, во всяком случае, некоторые из них, были предназначены для объяснения географических названий; но я должен признаться, что мне не удалось обнаружить их следы на картах ординарной службы. Однако другие, лучше знакомые с районами, о которых идет речь, могут добиться большего, и в этой надежде я прилагаю их в том порядке, в каком они даны в рассказе: - 1.

1. Артур посылает на охоту на берега Неверна в Пембрукшире своих людей, Илая и Трахмира, Гвартегиджа, сына Коу, и Бедвира; также *Tri meib Cleđyv Divwlch*, "трех сыновей Беспрозованного Меча". Упоминаются и собаки: Друдвин, птенец Грейда сына Эри, ведомый самим Артуром; два пса Глитмира Ледевига, ведомые Гвартегидом сыном Коу; и пес Артура Кава, ведомый Бедвиром.

2. Тврх Трвайт направляется к Квм Кервин в горах Преселли и, повернув к заливу, убивает следующих людей, которых называют четырьмя [ризвирами46](#) , или чемпионами Артура: Гвартегиджа, сына Ко, Тарауга из Аут-Клвида, Рейджуна, сына Эли Атвера, и Искована Хаэля.
3. Во второй раз он поворачивает к заливу в Квм Кервин и убивает Гвидра, сына Артура, Гарселида Выджела, Глева, сына Искаута, и Искавина, сына Баннона или Панона.
4. На следующий день его настигают в том же районе, и он убивает трех человек Глевлида Гаваэльвавра, Хуандава, Гогигвра и Пенна Пингона, многих людей из деревни, а также Гвлиддина Саера, одного из главных архитекторов Артура.
5. Артур настигает Тврха в Пеулиниауке (стр. 512 выше); там Тврх убивает Мадавка, сына Тейтиона, Гвина, сына Трингада, сына Нейда, и Эйриауна Пенна (Eiriawn Pen□oran).
6. Затем Тврх Трвайт поворачивает к заливу в Абер Тоуи, "Устье Тоуи", и убивает Синласа, сына Кинана, и Гвиленхина, короля Франции.
7. В следующий раз он убивает людей, чьи имена приводятся, когда добирается до Эвина (стр. 515), возле которого он убил Эхеля Ворджвида (Vordwyd-tw□), Арвили (Arwyli eil Gwydawg Gwyr), а также многих людей и собак.
8. Гругин, один из отпрысков Тврха, отправляется в Гарт Гругин в Кередигионе, а Илай и Трахмир преследуют его; но что с ними случилось, мы не знаем из-за пропусков, упомянутых выше (с. 515), как имевших место в рукописи.
9. □wydawc в бухте в неопределенном месте убивает Рудвива [Рыса47](#) и многих других.
10. □wydawc отправляется в Истрад-Ив, где его встречают люди из □ydaw, и он убивает Хирпейсавка, короля □ydaw, а также □ygaŧruđ Эмиса и Gwrbothu Hên, дядей Артура по материнской линии.

В качестве примечания к этим пунктам я бы начал с последнего, спросив, что можно сказать об этих людях из □ydaw? Прежде всего, можно заметить, что их имена единственного числа: так, *Hirpeissawc*, "Длинношерстный или Длиннорукий", - любопытное имя для их короля, поскольку оно звучит скорее как эпитет, чем как имя. Затем □ygaŧruđ (также □ysgaŧruđ, что я не могу понять, разве что как ошибку переписчика) *Emys* также необычно: скорее можно было бы ожидать *Emys Lygaŧruđ*, "Emys the Red-eyed". В нынешнем виде это выглядит так, как будто означает "красноглазый из Эмиса". Кроме того, *Эмыс* напоминает имя Эмира □ydaw, предка в валлийской агиологии ряда валлийских святых. Похоже, что редактор *Красной книги* перепутал букву "p" с буквой "c" при копировании с донорманнского оригинала. То, что ему пришлось работать над такой рукописью, доказывает и другой пример, *Gwrbothu Hên*, "Г. Древний", в котором мы имеем, несомненно, донорманнское написание *Gwrfodw*: тот же самый редактор, не сумев распознать имя, оставил его без преобразования в написание своей собственной школы. В *Книге □an Dâv* его можно встретить в различных вариантах: *Gurbodu*, *Guoruodu*, *Guruodu*. Затем эпитет *hên*, "старый или древний", напоминает о таких примерах, как *Math Hên* и *Gofynion Hên*, о которых мы расскажем чуть позже в этой главе. Теперь давайте на мгновение обратим внимание читателя на слово □ydaw, чтобы понять, не может ли оно на что-то намекать. Этимология этого слова оспаривается, поэтому приходится делать выводы о его значении, насколько это возможно, исходя из того, как оно используется. Сейчас это обычное валлийское слово, обозначающее Бретань или Малую Британию, а в ирландском языке оно превращается в *Letha*, которое применяется не только к Арморике, но и к Латиуму. И наоборот, не стоит удивляться, если гойдель, пишущий на латыни, переводит свое собственное *Letha* или валлийское □ydaw словом *Latium*, даже если

имеется в виду не часть Италии. Так случилось, что *□ydaŵ* встречается в самом Уэльсе, а именно в названии *□yn □ydaŵ*, озера в Сноудоне, о котором уже упоминалось, стр. 475. Его описывает Пеннант, ii. 339: "Прибыв на вершину, мы обнаружили впадину длиной в милю, заполненную *□yn □ydaŵ*, прекрасным озером, извивающимся под скалами и сильно изрезанным скалистыми выступами, то тут, то там вдающимися в него. В нем был один маленький островок, прибежище черноклювых чаек, которые гнездились здесь и, встревоженные столь неожиданными визитерами, нарушали тишину этого уединенного места своими глубокими криками". Но со времен Пеннанта вблизи края этого озера велись горные *работы*⁴⁸; говорят, что в ходе них уровень воды понизился на шестнадцать футов, когда в 1856 году здесь было обнаружено древнее каноэ. По словам покойного мистера Э. Л. Барнуэлла, который описал его в *Archæologia Cambrensis* за 1874 год, pp. 150-1, оно находилось во владении доктора Гриффита Гриффита из Тал-и-Треуджин, недалеко от Харлеха, который выставил его на встрече Кембрийской археологической ассоциации в Мачине в 1866 *году*⁴⁹. "Его размер, - говорит мистер Барнвелл, - девять футов девять дюймов - нередкая длина для ранних шотландских каноэ, - и он был выдолблен из одного куска дерева, как это обычно бывает с этими ранними лодками". Далее он предполагает, что "это каноэ могло использоваться для того, чтобы добраться до острова ради птиц или яиц; или, что не исключено, остров мог быть резиденцией кого-то, кто имел причины предпочесть столь уединенное место жительства. По сути, он мог быть чем-то вроде небольшого природного ключника и, в некотором смысле, настоящим озером-жилищем, попасть на которое и с которого было легко с помощью такого каноэ". Стокс предполагает, что *□ydaŵ* означало прибрежную землю, а Турнейсен связывает его с санскритским *pr̥thivī* и древнесаксонским *folda*⁵⁰, "земля": И, насколько я могу судить, можно предположить значение, которое удовлетворяло *бы* *□ydaŵ*, "Арморика", и *□ydaŵ* из *□yn □ydaŵ*, "Озеро *□ydaŵ*", а именно, что оно обозначало землю, до которой нужно было добираться на лодке, так что фактически оно было применимо к озерному поселению любого рода, другими словами, *□ydaŵ* на Сноудоне было названием озерного жилища. Поэтому я не могу не предположить, с большим почтением, что местом, откуда пришли люди *□ydaŵ* в рассказе об охоте на Тврха Трвита, было поселение на озере Сифаджон (стр. 73), и что название этой твердыни, будь то кранног или островок, также было *□ydaŵ*. Естественно предположить, что власть этого поселения над окружающей местностью простиралась на несколько миль вокруг - расстояние между Иу и Синфаджоном, как мне сказали, не превышает трех миль. Если эта догадка окажется обоснованной, нам придется с еще большим вниманием отнестись к упоминаниям в наших историях о *□ydaŵ* и не считать, что они всегда отсылают нас к Бретани.

То, что название *□ydaŵ* иногда относилось к региону Синфаджон, можно косвенно доказать следующим образом: церковь *□angorse* на его берегу посвящена святому Паулину, в честь которого также называется Капель Пеулин, в верхнем течении Тоуи, прилегающем к кардиганширскому приходу *□andewī Brefi*. Кроме того, по преданию, Паулину присутствовал на синоде в 519 году в Брефи, где святой Давид отличился своей проповедью против пелагианства. Паулин был тогда уже старцем, а святой Давид был одним из его учеников в *Тай Гвин*, "Уитленде", на реке Таф, где Паулин основал религиозный *дом*⁵¹; а примерно в пяти милях вверх по притоку Тафа находится церковь *□andysilio*, где в древней надписи упоминается Паулин. Эти два места, Уитленд и *□andysilio*, вероятно, находились в цимвде Пеулиниог, который называется в честь Паулинуса и через который мы только что проследовали по охоте на Тврх Трвит (стр. 512). Надпись, на которую я ссылался, *гласит*⁵², с лигатурами:-

CLVTORIGI
ФИЛИ ПАВЛИНИ
MARINILATIO

Это, вероятно, означает "Памятник Клуторикса, сына Паулина из Лация на болотах"; если только не рассматривать *Марини* как эпитет к *Паулини*. В любом случае *Latio*, вероятно, следует понимать как "*из Лацуума*": сравните римскую надпись, найденную в Бате (Hübner's No. 48), которая начинается с *C. Murrius. | C. F. Arniensis | Foro. Iuli. Modestus*⁵³, а по-английски, по словам мистера Хаверфилда, звучит так: "Gaius Murrius Modestus, son of Gaius, of the tribe Arniensis, of the town Forum Iulii". Проще всего объяснить последнюю строку в целом, вероятно, рассматривая ее как соединение с уточняющим словом, получающим свое значение не от *mare*, "море", а от позднелатинского *mara*, "болото или трясина". Таким образом, *Marini-Latium* будет означать "болотистый Латиум", чтобы отличить его от Латиума в Италии, и от *Letha* или *ŷydaw* в смысле Бретани, которая аналогично называлась в средневековом ирландском *Armuirc Letha*⁵⁴, то есть Арморика *Лема*. Это подтверждается названием церкви Паулинуса, которое на валлийском *ŷan y Gors*, англизированном *ŷangorse*, "церковь болота или трясины", и именно это значение имеет название, данное ей в *Taxatio* папы Николая, то есть *Ecclesia de Mara*. Другими словами, в надписи мы видим *Латуум*, или *Лету*, которая в валлийском языке стала называться *ŷydaw*. По моему мнению, именно из этого поселения, как из своей штаб-квартиры, мужчины *ŷydaw* отправились на охоту в Истрад-Ив, где был убит кабан *ŷwydog*.

Идея о том, что история Тврх Трвита была более или менее топографической, не нова. Леди Шарлотта Гост в своем "*Мабиногионе*", ii. 363-5, прослеживает охоту через несколько мест, названных в честь Артура, таких как *Buarth Arthur*, "скотный двор Артура", и *Bwrđ Arthur*, "стол Артура", а также другие, более разнородные названия, такие как *Twyn y Moch*, "свиной холм", близ истока Аммана, и *ŷwyp y Moch*, "свиная роща", у подножия той же возвышенности. Но одно из самых примечательных заявлений в ее записке следующее: "Еще одно необычное совпадение можно проследить между названием ручья в этом районе, называемого Эчел, и Эчелом Фордвиттом, который, как сказано в сказке, был убит в этот период погони". Мне не удалось обнаружить ни одной подсказки о ручье под названием Эхель, но в нужном месте встречается ручей под названием Эгель; поэтому я полагаю, что информаторы леди Шарлотты Гост молчаливо отождествляли это название с Эхелем. По сути, они, вероятно, были правы, поскольку Эгель, называемый Эцель на диалекте этого района, впадает в верховья Клайдаха, который, в свою очередь, впадает в Таве у Понт-ар-Дау. Поскольку следующим упоминается бассейн *ŷwch Tawe*, я предполагаю, что это была какая-то вода, которая впадала в Таве в этом же районе. Относительное положение Эвина, Эгеля, и Таве, как указано выше, не представляет никаких трудностей. Гойдельское имя, лежащее в основе имени Эхель, вероятно, было каким-то таким, как *Эккель* или *Эцель*; *Эцель* встречается, например, в *Книге Коровы Дун*, fo. 80^b, как имя знатного или князя. При переводе этого имени на валлийский как *Echel* учитывалась этимологическая эквивалентность гойдельского *ss* или *s* валлийскому *sh*, но непрерывная устная традиция народа, постепенно меняющего свой язык с гойдельского на валлийский, не подвержена такому влиянию, особенно в вопросах местных имен; поэтому рассматриваемое имя перешло на валлийский как *Essel*, подвергшись лишь модификации в *Egel*. В любом случае, можно предположить, что смерть героя Эхеля была введена для объяснения названия ручья Эгель. Указания на нечто подобное в лингвистическом смысле встречаются в части повествования, рассказывающей о смерти Гругина, в Гарт Гругине. Этого кабана преследуют два егеря по имени Илай и

Трахмир, имя первого из которых напоминает о Гарте Илай в приходе *Landewi Brefi*. Возможно, в первоначальной истории в Гарте Ила произошла смерть Ила или какое-то другое происшествие, в котором участвовал Гругин; но сложность здесь в том, что точное местоположение Гарта Гругина до сих пор не определено.

И наконец, наша информация об охоте на Тврха Трвита получена не только из Кулхвча, поскольку, помимо крайне неясной поэмы о Тврхе в *Книге Аневрина*, рукописи тринадцатого века, у нас есть одна вещь, приведенная в *Mirabilia*, связанной с *Historia Brittonum* Ненния, § 73, и она переносит нас в восьмой век. Он гласит следующее:-

Est aliud mirabile in regione quæ dicitur Buelt. Est ibi cumulus lapidum, et unus lapis superpositus super congestum, cum vestigio canis in eo. Quando venatus est porcum Troit, impressit Cabal, qui erat canis Arthuri militis, vestigium in lapide, et Arthur postea congregavit congestum lapidum sub lapide in quo erat vestigium canis sui, et vocatur Carn Cabal. Et veniunt homines et tollunt lapidem in manibus suis per spacium diei et noctis, et in crastino die invenitur super congestum suum.

Еще одно чудо есть в округе, называемом Буафут: там есть груда камней, а на вершине груды лежит один камень со следом собаки на нем. Кафа, собака воина Артура, преследуя свинью Трвид, отпечатала на нем след своей лапы, и Артур после этого собрал кучу камней под камнем, в котором был след его собаки, и называется она Кафанов каирн. И приходят люди и уносят камень в своих руках на день и ночь, а на следующий день камень находят на вершине его *кучи*⁵⁵".

Леди Шарлотта Гост в примечании к истории о Кулхвче в своем "*Мабиногионе*", ii. 360, кажется, была поражена, обнаружив, что *Карн Кава*, как она пишет, не сказочный курган, а настоящая "гора в округе Буилт, к югу от Раядер Гви и в пределах видимости от этого города". Она зашла так далеко, что уговорила одного из своих друзей посетить вершину, и он начал свой рассказ о ней со слов: "Карн-Кава, или, как ее обычно произносят, Корн-Кава, - это возвышенная и изрезанная гора". На одном из каирнов на горе он обнаружил, возможно, тот самый камень, о котором говорится в истории *Mirabilia*; но рисунок, которым он сопровождал свое сообщение, нельзя назвать убедительным, и он, должно быть, опирался на свое воображение, когда говорил об этом несколько высоком холме как о возвышенной горе. Кроме того, его рассказ о его названии заходит достаточно далеко, чтобы ввести в заблуждение: название, произносимое в окрестностях Райадера, звучит как *Корн Гафа* (*Corn Gafa* □ t) у валлийцев и *Корн Гавалт* (*Corn Gavalt*) у англичан, говорящих на моноглотском языке. Так что вполне вероятно, что когда-то это название произносилось как *Carn Gava*⁵⁶. Но, возвращаясь к инциденту, записанному Неннием, следует отметить, что он не встречается в Кулхвче; да и, учитывая расположение холма, он не мог быть посещен Артуром или его собакой во время охоты на Тврх Трвита, как это описано редактором истории в ее нынешней форме. Это наводит на мысль не только о том, что история о Тврхе очень древняя, но и о том, что она была составлена путем выбора определенных происшествий из неопределенного числа, которые, взятые вместе, вероятно, образовали бы сеть, охватывающую весь Южный Уэльс вплоть до северной границы части Среднего Уэльса, занятой Брайтонами до римской оккупации. Другими словами, у гойделов этой страны были свои истории, объясняющие названия мест, с которыми они были знакомы; известно, что так было и у гойделов Ирландии. Свидетельство тому - легенды о географических названиях, известные на средневековом ирландском языке как *Dindsenchas*, которыми изобилует старая литература Ирландии. По какому принципу рассказчик "Кулхвча" делал свой выбор из этого репертуара, я сказать не могу; но нельзя не заметить, что он мало интересуется деталями и еще меньше вникает в этимологический *мотив* упоминаемых им происшествий.

Впрочем, это следует отнести в основном на счет, возможно, раннесредневекового редактора.

Среди причин, которые были предложены для того, чтобы последний упустил из виду и вычеркнул игру с географическими названиями, я намекнул, что он не всегда понимал их, поскольку они иногда касались языка, который, возможно, не был его языком. В связи с этим возникает вопрос о переводе: если история изначально была написана на гойдельском языке, то каким образом она перешла на британский? Напрашиваются два ответа, и первый сводится к следующему: если история была записана, можно предположить, что некий литератор сел за перевод с гойдельского на британский слово в слово, или же адаптировал ее в более свободной манере. В любом случае, следует полагать, что он владел обоими языками и был в состоянии соблюсти справедливость в отношении игры географических названий. Однако вполне можно предположить, что из-за того, что он знал оба языка, он мог неправильно рассчитать, что именно необходимо для того, чтобы моноглот Брайтон смог ясно понять его смысл. Более того, если у переводчика были свои представления о стиле, он мог принципиально возражать против того, чтобы в повествование вставлялось что-либо похожее на объяснение слов. Короче говоря, можно увидеть несколько лазеек, через которые небольшая путаница может просочиться внутрь и помешать моноглотному читателю или слушателю перевода правильно понять историю во всех ее точках, как она была в оригинале. Другая точка зрения, более естественная, как мне кажется, заключается в том, что мы должны постулировать вмешательство не специального переводчика, а предположить, что история, или, скорее, сплетение историй, была распространена среди коренных жителей определенной части Южного Уэльса, скажем, долины Лафор, в то время, когда их язык был еще гойдельским, и что, постепенно отказываясь от гойдельского и переходя на британский, они сохранили свои истории и перевели повествование, хотя не всегда переводили географические названия, встречающиеся в этом повествовании. Так, например, возникло бы расхождение между *banw* и *Amanw*, последнее из которых на валлийском должно было бы переводиться как у *Banw*, "Кабан". Если это примерно так и было, то легко представить себе возможность того, что многие тонкости были полностью стерты в ходе столь грубого процесса трансформации. В одном или двух небольших вопросах мы можем противопоставить сообщество как переводчика и литературного индивидуума в работе: Я упоминаю слово *Trwyth*. Этот вокабул не переводился, не метафонизировался, если можно так выразиться, в то время: он перешел, когда еще был *Trêth-i*, из гойдельского в бриттский и продолжал использоваться без перерыва; ибо изменения, в результате которых *Trêth-i* превратился в *Trwyth*, были такими же, как и у других слов в течение веков, как уже говорилось. С другой стороны, литератор, знавший кое-что об этих двух языках, видимо, рассудил, что там, где гойдельское *th* встречается между гласными, правильным этимологическим эквивалентом в бриттском будет *t*, подлежащее мутации в *d*. Поэтому, переняв имя, он метафорически превратил *Trêth-i* в *Trêt-i*, откуда мы имеем *Porcus Troit* Ненния и *Twrch Trwyd*⁵⁷ в валлийской поэзии: эти *Troit* и *Trwyd* были литературными формами в отличие от народного *Trwyth*. Теперь, если мои предположения относительно *Echel* и *Egel* близки к истине, их история должна быть аналогичной; то есть *Echel* будет литературной формой, а *Ecel*, *Egel* - народной, соответственно, гойдельского *Ecell*. Третья параллель возникает в случае личного имени *Арвили*, которое носил один из спутников Эчела: *Арвил* этого имени имеет свой этимологический эквивалент в *Арвистле* - *Арвистли*, названии района, включающего восточные склоны Плинлиммона, и представленного сейчас деканатом Арвистли. Таким образом, *Арвистли* вызывает трудности при сравнении с ирландским *Airgialla* или *Airgéill*, англоизированным *Oriel*, которое обозначает, грубо говоря, современные графства Армаг, Лут и Монаган. Ведь здесь мы имеем ту же приставку *ar* перед одним и тем же вокабулой, которая в валлийском языке - *gwystl*, "заложник", а в ирландском -

giall, того же значения и происхождения. Читатель сразу же подумает о том, что в немецком языке это слово звучит как *geisel*, "заложник", древневерхненемецкое *gīsal*. Но расхождение в звучании между *Arwystl-i* и *Arwyl-i* возникает из-за разницы в обращении со *сла* в валлийском и ирландском языках. В бриттском районе Среднего Уэльса мы имеем *Arwystli c sl*, обработанным бриттским способом, в то время как в *Arwyli* мы имеем сочетание, обработанное гойдельским способом; результат остался, когда носители гойдельского языка в Южном Уэльсе перешли на [бриттский58](#).

Внимательное наблюдение может пополнить число этих поучительных примеров. Однако не следует думать, что все двойные формы имен в этих историях должны объясняться совершенно одинаково. Так, например, в соответствии с *Lug*, генитивом *Loga*, мы имеем две формы $\square eu$ и $\square ew$, из которых только первая соответствует ирландской. Но следует заметить, что $\square eu$ остается в некоторых [смухах59](#) в истории о Мате, тогда как в прозе он, по-видимому, называется $\square ew$. Не исключено, что правка, которая ввела $\square ew$, датируется сравнительно поздним временем, и что она была сделана человеком, который не был знаком с венедскими географическими названиями, частью которых был $\square eu$, а именно *Din\square eu* и *Nant\square eu*, теперь *Din\square e* и *Nant\square e*. Аналогичным образом два брата, Гофаннон и Амаэтон, как они названы в "*Мабиногу* Мата" и в сказании о Кулхвче, также называются Гофиньон и Амаэтон. Первое из них согласуется с ирландской формой *Goibniu*, родительного падежа *Goibnenn*, тогда как *Gofannon* - нет. Что касается Амаэтона или Амаэтона, то ирландский аналог, к сожалению, не был идентифицирован. Гофаннон и Амаэтон выглядят этимологически прозрачными в валлийском языке, и, вероятно, они были изменены рукой литературного редактора. В валлийском языке также существовало две формы имени Манавиджан, поскольку рядом с ним было другое, а именно Манавидан, которое можно было сократить до Манавида: оба встречаются в старой валлийской [поэзии60](#). Но *manawyd* или *mylawyd* - это валлийское слово, означающее *шило*, что здесь очень важно, поскольку в "*Мабиногу*", названной по имени Манавидана, он дважды становится сапожником, откуда в "Триадах" он назван одним из Трех золотых сапожников острова Прайдена: см. *Oxford Mabinogion*, p. 308.

То, что произошло в результате языковых изменений в одной из наших историй, Кулхвч, могло произойти и в других, скажем, в четырех ветвях "*Мабиногу*", а именно: Пви, принц из Диведа; Бранвен, дочь $\square ur$; Мат, сын Матонви; и Манавиджан, сын $\square ur$. Некоторое время назад я попытался показать, что основные персонажи "*Мабиногу*" Мата, а именно сыновья и дочери Дона, должны быть отождествлены с Туатха Де Дананн, "Племенами богини Дану или Дону" из ирландской легенды. Я обратил внимание на идентичность наших валлийских *Dôn* с ирландскими *Donu*, род. п. *Donann*, *Gofynion* или *Gofannon* с *Goibniu*, род. п. *Goibnenn*, и $\square eu$ или $\square ew$ с *Lug*. С тех пор профессор Циммер пошел дальше и предположил, что "*Мабиногион*" имеет ирландское происхождение; но я не могу этого полностью признать. Они гойдельского происхождения, но происходят не от ирландцев или гойделов Ирландии: скорее, как мне кажется, от гойделов этой страны, которые никогда не переселялись на братский остров, а остались здесь, чтобы в конце концов перенять британскую речь. Однако нет никаких возражений против того, чтобы считать их гойделями этой страны, произошедшими либо от коренных гойделов, либо от ранних гойдельских захватчиков из Ирландии, либо частично от одних и частично от других. Последняя точка зрения, пожалуй, наиболее безопасна для принятия в качестве рабочей гипотезы. Профессор Циммер считает, что имя *Mathonwy*, среди прочих имен, вероятно, является валлийской адаптацией какого-то ирландского имени, например, генитива [Mathgamnai61](#), ныне англоизированного *Mahony*. Это я также готов принять в том смысле, что валлийская форма является заимствованием гойдельской, существовавшей в то или иное время в этой стране и представленной в ирландском языке как *Mathgamnai*. Сохранение гойдельского *th* в

Mathonwy ставит его в один ряд с *Trwyth*, *Egel* и *Arwyli*, в отличие от этимологически более правильной формы, отголосок которой мы, кажется, имеем в бретонских именах *Madgan* и *Madgone*⁶².

Еще одно имя, которое я склонен считать привнесенным из гойдельского языка, - это имя Гилветви, сына Дона: похоже, оно включает в себя такое слово, как ирландское *gilla*, "юноша, сопровождающий или слуга", и какую-то форму гойдельского имени *Maughteus* или *Mochta*, так что имя *Gilla-mochtai* означает сопровождающий Мохта. Этот последний вокабул появляется в ирландском языке как имя нескольких святых, но раньше он, вероятно, был именем какого-то языческого бога гойделов, и его значение, скорее всего, совпадало со значением ирландского причастия *mochta*, которое Стокс объясняет как "возвеличиваемый, прославляемый": см. его *Календарь Оэнгуса*, стр. cxxiv, и сравните имя *Mael-mochta*. Адамнан в своем *Житии С. Колумба* пишет имя *Мауктеус* в следующем отрывке, преф. ii. с. 6:-

Nam quidam proselytus Brito, homo sanctus, sancti Patricii episcopi discipulus, Maucteus nomine, ita de nostro prophetizavit Patrono, sicuti nobis ab antiquis traditum expertis compertum habetur.

Этот святой, который, как говорят, пророчествовал о святом Колумбе и умер в 534 году, описывается в его Житии (Aug. 19) как *ortus ex Britannia*⁶³, что в сочетании с адамнановским *Brito*, вероятно, относит его к Уэльсу; но примечательно, что, тем не менее, он носил очень небритское имя *Мохта* или *Маухма*⁶⁴.

Вернемся к "*Мабиногиону*": Я давно склонен отождествлять *□wyd*, сына Килкоеда, с ирландцем Лиатом, сыном Кельтчара, из Куалу в нынешнем графстве Уиклоу. Лиат, чье имя означает "серый", описывается как самый привлекательный юноша благородного происхождения среди фей Эрина; и единственный раз, когда валлиец *□wyd*, чье имя также означает "серый", появляется в "*Мабиногоне*", ему приписывается не самая привлекательная фигура, правда, или самая большая личная красота, но самая впечатляющая маскировка епископа в сопровождении его свиты: он был великим магом. Имя его отца, Кил-коэт, кажется мне всего лишь неточным народным переводом *Кельтчара*, имени отца Лиата: во всяком случае, здесь нельзя обнаружить следов работы искусного переводчика или литературного редактора.⁶⁵ Но *Мабиноги* Манавиджана, в которых фигурирует *□wyd*, также являются теми, в которых жену короля Придери из Дифеда зовут *Кукуа* или *Чигфа*, имя, которое не может считаться бриттским. Однако оно рано встречается в легендарной истории Ирландии: в "*Четырех мастерах*" под 2520 годом н. э. упоминается некая Киокба, жена сына Парталона; и это имя, по-видимому, связано с именем человека по имени *Киоккаль*, 2530 год н. э. Наконец, Манавиджан, от имени которого происходит название "*Мабиноги*", в валлийском языке называется *tab □yr*, "сын □yr", а в ирландском - *Manannán mac Lir*. Аналогично с его братом Браном и сестрой Бранвен, за исключением того, что она не была идентифицирована в ирландской истории. Но в ирландской литературе генитив *Lir*, как в *mac Lir*, "сын Лера", встречается так часто, а номинатив так редко, что *Lir* стал рассматриваться в позднем ирландском как номинатив тоже; но генитив формы *Lir* предполагает номинатив-аккузатив *Ler*, и, собственно говоря, он встречается, например, в *двустии*:-

Fer co n-ilur gnim dar ler

*Labraid Luath Lam ar Claideb*⁶⁶.

Человек, совершивший множество подвигов за морем,

Лабрайд быстр в обращении с мечом.

Поэтому кажется вероятным, что валлийское [Lir67](#) - это не что иное, как гойдельский генитив *Lir*, сохранившийся в употреблении с произношением, измененным в соответствии с привычками валлийского языка; и в таком [случае68](#) оно служит исчерпывающим доказательством того, что истории о семье [Lir](#) в валлийской легенде были гойдельскими, прежде чем облеклись в британскую одежду.

Что касается "*Мабиногиона*" в целом, то можно сказать, что он посвящен судьбам в основном трех могущественных домов или групп: детей Дона, детей [Lir](#) и семьи Пви́фа. Последняя вступает в контакт с группой [Lir](#), которая занимает практически главенствующее положение. Семья Пви́фа принадлежала главным образом к Дифеду; но власть и влияние сыновей [Lir](#) имели гораздо более широкий диапазон: мы находим их в Англси, в Харлехе, в Гвалесе или на острове Грашольм у Пембрукшира, в Абер Хенвелене где-то к югу от Северного моря и в Ирландии. Но экспедиция в Ирландию под предводительством Брана, которого обычно называют *Бендигейтураном*, "[Браном69](#) Благословенным", оказалась настолько катастрофической, что группа [Lir](#) как единое целое исчезает, уступая место детям Дона. Последние столкнулись с сыном Пви́да, Придери, в стране которого закончил свои дни Манавиджан, сын [Lir](#). Вследствие обмана Гвидиона (стр. 69, 501, 525) Придери начинает войну с Матом и детьми Дона: он падает в ней, а его войско отдает Мату заложников. Таким образом, после исчезновения сыновей [Lir](#) дети Дона оказываются у власти вместо них в Северном [Уэльсе70](#), и такое положение вещей достаточно близко соответствует отношениям между Туатха Де Дананн и родом Лир в ирландской легенде. Там Лир и его семья причислены к Туатха Де Дананн, но внутри этого сообщества Лир был настолько могущественным, что считалось вполне естественным, что он должен был возмущаться тем, что королем был избран соперник, а не он. Поэтому Туатха Де постарались примирить Лира, как и их король, который отдал Лиру в жены свою дочь, а когда она умерла, отдал ему другую свою [дочь71](#); с обращения сестры покойной жены с ее приемными детьми начинается одна из трех "Скорбных историй Эрина", известная английским читателям как "Судьба детей Лира". Но читатель должен обратить внимание на относительное положение: Туатха Де остаются у власти, а дети Лира принадлежат прошлому, что также является последовательностью в "*Мабиногионе*". Возможно, это не имеет никакого значения, но следует помнить, что группа *Lir-Lir* поразительно элементарна в своем отчестве *Lir*, [Lir](#). Именем, как уже говорилось, было *ler*, "море", и поэтому Кормак переводит *mac Lir* как *filius maris*. Насколько далеко мы можем осмелиться считать море персонифицированным в этом контексте и насколько рано, сказать невозможно. В любом случае заслуживает внимания тот факт, что одна группа гойделов и по сей день не говорит *mac Lir*, "сын Лира", *filius maris*, а всегда "сын *Лира*": Я имею в виду гэлов острова Мэн, в языке которых *Manannán mac Lir* всегда *Mananan mac y Lir*, или, как они пишут, *Lear*; то есть "Маннанан, сын *лира*". Манксы привыкли считать Маннанна своим одноименным героем и первым королем своего острова: они называют его более привычно *Mananan beg mac y Lear*, "Маленький Маннаннан, сын *лэра*". Это можно утверждать, хотя ни один из современных манксистов не придает никакого значения слову *lir* или *lear*, интерпретируемому как "Маленький Маннаннан, сын моря". Странствия детей Лира на свободе до того, как их затмила группа Дананн-Дон, напоминают историю о трудах Геракла, где рассказывается о приключениях этого героя по возвращении после ограбления Гериона его скота. Помпоний Мела, ii. 5 (р. 50), заставляет Геракла во время этого путешествия сражаться в окрестностях Овна с двумя сыновьями Посейдона или Нептуна, которых он называет (в винительном падеже) Альбионой и Бергионом. Нам, с нашими более глубокими познаниями в географии, местность и люди не кажутся наиболее созвучными, но

вряд ли можно ошибиться в том, что эти два личных имени являются отголосками имен Альбиона и Ивериона, Британии и Ирландии.

Весь цикл "*Мабиногиона*" должен был казаться рассказчику и поэту средневекового Уэльса странным и далеким от мира, в котором они жили. Возможно, отголоски этого чувства мы находим в эпитете *hên*, "старый, древний", которым наделяется Мат в поэме из *Красной книги Хергеста*, где мы встречаем такую [строку72](#)

Gan uath hen gan gouannon.

С Матом древним, с Гофанноном.

Точно так же в путаном списке героев, который смог составить рассказчик из Кулхвча (*Mabinogion*, р. 108), мы, кажется, находим Гофаннона, родственника Мэта, упоминаемого под именем *Gouuynon Hen*, "Гофинион Древний". К ним можно добавить и другие, такие как *Gwrbothu Hên*, упомянутый выше, с. 531, и из другого источника [Heu Hen73](#), "*Heu the Ancient*". Вероятно, содержание самих историй казалось рассказчикам настолько странным и неясным, что время от времени можно заподозрить их в стирании некоторых черт, которые нам было бы интересно найти сохраненными. Такое положение вещей заставляет меня вспомнить слова Мэтью Арнольда, которые я имел удовольствие слушать больше лет назад, чем хочу вспомнить. Он читал в Оксфорде лекцию о кельтской литературе и заметил, "как явно средневековый рассказчик грабит древность, секретом которой он не владеет в полной мере; он подобен крестьянину, - продолжал Мэтью Арнольд, - строящему свою хижину на месте Галикарнаса или Эфеса; Он строит, но то, что он строит, полно материалов, о которых он не знает истории или знает лишь по мерцающей традиции - камни "не этого здания", а более древней архитектуры, более великой, более хитрой, более величественной". В средневековых историях ни одного латинского или тевтонского народа это не бросается в глаза так, как в историях валлийцев". Это становится понятным только в том случае, если до того, как облечься в валлийскую одежду, истории были написаны на гойдельском языке.

Говоря, что "*Мабиногион*" и некоторые из историй, содержащихся в "Кулхвч", например, "Охота на Тврха Трвита", были гойдельскими до того, как стали британскими, я хочу, чтобы меня поняли, что я использую слово "гойдельский" в оговоренном смысле. Ведь до прихода бритонов гойделы, как я понимаю, были правящей расой на большей части южной половины Британии, а туземцы - их подданными, за исключением того, что это утверждение должно быть ограничено тем фактом, что мы не знаем, насколько сильно они и туземцы смешивались друг с другом. В любом случае, враждебное появление другой расы, Брайтонов, вероятно, ускорило бы процесс слияния. А раз так, то истории, которые я условно назвал гойдельскими, могли быть в значительной степени аборигенными по происхождению, и под этим я понимаю исконные, докельтские и неарийские. В итоге получается следующее: мы не можем с уверенностью сказать, чьим творением следует считать Брана, например, - гойделов или неарийских туземцев. Он восседал, как описывает его "*Мабиноги Бранвена*", на скале Харлеха - фигура слишком колоссальная, чтобы ее мог вместить любой дом или перевезти корабль. Казалось бы, это бросает вызов сравнению с Сернунносом, сидящим на корточках богом древней Галлии, рядом с которым другие боги выглядят просто ничтожествами, что подтверждается монументальными изображениями, о которых идет речь. В [hux74](#) он иногда предстает с рогами, как олень; иногда у него три нормальные головы или одна голова с тремя лицами; А иногда он сводится к голове без тела, что напоминает о Бране, который, избавившись от тела из-за отравленной раны, нанесенной ему в ногу при резне в Павильоне Мешков, превратился в *Urdawl Ben*, "Почтенную или достойную голову", упомянутую в "*Мабиноги*" [Бранвена75](#). Далее в "*Мабиноги*"

рассказывается о том, как спутники Брана стали, при соблюдении определенных условий, наслаждаться обществом его "Почтенной головы", которое включало в себя пиры баснословной продолжительности и характера, который нелегко было превзойти тем, что происходили вокруг Святого Грааля. Фактически перед нами, вне всякого сомнения, один из языческих оригиналов, христианской версией которого является Грааль. Но множественные лики или головы галльского божества находят свои аналоги в доселе незамеченном направлении, насколько мне известно, а именно у летто-славянских народов Балтийского побережья. Так, образ Святовита на острове Рюген, как говорят, имел четыре [лица](#)⁷⁶; а в житии Оттона Бамбергского [рассказывается](#)⁷⁷ о том, как этот высокомерный евангелист обратил в христианство древних пруссов. Среди прочего нам рассказывают, как он нашел в Штеттине идола под названием Триглас - слово, обозначающее три головы, которыми отличался этот бог. Святой завладел изображением и разрубил тело, оставив для себя три головы, которые изображены слипшимися вместе, образуя единый кусок. Эту фигуру он отправил в качестве трофея в Рим, и в Риме она, возможно, находится до сих пор. Если его удастся найти, можно ожидать, что он будет иметь близкое сходство с трехглавым галльским алтарем, найденным в Боне (Бургундия).

Прежде чем завершить эту главу, можно сказать несколько слов о гойдельском элементе в истории Уэльса: он вновь предстанет перед читателем в одной из последующих глав, , но то, что уже было высказано или подразумевалось относительно него, здесь можно пересказать следующим образом:...

Было высказано предположение, что наследственная неприязнь Брайтона к Гойделю объясняется тем, что они раньше жили в непосредственной близости друг от друга: см. с. 473 выше.

Предание о том, что пещерные сокровища в районе Сноудона принадлежат гойделам по праву, означает, что раньше они якобы прятали их, когда Брайтоны оказывали на них сильное давление: см. с. 471-2 выше.

Многочисленные случаи, когда для обозначения одного человека или места используется пара имен, одно из которых - гойдельское (бритонизированное) - до сих пор в ходу, а другое - британское (подсказанное гойдельским), в основном литературное и устаревшее, доказывают, что гойделов не изгоняли, а позволили им остаться, чтобы перенять британскую речь.

Доказательств того, что сказители Уэльса были обязаны своим собратьям по профессии в Ирландии, сравнительно мало; и почти в каждом случае, когда недавние исследования устанавливают связь между темами или происшествиями в артурианских романах и родной литературе Ирландии, можно предположить, что непосредственный контакт был с фольклором и легендами гойдельских жителей Уэльса, будь то до или после их смены языка.

Вероятно, фольклор и мифология гойделов Уэльса и Ирландии в массе своей были одинаковыми, хотя в некоторых случаях они дошли до нас на разных стадиях развития: так, в случае с Доном и Дану (род. падеж *Danann*) валлийские аллюзии относятся к Дону на заметно более ранней стадии ее роли, чем та, которая представлена в ирландской литературе, затрагивающей Туатха Де [Дананн](#)⁷⁸.

Общую точку зрения, с которой наши предки смотрели на окружающий их пейзаж, хорошо иллюстрирует любовь гойделов, как в Уэльсе, так и в Ирландии, к происшествиям для объяснения географических названий. Ему требовалась топография - да она и сейчас требуется, отсюда и активность местных этимологов - для обозначения истории: ему нужно

что-то, что придаст холодному свету физической природы, рек и озер, болот и гор, более теплый оттенок, толику патетического элемента, прикосновение человеческого, заимствованного из света и тени мира воображения и фантазии, в котором он живет и мечтает.

1 Они приводятся здесь в том порядке, в каком они напечатаны в начале второго тома "*Мивиррианской археологии Уэльса*", а серии или версии обозначены как i, ii, iii. Версию ii можно найти напечатанной в третьем томе *Cymmrodor*, стр. 52-61, а также в Оксфордском *Мабиногионе*, стр. 297-308, из *Красной книги Хергеста* четырнадцатого века. Добавленная буква (a, b, c) предназначена для обозначения порядка трех частей триады, поскольку он не одинаков во всех сериях. Позвольте мне здесь в общих чертах отметить, что прежнее увлечение валлийцев триадами не было им свойственно. Ирландцы тоже, должно быть, когда-то увлекались этим объединением. Свидетельство тому - триада самых умных подсчетов в *Книге коровы Дун*, лист 58^a, и триада недостатков женщин Ольстера, ib. 43^b. ↑

2 Что касается имен Драйстан (также *Тристан*) и Эсси (*Essy*□t), см. сноску на с. 480 выше. ↑

3 Это должно было объяснить необычный термин *g□rdueichyat*, который также писался *g□rdueichat*, *g□rueichyat* и *gwrddfeichiad*. Последнее встречается в современном написании iii. 101, где эта фраза помещена не в середину триады, а в конец. ↑

4 Редактор этой версии, по-видимому, предполагал, что Пендаран был местом в Дайфеде! Но его невежество не оставляет нам никаких доказательств того, что перед ним была другая история. ↑

5 Это слово встречается в Мод. В валлийском *Annwfn*, но оно было в основном вытеснено сокращенной формой *Annwn*, которая дважды встречается в *Мабиноги* Мата. Эти слова были исследованы М. Гайдосом в "*Zeitschrift für Celtische Philologie*" Мейера и Штерна, i. 29-34, где он приравнивает *Annwfn* к бретонскому *anaouon*, которое является множественным числом, используемым в совокупности для душ ушедших, потустороннего мира. Однако его точка зрения на эти интересные слова была впоследствии упомянута в том же *Zeitschrift*, iii. 184-5, и опровергнута в *Annales de Bretagne*, xi. 488. ↑

6 Под редакцией профессора Куно Мейера (Лондон, 1892): см. например, с. 76-8. ↑

7 См. "*Irish Texts*" Виндиша, р. 256, а теперь "*Fled Bricrend*" Общества ирландских текстов, отредактированный с переводом Джорджа Хендерсона, pp. 8, 9. ↑

8 Windisch, ibid. pp. 99-105. ↑

9 См. Оксфордский *Мабиногион*, стр. 196, и перевод Guest, i. 302, где валлийские слова *a gol□ytho o gic meluoch* переведены как "и коллопы из плоти дикого кабана", что вряд ли может быть правильным; ведь *mel* в *mel-uoch*, или *mel-foch* в современном написании, является эквивалентом ирландского *melg*, "молоко". Таким образом, это слово должно означать либо свинью, вскормленную на коровьем молоке, либо свинью-сосуна. Первое значение более вероятно, но решить это не помогает тот факт, что слово до сих пор иногда используется в книгах писателями, которые воображают, что перед ними слово *mel*, "мед", и что это соединение означает свиней, чья плоть сладка, как мед: см. *словарь* д-ра Пюхе, где *melfoch* переводится как "медовая свинья", что бы это ни значило. ↑

10 Windisch's *Irische Texte*, p. 133, где *laith lemnacht* = валлийское *laeth lefrith*, "сладкое молоко". ↑

11 *Coſfrewi*, вероятно, как и *Gwenfrewi*, было женским именем: этот момент имеет некоторое значение в связи с тем, что было сказано выше на с. 326 о магии Гвидиона и *Coſfrewi*. ↑

12 Это напоминает Джеффри Монмутского о *Хенвине*, которого он делает *дуксом Корнубии* и отцом *Кунедагия* или *Кунеджи*: см. ii. 12, 15. Вероятно, Джеффри связывает такие имена, как *Кунеджа* и *Дифнвал Моэльмуд* (ii. 17), с *Корнуоллом* из-за того, что имя северной *Думнонии* было забыто задолго до того, как *Думнонию* стали отождествлять с *Девон*ом и *Корнуоллом*. ↑

13 См. *Oxford Mabinogion*, p. 104, и *Oxford Bruts*, p. 292. ↑

14 См. "Оксфордские *брутто*", с. 299, 317, 345-6, 348, 384. От профессора Анвила я узнал, что *Casteſ Penwedig* все еще помнят в *anfihangel Genau'r Glyn* как старое название *Casteſ Gwaſter* в этом приходе. ↑

15 См. его примечание в *Owen's Pembrokeshire*, p. 237, где он также упоминает *Aber Tarogſ*, и примечания редактора к p. 55. ↑

16 *Mergaed* от *Mengwaed* вряд ли требует объяснения; а что касается *Breat* или, скорее, *Vreat*, как оно встречается в мутации, нам остается только предположить, что в оригинале небрежно написано *Vrēas* от *Vrēach*, и мы имеем обычную ошибку пренебрежения штрихом, обозначающим *n*, и очень распространенную ошибку путания *s* с *t*. Это первое упомянутое имя, возможно, следует анализировать как *Mengw-aed* или *Menw-aed* для ирландского *Menb-aed*, с *menb*, "маленький", замеченным на стр. 510 ниже; в этом случае можно сравнить такие соединения *Aed*, как *Beo-aed* и *Lug-aed* в *мартирологии Гормана*. Если это предположение окажется обоснованным, Мод. Уэльская транскрипция *Menwaed* должна быть *Menwaed*. Я пользовался другими версиями Триады из MSS в коллекции Пениарта; но они не дают ничего важного в отношении имен собственных в рассматриваемых отрывках. ↑

17 См. "Оксфордский *Мабиногион*", с. 41, 98, и перевод Guest, iii. 313. ↑

18 См. "*Historia Regum Britanniae*" Джеффри, vi. 19, viii. 1, 2; также Гиральдус, *Itinerarium Kambriæ*, ii. 8 (p. 133). ↑

19 *Itinerarium Kambriæ*, ii. 9 (p. 136). ↑

20 Имя *Менва* следует отождествлять с ирландским словом *menb*, "маленький, небольшой", и связывать с валлийским производным *di-fenw-i*, "приносить или поносить": как видно, он принимает форму птицы, и его обозначение *Menw fab Teirgwaed* можно перевести как "Маленький, сын Трех Плакальчиков". ↑

21 Идентифицировано профессором Куно Мейером в "*Transactions of the Cymmrodorion Society*", 1895-6, p. 73, с местом в Лейнстере под названием *Sescenn Uairbeól*, "the Marsh of Uairbhél", где *Uairbhél*, возможно, является мужским именем, но более вероятно, что это проход или щель, описываемая как Cold-mouth: сравните *Slack* или *Sloc* на острове Мэн, называемый на манкском "большая пасть ветра". Ирландское название частично совпадает с валлийским *Esgeir Oerfel* или *Oerfel*, что означает "горный отрог холодной погоды". ↑

22 В тексте используется слово *ystyr*, которое сейчас означает "смысл или значение"; но там оно употребляется в значении "история" или латинского "historia", из которого оно, вероятно, заимствовано. ↑

23 В оригинале его имя звучит как *Gwrhŷr Gwalstawt leithoed*, и в Кулхвче этому человеку приписывается владение всеми языками, включая языки некоторых птиц и четвероногих. *Гвалстаут*, который пишется также как *гвалстот*, - это англосаксонское слово *wealhstód*, "переводчик", заимствованное. Имя *Gwrhŷr*, возможно, идентично имени *Ferghoir*, которое носил Стентор из последователей Фионна мак Кумхайля. Говорят, что каждый крик Фергхойра был слышен за три кантреда. Естественно, тот, кто должен был вступить в перестрелку с дикарями, имел все основания развивать свой голос, если хотел быть уверенным, что вернется к своим друзьям. Подробнее об этом см. сноску на с. 489 моих "*Лекций Хибберта*". ↑

24 В оригинале написано *Pelumyaws*, р. 138, а в (*Красной книге*) *Bruts*, р. 355, это имя встречается как *Pelunyaws*, и р. 411, как *Peluneawc* между коммунами Амгоэд и Велфри. Предложенная здесь идентификация исходит от г-на Филлимора, который считает, что *Peuliniawc* должно быть производным от имени *Paulinus*, то есть от того *Paulinus*, который, вероятно, упоминается в древней надписи в *andysilio*. Есть и другие церкви, названные в честь Тисилио, так что эту раньше называли *andysilio yn Nyfed*, то есть *andysilio-in-Dyfed*; но произношение было таким же, как если бы она писалась *andysilio yn Yfed*, что означает "*andysilio a-drinking*", "*whereof arose a merrye jest*", как говорит нам Джордж Оуэн в своем *Pembrokeshire*, р. 9. Сейчас его иногда называют *andysilio'r Gynffon*, или "*andysilio of the Tail*", из-за расположения части прихода на полосе, как бы хвосте, земли Кармартеншира, вдающейся в Пембрукшир. ↑

25 Судя по всему, в 1042 году этот Абер-Тоуи был городом с гаванью, поскольку в "*Brut y Tywysogion*" мы читаем о жестоком поединке между Груффиджем аб Эвелин и Хауэлом аб Эдвином, который с ирландскими вспомогательными войсками пытался высадиться. Не так давно буря, унесшая скопления песка, обнажила значительную часть этого места. Остается надеяться, что в скором времени на этом месте будут проведены раскопки. ↑

26 См. *Transactions of the Cymmrodorion*, 1894-5, pp. 146-7. В Южном Уэльсе очень много глинов, но наши этимологи стараются в большинстве случаев писать их как *glyn*, "глин". Наша история, однако, показывает, что слово попало под влияние *glyn* уже давно, так как оно должно быть, когда на него ставят ударение, *clûn*, что соответствует ирландскому *cluain*, "луг". Мы имеем его как *clun* в *Clun Kein* в *Черной книге*, стр. 34^b, где я предполагаю, что оно означает место, которое сейчас называется *Cilcain*, "Килкен" в Флинтшире, где ударение падает на первый слог; и мы имели его в *Clun Hir*, "Длинный луг", упомянутый выше на стр. 22. ↑

27 Предполагается, что *Cas ŷchwyr*, "замок Лафор", включает в себя *ŷchwyr*, *wchwyr*, или *Loughor*, название места в *Итинерарии Антонина*, 484, 1, то есть *Leucarum*; но гортанный спирант *ch* между гласными в *ŷchwyr* утверждает, что фонетический процесс был скорее гойдельским, чем британским. ↑

28 *ŷwydawc Gouynnyat*, по-видимому, означает *ŷwydawc* просящий или требующий, и этот эпитет встречается также в Кулхвче в имени *Gaŷcoyt Gouynynat* (*Mabinogion*, 106), которое, несомненно, следует читать как *G. Gouynnyat*, "Г., который просит или требует": возможно, с *Go-ynnyat* скорее следует сравнивать слово *tra-mynyat*, "дикий кабан": см. *Williams' Seint Greal*, pp. 374, 381. Однако эпитеты в рассказе *Twrch Trwyth* не учитываются, поскольку речь идет о производных географических названиях. ↑

29 Другие примеры подобного сокращения встречаются в таких словах, как *cefneder*, "двоюродный брат", от *cefnederw*, и *ardel*, "владеть", от *ardelw*. Что касается Аммана, то он

также входит в группу географических названий Гламорганшира: свидетель Aber Amman и Cwm Amman, близ Абердара. ↑

30 Возможно, его следует искать рядом с Брехфой, где есть Хафод Гругин и, как мне сказали, *Гарт*, который, однако, не имеет дальнейшего определения. Ибо, судя по всему, и Брехфа, и Кайо, хотя и находятся сейчас в Кармартеншире, когда-то принадлежали Кередигиону: см. Owen's *Pembrokeshire*, p. 216. Но, возможно, следует рассмотреть и другое место: Дж. Д. Рис, грамматик (стр. 22 выше), приводит в Peniarth MS. 118 список *каэров* или замков, названных в честь великанов, и среди них - Гругин в приходе, по его словам, "*an Hilar*". Однако мне не удалось обнаружить там никаких следов этого названия, хотя я предполагаю, что это место было Pen y Caste, называемое по-английски Замковый холм, резиденция мистера Локсдейла в приходе *an Hilar*, недалеко от Аберистуита. ↑

31 Я пересмотрел этот отрывок и не сомневаюсь, что редакторы ошиблись, напечатав *Gregyn*: в рукописи написано *Grugyn*, которое находится в последней строке столбца 841. Кроме того, что эта строка отчасти несколько тусклая, писец, очевидно, что-то упустил из оригинальной истории, и я предполагаю, что лакуна находится в первой строке следующего столбца после слов у *as*, "был убит", которые, похоже, завершают историю о Гругине. ↑

32 С теми, кто обнаружил независимое валлийское апеллятивное слово *иу*, означающее "вода", не стоит спорить. Валлийское *иу* означает только яйцо, а значение *Гуу* как названия реки Вай еще предстоит выяснить. ↑

33 Это имя также встречается в отрывке, процитированном в Jones' *Brecknock*, ii. 501, из Carte MS., который он относит к 1234 году: говорят, что MS. находится в Бодлиане, хотя мне не удалось его разыскать. Но Джонс приводит *Villa de Ystraddewi* и говорит о часовне Святого Иоанна из *Страдтеви*, которая, должно быть, была церковью Святого Иоанна в Третовере, одном из церковных округов Квм Ду: см. также p. 497. Вероятно, это название следует трактовать как *Страд* или *Страт д'Эве*. ↑

34 На валлийском языке река может быть кратко названа в честь кого-либо или чего-либо. Так, в Северном Кардиганшире есть ручей под названием *Эйнон*, то есть "река Эйниона", а равнинные земли по обе стороны от него называются *Истрад Эйнон*, что выглядит так, будто можно перевести как Страт Эйниона, но это означает Страт реки Эйниона, или ручья под названием Эйнон, как сразу видно из того, что верхнее течение воды называется *Блаен Эйнон*, что может означать только верхнее течение реки Эйнон. Таким образом, *уу* по-английски означает "тис", но *Ystrad Yw* и *an ygad Yw* следует переводить как Strath of the Yew burn и Eye of the Yew burn соответственно. Кроме того, валлийцы считают, что *уу* - это множественное число от *ууел*, "единственный тис", а поскольку в источнике есть только один тис, кому-то пришла в голову блестящая идея исправить название, назвав его *Ywen*, и оно попало на карты под названием *Еууп*, как будто это валлийское слово для пены. Кто это начал, я сказать не могу, но Теофилус Джонс записал это в своей "*Истории графства Брекнок*", опубликованной в 1809 году. Тем не менее в валлийском языке этого округа название по-прежнему звучит как *Yw*, а не *Ywen* или *Еууп*, хотя Льюис в своей статье о *anvihangel-Cwm-Du* приводит его как *Ywen*. ↑

35 За точную информацию о Гаере, Иу и *an ygad Yw* я обязан главным образом любезности лорда Глануска, владельца этого исторического страта, и ректору *an santffread*, который специально посетил *an ygad Yw* для меня; также я обязан г-ну Фрэнсису Эвансу. Фрэнсису Эвансу из "Фермерского оружия" в Бвлхе, который с удовольствием переименовал *бы an ygad Yw* в *an ygad dan yr Ywen*, "Источник под тисовым деревом", отчасти из-за расположения "источника, бьющего из-под тисового дерева", а отчасти потому, что там есть только один

тис. Сто лет назад Теофилус Джонс жаловался, что Гаер в Истрад-Иу не привлёк к себе должного внимания; и я был сильно разочарован, обнаружив, что Кембрийской археологической ассоциации нечего о нем сказать. Во всяком случае, я просмотрел указатель ее трудов и нашел лишь одно упоминание о нем. Говорят, что вся округа изобилует древностями, кельтскими, римскими и норманнскими. ↑

36 Теофилус Джонс в своей книге *"Брекнокшир"*, ii. 502, описывает Миарт или Myarth как "очень обширный" лагерь и продолжает: "Другой британский лагерь меньшего размера можно увидеть на холме Пентир, к западу от реки Рианго и приходской церкви Квмду, над лесом под названием Коед-и-Гаер, и почти напротив пика или вершины под названием Клох-и-Пибвр, или зов волынщика". Вероятно, точнее было бы перевести это как "Скала или камень волынщика", а "клох" рассматривать как гойдельское слово, обозначающее камень, а не британское слово, обозначающее колокол: сколько еще клохов в наших географических названиях являются гойдельскими? ↑

37 По-видимому, Тврх должен был переправиться где-то напротив устья Уай, скажем, не очень далеко от Ауста; но он бежит в Корнуолл, и с ним ничего не случается, так что мы остаемся без каких-либо указаний на то, считалось ли в этой истории, что Керниу включает Пенрхин Аустин из истории Со□, приведенной на с. 503. ↑

38 За это предположение я обязан преподобному доктору Гастеру в *"Cymmrodorion's Transactions"* за 1894-5, p. 34, а также за ссылки на *"Contes Populaires de la Lorraine"* М. Коскена, i. 134, 141, 152. Сравните также такие гэльские истории, как Bodach Glas, переведенные миссис Маккеллар в *"Кельтском журнале"*, xii. 12-6, 57-64. ↑

39 В некоторых исконно валлийских словах мы имеем выбор между приставкой *ym* и *am*, вариант, возникающий из-за того, что первоначально это были не *ym* и не *am*, а *m*, для более раннего *m̃bi*, того же происхождения, что и латинское *ambi* и греческое ἀμφί, "вокруг, около". Артикль, значение которого в сочетании с *banbh* было забыто, попал бы под влияние аналогии с префиксом, теперь *am* или *ym*, в том, что касается произношения. ↑

40 Возможно, *benwic* было добавлено для корректировки подсчета, когда редактор обнаружил, как он думал, что у него слишком много людей, которых нужно учесть: было отмечено, что он забыл, что один был убит в Ирландии. ↑

41 Однако вполне возможно, что в более древней версии это название было изменено, и что место было не чем иным, как скалой чуть выше Истрад Ю, называемой *Крейг Лвид* или, как говорят, *Крейг □wyd*. Если это так, то □wyd, по-видимому, был заменен дислалическим □wydog: сравните имя того же человека □wyt и □wydeu в *"Мабиногуоне"*, с. 57, 110, 136. ↑

42 Это имя хорошо известно по имени □anrhaidr yn Mochnant, "□anrhaidr в Мохнанте", на севере Монтгомеришира. ↑

43 Между Колвин-Бей и перекрестком Кандудно, на железнодорожной линии Честер - Холихед. ↑

44 Я уже обсуждал некоторые следы гойделов в Уэльсе в *Arch. Camb.* за 1895 г., с. 18-39, 264-302; 1899 г., с. 160-7. ↑

45 На самом деле генитив Grúcind встречается в *Книге Лейнстера*, fo. 359^a. ↑

46 Вопрос, который хотелось бы задать в этом районе, заключается в том, есть ли там место, называемое *Bed y Rhyswyr*, *Carn y Rhyswyr* или т. п. Слово *rhyswr* применяется к самому Артуру

в "Жизни Груффида аб Цинана", как эквивалент, вероятно, латинского *Arthur Miles* (стр. 538 ниже): см. "*Мивиррианскую археологию*", ii. 590. Подобным образом воины или поборники Христа называются *rys* *yr crist* в валлийском Житии святого Давида: см. *Elucidarium and other Tracts* (in the *Anecdota Oxoniensia*), p. 118. ↑

47 *Rudvyw Rys* - это современное валлийское *Rhufyw Rys*, которое, вероятно, означает *Rhufyw* - чемпион или боец, поскольку *Rhys*, скорее всего, было синонимом *rhyswr*. Соответствующее ирландское имя было *Русс* или *Росс*, генетив *Rossa*, и оно, по-видимому, происходит от того же происхождения, что и ирландское *ross*, "мыс, лес", валлийское *rhos*, "болото, необработанная земля". Первоначальное значение предположительно было "открытая или необработанная земля"; и Стоукс предполагает, что это слово обозначает раннее (*p*)*ro-sto-* с *sto* того же происхождения, что и латинское *sto*, "я стою", и как само английское слово *stand*. В таком случае *Ros*, генетив *Rossa*, валлийское *Rhys*, означало бы того, кто выступает на бой, *προστάτης*, так сказать. Но эти слова не только разного склонения, подразумевающие именительный падеж *Ro-stus*, но и валлийское *Ro-stús* должно было когда-то иметь ударение на окончании, которое теперь утрачено, иначе невозможно объяснить изменение оставшейся гласной на *у*. Другие примеры, постулирующие раннее валлийское ударение того же рода, весьма вероятны: *ϑyg*, 'полевая мышь', ирландское *luch*, 'мышь'; *pryd*, 'форма', ирландское *cruth*; *pryf*, 'a worm', ирландское *cruim*; также с *ych*, 'бык', и *nyth*, 'гнездо', ирландское *nett*, генетив *nitt*, выведенный Стоуксом из *nizdo-*, который, однако, должен был быть окситоном, как и соответствующее санскритское *nīdhá*. Существует одно очень интересное соединение *rhys*, а именно имя святого *Rhwydrys*, как бы *Rēdo-rostus*, которое можно сравнить с галльским *Eporēdo-rīx*, которое в ирландском языке анализируется как *rí Eochraidhi*, обозначающее короля фей, который был отцом *Étaín*: см. Windisch's *Irische Texte*, p. 119. *Bledrws*, *Bledrus*, в отличие от *Bledrys*, *Bledris*, постулируют гойдельское ударение, в то время как *Bledruis* следует рассматривать как компромисс между *Bledrws* и *Bledris*, если только это не связано с неправильным прочтением *Bledruif* (*Book of ϑan Dâv*, pp. 185, 221-2, и *Arch. Camb. for 1875*, p. 370). Гойдельское ударение в ранний период переместилось на первые слоги, поэтому *cruth* (с гласным под влиянием *ϑ* основы *qurt*) под ударением стало, когда не было ударения, *cridh* (от упрощенной основы *crt*), как в *Noicride* (также *Nóicrothach*, Windisch, *ibid*, pp. 259, 261, 266) и *Luicridh* (*Four Masters*, A.D. 748), *Luccraid*, genitive *Luccraide* (*Book of Leinster*, 359ⁿ), *Luguqurit*- в Orame. ↑

48 Эти работы не могли быть первыми в округе, так как автор *Archæologia Cambrensis* за 1862 год, стр. 159-60, извлекая заметку из *Трудов Общества древностей* (серия II, т. I. стр. 10) о находке каноэ, добавляет заявление, основанное на том же томе, стр. 161, о том, что "в полумиле от *ϑyn* *ϑudaw* находятся остатки британского города, не отмеченные на карте ордонансов, состоящие из фундаментов многочисленных круглых жилищ. В некоторых из них были найдены отходы медеплавильных заводов. Этот город должен быть посещен и тщательно обследован некоторыми членами нашей Ассоциации". Это было написано не менее сорока лет назад; но мне неизвестно, чтобы Ассоциация сделала что-нибудь положительное в этом вопросе". ↑

49 Согласно книге Дженкинса "*Бедж Гелерт*", стр. 300, каноэ было впоследствии продано за значительную сумму, и никто, похоже, не знает, что с ним стало в итоге. Хотелось бы надеяться, что это не так. ↑

50 См. Holder's *Alt-celtischer Sprachschatz*, s. v. *Litavia*. ↑

51 За эти заметки я обязан "Словарю выдающихся валлийцев" Уильямса и "Валлийским святым" Риса, стр. 187, 191; поскольку наш Паулинус еще не внесен в "Словарь христианской биографии". Его день - 22 ноября. ↑

52 В Южном Уэльсе есть еще две надписи, содержащие имя Паулинус: одна на камне, найденном в окрестностях Порт-Толбота в Гламоргане, гласит *Hic iacit Cantusus Pater Paulinus*, что, похоже, подразумевает, что Паулинус установил этот камень в память о своем сыне по имени Кантусус. Другой камень, найденный на месте исчезнувшей церкви □anwrthwl, недалеко от Долау Коти в Кармартеншире, представляет собой замечательную надпись в виде гекзаметра следующего содержания:...

Servatur fidæi patrieque semper amator

Hic Paulinus iacit cultor pientissimus æqui.

Есть ли в этих надписях один, два или три Паулины, я сказать не могу. Однако валлийские писатели иногда превращают это имя в *Pawl Hên*, "Павел престарелый", но, насколько я могу судить, без рифмы и причины. ↑

53 С тех пор как я наткнулся на эту надпись, мой друг профессор Линдсей из Сент-Эндрюса обратил мое внимание на "Asinaria" Плавта, 499 (II. iv. 92), где читается: *Periphanes Rhodo mercator dives*, "Перифан, богатый купец Родоса"; он также находит *Æsculapius Epidauro* (Arnobius, 278. 18), а в других местах *Nepos Philippis* и *Priscus Vienna*. ↑

54 См. Stokes' *Patrick*, pp. 16, 412. ↑

55 Это даст читателю некоторое представление о донорманнской орфографии валлийского языка, где *l* обозначало звук □, а *b* - v. ↑

56 Смягчение *Cafa*□ до *Gafa*□ не могло произойти после мужского *corn*, "рог"; но оно произошло как раз после женского *carn*, "раковина". Так что здесь *corn* - это, несомненно, разговорное искажение; Как и, вероятно, *t* в конце, поскольку □*t* часто сокращалось до □, как в *cyfai*□, "друг", от более древнего *cyfai*□*t*, в средневековом ирландском *comalta*, "приемный брат или сестра", В языке иногда происходит обратный процесс, например, когда мы слышим *ho*□*t* от *ho*□, "все", или читаем *ffery*□*t*, "алхимик, химик", от *ffery*□ из *Вергилиуса*. Неннийская орфография не особо утруждает себя различием между *l* и □, и даже когда писали *Carn Cabal*, произношение, вероятно, было *Carn Gava*□, мутация была проигнорирована в написании, что часто случается даже с валлийцами, которые никогда не перестают мутировать свои согласные в речи. Наконец, хотя собаку называли *Cafa*□, примечательно, что это слово имеет именно ту форму, которую в валлийском языке имеет *caballus*: о *cafa*□, означающем что-то вроде лошади, см. в "Geiriadur" Сильвана Эванса. ↑

57 Пару примеров *Trwyd* можно найти в примечании Сильвана Эванса в Skene's *Four Ancient Books of Wales*, ii. 393. ↑

58 Подробнее об этих и родственных им именах см. мою заметку в *Arch. Cambrensis*, 1898, pp. 61-3. ↑

59 См. мои "Лекции Хибберта", с. 398-401. ↑

60 См. Черную книгу Кармартена в факсимиле Эванса, р. 47^b; "Гододин" Томаса Стивенса, р. 146; "Мэлори" Дента, предисловие, р. xxvi; и "Четыре древние книги Уэльса" Скена, ii. 51, 63, 155. ↑

61 См. *Göttingische gelehrte Anzeigen* за 1890 г., p. 512. ↑

62 См. "*Cartulaire de l'abbaye de Redon*" де Курсона, pp. 163, 186. ↑

63 См. примечание Ривза к процитированному отрывку в его издании "*Жития Адамнана*", с. 6, 7. ↑

64 Здесь, возможно, можно упомянуть и *Гилмина Троеу* или *Троеджу*, "Гилмина из Черной Ноги", легендарного предка (стр. 444) Виннов из Глина Айфона, что в Карнарвоншире. Таким образом, это имя может быть сокращением такого сочетания, как *Гилла-мин*, "слуга *Мина* или *людей*", имя, которое мы также находим в *Моку-мин*, "род *Мина*", семья или септ, неоднократно названные так Адамнаном. Возможно, также будет правильно считать аналогичным по происхождению имя Гилберда или Гилберта, сына Кадгифро, который упоминается в *Кулхвче* и в *Черной книге*, fo. 14^b: во всяком случае, я не убежден, что это имя следует отождествлять с Гиллебертом норманнов, если только оно само не было производным от кельтского. Однако существует расхождение между *Gilmin*, *Gilbert*, с немутированными *m* и *b*, и *Gilvaethwy* с его мутировавшим согласным *v*. Во всех трех случаях, однако, *Gil*, если бы он был валлийцем, вероятно, появился бы как *Gi*□, на что указывает имя *Gi*□*a* в *Kulhwch* (*Oxford Mabinogion*, p. 110), в котором мы, похоже, имеем позднюю форму старого имени *Gildas*. Сравните такие ирландские примеры, как *Fiachna* и *Cera*, которые, похоже, подразумевают основы, первоначально оканчивающиеся на *-asa-s* (мужской род) и *-asa* (женский род); см. *Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland*, 1899, P. 402. ↑

65 Лиату посвящена статья в *Rennes Dindŷenchas*: см. *Rev. Celtique*, xvi. 78-9. Что касается *Celtchar*, родительного падежа *Celtchair*, то это имя, по-видимому, означало "тот, кто любит скрываться". В "*Мабиногу*" валлийское имя звучит как □*wyt uab kil coet*, что буквально означает "□. сын (того, кто) отступил в лес". Но в рассказе *Twrch Trwyth* под несколько иной формой обозначения мы видим одного и того же человека как □*wydeu mab kelcoet* и □*wydeu mab kel coet*, что, по-видимому, означает "□. сын (его) Скрытого леса". Похоже, что двуязычный рассказчик при переходе от одного языка к другому не смог отказаться от келтчара, одновременно передав *келт* через *коэт*, "дерево или деревья", как бы отождествляя его с *кайлом*: см. средневековое ирландское *caill*, "дерево или лес", дательное множественное *cailtib*, производное прилагательное *caillteamhuil*, "шелковица"; и см. Windisch's *Irische Texte*, p. 410, s. v. *caill*. ↑

66 Windisch's *Irische Texte*, p. 217, и *Кнура Коровьего Дуна*, fo. 47^b. ↑

67 В отношении имени □*yr* возникла большая путаница: так, например, в валлийских переводах Джеффри Монмутского латинское *Leir* превращено в □*yr*, а предполагаемый персонаж представлен как отец трех дочерей по имени Гонерилья, Реган и Кордилья или Корделия. Но Корделия - это, вероятно, *Creurdilad* из *Черной книги*, стр. 49^b, и *Creidylat* из истории Кулхвча (Оксфордский *Мабиногуон*, стр. 113, 134), а ее отцом был □*ûd* □*awareint* (= ирландский *Nuada Airgetlám*), а не □*yr*. Что касается *Лейра* в латинском тексте Джеффри, то это название выглядит так, как будто оно получило свою форму благодаря *legr-* из *Legraceaster*, англосаксонского названия города, который сейчас называется Лестер, о котором Уильям Мальмсберийский (*Gesta Pontificum*, § 176) говорит: *Legrecestre est civitas antiqua in Mediterraneis Anglis, a Legra fluvio præterfluente sic vocata*. Мистер Стивенсон считает *Легра* старым названием реки Соар, сохранившимся в названии деревни Лейр, которая в *Domesday* пишется *Legre*. Похоже, оно восходит к *Legere* или *Ligere*, что напоминает *Liger*, "Луара". ↑

68 Я говорю в *таком случае*, поскольку это не совсем окончательно; ведь в валлийском языке есть апеллятив *□ur*, "кобыла, эквор", который может быть обобщением *□ur*; или же он может представлять собой раннее *lerio-s* от *lero-s* (см. с. 549 ниже), и наш *□ur*, возможно, является им, а не ирландским генитивом *Lir*, сохранившимся как *□ur*. Однако в целом это кажется мне маловероятным. ↑

69 Здесь уместно обратить внимание читателя на "*Легенду о Святом Граале*" Натта, стр. 28, где, приводя краткое изложение "*Птицы Святого Грааля*", он говорит о Бране из этого романа, по-французски *Bron*, имя существительное *Brons*, как о хранителе Грааля, обитающем "на этих островах Ирландии". ↑

70 Группы *Dôn* и *□ur* не вступают в конфликт и даже не соприкасаются друг с другом; причина, по-видимому, в том, что рассказчик хотел представить сыновей Бели верховными в Британии после смерти Брана. Бели и его сыновья также представлены в "Сне Максена" как правители Британии, когда туда придет римский завоеватель. О том, что следует думать о Бели, можно узнать из книги "*Валлийский народ*", с. 41-3. ↑

71 Эти сведения о Лире можно почерпнуть из истории, упоминаемой в тексте как "Судьба детей Лира", в отношении которой, однако, справедливо сказать, что не известно ни одной древней рукописной версии: см. "*Essai d'Arbois de Jubainville's Essai d'un Catalogue de la Littérature épique de l'Irlande*", р. 8. ↑

72 См. Skene's *Four Ancient Books of Wales*, ii. 303, также 108-9, где напечатан фрагмент поэмы, приведенный в *Кнуре Талиессина*. Процитированная здесь строка в томе I. 286 звучит как "С Матеу и Гованноном", что ставит старого язычника Гофаннона в довольно неожиданную компанию. Несколькими строками позже в поэме упоминается *Каэр Гофаннон*: где он был? В примечании к поэме (ii. 452) Скин говорит, что "в старом списке церковей Линлитгоу, напечатанном Тейнером, есть *Vicaria de Gumanyn*. Вероятно, имеется в виду Далмени, расположенный на берегу Ферт-оф-Форт, который раньше назывался Думанин". Это интересно только тем, что показывает, что *Гуманин*, вероятно, следует понимать как *Думанин*, и что *Далмени* представляет собой древний *Дун Мананн* в районе, где уже есть *Клах Мананн*, "камень Манау", и *Слиабх Мананн*, "гора Манау", теперь, соответственно, Клакманнан и Сламманн, в том месте, которое Ненний называет *Манау Гумодин*. ↑

73 Это произошло без признания и, следовательно, без изменений переписчиком Неннийской родословной № xvi в *Cymmrodor*, ix. 176, так как он нашел ее написанной в старом написании, *Louhen. map. Guid-gen. map. Каратаук. карта. Cinbelin*, где Карадог назван отцом Гвидиона; ибо в *Guid-gen* мы, похоже, имеем составное имя, которое подсказало *Гвидиона*. Это согласуется с тем, что в "*Мабиноги* Мата" Гвидион считается отцом *□ew □awgyffes*; но сама родословная, похоже, была составлена странным образом. ↑

74 См. "*Религию галлов*" Бертрана, с. 314-9, 343-5, и особенно таблички. ↑

75 The Oxford *Mabinogion*, pp. 40-3; Guest's *Mabinogion*, iii. 124-8. ↑

76 См. книгу Луи Леже "*Сирилл и метод*" (Париж, 1868), с. 22. ↑

77 См. Pertz, *Monumenta Germaniæ Historia Scriptorum*, xii. 794. Стоит процитировать весь отрывок; он звучит следующим образом: *Erat autem simulacrum triceps, quod in uno corpore tria capita habens Triglaus vocabatur; quod solum accipiens, ipsa capitella sibi cohærentia, corpore comminuto, secum inde quasi pro trophæo asportavit, et postea Romam pro argumento conversionis illorum transmisit.* ↑

ГЛАВА X

Трудности фольклориста

Для священников, с молитвами и прочей благочестивой утварью,
заставили веселых гоблинов исчезнуть;
И там, где они прежде играли свои веселые шалости,
окропили пол святой водой.- Драйден.

Отношение кымры к фольклору и народным суевериям варьируется в зависимости от их подготовки и религиозных взглядов; в этом отношении я выделяю два класса. Во-первых, есть те, кто, похоже, сожалеет о приливе и отливе древних верований. Они утверждают, что люди, должно быть, были гораздо интереснее, когда верили в фей; и они гневно осуждают воскресные и все другие школы за то, что они подорвали древние суеверия крестьянства: все это, мол, происходит от чрезмерного воспитания рабочих классов. Конечно, иногда хочется, чтобы служанки по-прежнему верили, что за аккуратность и опрятность они могут получить подарки от фей, а в противоположном случае, если они окажутся шлюхами, их будут щипать во сне маленькие человечки: возможно, в таких поверьях и была какая-то польза. Но если беспристрастно взглянуть на обстановку, в которой было возможно такое психическое состояние, ни один здравомыслящий человек не сможет сказать, что суеверные верования наших предков в целом способствовали их счастью. Представьте себе душевное состояние, в котором возможны такие вещи: член семьи, скажем, отсутствует дома вечером на час позже обычного, и все домашние впадают в панику, потому что думают, что он заблудился на сказочной земле и был унесен в страну сказочных сумерек, откуда он, возможно, никогда не вернется; или, во всяком случае, только чтобы посетить свой дом спустя годы, а может, и века, и тогда только для того, чтобы рассыпаться в прах, как только он обнаружит, что никто его не ждет и даже не знает. Или другой пример: человек отправляется утром в важное путешествие, но случайно чихает, видит недобрую птицу или другое страшное существо, пересекающее его путь: он не ожидает в этот день ничего, кроме несчастья, и чувство тревоги, возможно, заставляет его вернуться домой, позволив принести в жертву цель своего путешествия. Такое положение вещей нельзя назвать ни удовлетворительным, ни счастливым, а несчастье может быть полностью вызвано причинами, над которыми пациент совершенно не властен, во всяком случае, до тех пор, пока у воздушных птиц есть крылья и пока чихание не относится к категории добровольных действий. Затем я мог бы указать на ужасы магии; но я считаю, что нет необходимости останавливаться на таких вещах, поскольку большинство людей слышали о них или читали в книгах. В целом можно лишь предположить, что те, кто сожалеет об уходе эпохи веры и легковерия, не пытались всерьез проанализировать представления, которые они с удовольствием лелеют.

Что касается другого класса людей, а именно тех, кто возражает против фольклора в любой форме, то их можно условно разделить на различные группы, такие как те, для кого фольклор - это мерзость, потому что они считают, что он противоречит Библии, и те, кто считает его слишком тривиальным, чтобы требовать внимания любого серьезного человека. У меня нет

повода много слов с первыми, поскольку почти все, что есть вредного в народных суевериях, перестало быть в Уэльсе живой силой, влияющей на поведение человека; а если это еще не так, то быстро становится таковой. Поэтому у тех, кто осуждает суеверия, нет никаких оснований выступать против изучающих фольклор: это все равно как если бы историков бойкотировали за то, что при написании истории им приходится - чем чаще, тем жальче - иметь дело с темными интригами, жестокими убийствами и кровопролитными войнами. Кроме того, те, кто изучает фольклор, не способствуют тем самым укреплению суеверий в народе. Я заметил, что любая местная особенность моды, как только она становится известной и привлекает внимание посторонних, можно сказать, обречена: кельт, как и любой другой человек, не любит фотографироваться в свете, который может случайно показать его в невыгодном свете. То же самое, я думаю, происходит и с ним как с объектом изучения фольклориста: поэтому последний должен продолжать свою работу очень тихо и очень осторожно. Если бы я претендовал на роль фольклориста, на что я вряд ли могу претендовать, то я должен был бы сказать, что у меня нет абсолютно никаких разногласий с тем, кто принципиально осуждает суеверия. С другой стороны, я не должен считать справедливым, если он будет считать меня противником прогресса расы в счастье и цивилизации только потому, что мне интересно понять ее историю.

Что же касается того, кто смотрит на собирание и изучение фольклора как на пустяковую работу и пустую трату времени, то я полагаю, что он считает это так, во-первых, возможно, из-за того, что забывает о реальности суеверий для тех, кто в них верил; а во-вторых, из-за незнания их значения. Как реальность для тех, кто в них верил, суеверия наших предков составляют неотъемлемую часть их истории. Однако мне нет нужды продолжать эту тему, пытаюсь показать, что "надлежащим предметом изучения человечества является человек" и что это признак некультурного народа - не знать и не интересоваться историей своей расы. Так, очевидно, считал древнеримский историк Тацит; ведь, сетуя на то, как мало известно о первоначальном заселении Британии, он добавляет наводящие на размышления слова *ut inter barbaros*, "как обычно у варваров". И наоборот, я считаю само собой разумеющимся, что ни один либерально образованный мужчина или женщина в наши дни не нуждается в том, чтобы ему объясняли ценность изучения истории во всех ее аспектах или говорили, что фольклор нельзя справедливо называть тривиальным, поскольку он имеет отношение к истории расы - в более широком смысле, я могу сказать, к истории человеческого разума и истории его развития.

Поскольку история уже упоминалась, можно отметить, что одна из самых больших трудностей фольклориста заключается в том, чтобы провести границу между рассказом и историей. Но и это не самое худшее; ведь вопрос между фактом и вымыслом, как бы труден он ни был сам по себе, может быть еще больше осложнен вопросами этнологии. Это можно проиллюстрировать ссылкой на группу легенд, которые проецируют исчезновение различий между двумя родственными расами Брайтонов и Гойделов в Уэльсе; в историю некоторых из них Артур введен, играя главную роль. Похоже, они указывают на то время, когда гойделы еще не утратили ни своего языка, ни своих институтов в Северном Уэльсе: ведь легенды относятся в основном к Гвинедду и особенно сгруппированы вокруг Сноудона, где черты гойделов как ранних кельтов могли сохраниться дольше всего, благодаря сравнительно труднодоступной природе страны. Одна из этих легенд уже была обобщена и представляет Артура, идущего вверх по склону Сноудона к Bwlch y Saethau, где он падает и погребается под каирном, названным в его честь *Carned Arthur*: см. с. 473. Нам не сообщают, кто были его враги; но с этим вопросом обычно связывают позднюю Триаду, iii. 20, где говорится о встрече Артура в Нанхвине с Медраудом или Медродом (Модредом) и Иджауком Корн Прайдаином, и о том, что его предали ради блага и безопасности саксов на острове. Более

ранняя ссылка на ту же историю встречается в "Сне Ронабви" в *Красной книге Хергеста1*, где Иджавк описывает себя как Иджавк сын Мынио, и его прозвали *Иджавк Корд Придайн* - что означает "Иджавк Чурн Посох Придайн" - предположительно, в связи с его деятельностью по созданию раздоров. Он признается, что подделал дружеские послания Артура к Медроду и сумел таким образом вызвать роковую битву при Камлане, после которой сам Иджавк сбежал, чтобы семь лет отбывать наказание на Сером *Камне2* в Прайдене или Пиктланде.

Другая история сталкивает Артура и великана Риту, о котором уже упоминалось, что, согласно местной традиции, его могила находится на вершине Сноудона: см. с. 474-9. История очень дикая. Два короля, которые были братьями, Ниньяу или Ниньо и Пейбиау или Пейбио, поссорились так: однажды лунной ночью, когда они были вместе на открытом воздухе, Ниньяу сказал Пейбио: "Видишь, какое прекрасное обширное поле я имею". "Где оно?" - спросил Пейбио. "Вот оно, - сказал Ниньо, - вся твердь". "Видишь, - сказал Пейбио, - какие бесчисленные стада скота и овец пасутся у меня на твоём поле". "Где они?" - спросил Ниньо. "Вот они, - сказал Пейбио, - все множество звезд, которые ты видишь, каждая из них золотого блеска, а пасет их луна". "Они не должны пастись на моем поле", - сказал Ниньо. "Но они будут", - сказал Пейбио; и оба короля так разгневались друг на друга, что начали войну, в которой их воины и подданные были почти истреблены. Тогда приходит Рита Гаур, король Уэльса, и нападает на них, ссылаясь на то, что они безумны. Он победил их и сбрил им *бороды3*; но когда об этом узнали остальные короли Прайдена, числом двадцать восемь, они собрали все свои армии, чтобы отомстить Рите за позор, которому он подверг двух других. Но после великой борьбы Рита снова побеждает и заставляет сбрить бороды остальных королей. Тогда короли соседних королевств со всех сторон собрались воевать с Ритой, чтобы отомстить за позор своего ордена; но и они были немедленно побеждены, и с ними поступили так же бесславно, как с тридцатью королями Придана. Вместе с бородами ему сшили мантию, чтобы укрыть его с головы до ног, а это, как нам говорят, было немало, поскольку ростом он был как два обычных человека. Затем Рита обратил свое внимание на установление справедливых и равноправных законов в отношениях между королем и королем и одного королевства с *другим4*. Но о продолжении бритья рассказывает Джеффри Монмутский, х. 3, где Артур рассказывает, как великан, уничтожив других королей и используя их бороды упомянутым способом, попросил его закрепить свою бороду над другими бородами, так как он стоял выше их по рангу, или же прийти и сразиться с ним на дуэли. Артур, как и следовало ожидать, выбрал последнее, в результате чего убил Риту, которую там называли *Рито*, в местечке *Аравио Монте*, под которым валлийский переводчик понимает главную гору *Эрипи5* или Сноудон. Поэтому вполне естественно, что и могила его, как уже говорилось, находится там же. Здесь я могу добавить, что именно название Сноудон, вероятно, лежит в основе *Сенодона* или *Синадуна* из таких артурианских романов, как английская версия *Libeaus Desconus*, хотя предполагается, что это место находится не в районе Сноудона, а в другом месте: например, холм *Синодун* в *Беркшире6*.

Историю о Рите рассказывает и Мэлори, который называет этого великана *Районсом* и *Райенсом*; и там инцидент, похоже, заканчивается тем, что Районса привели ко двору Артура рыцари, которые его победили. Вызов Районса, как его передает *Мэлори7*, выглядит следующим образом

"В этот день пришел посланец от рыцаря Районса из Нортвалиса. А был он королем всей Ирландии и многих островов. И вот его послание, которое он передал кингу Артуру в этом манере, гласит, что кинг Районс обескуражил и охмурил хj кингов. и каждый из них оказал ему почтение. и вот что. они подарили ему свои берды, скрепленные флейном. столько,

сколько было. ибо посланец пришел за бердом кинга Артура. Ибо король Рёнс сделал камин с бердами королей. И не хватало одного места в камине. Где он посылал за своими бердами или другими, которые он хотел бы ввести в свои земли. И зарывался и спал. И не было у него ни одного места, где бы он имел его и берд".

Рита, правда, не говорят, что он был *Гвиделом*, "гойделом"; но он представлен правящим над Ирландией, и его имя, которое не является валлийским, с первого взгляда напоминает имена таких людей, как *Бойя* Пикт или Скот, фигурирующих в жизни Св. Давида, и таких, как *ŷia Gvitel*, "*ŷia the Goidel*", упомянутый в "Станцах о могилах" в *Черной книге Кармартена* как похороненный в уединении *Ардудви*⁸. *Рьонс* у Мэлори заимствован из французских романов, где, как, например, в "*Мерлине*", согласно Huth MS., он встречается как *Rion-s* в именительном падеже и *Rion* в родительном падеже. Последнее, в силу старофранцузской привычки элиминировать *ŕ* или *th*, достаточно регулярно происходит от такой формы, как винительный *Rithon-em*⁹, которая встречается в тексте Джеффри; и мы, вероятно, были бы правы, заключив из этого, что правильная старая валлийская форма имени была *Rithon*. Но гойдельская форма в то же время, вероятно, была *Ritta*, с генитивом *Rittann*, для более раннего *Ritton*. Наконец, то, что местная легенда должна увековечить гойдельское *Ritta*, слегка измененное, имеет параллель в случае *Trwyd* и *Trwyth*, а также *Echel* и *Egel* или *Ecel*, pp. 541-2 и 536-7.

Следующая *история*¹⁰ указывает на место между *й-Динас* или *Динас-Эмрис* и *ŷyn y Dinas* как на могилу *Оуэна й-Максена*, то есть "Оуэна, сына Максена". Оуэн сражался с великаном, чье имя местная традиция считает само собой разумеющимся, стальными шарами; в земле до сих пор видны углубления (*panylau*¹¹), где каждый из бойцов занял свою позицию. Некоторые, однако, утверждают, что сражались они из луков и стрел, а впадины - это места, которые они вырыли, чтобы защититься. В результате оба погибли в конце боя, а Оуэн, когда его спросили, где бы он хотел быть похоронен, приказал выпустить стрелу в воздух и сделать могилу на месте ее падения. Подобная история приводится в *Iolo MSS.*, pp. 81-2, где участники поединка называются *Оуэн Финджу аб Максен Вледиг*, "Оуэн с темным лицом, сын принца Максена", и *Эурнах Хен*, "Э. Древний", один из *Гвиджилов* или "гойделов" Северного Уэльса, иначе называемый *Урнах Вайджел*. Там он представлен как отец (1) серригов, побежденных *Катвой* или *Кадваном Лоу-хиром*, "Си. Длиннорукий", у *Cerrig y Gwydyl*, "Камней Гойделов", близ *Maŷdraeth*¹², в Англси, где, как представляется, произошел великий и окончательный разгром *Гойделов*¹³; (2) *Daronw*, младенца, которого пощадили и воспитали в Англси во вред ему, как говорится в другой истории, стр. 504; и (3) *Солора*, который командует одним из трех крейсерских флотов Острова *Прайдайн*¹⁴. Оплотом *Эурнаха* или *Урнаха*, как говорят, был *Динас Фараон*, который впоследствии назывался *Динас Эмрейс* и *Динас Эмрис*. Однако вся история о гойделах в Северном Уэльсе, приведенная в *Iolo MSS.*, pp. 78-80, представляет собой безнадежную путаницу, хотя она, вероятно, основана на старых традициях. В самом деле, можно обнаружить *Эурнаха* или *Урнаха* как *Врнаха* или *Гврнаха* в истории о *Кулхвхе* и *Олвен*¹⁵ в *Красной книге*, где нам рассказывают, что Кей или Кай и другие люди Артура проникли в замок великана и отрубили ему голову, чтобы заполучить его меч, который был одним из предметов, необходимых для охоты на *Тврх Трвита*. В неясном отрывке, также содержащемся в поэме *Черной книги*, мы читаем о том, как Кай сражался в зале этого великана, которого потом называли *Аварнахом*¹⁶. Некий подобный подвиг, по-видимому, был отмечен в названии *Gwryd Cai*, "Подвиг Кая", которое встречается в пожаловании *ŷewelyn* определенных земель на стороне *Bedgelert* и *Pen Gwryd* в *Сноудоне* в 1198 году монахам *Аберконви*, или, скорее, в *инспексимусе* этого названия: см. *Dugdale's Monasticon*, v. 673^a, где оно напечатано *gwryt, kei*. Также неразумно предположить, что *Пен Гврюд* - это сокращение *Пен Гврюд Кай*, "Подвижный холм Кая или

Терминус"; но сравните с р. 217 выше. Прежде чем оставить Кая, я могу отметить, что традиция, похоже, приписывает ему в качестве резиденции место под названием *Caer Gai*, "Форт Кая", между Бала и *anuwchyn*. Если рассматривать Кая как историческую личность, то можно предположить, что он или кто-то из членов его семьи поминается под именем *Бургокави* на старом камне, найденном в Каэр Гай, и гласящем: *Ic iacit Salvianus Burgocavi filius Cupitiani*¹⁷ - "Здесь лежит Сальвиан Бургокавис, сын Купитиана". Читатель может также вернуться к таким небритским и малоизвестным фигурам, как Даронви, Катбалуг и Бриная, а также, возможно, к Менгваэду, повелителю волков из *Arwechweð*, pp. 504-5. Стоит также обратить внимание на гойдельские указания, которые дает топография Эрири, а именно: *Bwlch Mwrchan* или *Mwlchan*, "перевал Мврхана", иногда превращающийся в *Bwlch Mwyalchen* или даже *Bwlch y Fwyalchen*, "пропасть Оусела", возле *yn Gwynain*; примечательные остатки, называемые *Муриау'р Дре*, "Городские стены", иначе известные как *Тре'р Гвиделод*¹⁸, "Город гойделов", на земле Гвастада Аннаса на вершине Нанхвина; и Бвлх-и-Гвидел, еще выше к Пен-Гврюду, возможно, означавший "Перевал гойделов".'

Вероятно, изучение топографии на этом месте привело бы к выявлению еще нескольких столь же значимых имен; но я обращаю внимание только на одно из них, а именно *Беджгелерт* или, как его произносят местные жители, *Бетгеларт*, хотя более древние написания этого имени, по-видимому, *Бет Келларт* и *Бет Келерт*. Те, кто знаком с рассказанной там историей о человеке, опрометчиво убившем свою гончую, могут подумать, что *Bedgelert*, "Могила Гелерта или Келерта", относится к гончей; но нет никаких доказательств того, что эта широко известная история была связана с этим районом в *древности*¹⁹; и составитель записок и родословных, известных как *Bonedd y Saint*, вероятно, был прав, считая Келерта именем древнего святого: см. *Muyr. Arch.*, ii. 36. В любом случае, *Келерт* или *Гелерт* с *rt* не может быть подлинным валлийским именем: более древние написания, похоже, указывают на два произношения - гойдельское, *Келерт*, и валлийское, *Келарт* или *Kearth*, которое не сохранилось. Однако документы, в которых встречается это имя, требуют тщательного изучения на предмет чтения, которое они дают.

Наконец, от гойделов Арфона не следует слишком резко отделять гойделов Моны, среди которых мы находим, стр. 504-5, загадочных *Cathbalug*, чье имя, до сих пор наполовину не объясненное, напоминает ирландское *Cathbuadach*, "победоносный в битве или побеждающий в войне"; к этому же слою относится *Daronwy*, стр. 504, сохранившееся как название фермы в приходе *anfachreth*. В *Записях Карнарвона*, стр. 59, говорится как о *Molendinum de Darronwy et Cornewe*, "Мельнице *Даронви*²⁰ и Корнви", так и о *Villæ de Dorronwy et Kuwghdornok*, "Виллы Даронви и Кнвх Дерног", которая упоминается как теперь произносимая *Clwch Dernog*, стр. 457: она находится в прилегающем приходе *andeusant*. Это название приводится в той же *записи*, что и *Дернок*, и, несомненно, должно быть отождествлено с Терноком, нередко встречающимся в ирландской агиологии. С этими именами в *Записях* далее связывается владение под названием *Wele Conus*, а *Conus* сохранилось в *Weun Gonnws*, названии поля на ферме *Bron Heulog*, примыкающей к *Clwch Dernog*. Это еще не все, поскольку Коннвс оказывается валлийским произношением гойдельского имени *Cunagussus*, латинизированный генитив которого мы имеем на менгире Бодфеджан, расположенном на некотором расстоянии к северо-востоку от железнодорожной станции Тай Кроес. Оно гласит: *CVNOGVSI HIC IACIT*, "Здесь лежит (тело) Кунагусса", и включает имя, которое в ирландском языке регулярно превращается в *Conghus*, в то время как исконно валлийский эквивалент был бы *Cynwst*²¹. Эти имена и еще *одно*²² или два, которые могут быть добавлены к ним, позволяют предположить, что в пятом или шестом веке часть острова, расположенную к западу от линии, идущей от Амлвха к Мадрэту, занимало очень гойдельское население.

Наконец, хронологические указания на сокрушительное могущество гойделов и зарождающееся слияние этого народа с бритонами в единую нацию кимров или "соотечественников" заслуживают отдельного замечания. Похоже, что этот процесс находит отклик в "Триадах", когда они упоминают в качестве фаворита при дворе Артура владыку Арриха по имени Менваэдж, который, как предполагалось выше (стр. 507), был гойделом. Затем Серриги и Даронви упоминаются как современники Кадвы (Cadwallo on Law-hir), который нанес первому, согласно позднейшей легенде, великое поражение при *Серриге-и-Гвидиле*²³. Однако имя предводителя гойделов, выступивших против Кадвахона, можно считать неизвестным, а Серриги - более поздним именем, вероятно, норвежского происхождения, привнесенным из рассказа о борьбе X века с захватчиками из скандинавского королевства *Дублин*²⁴. В этом завоевателе мы имеем, вероятно, все, что может быть исторического о Caswallon из *Мабиногиона* Бранвена и Манавиджана, то есть о Caswallon, который вытесняет гойдельский род *Юг* из власти в этой стране и заставляет Pryderi из Dyfed платить ему дань как верховному королю острова. Его имя там ассимилировалось с именем Кассивеллаунос, и, кроме того, он представлен как сын Бели, короля Придайны в дни его независимости, до прихода римских легионов. Но в качестве исторического лица мы должны рассматривать Касва, вероятно, как Кадвана Лоухира, внука Кунеджи и отца Маэлгуна из Гвинедда. Теперь Кунеджа и его сыновья, согласно Неннию (§ 62), изгнали гойделов с ужасной резней; и можно сказать, с учетом триады, которая практически противоречит утверждению Ненния об изгнании гойделов, что внук Кунеджи продолжил борьбу с ними. В любом случае, гойделы еще оставались, поскольку *Книга Талиессина*, похоже, *свидетельствует*²⁵ об упорной враждебности гойдельских бардов Гвинедда к Маэлгвну и более бриттским институтам, которые он, как можно считать, представлял. Это позволяет отнести гойдельский элемент к VI *веку*²⁶. Смерть Маэлгвна произошла, согласно самой старой рукописи "*Анналов Камбри*", в 547 году, или через десять лет после битвы при Камлане, в которой, как говорится, пали Артур и Медрод. Что-то из этого является историей, а что-то нет: где же провести границу? В любом случае, попытка ответить на этот вопрос не может быть справедливо встречена с презрением или расценена как тривиальная.

Другая причина, по которой я предположил, что презрение к фольклору, вероятно, следует проследить, вместе с вытекающими отсюда трудностями на пути фольклориста, - это незнание смысла многих суеверий наших предков. Я не хочу, чтобы это рассматривалось как обвинение в преднамеренном невежестве; ведь нужно честно признать, что многие старые суеверия и суеверные обычаи чрезвычайно сложны для понимания. Настолько, что те, кто наиболее тщательно изучил их, не всегда могут согласиться друг с другом в их толковании. На первый взгляд, некоторые суеверия кажутся настолько глупыми и нелепыми, что не приходится удивляться тому, что те, кто не углублялся в изучение человеческого разума, считают их банальными, глупыми или абсурдными. Однако не исключено, что они являются результатом ранних попыток осмыслить тайны природы; и наша трудность заключается в том, что это осмысление было настолько инфантильным, если говорить сравнительно, что трудно вернуть себя в ментальное состояние раннего человека. Однако следует четко понимать, что наша трудность в выяснении смысла подобных суеверий вовсе не является доказательством того, что они *не* имели никакого смысла.

Однако главная первоначальная трудность, с которой сталкивается тот, кто собирается собирать фольклор Уэльса, связана с тем, что различные влияния сговорились высмеивать его, так сказать, вне суда, так что те, кто знаком с суевериями и древними причудами, стыдятся владеть ими: на их сознание ложится страх насмешки, а это груз, который нелегко снять. Я могу вспомнить несколько примеров: среди прочих можно упомянуть одну даму,

которая до среднего возраста свято верила в существование фей и очень старалась, чтобы ее дети не уходили из дома в туман, чтобы феи не унесли их в свой дом под соседним озером. Однако в более поздние годы незнакомым людям было бесполезно расспрашивать ее об этом: за это время феи были настолько вытеснены из памяти, что в конце концов она даже членам своей семьи не признавалась, что помнит что-либо о феях. Другим примером может служить история о Касте Марче, а также то, что я целую неделю не мог добиться от старого кузнеца из Абер Соха легенды о Марче аб Мейрчионе с лошадиными ушами. Конечно, я могу понять робость старика, который стеснялся повторять историю о Марте. Однако наука не знает стеснения, ведь ее дело - во все вникать и по возможности открывать причины и следствия всего сущего. В этой связи позвольте мне на мгновение вернуться к истории Марча, как бы глупо она ни выглядела: "Марч был владыкой касты Марч в Эйне, и у него были лошадиные уши; чтобы тайна не стала известна, каждого, кто брил его, тут же убивали; а на месте, где хоронили тела, рос камыш, который бард срезал, чтобы сделать себе трубу. Труба, когда она была сделана, не давала никакой музыки, кроме слов, означающих *"У Марча лошадиные уши!"* Существуют и другие формы этой истории, но все они в основном похожи на ту, что сохранил для нас *□wud* (стр. 233-4), за исключением того, что одна из них больше похожа на ирландскую версию, которую мы сейчас обобщим. Она встречается в рукописи из коллекции Пениарта и звучит так: "У Марча были лошадиные уши, и этот факт не был известен никому, кроме его цирюльника, который не смел об этом говорить, боясь потерять голову. Но цирюльник заболел, и ему пришлось позвать лекаря, который сказал, что пациента убивает тайна, и велел ему рассказать об этом до конца. Так цирюльник и поступил, и снова выздоровел, а на том месте вырос прекрасный тростник. Однажды, когда приближалось время большого праздника, некоторые волынщики из Маэлгвн Гвинедда, идущие той дорогой, увидели тростник, часть которого они срезали и использовали для своих труб. Вскоре им пришлось выступить перед королем Мартом, и тогда они не смогли извлечь из своих труб ничего, кроме "Лошадиных ушей для Марча аб Мейрчион" (*klvstia v march i varch ab Meirchion*). Отсюда возникла поговорка - "Это ушло на рогах и трубах" (*vaeth hynny ar gyrn a ffibav*), которая как бы говорила, что секрет стал более чем [публичным](#)²⁷.

Почти нет нужды говорить, что эта история прослеживается также в Корнуолле и [Бретани](#)²⁸; и не только среди британских народов этих стран, но и среди гойделов Ирландии. Ирландская история [гласум](#)²⁹: "Жил-был в Ирландии король, которого звали Лабрайд Лорк, и вот каким он был человеком: у него было два лошадиных уха. И каждый, кто брил короля, тут же был убит. И вот однажды приблизилось время брить его, и было велено это сделать сыну одной вдовы, жившей поблизости. Вдова пошла и стала просить царя, чтобы ее сына не убивали, и он обещал ей, что его пощадят, если он только сохранит свою тайну. Так оно и вышло; но тайна так не понравилась сыну вдовы, что он заболел, и никто не мог понять причину, пока не пришел друид. Он сразу же обнаружил, что юноша болен из-за невысказанной тайны, и велел ему отправиться на встречу четырех дорог. Пусть он повернется по солнцу, и первое дерево, которое он встретит с правой стороны, пусть расскажет ему секрет, и он поправится". Вы можете подумать, что это вполне безопасно, поскольку речь идет о дереве, а не о матери, сестре или возлюбленной; но вы ошибетесь, если будете так думать. Дерево, которому открыли секрет, было ивой; и знаменитый ирландский арфист того времени, обнаружив, что ему нужна новая арфа, пришел и вырезал из этого дерева заготовки для арфы; но когда арфа была готова и арфист принялся играть на ней, он не смог извлечь ни одной ноты, кроме "У Лабрайда Лорка лошадиные уши!". Что касается жалобы цирюльника, то она отнюдь не была неестественной: часто замечали, как тайна не согласуется с некоторыми фактами и как беспокойно и тревожно им становится,

пока они не смогут с ней покончить. То же самое, в усугубленной форме, происходит время от времени с публичным человеком, который подготовил речь в темных глубинах своего сердца, но вынужден покинуть собрание, где он намеревался ее произнести, не найдя возможности. У наших соседей по ту сторону Ла-Манша есть технический термин для такого рода страдальцев: они говорят о нем, что он *malade d'un discours rentré*, или болен речью, которая вошла в конституцию пациента, как корь или оспа, когда она не выходит наружу. Но чтобы вернуться в область фольклора, мне достаточно упомянуть о влюбленных рыцарях из "*Morte Darthur*" Мэлори, которые рассказывали о своих горестях в тоскливых песнях уединенным фонтанам в лесах: похоже, это приносило им большое облегчение, а иногда достигало и других ушей, кроме ушей колодцев. Что же касается лошадиных ушей, то кто-то может легкомысленно предположить, что, если уж речь зашла об улучшении такого рода истории, следует превратить уши в уши осла. На самом деле подобная история есть в Греции, и в ней человека с ненормальной головой звали Мидас, а его уши, как говорят, были ушами осла. Читатель найдет его в большинстве сборников греческих историй; поэтому мне нет нужды продолжать этот вопрос, разве что замечу, что точный вид звериных ушей, возможно, был вопросом, который разные народы решали по-разному. Во всяком случае, Стокс упоминает сербскую версию, в которой уши были козлиными.

Однако каждому придет в голову спросить: каково происхождение этой истории? Что она означала, если у нее был смысл? Были предприняты различные попытки истолковать подобную историю, но никто, насколько мне известно, не нашел надежного ключа к ее смыслу. Лучшее предположение, которое я могу сделать, было предложено в предыдущей главе, из которой видно, что лошадь подходит к валлийскому контексту, так сказать, лучше всего, коза - менее хорошо, а осел, вероятно, меньше всего: см. с. 433-9 выше. Итак, если предположить, что интерпретация этой истории установлена окончательно, то вопрос о ее происхождении все равно останется. Возникла ли она среди кельтов, греков и других народов, которые ее рассказывают? Или она просто возникла среди одного из этих народов и распространилась среди других? Или же все они унаследовали ее из общего источника? Если мы примем предположение, что она возникла независимо среди разных людей в далеком прошлом, то возникает интересный вопрос об условиях, в которых она возникла, и о психологическом состоянии человеческой расы в далеком прошлом. При другом предположении приходится спрашивать: Получили ли кельты эту историю от греков, или греки от кельтов, или ни от тех, ни от других, а из общего источника? А также когда и как возникли вариации? В любом случае, нельзя не видеть, что история, подобная той, которую я привел в пример, поднимает целый ряд глубоко сложных и интересных вопросов.

Как бы ни было трудно фольклористу выведывать сказки и легенды у жителей Уэльса в наши дни, есть одна вещь, которая раздражает его гораздо больше, чем молчаливость крестьян, и это безнадежная мода, в которой некоторые из тех, кто писал о валлийском фольклоре, соизволили записать истории, которые были им известны. Возьмем, к примеру, следующую, которая встречается в книге Хауэллса "*Кембрийские суеверия*", стр. 103-4:-

В Кардиганшире есть озеро, под которым, по слухам, покоится город; а в засушливое лето, когда вода спадает, видна стена, по которой могут ходить люди, протянувшаяся через озеро, и предполагается, что она принадлежит затопленному городу; с одной стороны находится гигантская скала, которая, похоже, была расколота, поскольку в ней есть очень обширное отверстие, которое почти делит ее на две части, и которое, по преданию, было вызвано этим: -Жил-был человек по имени Панног, у которого было два вола, таких больших, что подобных им не было ни в одной части света, и о которых можно сказать следующее,

Они никогда больше не увидят себе подобных.

Однажды случилось так, что один из них (а, судя по всему, они не были наделены чувством, соразмерным их массе) пасся у обрыва напротив скалы, и было ли у него желание совершить самоубийство или охладить свое тело, окунувшись в озеро внизу, неизвестно, но точно можно сказать, что он плюхнулся вниз и больше его не видели: Его партнер, искавший его через некоторое время после этого и не обнаруживший никаких признаков его приближения, ревел почти так же громко, как Отец Богов, который, когда произносил слова "Земля в центре своем содрогнулась"; однако звук его блеяния расколол противоположную скалу, которая из-за этого обстоятельства называется *Учайн Панног* (Панногские волны). Считалось, что эти волны - два человека, называемые в Уэльсе Ниньяф и Фебиаф, которых Бог превратил в зверей за их грехи.

Здесь очевидно, что мистер Хауэллс нашел часть, если не всю, своей истории на валлийском языке, частично взятом из истории Кулхвча, и, очевидно, в старом написании; поскольку его собственное знакомство с языком не позволило ему перевести *Nynnya* и *a pheiba* в "Nynio и Peibio". Слабое знание валлийского языка подтверждается всей его книгой, особенно тем, как он пишет валлийские слова: в самом деле, не нужно выходить за рамки этой самой истории с ее *Uchain Pannog*. Но когда он убедился, что озеро находится в Кардиганшире, он мог бы пойти немного дальше и рассказать своим читателям, что это за озеро. Это не одно из тех озер, которые мне известны на севере графства, - *llyn ygad* у Rheidol на Плинлиммоне, или озеро на Moel y *llyn* к северу от Cwm Ceulan, или одно из озер Иван, впадающих в Мерин (или Мери), приток Майнаха, который протекает под *Пон-ар-Файнахом*, называемым по-английски Дьявольским мостом. Из расспросов я не могу понять, что это один из бассейнов на востоке графства, например, в Тейфи или в *llyn Ferwyn*, недалеко от ущелья, известного как Cwm Berwyn, упомянутого в хорошо известных строках Эдварда Ричардса, стр. 43: - "Mae'n bwrwrwyn".

Mae'n bwrw' Nghwm Berwyn a'r cysgod yn estyn,

Gwna heno fy mwthyn yn derfyn dy daith.

В Квм Бервине идет дождь, тени растут,

Ночью сделай мой домик концом твоего пути.

Правда, в окрестностях Трегарона есть водоем под названием Maes y *llyn*, о котором существует предание, что на месте его вод когда-то располагалась деревня: в остальном он не имеет никакого сходства с озером из рассказа Хоуэллса. Затем есть группа озер, в которых берет начало река Аэрон: они называются *llyn Eidwen*, *llyn Fanod* и *llyn Farch*. Что касается Эйждвена, то мне рассказывали, что когда-то ходила история о "диком скоте", который выходил из его вод и бросался обратно, когда его тревожили. В середине этого участка воды, с одной стороны которого находится скала, есть небольшой остров, на котором стоит современное здание; хотелось бы знать, есть ли на нем следы раннего заселения. Что же касается *llyn Farch*, то существует история о том, что однажды из него вышло удивительное животное, которое застрелил соседний фермер. Наконец, в *llyn Fanod* есть межевые стены, которые выходят прямо в озеро; и мой информатор считает, что так же обстоит дело и с *llyn Eidwen*³⁰. Одна из этих стен, вероятно, и есть то, что в юношеских руках Хоуэллса превратилось в дамбу. Другая часть его рассказа, относящаяся к смирению оленей *Баннога*, происходит от хорошо известного доггерола, который звучит так:...

*an Dewi Frefi fraith*³¹,

e brefod yr ych naw gwaith,

Nes hoŋti craig y Foelaŋt.

ŋandewi из Брефи пятнистого,

Где девять раз ревел бык,

пока скала Фозла не раскололась на две части.

Брефи - это название реки, от которой произошел этот ŋandewi; оно произносится так же, как и *брефу*, то есть "сглатывание, мычание или бляение". Теперь Брефи протекает через ферму Фозла, которая находится между двумя очень большими скалами, которые, по народному поверью, когда-то были единым целым, и которые Хоуэллс, несколько непоследовательно, рассматривает как постоянные формы, принятые двумя волами. Историю, которую Хауэллс, похоже, смешал с одной или несколькими озерными легендами, можно найти в книге Сэмюэля Раша Мейрика "*Графство Кардиган*": см. с. 265-6, где читаем о диком предании, что при строительстве церкви было два вола, чтобы тащить необходимый камень; и один из них умер в попытке тащить груз, а другой ревел девять раз и тем самым расколол холм, который до этого представлял собой препятствие. После этого один вол смог без посторонней помощи доставить груз к месту строительства церкви. Именно к этой истории относится уже приведенный доггер; и, что любопытно, большая часть района между ŋandewi и *Ystrad Fflur*, или стратой Флорида, в большей или меньшей степени связана с *Ychen Bannog*. Так, хребет, проходящий с востока на запад на расстоянии около трех миль от Трегарона и отделяющий Верхний и Нижний Карон друг от друга, носит название *Swys yr Ychen Bannog*, или Борозда *Йхен Банног*. По внешнему виду она несколько напоминает древнюю дамбу, но, по слухам, это не что иное, как "длинная насыпь ледниковых [отложений](#)³²". Кроме того, в церкви ŋandewi хранился замечательный фрагмент рога, который обычно называют *Madcorn yr Ych Bannog*, "*мабкорн* или сердцевина рога Банногского быка". Сейчас он находится во владении мистера Пэрри из Айдиардау, недалеко от Аберистуита; профессор Бойд Докинз считает, что он принадлежал "большому урусу (*Bos Primigenius*), на которого Карл Великий охотился в лесах Ахена, а монахи Святого Галле ели в дни своих праздников". Он добавляет, что состояние рога доказывает, что он был получен из торфяника или [аллювия](#)³³. В целом, мне кажется вероятным, что дикие легенды о *Ychen Bannog*³⁴ в Кардиганшире имеют под собой субстрат традиции, восходящей к тому времени, когда урус еще не был вымершим в Уэльсе. Насколько в этой стране к урусу когда-то относились как к эмблеме божественности, сказать невозможно; но из древней Галлии до нас дошло такое название, как *Urogeno-nertus*³⁵, означающее человека силы *Urogen*, то есть потомка уруса; не говоря уже о галльском *Tarvos Trigaranus*, или быке с тремя журавлями на спине. С этим божественным животным М. д'Арбуа де Жубенвиль отождествляет *Донноса*, лежащего в основе таких галло-римских имен, как *Доннотавр*, и чудесного быка по имени *Донн* в главной эпической истории [Ирландии](#)³⁶, где мы, кажется, прослеживаем тот же элемент в названии реки, которую Птолемей назвал *Мо-доннос*, одного из потоков Уиклоу, или, иначе, Слейни. Это самый ранний из известных случаев приставки местоимения *то*, "мой", в его благоговейном применении, которое в более поздние века ограничивалось именами гойдельских святых.

Однако если вернуться к трудностям фольклориста, то первое, что необходимо сделать, - это собрать как можно больше фольклорных материалов; и здесь я подхожу к моменту, когда некоторые из читателей этих страниц, вероятно, могли бы помочь; ведь мы хотим, чтобы весь наш фольклор и суеверия были должным образом записаны и спасены от зияющей пропасти забвения, в которую они стремительно и безвозвратно падают год от года, по мере того как уходит из жизни самый старый житель.

Несколько лет назад я попытался собрать истории, которые до сих пор помнят в Уэльсе о феях и обитателях озер; похоже, я проявил определенный энтузиазм в этом стремлении. Во всяком случае, один редактор валлийской газеты поздравил меня с тем, что я искренне верю в фей. К сожалению, мне не удалось так успешно зарекомендовать себя в качестве верующего перед стариками, которые могли бы рассказать мне нужные истории. Тем не менее, лучший план, который я нашел, заключался в том, чтобы начать с рассказа истории о феях самому себе: если этот метод не вызывал ничего у слушателя, то пора было переходить к эксперименту на другом предмете. Среди того, что я обнаружил, был тот факт, что большинство известных озер и тарнов Уэльса, по поверьям, когда-то населяли феи, владевшие скотом, который иногда выходил на берег и смешивался с обычными породами, а случайная озерная леди становилась женой пастуха или фермера по соседству. Однако в глухих уголках Уэльса наверняка таится еще немало подобных легенд, связанных с более отдаленными горными тарнами, и было бы неплохо собрать их в систематическом порядке.

Одна из самых полных и известных историй об озерах - история озера □уп у Fan Fach в Биконах Кармартеншира, называемого на валлийском языке *Bannau Sir Gaer*. Эта история настолько более косвенна, чем все остальные, что ее поместили в начало этого тома. Рядом с ней можно поместить историю о бассейне Истрад-Дифодвг, ныне известном как □уп у Forwun, подробности которой мне совсем недавно поведал один друг: см. стр. 27-30 выше. Так вот, в легенде о Фан-Фахе хозяйка озера выходит замуж за молодого фермера из Миджфая, что на кармартенширской стороне хребта; и она должна оставаться его женой до тех пор, пока он жив и не ударит ее трижды без причины. Когда это случается, она уходит от него и забирает с собой все свое живое поголовье, вплоть до маленького черного теленка, которого собираются выпороть, потому что он вдруг надевает шкуру и спешит за остальным поголовьем в озеро. Три удара без причины, похоже, принадлежат к категории очень древних детерминантов, которые недавно обсуждались мистером Хартлендом, с его обычной проницательностью и знанием примеров из других стран, в главах о Лебединых Девах в его "*Науке сказок*". Но наша южноуэльская история допускает три удара лишь минимальной силы; а в Северном Уэльсе детерминант иного рода, хотя, вероятно, столь же древний: там муж не должен ударять или прикасаться к жене-фее ничем, сделанным из железа, - условие, которое, вероятно, восходит к каменному веку. Ведь археологи сходятся во мнении, что до того, как металл, будь то железо или бронза, стал использоваться для изготовления орудий труда, камень был универсальным материалом для всех режущих инструментов и оружия. Но поскольку дикари глубоко консервативны в своих привычках, утверждается, что в церемониальных и религиозных случаях каменные ножи оставались единственными допустимыми долгое время после того, как бронзовые стали использоваться для обычных целей. Возьмем, к примеру, текст Исхода iv. 25, где упоминается, как Сепфора обрезала своего сына кремнем. Из подобных примеров можно понять, каким образом железо стало считаться мерзостью и ужасом для фей. Этот вопрос подробно рассматривается мистером Хартлендом в его вышеупомянутой книге: см. особенно с. 305-9.

Таковы, на мой взгляд, некоторые из вопросов, которые возникают в связи с феями: теперь я хочу добавить еще один, касающийся нежелания фей раскрывать свои имена. Есть одна история, которая может служить прекрасной иллюстрацией к этому; но, к моему сожалению, я так и не смог найти ее в Уэльсе в полном или связном виде. Суть ее, в общих чертах, такова: женщина попадает в большую беду, и ее избавляет от нее фея, которая требует в награду ребенка женщины. В определенный день ребенок неизбежно попадает к фее, если только мать не узнает настоящее имя феи. Фее удастся помешать, случайно подслушав, что мать не знает, что его или ее зовут Румпельштильцхен, или как его там в той версии, о которой идет речь. Самая известная версия - немецкая, в которой фею зовут Румпельштильцхен; ее можно

найти в обычных изданиях Grimm's *Märchen*. Наиболее полной английской версией является восточно-английская, опубликованная мистером Эдвардом Клоддом в его недавнем томе под названием "*Tom Tum Tom*", стр. 8-16; а ранее - в статье "Философия Румпельштильцхена" в журнале *Folk-Lore* за 1889 год, стр. 138-43. Прежде всего следует отметить, что в этой версии фею зовут Том Тит Тот, и что немецкая и восточно-английская истории идут параллельно. Они сходятся в том, что фея - мужчина, и в этом они отличаются от наших валлийских Silly Frit и Silly go Dwt: в каком еще отношении история нашей Силли отличалась от истории Румпельштильцхена и Тома Тит Тота, в нынешнем неполном состоянии валлийской истории сказать невозможно. Здесь будет полезно вспомнить фрагменты валлийской истории: (1) Фея-женщина выходила из бассейна Корврион прясть в прекрасные летние дни, и во время прядения она пела или напевала про себя *sili ffrit, sili ffrit* - это не дотягивает даже до доггерового двустушия: см. с. 64 выше. (2) К жене фермера из Эйна часто приходила фея, чтобы одолжить у нее вещи; и однажды, когда добрая жена одолжила ей *troe bach*, или колесо для прядения льна, она попросила фею назвать свое имя, но та отказалась это сделать. Однако она подслушала, как фея пела под жужжание колеса следующее (стр. 229):-

Bychan a wyda' hi

Mai Sili go Dwt

Yw f'enw i.

Она не знала.

что Глупый гоу Дут

это мое имя.

Это бросает некоторый свет на Силли Фрит, и мы знаем, где мы находимся; но история не имеет смысла и далека от оригинала. Мы не можем, однако, перестроить ее в соответствии с версией Гримма или Клодда. Но однажды я случайно упомянул о своей трудности доктору Дж. А. Х. Мюррею, когда он заверил меня в существовании шотландской версии, в которой фея - женщина. По его словам, он выучил ее в детстве в Денхолме, в Роксбургшире, и впоследствии был очарован, прочитав ее в книге Роберта Чамберса "*Популярные рифмы Шотландии*" (Эдинбург, 1858), стр. 221-5, откуда мистер Клодд сделал выдержку из нее в своей "Философии Румпельштильцхена". Среди этих популярных рифм читатель найдет и ту, которую подробно пересказала сестра Дженни в своей неподражаемой манере; но шотландский язык настолько широк, что я считаю целесообразным, рискуя нанести некоторый ущерб местному колориту, несколько юронизировать ее следующим образом:-

"Я вижу, вы любите рассказывать о феях, дети; и мне только что пришла в голову история о фее и доброй жене Киттлерумпита; но я не могу сейчас сказать вам, где находится Киттлерумпит. Думаю, где-то на Спорной площадке; во всяком случае, я не стану притворяться, что знаю больше, чем знаю, как все в наше время. Хотелось бы, чтобы они вспомнили балладу, которую мы пели давным-давно:...

Mony ane sings the gerss, the gerss,

И поет кукуруза;

И все поют о смелом Робин Гуде,

Не зная, где он родился.

Но как бы то ни было, о Киттлерумпите можно сказать следующее: этот добрый человек был странствующим; однажды он отправился на ярмарку и не только не вернулся домой, но и больше о нем ничего не было слышно. Одни говорили, что он сгинул, другие - что его схватила изнурительная банда прессовщиков, хотя у него были жена и ребенок в придачу. Увы! Эта жалкая банда прессовщиков! Они носились по стране, как рыкающие львы, и искали, кого бы поглотить. Я хорошо помню, как мой старший брат Сэнди был почти задушен в сундуке с едой, прячась от этих негодяев. Когда они ушли, мы вытащили его из-под еды, пыхтящего и плачущего, белого, как труп. Маме пришлось выковыривать еду у него изо рта черенком роговой ложки.

Когда добрый человек из Киттлерумпита ушел, добрая жена осталась с небольшими средствами. У нее было мало средств и маленький мальчик у груди. Все говорили, что им жаль ее, но никто ей не помог - обычное дело, господа. Однако у доброй жены была свиноматка, и это было ее единственным утешением; ведь свиноматка скоро должна была опороситься, и она надеялась на хороший приплод.

Но все мы знаем, что надежда обманчива. Однажды женщина отправляется в стойло, чтобы наполнить корыто свиноматки, и что же она там обнаруживает: свиноматка лежит на спине, хрюкает и стонет, готовая вот-вот испустить дух.

Думаю, это стало новой болью для сердца доброй жены; она села на [камень37](#), положив на колени своего малыша, и заплакала сильнее, чем когда-либо, о потере своего доброго человека.

Теперь я узнаю, что домик Киттлерумпита был построен на холме, а позади него был большой еловый лес, о котором вы еще услышите, пока мы не уйдем далеко. И вот добрая жена, вытирая глаза, решила посмотреть на косу; и что же она увидела - старуху, почти леди, которая медленно поднималась по дороге. Она была одета в зеленое, кроме короткого белого передника и черного бархатного колпака, а на голове у нее была бобровая шляпа с крутым венцом. В руке у нее был длинный, как она сама, посох для ходьбы - из тех, которыми старики и старухи помогали себе давным-давно; сейчас я таких посохов не вижу, сэр.

Когда добрая жена увидела рядом с собой зеленую женщину, она встала и сделала реверанс; "Мадам, - сказала она, плача, - я одна из самых несчастных женщин на свете".

' "Я не желаю слушать новости волынщиков и сказки скрипачей, добрая жена, - сказала зеленая женщина. "Я знаю, что ты потеряла своего молодца - у нас были потери и похуже в Шерифе [Мууре38](#); и я знаю, что твоя свиноматка нездорова. Что ты дашь мне, если я вылечу ее?"

' ' Все, что вашей светлости госпоже угодно, - проговорила бесхитростная добрая жена, не догадываясь, с кем ей придется иметь дело.

' Давайте намочим большие пальцы на этой сделке, - сказала зеленая женщина; и пальцы были намочены, ручаюсь вам, и мадам вошла в курятник.

Она посмотрела на свиноматку долгим взглядом, а потом начала бормотать себе под нос то, что добрая жена не могла разобрать, но сказала, что это звучит как...

"Питтер-паттер",

Святая вода.

Затем она достала из кармана маленькую бутылочку, в которой было что-то похожее на масло, и натерла ею свинью над мордой, за ушами и на кончике хвоста. "Вставай, зверь", - сказала зеленая женщина. Не успела она это сказать, как свиноматка с хрюканьем вскочила и понеслась к своему корыту завтракать.

Добрая жена Киттлерумпита была теперь радостной доброй женой и хотела бы поцеловать самый подол хвоста зеленой женщины, но та ей не позволила. "Я не очень люблю церемонии, - сказала она, - но теперь, когда я вылечила твоего больного зверя, давай покончим с нашей устоявшейся сделкой. Вы не сочтете меня неразумной и жадной - я люблю делать добро за небольшое вознаграждение: все, чего я прошу, и все, что я получу, - это малыша в вашем лоне".

Добрая жена Киттлерумпита, которая теперь узнала свою заказчицу, издала пронзительный крик, как зазевавшаяся свинья. Зеленая женщина, несомненно, была феей, поэтому она молилась, и плакала, и просила, и ругала, но все без толку. "Можешь не кричать, - сказала фея, - как будто я глухая, как гвоздь в двери; но вот что я тебе скажу: по закону, по которому мы живем, я не могу взять твоего ребенка до третьего дня; и не тогда, если ты скажешь мне мое настоящее имя". И вот мадам уходит за свинарник, а добрая жена падает в обморок за камнем.

В ту ночь добрая жена Киттлерумпита не могла заснуть от слез, и весь следующий день тоже, обнимая своего поросенка, пока чуть не выдавила из него дыхание; но на второй день ей пришлось в голову прогуляться по лесу, о котором я вам рассказывала; и вот с поросенком на руках она отправилась в путь и зашла далеко среди деревьев, где была старая каменоломня, поросшая травой, а посреди нее бил чудесный родник. Не успела она приблизиться, как слышит жужжание льяного колеса и голос, поющий песню; тогда женщина тихонько пробирается среди кустов и заглядывает за каменоломню; и что же она видит, кроме зеленой феи, которая возится со своим колесом и поет, как любой прецептор:...

Little kens our guid dame at hame,

Что Вуппити Стоури - мое имя.

"Ха, ха!" - думает женщина, - "Наконец-то я получила слово каменщика; черт бы побрал тех, кто его сказал!" И пошла она домой гораздо легче, чем вышла, как вы можете догадаться - смеясь, как сумасшедшая, при мысли о том, что обманула старую зеленую фею.

Вы должны знать, что эта добрая жена была веселой женщиной и всегда веселилась, когда ее сердце не было сильно перегружено. И вот она решила пошутить с феей; в назначенное время она посадила мальчишку за стучащий камень, а сама села на камень. Затем она надвигает шапку на левое ухо и кривит рот на другую сторону, как будто плачет; и лицо у нее, будьте уверены, получилось уродливое. Ждать ей пришлось недолго, потому что по косе поднялась зеленая фея, не хромя и не ленивая, и, едва приблизившись к стучащему камню, закричала: "Добрая жена Киттлерумпита, ты хорошо знаешь, за чем я пришла, - встань и выйди!"

Женщина притворяется, что плачет сильнее прежнего, разводит руками и падает на колени: "О, милая госпожа хозяйка, пощадите моего единственного ребенка и заберите несчастную свиноматку!"

"Дьявол возьми свиноматку, - сказала фея, - я пришла сюда не за свиным мясом. Не будьте совестливы, хаззи, а отдайте мне ребенка немедленно!"

' "Ошоне, дорогая моя леди, - плакала добрая жена, - оставь моего бедного ребенка и возьми меня саму!"

' "Дьявол в этом глупом нефрите, - проговорила фея с видом, похожим на дальний конец скрипки, - держу пари, что она совершенно безумна. Кто во всем земном мире, имея хоть полглаза в голове, станет связываться с такими, как ты?"

Я думаю, что это и подтолкнуло женщину из щетины Киттлерумпита: хотя у нее было два синюшных глаза и длинный красный нос, она считала себя такой же красавицей, как и лучшие из них. Поэтому она поднялась с колен, поправила шапочку и, сложив перед собой обе руки, сделала реверанс до земли: "Воистину, прекрасная госпожа, - сказала она, - у меня хватило бы ума понять, что такая, как я, не годится для того, чтобы завязывать самые плохие шнурки на туфлях высокой и могущественной принцессы, *Вуппити Стоури*".

Если бы из-под земли вылетела вспышка пороха, фея не смогла бы подпрыгнуть выше, чем она это сделала; затем она спустилась вниз, плюхнувшись на каблуки, и, кружась, помчалась по косе, визжа от ярости, как сова, за которой гонятся ведьмы.

Добрая жена Киттлерумпита хохотала до упаду, а потом взяла на руки своего малыша и пошла в дом, напевая ему по дороге:...

A goo and a gitty, my bonny wee tyke,

You'se noo ha'e your four-oories;

У нас есть Ник, который мешает пикнуть,

С его колесами и его Вуппити Стоури".

Это практически версия Чамберса этой шотландской истории; что касается имени феи *Вуппити Стоури*, то первый слог должен быть эквивалентен английскому *whip*, а *stoor* - это шотландское слово, означающее пыль в движении: поэтому редактор спрашивает в примечании, не могло ли это имя возникнуть из представления, "что феи всегда присутствовали в вихрях пыли, создаваемых ветром на дорогах и [улицах](#)"³⁹. Но он добавляет, что в другой версии сказки зеленая женщина называется *Фиттлетот*, что заканчивается тем же элементом, что и имена Том Тит Тот и Силли Гоу Дут. Возможно, однако, что валлийские версии этой истории ближе всего к одной из версий из Мочдрума в Уигтауншире, опубликованной в сборнике Британской ассоциации "*Papers of the Liverpool Meeting*", 1896, p. 613. Эта история была прислана преподобным Уолтером Грегором, а имя феи в ней - Маргет Тоттс: в ней мы имеем жену, которая находится в большом затруднении, потому что ее муж давал ей столько льна для прядения к такому-то и такому-то дню, что работа была не под силу человеку. На помощь приходит фея, которая забирает лен, обещая вернуть его спряденным к назначенному дню, если женщина сможет назвать имя феи. После этого женщина расстроилась еще больше, но фея, уходя, сказала: "Не знает хозяйка, что меня зовут Маргет Тоттс". Так женщина получила обратно свой лен, который пряла в течение дня; а фея, Маргет Тоттс, от ярости и разочарования вылетела в дымоход. Здесь нельзя не заметить, что оригинал, который представляет собой неуклюжую версию, должен был быть примерно таким

Мало ли что знает хозяйка

что меня зовут Маргет Тот.

Если вернуться к Уэльсу, то там мы имеем женские имена Silly Frit и Silly go Dwt. Первое имя чисто английское - Silly Frit, которое, как мы уже догадались (с. 66), означает глупый спрайт или глупое явление, с идеей того, что это страшное существо, на которое можно смотреть: сравните применение в другом месте к фее-изменнице терминов *crimbil* (с. 263) и *cyrflaglach* или *cryflaglach* (с. 450), которые объясняются как означающие убогого ежа, который был наполовину голоден и заторможен в своем росте. Если не принимать во внимание эту коннотацию, то можно сравнить термин с шотландской привычкой называть фей *silly wights*, "счастливые рыцари". См. "*Шотландский словарь*" Дж. Джеймисона, где в значении *seily*, *seely*, "счастливый" он цитирует следующие строки из "Легенды о епископе Сент-Андруа" в сборнике "*Шотландские стихи XVI века*" (Эдинбург, 1801), стр. 320-1:-

На ночь кирка ему запретила,
Он прогнал его и собрал тридцать;
Эне Карлинг из Квена Фарейского,
Который выиграет гейр для Эльфины Карис,

Через весь Брейд Альбане шкодит,
On horsbak on Hallow ewin;
И в сейкинге, конечно, найттис,
As scho sayis, with sur [чумай - с нашей] sillie wychtis.

Аналогичным образом он дает феям название *Seely Court* и приводит в качестве иллюстрации следующие строки из "*Популярных баллад*" Р. Джеймисона, (i. 236, и) ii. 189:-

But as it fell out on last Hallowe'en,
Когда проезжал двор Сили,
Королева зажгла свет на гоуэнском берегу,
Недалеко от дерева, где я обычно лежу.

В валлийский язык, однако, обозначение Silly Frit должно было прийти не из Шотландии, а из Марчей; и история *Sili go Dwt* должна быть примерно такой же. Ибо, если толковать это имя по-валлийски, оно будет означать Глупый, который *go Dwt*⁴⁰, "несколько опрятный или опрятный"; а *dwt* (мутировавшее из *twt*), несомненно, было предложено *tot* из таких сказочных имен, как Tom Tit Tot. Это подводит меня к другой группе, где слог - *trot* или *trut*, и это мы имеем в валлийском доггерле, упомянутом на стр. 229, следующим образом:-

Bychan a wyda' hi

Mai Trwtyn-Tratyn

Yw f'enw i.

Мало она знала.

Что Трвтын-Тратын

это мое имя.

Но это имя Трвтын-Тратын звучит по-мужски, а не как имя феи, например, Глупышки Фрит. В произношении Карнарвоншира женское имя было бы Trwtan-Tratan, и на самом деле там можно услышать *trwtan*; но чаще встречается производное *trwdlan*, означающее нескладную женщину, труженицу, коротконогую или деформированную служанку, выполняющую любую работу. О некоторых тевтонских разновидностях этой группы историй можно найти краткое упоминание в статье мистера Клодда о "Философии [Румпельштильцхена](#)"⁴¹. Так, из Спорной земли на границе Англии и Шотландии пришла история, в которой фею звали Хабетрот; он ссылается на исландскую версию, в которой ее зовут Гиллитрут; но для нас еще больший интерес представляет имя в следующей [рифме](#)⁴²:-.

Мало знает миледи

Что меня зовут Трит-а-Трот.

Предполагается, что этот стишок принадлежит к истории, пришедшей из Ирландии; но независимо от того, правда это или нет, вряд ли стоит сомневаться в том, что наш Трвтын Тратын практически отождествляется с Трит-а-Тротом, который также является феей-богом.

И это еще не все; ведь с тех пор как были написаны предыдущие заметки, до меня дошла история от мистера Крейгфрина Хьюза о фее, которая начала с того, что вела себя как брауни, упомянутые на стр. 287, 324-5 выше. Отрывки, о которых здесь идет речь, взяты из истории, часть которой была приведена на с. 462-4; они таковы: "Давным-давно на одной ферме в Монмутшире служила молодая женщина, веселая и сильная. Кто она и откуда, никто не знал, но многие считали, что она принадлежала к старой породе *Бендит-и-Мамау*. Через некоторое время после ее появления на ферме распространился слух, что в доме завелся дух. Но девушка и эльф хорошо понимали друг друга, и они стали лучшими друзьями. Так что эльф оказался очень полезным для служанки, ведь он делал для нее все: стирал, гладил, пряд и крутил шерсть; говорят, что он был удивительно искусен на прялке. Кроме того, за свою работу он ожидал лишь миску сладкого молока и пшеничный хлеб или какую-нибудь похлебку. Поэтому каждый вечер, ложась спать, она заботилась о том, чтобы поставить миску с его едой у подножия лестницы. Надо сказать, что ей никогда не позволялось видеть его, потому что он всегда делал свою работу в темноте. Никто не знал, когда он ест: она оставляла миску на ночь, и к утру, когда она вставала, миска была уже пуста - ее убирал *Бвака*. Но однажды ночью, проклиная все на свете, она наполнила миску застоявшейся мочой, которой красили шерсть и другие вещи в доме. Но, боже мой, лучше бы она этого не делала, потому что, когда она встала на следующее утро, что он сделал, как вдруг выскочил из-за угла и схватил ее за шею! Он стал бить ее и пинать из одного конца дома в другой, при этом при каждом ударе он кричал во весь голос: - *Y faidan din dww...*

Y faidan din dwmp-

Yn rhoi bara haid a thrwnc

I'r bwca!

Мысль о том, что толстопузая девица

Должна давать ячменный хлеб и п...

тележке!

Тем временем она кричала о помощи, но никто не приходил; когда же он услышал, что слуги встают, он изо всех сил бросился бежать, и некоторое время о нем ничего не было слышно. Но по истечении двух лет он оказался на другой ферме по соседству, под названием Хафод-ир-Инис, где сразу же подружился с девушкой-служанкой: она кормила его, как молодого цыпленка, постоянно давая ему немного хлеба и молока. И он охотно и хорошо работал на нее в обмен на свою любимую еду. Особенно он прятал и мотал для нее пряжу; но она желала, чтобы он вовремя показал свое лицо или сказал ей свое имя, а он ни в коем случае не делал ни того, ни другого. Однако однажды вечером, когда все мужчины ушли, а он усердно прятал за колесом, она обманула его, сказав, что тоже собирается уходить. Он поверил ей и, услышав, как закрывается дверь, начал напевать, вращая колесо: - *Hi warda'niaia*

Hi warda'n iawn pe gwypa hi,

Taw Gwarwyn-a-throt yw'm enw i.

Как бы она смеялась, если бы знала.

Что Гварвин-а-Трот - мое имя!

"Ха! Ха!" - сказала служанка у подножия лестницы; "Теперь я знаю твое имя". "What is it, then?" he asked. Она ответила: "Гварвин-а-рот"; и как только она произнесла эти слова, он оставил колесо на месте и уехал. В следующий раз о нем узнали на ферме неподалеку, где жил слуга по имени Мозес, с которым он сразу же подружился. Он с легкостью выполнял для Мозеса всю его работу. Правда, однажды он хорошенько поколотил его за то, что тот усомнился в его словах; но после этого они несколько лет оставались вместе на самых лучших условиях: все закончилось тем, что Мозес стал солдатом. Он отправился сражаться против Ричарда Крукбека и пал на поле Босворта. Потеряв друга, богатырь стал доставлять хлопоты и жить с ним было трудно. Он приставал к волам, когда они пахали, и повсюду тащил их за собой, плуг и все остальное; никто не мог ему помешать. А вечером, когда солнце садилось, он снова принимался проказничать и устраивать всякие пакости в доме, наверху и в коровниках. Тогда фермеру посоветовали обратиться к мудрецу (*dyn cynnil*) и узнать, сможет ли он придумать, как избавиться от тележки. Он позвал мудреца, который жил неподалеку от Каэрлеона на реке Уск; и тот, дождавшись полной луны, пришел к фермеру в дом. В положенное время мудрец силой маневрирования ухватил тележку за очень длинный нос, который был главным украшением его лица, и получил за это имя *Bwca'r Trwyn*, "Тележка с носом". Пока его держали за нос, тележка читала ему что-то из большой книги мудреца, и тот приговорил его к тому, что в течение четырнадцати поколений он будет перенесен на берега Красного моря, и его будет переносить туда "верхний ветер" (*yr uwchwynt*). Не успел хитрец произнести эти слова, как налетел вихрь, от которого задрожал весь дом. Затем подул еще более сильный ветер, и, когда он стал дуть, владелец большой книги выдернул шило из носа богатыря; предполагается, что богатыря унесло этим ветром, так как он больше никогда не беспокоил это место.

По-видимому, существовала и другая версия этой истории, которая представляла, что богги ни в чем не [виноваты](#)⁴³: но я придаю некоторое значение этой истории как образующей связь между группой фей Румпельштильцхен, которые всегда пытаются завладеть детьми; родом брауни, которые всегда готовы служить в обмен на простое содержание; и хлопотливым богги, который раньше преследовал дома валлийских фермеров и с удовольствием разбивал посуду и пугал их обитателей до потери рассудка. На самом деле брауни и богги превращаются здесь в разные юмы одного и того же жуткого существа. Можно сказать, что они отличались и внешне: у богатыря был очень длинный нос, а у пирожка из Бледноха - только "дырка, где должен был быть нос". Но один из самых

примечательных моментов, касающихся видов брауни, заключается в том, что линкольнширский экземпляр был маленьким существом, "a weeny bit of a fellow", что указывает на возможную общность происхождения с банши у ирландцев, а также у валлийцев: свидетелем тому маленькая женщина в истории о проклятии Пантаннаса (стр. 188-9), которая, кажется, выплывает из реки. Можно сказать, что все они представляют различные аспекты умершего предка или прародительницы; но Bwca'r Trwyn не следует отделять от женщины-феи в долине Пеннант, которая берет на себя некоторые обязанности, не доярки, как в других упомянутых случаях, а кормилицы. Ее поведение, когда ей предлагают платье, точно такое же, как и у брауни: см. с. 109 выше. Но она и Bwca'r Trwyn - несомненно, феи, которые берут на себя домашнюю службу и некоторое время охотно и хорошо работают в обмен на свою пищу, которая, как и в случае с другими феями, по-видимому, состояла в основном из молока.

После этого отступления я хочу лишь отметить, что валлийское имя богатыря, Gwarwyn-a-throt, в переводе с валлийского может означать только "белошная и (или) рысь"; ведь *throt* может означать только "и (или) рысь". Таким образом, становится ясно, что *a throt* - это просто эквивалент *a-Trot*, заимствованный из такого английского сочетания, как *Trit-a-Trot*, и что переводить Gwarwyn-a-throt - пустое занятие. Теперь *trot* и *twt* не являются исконно валлийскими словами; то же замечание относится и к *Trwtyn Tratyn*, и, конечно, к *Sili ffrit* и *Sili go Dwt*. Отсюда естественно сделать вывод, что либо эти имена в валлийских историях просто вытеснили более древние, валлийского происхождения, либо в валлийских историях не было вопроса об именах, пока они не попали под английское влияние. Первая гипотеза кажется более вероятной из двух, если только не предположить, что вся история заимствована из английских источников. Но это не имеет никакого значения в отношении нежелания фей раскрывать свои имена, поскольку у нас есть другие примеры, к которым читатель может обратиться на стр. 45, 87-8, 97 выше. Один из них, в частности, рассматривается здесь: см. с. 54, 61. Он связан с бассейном Корврион в окрестностях Бангора; в нем рассказывается о том, как мужчина женился на фее, поставив условие, что он не должен знать ее имени и не должен прикасаться к ней железом под страхом того, что она тут же покинет его. Конечно, по прошествии лет условия были случайно нарушены незадачливым мужем, и жена мгновенно улетела в воды бассейна: оказалось, что ее зовут Белен.

До сих пор мы говорили о нежелании фей называть свои имена: Теперь я должен перейти к вопросу о том, почему это так. Здесь нам на помощь приходит антрополог или студент, изучающий сравнительный фольклор; ведь сравнение суеверий одного народа с суевериями другого - важная часть его деятельности; а в случае с суевериями, которые утратили свое значение у нас, он ищет параллель среди других народов, где эта параллель является частью живых институтов. Таким образом он надеется найти ключ к решению своих проблем. В данном случае он находит дикарей, которые привыкли рассматривать имя как неотъемлемую часть *личности*⁴⁴. Эти дикари также верят, что любая часть личности, например, волос с головы или острие ногтя, если их случайно найдет враг, даст ему магическую власть над их жизнью и позволит причинить им вред. Отсюда дикая тенденция скрывать свое имя. Как читатель поймет, здесь я скомпоновал несколько важных этапов дикарской логики; поэтому я должен попытаться проиллюстрировать их несколько подробнее, ссылаясь на некоторые из них, сохранившиеся после того, как дикарь был давно цивилизован. Чтобы вернуться в Уэльс и проиллюстрировать веру в то, что обладание частью своей личности или чем-то, что тесно связано с личностью, дает ее обладателю власть над этим человеком, мне достаточно вспомнить валлийское представление о том, что если человек хочет продать себя дьяволу, ему достаточно отдать ему волос со своей головы или

мельчайшую каплю своей крови, и он навсегда станет своим за временное вознаграждение. Если же вы только остригли волосы, их нужно тщательно собрать и спрятать: ни в коем случае нельзя сжигать, так как это может повредить вашему здоровью. Точно так же не следует бросать в огонь перья, ибо это, как я полагаю, когда-то приводило к смерти домашней птицы. А одна моя старая родственница, *Модрыб Мари*, "тетушка Мэри", была против моего пристрастия к поджаренному сыру. Она говорила мне, что если я буду поджаривать сыр, то мои овцы истощатся и умрут: строго говоря, я полагаю, что первоначально это относилось только к тем овцам, из молока которых был сделан сыр. Но я не был достаточно сведущ в доктринах симпатической магии, чтобы ответить, что это не относится к нашему сыру, который делается не из овечьего молока. Поэтому ее предупреждение пугало меня и сдерживало мое пристрастие к поджаренному сыру - пристрастие, которое я, несомненно, унаследовал совершенно невинно, в чем может убедиться любой, кто заглянет в одну из "*Ста мери талис*", напечатанную Джоном Растеллом в шестнадцатом веке, а именно: - "Я узнал из старых преданий, как Бог сделал Сайнта Питера привратником Хеуэна, и что Бог по своей благодати, один раз после его смерти, попустил многим людям прийти в кингдом Хеуэна с малым желанием; в это время в Хеуэне была большая компания вельчменов, которые своим сумасбродством и младенчеством беспокоили всех остальных. Поэтому Бог сказал Сайнту Петру, что Он остерегается их и хочет изгнать их из Геенны. На что Саинт Петр сказал: Господи, ручаюсь тебе, что это будет сделано. И тогда вышел Сын Петр из ворот Геенских и закричал громким голосом, *потому что Бобе45*, то есть, как бы это сказать, как ростовая сыра, которой грызутся вельчане, выбежал из Геена большим шагом. И когда Сейнт Петр увидел, что все они выбежали, он с трудом вошел в Хойен и запер дверь, и таким образом выгнал всех вельчан. Из этого вы можете понять, что человеку не подобает предаваться любому делу или мирскому удовольствию, и тогда он лишится небесного и вечного счастья".

Если оставить "*Мери Талис*" и вернуться к упомянутым случаям, то можно сказать, что все они иллюстрируют, как часть или дополнение отвечает за целое человека или вещи. Фактически, принимая во внимание магию как точную науку, чрезвычайно точную науку, можно сказать, что, согласно мудрости наших предков, главная аксиома этой науки практически сводилась к следующему: часть вполне равна целому. Имя, как часть человека, когда-то, вероятно, отождествлялось с дыханием жизни или с душой, как мы увидим позже; а последняя, должно быть, рассматривалась как некая материя; ибо я хорошо помню, что, когда в доме умирал человек, в Понтервиде, в Северном Кардиганшире, было принято открывать окна. А один фермер близ Истрад-Меурига, что на юге графства, несколько лет назад рассказал мне, что помнит, как умирала его мать, когда он был еще мальчиком: жена соседа, исполнявшая обязанности сиделки, попыталась открыть окно в комнате, а так как оно не открывалось, она намеренно разбила стекло в нем. Несомненно, первоначально это было сделано для того, чтобы облегчить выход души; та же идея засвидетельствована в Глостершире, Девоне и других частях *страны46*. Такой взгляд на душу напоминает слова профессора Тайлора, когда он писал в своей работе "*Первобытная культура*", i. 440: "И тот, кто говорит, что его дух отправляется на встречу с другом, все еще может понять в этой фразе смысл, более глубокий, чем метафора".

Если душа материальна, то можно спросить, какова ее форма; и на это у меня есть история, которая даст ответ: она происходит от той самой Модрыб-Мари, которая была настроена против *saws robí* и лелеяла множество суеверий. В этом она сильно отличалась от своей сестры, моей матери, которая обладала гораздо более логичным умом и более ясным представлением о вещах. Так вот, история моей тетушки была такова: на ферме неподалеку от Понтервида - я забыл ее название - жнецы сели в поле на полуденную трапезу. После

этого они немного отдохнули, и тут один из них крепко уснул. Остальные встали и снова принялись жать, время от времени поглядывая на спящего, который широко раскрыл рот и очень громко дышал. Вскоре они увидели, как из его рта вылез маленький черный человечек, чем-то похожий на обезьянку, и начал прогуливаться по полю: они смотрели, как этот малыш идет все дальше и дальше, пока не дошел до места у ручья. Там он остановился и повернул назад: затем он исчез в открытом рту спящего, который тут же проснулся. Он рассказал своим товарищам, что ему только что приснилось, как он обходил поле до того самого места, где они видели, как остановился маленький черный человечек. Мне жаль говорить, что Модриб Мари совсем забыла эту историю, когда много лет спустя я попросил ее повторить ее мне; но на днях я нашел валлийца, который все еще помнит ее. На одном из собраний родственных душ я случайно пожаловался на то, что пренебрег тщательными записями кусочков фольклора, которые услышал много лет назад от информаторов, которых с тех пор так и не смог перепроверить: Я привел в пример историю о спящем жнеце, когда мой друг профессор Сейс сразу же сказал, что слышал ее. Он провел часть своего детства неподалеку от города Хановер в Монмутшире; в те дни он говорил на валлийском языке, которому научился от своей кормилицы. Он добавил, что хорошо помнит, как покойная леди Энвер упрекала его отца за то, что его ребенок, валлийский мальчик, одет как маленький горец; и он также помнит, что слышал историю, о которой идет речь, рассказанную ему его кормилицей. Насколько он мог вспомнить, версия была такой же, как у моей тети, за исключением того, что он не помнит, чтобы слышал что-то о потоке воды.

Несколько моментов в этой истории требуют внимания: в частности, в самом начале возникает вопрос, почему другие жнецы не разбудили спящего человека. Ответ заключается в том, что валлийцы, похоже, были согласны с другими народами, такими как [ирландцы47](#), считая опасным будить человека во время сна, то есть когда его душа может блуждать вне тела; ведь это может привести к тому, что душа не сможет найти путь обратно в тело, которое она временно покинула. Чтобы проиллюстрировать это на примере Уэльса, я привожу следующую историю, которую записал для меня мистер Дж. Г. Эванс. Местом действия было поле на ферме Кадабоуэн, неподалеку от *Caer y Budaer*, в долине Тейфи: "Суть инцидента с *мадфой*, который произошел в начале шестидесятых годов, была такова. Во время одного из утренних *hwe hogi*, то есть обычного отдыха для заточки жатвенных крючьев, я играл среди тридцати или сорока сидящих вместе жнецов: мои движения, вероятно, мешали жнецам, а также представляли опасность для моих собственных конечностей. Поэтому, чтобы успокоить меня, как кажется вероятным, один из мужчин направил мое внимание на нашего старого рабочего, который спал на спине рядом с несрезанной кукурузой, немного в стороне от остальных. Мне сказали, что его душа (*ened*) вышла изо рта в виде черной ящерицы (*madfa* *du*) и в этот момент бродит среди стоящей кукурузы. Если бы я разбудил спящего, душа не смогла бы вернуться, и старый Томас умер бы, или сошел с ума, или случилось бы что-нибудь серьезное. Я не стану доверять своей памяти, чтобы уточнить детали, тем более что этот случай однажды лег в основу захватывающей истории, которую я рассказывал своим детям в детстве. Возможно, через поколение *они* смогут привести удивительный пример "подлинного" валлийского фольклора. А пока я могу свидетельствовать, что "черная ящерица" - самое живое впечатление в моей "памяти". Я и сейчас вижу ее, извивающуюся на краю не скошенной кукурузы. Но что касается ее возвращения и пробуждения спящего, то в моей памяти ничего нет. Таковы уловки "памяти"; и мы должны быть милосердны, когда образованные люди, не менее образованные, чем необразованные, с затаенным дыханием рассказывают нам о жутких вещах, которые они "видели своими глазами". Они верят в то, что говорят, потому что доверяют своей памяти: Я - нет. Я практически уверен, что никогда в жизни не видел ящериц на том самом поле, где были жнецы". История мистера Эванса, как мы видели, отличается от версии моей тети тем, что он придает душе форму ящерицы; но

маленький черный парень в одном случае и черная ящерица в другом сходятся не только в том, что душа материальна, но и в том, что она образует целостный организм внутри более крупного организма. Одним словом, обе картины следует рассматривать как результат попыток изобразить внутреннего человека спящего.

Если имена и души можно рассматривать как материальные субстанции, то и болезни тоже; и сейчас я хочу сказать пару слов на эту тему, которые введет в курс дела небольшой рассказ моей жены. Она родом со стороны Сноудона; и она помнит, как однажды утром, когда была маленьким ребенком, отправилась в окрестности Рид-Джу со служанкой по имени Кади, чьи родители жили там. Кади была очень хорошей служанкой, но она мало считалась с более цивилизованными манерами жителей Анбериса; и когда вечером она вернулась с ребенком из коттеджа своей матери, то призналась, что девочка была поражена языком братьев и сестер Кади; она призналась, что, по ее словам, они ругались как каторжники, тогда как девочка никогда прежде не слышала никаких ругательств, о которых стоило бы говорить. Так вот, среди прочих вещей, которые видела девочка, была одна из сестер Кади, которой перевязывали больную ногу: когда тряпку, которая была на ране, убрали, мать заставила одного из других своих детей вынуть ее и прикрепить к колючке, растущей возле двери. Любопытная девочка спросила, зачем это делается, и ей ответили, что это для того, чтобы рана быстрее зажила. Ответ ее не очень удовлетворил, но впоследствии она заметила, что так же поступают и в ее округе. Изначальная идея, несомненно, заключалась в том, что болезнь или, во всяком случае, ее часть - а в таких делах, как известно, часть равна целому - была прикреплена к тряпке, так что, если выложить тряпку с прикрепленной к ней частью болезни, чтобы она сгнила на кусте, это приведет к исчезновению всей болезни.

Другой и более широкий аспект этой практики был предметом рассмотрения в главе "Фольклор Уэллса", стр. 359-60, где упоминается гипотеза мистера Хартленда. Она заключалась в том, что если одежду или что-либо другое, отождествляемое с вашей личностью, поместить в контакт со священным деревом, священным колодцем или священным сооружением, то оно будет вовлечено в поток божественности, придающий священный характер дереву, колодцу или храму; и ваша личность, отождествляемая с одеждой или другим предметом, также будет вовлечена или пропитана тем же божественным потоком и получит от этого пользу. Подобные рассуждения были проиллюстрированы на стр. 405-7 современной легенды о Кримлине и старой легенды о *□un □īwan*; но трудность, с которой они связаны, очень велика: это трудность серьезного отношения к инфантильному порядку рассуждений, который лежит в основе столь значительной части философии фольклора. Я не могу забыть один из первых случаев моего, так сказать, живого контакта с ней. Это было в Туаме (Коннаут), куда я отправился, чтобы изучать современный ирландский язык у покойного каноника Улика Дж. Борка. Однажды в 1871 году он подарил мне экземпляр *буллы "Ineffabilis" на четырех языках* (Дублин, 1868), содержащий ирландскую версию, которую он сам подготовил. На синей обложке было позолоченное изображение Богородицы с надписью *Sine Labe Concepta*. Не успел я принести ее в свое жилище, как она попала на глаза женщине, присматривавшей за домом. Ее сразу охватил трепет и восхищение, и я попытался объяснить ей суть содержимого тома. "Так Отец дал вам эту святую книгу!" - воскликнула она, - "и вы теперь святой человек! Я был поражен тем, как просто и легко, по ее мнению, святость может передаваться от одного человека или вещи к другому; и это всегда помогало мне осознать тот факт, что фольклористы не имеют повода выдумывать своих людей или преувеличивать детские черты их ума. Они все еще с нами, как настоящие мужчины и настоящие женщины, и когда-то весь мир принадлежал им; не говоря уже о том, что те, кого можно с натяжкой назвать их лидерами мысли, надеются в скором времени вернуть к жизни тех смельчаков, которые

пытаются разорвать узы, созданные для человечества в безвестности далекого прошлого. Я никогда не забуду, какое впечатление произвела на меня проповедь, которую я услышал несколько лет спустя в соборе Святого Стефана в Вене. Это великолепное здание в великом центре немецкой культуры было переполнено слушателями, которые, казалось, получили огромное удовольствие от услышанного, хотя главная идея, которую им предлагалось воспринять, не могла быть названа выше уровня философии каменного века.

1 The Oxford *Mabinogion*, p. 147; Guest's *Mabinogion*, ii. 398. ↑

2 Возможно, имеется в виду "голубой сланец или флагшток"; но до тех пор, пока место не определено, ничего нельзя сказать. Возможно, оно находилось в пиктском районе Галлоуэя или где-то за Фортом. Вопрос о том, было ли это то же место, что и *ŷech Gelydŷon* в Прайдине, упомянутое в *Boned y Saint*: см. "Мивийскую археологию", ii. 49. ↑

3 История о Кулхвхе и Олвен имеет другую легенду, в которой Ниньо и Пейбио превращены Всемогущим в двух быков по имени *Йхен Банна* (*Ychen Banna* □с): см. Oxford *Mabinogion*, p. 121, а также мою "Артурианскую легенду", p. 304, и замечания, которые последуют в этой главе относительно этих быков. ↑

4 Историю на валлийском языке см. в *Iolo MSS.*, pp. 193-4, где сноска сообщает читателю, что она была скопирована из книги "Iaso ab Dewi". Из рукописи своего отца Талиесин Уильямс напечатал выдержку на английском языке в примечаниях к поэме "Гибель Колины Долфина" (Лондон, 1837), с. 119-20, а перевод на немецкий язык можно найти в примечаниях к "*Historia Regum Britanniae*" Джеффри Монмутского, изданной Сан-Марте, с. 402-3. ↑

5 Oxford *Bruts*, p. 213: сравните p. 146, вместе с латинским языком Джеффри, vii. 3, x. 3. ↑

6 См. *Altenglische Bibliothek* Кельбинга, пятый том которого состоит из *Libeaus Desconus*, под редакцией Макса Калуцы (Лейпсик, 1890), строки 163, 591, и Введение, стр. sxxxiv. За то, что он обратил мое внимание на это, я должен поблагодарить моего друга, мистера Генри Брэдли. ↑

7 "*Morte Darthur*" Мэлори, i. 27: см. также i. 17-8, 28; ii. 6, 8-9. ↑

8 См. автотипное факсимиле Эванса, fo. 33^a: может быть, место, названное так (в валлийском тексте *argel Ardudwy*), находится где-то по соседству с *ŷyn Irdŷyn* (p. 148), районом, который, как говорят, богат остатками доисторической древности? Дж. Эванс, автор тома "*Красоты Англии и Уэльса*", посвященного Северному Уэльсу, после торопливого перечисления таких древностей говорит, стр. 909: "Пожалуй, ни в одной части Британии не сохранилось такого количества реликвий, относящихся к друидическим обрядам и обычаям, как в этом месте и прилегающих районах". ↑

9 Что касается *Puona*, см. Gaston Paris and Ulrich's *Merlin* (Paris, 1886), i. 202, 239-46. Читатель легко найдет и другие примеры, например, в *Domesday Roelend* или *Roelent* для *Rothelan*, в современном валлийском *Rhudlan*; но больше примеров такого разделения французскими и англо-норманнскими писцами гласных *đ* и *th* см. в *Notes and Queries* за Oct. 28, 1899, pp. 351-2, и Nov. 18, p. 415; также Visings's *Étude sur le Dialecte anglo-normand du xij^e Siècle* (Upsala, 1882), p. 88; и статью F. Hildebrand's on *Domesday*, в *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1884, p. 360. Согласно Сухье в "*Grundriss der rom. Philologie*", i. 581, этот процесс элизии стал

полным в двенадцатом веке: см. также Schwan's *Grammatik des Altfranzösischen* (Leipsic, 1888), p. 65. За большинство из этих ссылок я должен поблагодарить моего друга и соседа, мистера Стивенсона из Эксетер-колледжа. ↑

10 Она происходит из того же *wyd MS.*, который уже цитировался на стр. 233-4: см. *Cambrian Journal* за 1859 г., стр. 209-10. ↑

11 Я заметил на картах место под названием *Панилау*, которое находится ближе к Гвинайну, чем к Динасу. ↑

12 См. Morris' *Celtic Remains*, s. v. *Serigi*, и *Iolo MSS.*, p. 81. ↑

13 В *Iolo MSS.*, p. 81, есть Сириги Виджел сын Мврхана сына Эурнаха Хена. ↑

14 См. Триады, ii. 12, и *Мабиногион*, стр. 301: в Триадах, i. 72, iii. 86, вместо *Solor* мы имеем *Doler* и *Dolor*. ↑

15 См. Oxford *Mabinogion*, pp. 125-8. ↑

16 Автотипное факсимиле Эванса, fo. 48^a; см. также мое предисловие к "*Мэлори*" Дента, с. xxvii; также с. 457 выше. ↑

17 См. мои "*Лекции по валлийской филологии*", с. 377-9; а что касается традиции Каэр Гая, то *Arch. Camb.* за 1850 г., p. 204, и "*Кельтские остатки*" Морриса, p. 63. Что касается *anuwchyn*, то я могу добавить, что старейшие жители произносят это имя как *anuwyn*. ↑

18 Мне не удалось выяснить, что это место когда-либо исследовалось Кембрийской археологической ассоциацией или другими антикварами. Сравните случай с соседним городищем со следами медеплавильных заводов, упомянутых в примечании на с. 532 выше. Насколько мне известно, камбрийцам дважды не удавалось подойти к руинам ближе, чем на *anberis*, или, в крайнем случае, на *anberis Pass*, который по-валлийски называется *Pen Gorffwysfa* от более древнего названия *Gorffwysfa Beris*, "Место отдыха Периса": таким образом, мы лояльно следуем примеру покоя, поданному святым, и оставляем в покое археологию района. ↑

19 Этот вопрос подробно обсуждался г-ном Джейкобсом в примечании к легенде в его "*Кельтских сказках*", стр. 259-64; и совсем недавно г-ном Д. Э. Дженкинсом в его "*Bed Gelert*" (*Portmadoc*, 1899), стр. 56-74. ↑

20 Профессор Дж. Моррис Джонс, которому я обязан сведениями, связанными с этими именами, сообщил мне, что местное произношение - *Drónwy*; но миссис Рис помнит, что много лет назад в Амлвхе оно всегда звучало как *Darónwy*. Профессор также говорит мне, что *Дерног* никогда не превращался в *Дырног*: *Кувг* из *Записи*, несомненно, должен быть исправлен на *Кнвг*, а также, вероятно, *Дорнок* на *Дернок*, что соответствует чтению на полях. *Cornewe* - это, несомненно, название района, которое мы сохранили в *anfair y'Nghornwy*, "Святая Мария в Корнуолле": мельница, как предполагается, принадлежит Бодронину. ↑

21 В *Knure* *an Dáv* есть старая форма *Cinust* для более раннего *Cingust* или *Congust*. Ранний бриттский именительный падеж, должно быть, был *Cunogústu-s*, а ранний гойдельский *Cúnagusu-s*, и из разницы в ударении происходит *o* в *Conghus*, *Connws*, и *u* в валлийском *Cynwst*: Сравните ирландское *Fergus* и валлийское *Gurgúst*, позже *Gurúst* (один слог), отсюда *Grwst*, наконец, ударение *rwst* в *anrwst*, название небольшого городка на реке Конви. Более

того, ударение *Cúnogusi* является причиной того, что оно не было написано *Cunogussi*: сравните *Bárrivendi* и *Véndubari* в одной и той же надписи из Кармартеншира. ↑

22 Например, холдинг под названием *Wele Daid ap Gwelsantfrait*, последняя часть которого неправильно написана или ошибочно прочитана как *Gwas Sant Freit*, что является переводом на валлийский язык самого гойдельского имени *Mael-Brigte*, "Слуга Святой Бриджит". Это *Веле*, а также *Веле Конус* и *Веле Мор* содержатся в "Изложении", которое в тексте маргинально озаглавлено "*Darronwy cum Hameletta de Kuwghdernok*". ↑

23 Приводится в триаде i. 49 = ii. 40; в связи с этим следует отметить, что имя *Catwa*□*awn* в i и ii, но *Caswa*□*awn* в iii. 27, как в Оксфордском *Мабиногуоне*. ↑

24 Serrigi, Serigi или Syrigi выглядит как латинский генитив, вырванный из контекста, но полученный в крайнем случае от норвежского имени *Sigtrygg-r*, которое Четыре Мастера передают как *Sitriucc* или *Sitriug*: см. их записи с 891 по 1091 год. Скандинавы из Дублина и его окрестностей были выходцами с берегов Северного Уэльса; возможно, мы имеем следы их пребывания в *Gau*□*Seirith*, "владениях Сейрита", в *Записях Карнарвона*, стр. 63, где это место представлено как находящееся в поместье *Semmaes*, на острове Англси. Имя Сейрит, вероятно, было записано Четырьмя Мастерами как *Sichfraith Sichraidh* (также *Serridh*, A. D. 971), то есть норвежское *Sigræd-r* до того, как оно утратило *f*, сохранившееся в его немецком эквиваленте *Siegfried*. Похоже, что позже мы обнаруживаем *Seÿrit* как *Сери* в географических названиях на острове Англси - например, в названии ферм *Сери Фавр* и *Сери Бах* между □*andrygarn* и □*annerch* у *Með*, а также в *Пен Сери*, "холм Сери", в Брин Ду, недалеко от станции Тай Кроес, и в другом *Пен Сери* на острове Холихед, между Холихедом и □*ain Goch*, на пути к Южному Стеку. Наконец, Дагдейл в ст. 672^b упоминает *Клауд Сери*, "дамбу или канаву Сери", которая находится где-то поблизости от □*anwnda*, в Карнарвоншире - возможно, недалеко от Гвирфая и места, где, согласно *MSS Иоло* (стр. 81-2), Серриги был отбит Касвахоном и изгнан обратно на Англси, прежде чем его разбили в Серриг-и-Гвиджил. Читатель, однако, должен быть предупрежден, что современное *Seri* иногда произносится как *Sjeri* или *Sheri*, что предполагает возможность того, что в некоторых случаях речь идет скорее о форме английского слова *sheriff*. ↑

25 См. мои "*Лекции Хибберта*", с. 546-8. ↑

26 С крайним югом княжества дело обстоит примерно так же; надписи в Гламоргане, похоже, доносят последние отголоски гойдельской речи до седьмого века: см. *Archæologia Cambrensis* за 1899 г., pp. 160-6. ↑

27 См. отчет Эванса о *MSS. на валлийском языке*, стр. 837, где валлийский язык цитируется по стр. 131 Peniarth MS. 134. ↑

28 См. мою "*Артуруанскую легенду*", с. 70. ↑

29 См. *Revue Celtique*, ii. 197-9, где д-р Стоукс опубликовал оригинал с переводом и примечаниями; также стр. 435 выше. ↑

30 Джентльмены, которым я в основном обязан за информацию, воплощенную в вышеприведенных заметках, следующие четверо: преподобный Джон Джонс из Истад-Меуриг, профессор Роберт Уильямс из колледжа Св. Дэвида, викарий из Брефи, мистер Дж. Х. Дэвис из Кврт-Мора и Линкольнс-Инн (стр. 354); а что касается истории о "диком скоте" из Истад-Меурига, то для меня авторитетом является мистер Дж. Э. Роджерс из Абер-Меурига.

↑

31 Так мне рассказывала много лет назад одна старушка из Кангейто, и так же, по воспоминаниям мистера Дж. Г. Эванса, рассказывала его мать; но теперь это переделано в *an Dewi Brefi braith*, причем мутации игнорируются. ↑

32 См. *Archæologia Cambrensis* за 1868 г., р. 88. ↑

33 См. *ib.* р. 87. Я выяснил личность нынешнего владельца рога по самым достоверным сведениям, хотя мне не удалось получить от него никакого ответа на мои запросы. Я пришел к выводу, что с почтовой службой в моем родном округе что-то не так. ↑

34 В книге Сильвана Эванса "*Гейриаду*" собраны вместе несколько отрывков, относящихся к слову *bannog*. Он дает значение слова как "высокий, возвышенный, выдающийся, заметный". Слово происходит от *ban*, "вершина или пик", множественное число *bannau*, столь часто встречающееся в названиях холмов и гор в Южном Уэльсе - например, у *Fan* в Кармартеншире, *Bannwchdeni* (р. 22) в Бреконшире, *Pen y Bannau* около Pont Rhyd Fendigaid в Кардиганшире, *Bannau Brycheiniog* и *Bannau Sir Gaer*, горы, называемые по-английски Биконами в Бреконшире и Кармартеншире соответственно. В Северном Уэльсе мы имеем его, возможно, в соединении *Tryfan*, которое картографы хотят, чтобы мы называли *Tryfaen*; и соответствующее слово в шотландском гэльском языке появляется в таких названиях, как *Ben Nevis* и т.п., а в ирландском языке слово *benn* означает рог или пик. Тем не менее, я вовсе не уверен, что *Ychen Bannog* означало рогатых волов или даже высоких и заметных волов; ведь есть валлийское слово *tan*, означающее пятно или метку (латинское *tenda*), а прилагательное *tannewc*, *tannog*, "пятнистый, отмеченный, разноцветный". Теперь при мягкой мутации все четыре слова - *ban*, *bannog* и *tan*, *tannog* - будут начинаться с *f* = *v*, что может способствовать путанице между ними. Это можно проиллюстрировать примером из книги Уильямса "*Сейнт Греал*" (стр. 88-92), где Гвалчмаю снится сон, в котором он видит 150 быков с пятнами или пятнами цвета на них, кроме трех, которые были "без единого пятна в мире" (*heb gw van* или *byt*), или, как это также выражается, "без пятен" (*heb van*). Это слово *van*, применяемое к цвету быков, происходит от радикальной формы *tann*; а прилагательное *tannewc* или *tannog* означает "пятнистый", "разноцветный" или "с пятнами цвета". Волы валлийских легенд также иногда называются *Ychen Mannog* (стр. 131-2), и вполне возможно, что, как бы ни был написан этот термин, он должен быть истолкован как пятнистые, меченые или разноцветные волы. Я также допускаю, что *an Dewi Frefi fraith* подразумевалось как синоним *an Dewi Frefi fannog*, что не соответствовало рифме. Наконец, использование в Дайфеде поговорки *Fel dau uch bannog*, "Как два вола Баннога", в смысле "равные и неразлучные товарищи" (как в *Гейриаду*), звучит как антитеза отрывку из Кулхвча (*Mabinogion*, р. 121). Ибо там есть слова следующего содержания: "Хотя ты должен получить это, есть кое-что, чего ты не получишь, а именно двух волов Баннога, одного по ту сторону горы Банног, а другого по эту, и свести их вместе, чтобы они тянули один и тот же плуг. Это Ниньо и Пейбио, которых Бог превратил в волов за их грехи". Здесь речь идет не о том, чтобы разделить их, а о том, чтобы свести их вместе, чтобы они работали под одним ярмом. Это более соответствует истории о безумной ссоре между двумя братьями-царями, носящими эти имена, о которой говорилось выше. ↑

35 См. *Revue Celtique*, iii. 310, после Gruter, 570, 6. ↑

36 Важную статью о *Тарвосе Тригаранусе*, написанную месье Саломоном Рейнахом, можно найти в *Revue Celtique*, xviii. 253-66; замечательные уравнения месье д'А. де Жубенвиля можно прочитать в том же периодическом издании, xix. 245-50: см. также xx. 374 - 5. ↑

37 Это, как нам говорят, был камень с углублением, которым колотили кукурузу, чтобы отделить шелуху от зерна; такой камень раньше стоял возле двери каждого фермерского дома в Шотландии. ↑

38 Редактор поясняет в примечании, что "так говорили раньше, когда люди сожалели о пустяках". ↑

39 Я слышал о подобном поверье в Уэльсе в конце шестидесятых годов; но предполагалось, что это присутствие ведьмы, а не феи. ↑

40 Слово *twt*, "опрятный", - это еще одна лексика, которая попала в Уэльс из западных графств Англии; И хотя его значение более универсально - "опрятный или опрятный", термин *gwas twt*, который в Северном Кардиганшире означает юношу, готового бегать по всяким поручениям, похоже, приводит нас к более раннему значению французского *tout* - как будто *gwas twt* можно перевести как "*garçon à tout*" - которое сохранилось как *tote* в графствах Глостер и Херефорд, как мне сообщил профессор Райт. Возможно, однако, что лучше связать *twt* с морским английским словом *taut*; но нам нужно больше света. В любом случае можно рискнуть сказать, что разговорный валлийский язык изобилует словами, происхождение которых следует искать за пределами княжества. ↑

41 См. *Folk-Lore* за 1889 г., с. 144-52. ↑

42 Ibid. за 1891 г., р. 246, где можно найти эту рифму в заметке, которую Кёлер сделал бесполезной из-за ложной ссылки; см. также тот же том, р. 132, где мистер Кирби приводит больше строк этой рифмы. ↑

43 См. "Избранные заметки" из "*Notes and Queries*", р. 35. ↑

44 Ряд поучительных примеров можно найти у мистера Клодда в его книге "*Tom Tum Tom*", стр. 80-105, где он упоминает и обсуждает их в своей привычной и доходчивой манере. ↑

45 Уэльское написание - *saws rob*, "печеный (или жареный) сыр"; так называется сыр в некоторых районах Южного Уэльса, например, в Кармартеншире, тогда как в Северном Уэльсе - *saws robi*. Англичанам он больше известен как "валлийский кролик", которого высшие чины, "правлящие жарким" на наших кухнях, предпочитают превращать в *редбит*: как бы они поступили с "шотландским вальдшнепом" и "оксфордским зайцем", я не знаю. Мне следовало бы упомянуть, что экземпляры "*Сотни Мери Талис*" крайне скудны, и что приведенное выше, семьдесят шестое в сборнике, было скопировано из *Cymmrodor*, iii. 115-6, где мы имеем следующее остроумное примечание: "*Cause bob*e, как можно заметить, это перевод фразы *Saws wedi ei bobi*, сделанный святым Петром. Глава апостолов, очевидно, владел лишь довольно несовершенным валлийским языком, чему не приходится удивляться, поскольку мы знаем, что даже его иврит далеко не всегда удовлетворял столичных священников". Из этих слов можно сделать вывод, что святой Петр, похоже, знал валлийский язык гораздо лучше, чем автор этой заметки, и что он приобрел его у уроженцев Южного Уэльса, возможно, в окрестностях Кидвелли. Я должен поблагодарить моего друга мистера Джеймса Коттона за версию истории о сыре, хранящуюся в Бодлианской библиотеке, а именно в *Malone MS. 19* (р. 144), где некий мастер из Винчестерской школы переложил ее на элегические обороты, которые заставляют святого Петра кричать с желаемым эффектом: *Tostus io Walli, tostus modo caseus*. ↑

46 См. "Избранные заметки" из "*Notes and Queries*", pp. 117-8. ↑

47 Например, когда Кухуленн уснул под воздействием музыки фей, Фергюс предупредил своих друзей, чтобы его не беспокоили, так как ему кажется, что он спит и видит видение: см. Windisch's *Irische Texte*, p. 208; также *Revue Celtique*, v. 231. Параллели с двумя историями, приведенными в этом параграфе, см. в первой главе "Анимизма" Тайлора в его "*Первобытной культуре*", и особенно в легенде о короле Гунтраме, i. 442. ↑

ГЛАВА XI

Философия фольклора

Искать последовательность в варварской философии - значит лишать себя возможности понять ее, а ее теории, нацеленные на симметрию, сами себя осуждают. И все же эта философия в своих собственных неровных границах не работает нелогично - Эдвард Клодд.

Следует помнить, что в предыдущей главе, стр. 602, приводилась история, в которой душа была представлена в виде маленького существа, несколько напоминающего обезьянку; и читателю, вероятно, бросилось в глаза, насколько близко это подходит к распространенной в средневековой теологии и христианском искусстве идее, в которой душа изображалась в виде пигмея или уменьшенного человеческого существа. Я возвращаюсь к этому, чтобы отметить, что христианская фантазия, возможно, породила форму души, представленную в валлийской истории, которую я слышал в Кардиганшире, а профессор Сайс - в Монмутшире; но это вряд ли можно считать касающимся другой кардиганширской истории, в которой душа уподобляется *madfa* или ящерице. Более того, я хотел бы отметить, что на веру, несовместимую с обоими видами историй, наводит одно из употреблений валлийского слова, обозначающего душу, а именно *enaid*. Я слышал, как мой отец, уроженец окрестностей Эглвис Фах, расположенных недалеко от устья реки Дифи, использовал это слово для обозначения какой-то части внутренностей гуся, но я забыл, о какой именно части шла речь. Однако профессор Анвил из Аберистуита прислал мне следующее сообщение на эту тему: "Я хорошо знаком с выражением *yr enaid*, "душа", применительно к мягкой мякоти, прилипшей к ребрам внутри гуся. Мякоть, о которой идет речь, имеет примерно такой же вид и структуру, как печень. Я не помню, чтобы когда-нибудь слышал, чтобы термин *yr enaid* использовался в отношении какой-либо другой птицы, кроме гуся; но это может быть простой случайностью, поскольку сейчас никто не использует этот термин, разве что упоминает его как интересный курьез". Такое применение слова *enaid* напоминает использование английского слова "душа" таким же образом и указывает на очень грубое представление о душе как о материальной и составляющей лишь внутреннюю часть тела: оно находится на низком уровне представлений английского язычника XVII века, который считал, что его душа - это "большая кость в его теле¹". Однако, возможно, оно не так глупо, как кажется на первый взгляд; оно напоминает магометанскую веру в то, что *os socsygis* формируется первым в человеческом теле, и что он останется неповрежденным до последнего дня как семя, из которого все обновится в *воскресении*².

По дикарской теории, согласно которой душа - это материальный организм внутри более крупного организма, или по еще более низкой, согласно которой она является внутренней частью самого крупного организма, идея смерти, естественно, была бы примерно такой же, а именно, что это то, что происходит, когда тело и душа окончательно разрываются. Я обращаю на это внимание потому, что в валлийской литературе мы находим следы совершенно иного представления о смерти, которое теперь следует кратко объяснить. В "*Мабиноги*" Мата аб Матонви рассказывается о том, как Мат и Гвидион сделали из разных

цветов прекраснейшую женщину, которую называли *Блодеувед3*, то есть *ἀνθώδης*, или цветоподобная, и отдала в жены *□ew □awgyffes*; как она, словно в доказательство того, какими искусными художниками они были, сразу же повела себя как женщина обычного происхождения, влюбившись в другого человека по имени Гронв Пебыр из Пена; и как она замышляла с Гронвом, как легче всего умертвить своего мужа. Притворившись, что ее очень волнует благополучие Гевы и она очень хочет принять меры против его смерти (*angheu*), она сумела узнать у него, каким способом можно убить его (*□ad*). Он ответил: "Если только Бог не убьет меня... меня нелегко убить"; и далее он описал странное положение, в котором его можно убить, а именно в определенной позе, когда он одевается после купания: тогда, сказал он, если в него бросить копье, то он умрет (*angheu*), но это копье должно было готовиться целый год, в час, когда только в воскресенье совершалось жертвоприношение. Блодуэд возблагодарила небеса, сказав, что всего этого можно легко избежать. Но все же любопытство ее не было удовлетворено, и однажды она уговорила Хью пойти в баню и показать, что именно он имел в виду. Конечно же, наготове у нее был Гронв со своим заколдованным копьем, и в нужный момент, когда *□ew* одевался после бани, жених метнул в него копье. Он попал ему в бок, так что головка копья осталась в *□ew*, а древко отвалилось: *□ew* улетел в виде орла, издав неземной крик. Больше его не видели, пока Гвидион, искавший его по всему Поуису и Гвинедду, не пришел в Арфон, где однажды он пошел по следу таинственной свиноматки, пока животное не остановилось под дубом в Нанте. Там Гвидион обнаружил свиноматку, пожирающую гнилую плоть и личинки, которые падали с орла всякий раз, когда птица качалась на вершине дерева. Он заподозрил, что это *□ew*, и, спев для него три энглина, орел спускался все ниже и ниже, пока наконец не опустился на колени Гвидиона. Тогда Гвидион ударил его своим жезлом, так что он принял свой собственный облик *□ew □awgyffes*, и, как нам говорят, никто никогда не видел человека более жалкого вида: от него остались лишь кожа да кости. Но в Гвинедде была оказана лучшая медицинская помощь, и к концу года он снова поправился.

Здесь следует заметить, что, хотя смертельное ранение *□ew*, во всяком случае, видимое, означает его превращение в орла, оно трактуется как его смерть. Когда "*Мабиногион*" редактировался в нынешнем виде в более поздней атмосфере, подобная фразеология не была естественной для редактора, и он показывает это, когда рассказывает о том, как Гвидион наказал Блодуэд, следующим образом:- Гвидион, настигнув ее в бегстве, говорит: "Я не убью тебя (*Ny ladaf i di*): Я сделаю то, что хуже для тебя, - отпущу тебя в виде птицы". Он отпустил ее в облике совы. По аналогии с другой частью истории это означало, что он убил ее: это была ее смерть, и слова "я не убью тебя", видимо, не должны рассматриваться как относящиеся к оригинальной истории. Если вернуться к орлу, то в более поздней валлийской литературе, повторяя, вероятно, древнее представление, говорится о племяннике Артура по имени Элиулд, который явился Артуру в виде орла, сидящего, как и он, среди ветвей дуба. Он претендует на знакомство и родство с Артуром, но вынужден объяснить ему, что тот умер: между ними происходит *диалог4*, в ходе которого орел дает Артуру несколько серьезных христианских советов. Но мы имеем в этой идее, несомненно, то происхождение, к которому можно было бы отнести пророчествующего орла, о котором не раз упоминает Джеффри: см. его *Historia*, ii. 9 и xii. 185. К этим случаям превращения можно добавить распространенное в Корнуолле почти до наших дней поверье, что сам Артур, вместо того чтобы умереть, был просто превращен магией в ворона, в форме которого он до сих пор ходит по улицам; так что корнуоллец не станет стрелять в *ворона6*. Такого рода превращения не следует отделять от примеров, приводимых ирландской литературой, таких как история Туана мак Кайриллы, описанная в *Книге Коровьего Дуна*, fo. 15^a-16^b. Туан рассказывает святому Финнену из Мабила в шестом веке раннюю историю Ирландии со времен Партолана до наших дней, что он смог сделать, потому что пережил все это, переходя из одной формы в другую без потери

памяти. Сначала он был мужчиной, а когда наступила старость, превратился в лесного оленя. Некоторое время он был молод и бодр, но старость снова настигала его, и он превращался в кабана. Когда старость и дряхлость одолели его в очередной раз, он обновился в виде мощной птицы, называемой в оригинале *seig*. Следующее обновление было в виде лосося: здесь рукопись нас подводит. Форму лосося приняла и женщина Либан, когда ее захлестнул потоп, превратившийся в водоем, известный как Lough Neagh: ее служанка в то же время стала выдрой (fo. 40^b). Существовало древнее поверье, что душа покидает тело подобно птице, вылетающей изо рта умирающего мужчины или женщины, и можно сказать, что это приближается к излюбленному кельтскому представлению, иллюстрируемому приведенными здесь превращениями, к которым можно добавить случай с Детьми Лира, стр. 93, 549, превращенными взмахом палочки их злой мачехи в лебедей на Лаф Эрн. С течением веков эта история трансформировалась в веру в то, что лебеди, преследующие эту прекрасную воду в любое время года, - это души святых женщин, ставших жертвами неоднократных визитов язычников-норманнов, когда Ирландия находилась в их жестокой *власти*⁷. Христианская форма, которую придал легенде ирландский крестьянин, не затрагивает ее актуальности. Пожалуй, можно рискнуть сделать обобщение, что на этих островах считалось, что великие мужчины и женщины продолжают свое существование в виде орлов, ястребов или воронов, лебедей или сов. Но что же стало с душами неясного большинства людей? Для ответа на этот вопрос, пожалуй, можно вспомнить только бабочку Психею, которую можно проиллюстрировать тем, что в корнуольской традиции термин "писки" применяется как к феям, так и к мотылькам, которых в Корнуолле многие считают ушедшими *душами*⁸. Так и в Ирландии: некий преподобный джентльмен по имени Джозеф Фергюсон, написавший в 1810 году статистический отчет о приходе Баллимойер в графстве Арма, утверждает, что однажды девочка, гонявшаяся за бабочкой, была укоряема своими спутниками, которые сказали ей: "Это может быть душа твоей *бабушки*"⁹. Эта идея, чтобы выжить, модифицировалась в менее предосудительное языческое поверье, согласно которому бабочка, парящая возле трупа, является знаком его вечного счастья.

Смена форм иногда осложняется тем, что происходит по линии перерождения: в качестве примера можно привести Луга, переродившегося в *Кухулайнна*¹⁰, и неоднократные рождения Этайна. В случае с Кухулайном это стало возможным, например, благодаря тому, что Луг принял форму насекомого, которое было невольно проглочено Дехтере, ставшей таким образом матерью Кухулайнна; то же самое можно сказать и об *Этайне*¹¹ и ее последней записанной матери, королеве Этар, королеве Эохрайде. На валлийской земле мы имеем сочетание трансформации и возрождения в истории Гвиона Баха в рассказе о Талиессине. Гвион был на службе у ведьмы Серидвен; но, узнав слишком много о ее искусствах, он стал объектом ее постоянной ненависти; в "*Мабиногионе*" леди Шарлотты Гост, iii. 358-9 этот случай переведен следующим образом: "И она пошла за ним, бегом. И увидел он ее, и превратился в зайца, и убежал. Но она превратилась в борзую и повернула его. И побежал он к реке, и стал рыбой. И она в облике выдры-суки преследовала его под водой, пока он не захотел превратиться в воздушную птицу. Тогда она, в образе ястреба, последовала за ним и не давала ему покоя в небе. И вот, когда она уже собиралась наброситься на него, а он боялся смерти, он увидел на полу амбара кучу просеянной пшеницы, опустился среди пшеницы и превратился в одно из зерен. Тогда она превратилась в черную курицу с высоким гребнем, подошла к пшенице, почесала ее лапками, нашла его и проглотила. И, как гласит история, она вынашивала его девять месяцев, а когда родила, то не нашла в своем сердце убить его из-за его красоты. Поэтому она завернула его в кожаный мешок и бросила в море на милость Божью в двадцать девятый день апреля. А в то время

плотина Гвидно находилась на берегу между Диви и Аберистуитом, неподалеку от его собственного замка, и каждый майский канун в этой плотине вылавливали сто фунтов стерлингов". Далее рассказывается о том, как сын Гвидно, Эльфин, нашел в плотине кожаный мешок с младенцем, который вырос и стал бардом Талиессином. Но манускрипт XIV века, названный именем Талиессина, изобилует подобными превращениями, за исключением того, что они ни в коем случае не ограничиваются животным и растительным царствами. На днях я услышал забавное предположение о метемпсихозе: рассказывается об одном ученом немце, который сидел за столом, скажем, в оксфордском отеле, и перед ним была большая часть его обеда. Однако, будучи человеком дальновидным и желая приучить себя к прекрасному английскому, он не стал сдерживать себя угрызениями совести по поводу возможного несоответствия между такими словами, как *bekommen* и *become*. Поэтому, к всеобщему изумлению, он серьезно обратился к официанту: "Hereafter I wish to become a Velsh rabbit. Это прекрасно подошло бы автору некоторых стихотворений в *"Книге Талиессина"*, где рассказывается об изменении барда. Из них следует, что превращение может происходить во что угодно, что человеческий разум может каким-либо образом индивидуализировать. Так, Талиессин утверждает, что в то или иное время он был не только оленем или лососем, но и топором, мечом и даже книгой в руках священника или написанным словом. В целом, однако, наибольший интерес здесь представляет его история как кукурузного зерна, поскольку она отличается от только что приведенной: [отрывок12](#) досадно неясен, но я понимаю его так, что зерно было должным образом посеяно на холме, что его собрали и, наконец, принесли на очаг, где колосья кукурузы были очищены от зерен древним способом ловкого поднесения к ним [огня13](#). Но во время освещения зерно, которое было Талиессином, выпав из рук оператора, было быстро принято и проглочено враждебной курицей, в чьих внутренностях оно оставалось девять ночей; но хотя это, казалось бы, делает мать Талиессина птицей, он говорит о себе, не упоминая никаких промежуточных превращений, как о *гвасе* или молодом человеке. Такое происхождение, возможно, не должно было быть иным, кроме как непостижимым. Наконец, что касается перерождения, я могу сказать, что меня часто поражало, что валлийская привычка, особенно распространенная в Карнарвоншире и Англси, когда одного ребенка в семье называют, частично или полностью, в честь дедушки или бабушки, должна рассматриваться как след выживания с ранних времен веры в такой атавизм, как было предложено [выше14](#).

Вера в трансформацию или трансмиграцию, как уже говорилось, должна была подвергнуться различным изменениям, и два из них, по крайней мере, заслуживают внимания. Сначала можно упомянуть одно, которое тесно связано с друидом или магом: он мастер своих превращений, как в случае с Серидвен и Гвионом, поскольку он приобрел свою магию, попробовав содержимое Котелка Наук Серидвен, и он сохранял свою память непрерывно во время своих превращений, что лучше всего иллюстрирует, возможно, случай Туана мак Кейрилла. Следующим шагом для него было осознание своих изменений не как дел прошлого, а как настоящего и возможного; фактически, он мог претендовать на то, чтобы быть кем угодно или чем угодно в любой момент. В качестве примера можно привести Амаиргена, провидца и судью милезийцев, или сыновей Мила, в истории о завоевании ими Ирландии, рассказанной в *Книге Лейнстера*, fo. 12^b. Когда он впервые ступил правой ногой на землю Эрина, он поет песню, в которой говорит, что он - кабан, бык и лосось, а также другие вещи, такие как морской бриз, накатывающаяся волна, рев бурунов и озеро на равнине. Он также не забывает претендовать на мудрость и науку, превосходящие других людей, и намекать, что он - божество, дающее им знание и разум. Сходство между этим отрывком и другими в *"Книге Талессина"* привлекло внимание ученых: см. *"Ирландский мифологический цикл"* М. д'Арбуа де Жубенвиля, стр. 242 и далее. В целом Талиессин больше всего радуется той части картины, которая посвящена его знаниям и науке: он прошел через

столько сцен и изменений, что был очевидцем всевозможных событий в кельтской истории. Так, он был с Браном в его походе в Ирландию и видел, как Мордвит Тифон был убит во время великой резни в Павильоне мешков с едой. Однако это еще не все; он представляет себя еще и как [sywedyd15](#), "ватес или пророк, астролог и астроном", мудрец, который хвастается своими знаниями о физическом мире и предлагает вопросы, на которые он бросает вызов своим соперникам, чтобы те ответили на них о земле и море, дне и ночи, солнце и луне. Он не только Талиессин, но и Гвион, и, следовательно, его магические способности являются производными. Если он и считает кого-то равным себе или выше себя, то это, по-видимому, Талхайарн, которому он приписывает величайшую науку. Обычно валлийские писатели считают Талхайарна только великим бардом, но именно его наукой и мудростью восхищается [Талессин16](#), из чего, несомненно, следует, что Талхайарн, как и Талессин, был великим магом. И по сей день валлийские барды и бардизм не вполне отделены от магии, поскольку их покровительницей считается ведьма Серидвен.

М. д'Арбуа де Жубенвиль характеризует хвастовство Амаиргена как своего рода пантеизм и обнаруживает следы той же доктрины, в частности, в учении ирландца, известного как Скотус Эригена, при дворе Карла Лысого в девятом веке: см. *Cycle mythologique*, p. 248. В любом случае, такие высказывания, как у Амаиргена, позволяют понять обвинение, записанное в *Senchus Mór*, i. 23, в адрес ирландских друидов или магов своего времени неким Коннла Каинбхретахом, одним из выдающихся судей Эрина, который, по предположению О'Карри, - на каком основании, я не знаю - жил в первом веке нашей эры. Там приводится следующее утверждение: "После нее пришел Коннла Каинбхретах, главный врач Коннаута; он превосходил людей Эрина в мудрости, ибо был исполнен благодати Святого Духа; он спорил с друидами, которые говорили, что это они создали небо и землю, и море, и т. д., и солнце, и луну, и т. д.". Этот взгляд на притязания друидов подтверждается тем фактом, что магия, особенно способность изменять форму по своему желанию, считалась силой *par excellence*[17](#), а также старой формулой пожелания добра, которая гласила: *Bendacht dee ocus andee fort*, "благословение богов и не-богов на тебя!". Термин "боги" в этом контексте объясняется как означающий [власть18](#), а термин "не-боги" - фермеров или тех, кто связан с землей, вероятно, всех тех, чья жизнь напрямую зависела от земледелия и возделывания земли, в отличие от профессиональных людей, таких как друиды и кузнецы. Это можно проиллюстрировать отрывком из рассказа о второй битве при Мойтуре, опубликованного Стоуксом с переводом в *Revue Celtique*, xii. 52-130. См. особенно с. 74-6, где Луг предлагает свои услуги королю Нуаде из Серебряной Руки. Среди прочих достоинств, которыми обладал Луг, он назвал то, что он был колдуном, на что носильщик сразу же ответил: "Ты нам не нужен; у нас уже есть колдуны. Много у нас волшебников и могучих людей" - то есть тех из наших, кто обладает силой -*ar lucht cumachtai*. Волшебники (*druith*) и кумахты (*lucht cumachtai*), как отмечается, одинаково подходили под более общим названием колдунов (*corriginigh*).

Похоже, что можно встретить следы той же классификации сообщества на профессионалов и непрофессионалов, поскольку именно к этому приводит неясный валлийский термин *Teulu Oeth ac Anoeth*, который, как можно предположить, означал "хозяйство *Oeth* и *Anoeth*" в смысле "сила и [не-сила](#)"[19](#). Однако, как бы то ни было, профессиональный класс людей, к которым относились как к людям, наделенным властью и богам, похоже, добился своего положения благодаря магии, мастерами которой они себя объявляли, и особенно благодаря их предполагаемой способности изменять форму по своему желанию. Другими словами, друидический [пантеизм20](#), который Эригена сумел облачить в одежды вполне респектабельной философии, оказывается, по своему генезису был всего лишь в нескольких шагах от примитивного фольклора дикарей.

Ни в одной из этих историй об изменении формы и рождении заново нет никаких намеков на душу. Если вернуться, например, к *ſew ſawgyffes*, то очевидно, что орла нельзя считать его душой. Разложившееся состояние тела орла, похоже, подразумевает, что это было то же самое тело, что и у *ſew* в то время, когда он был ранен отравленным копьем Гронва: гноящаяся плоть орла выглядит так, как будто считается продолжением раны. Однако, прежде всего, следует отметить, что ни одна из рассматриваемых историй, будь то ирландская или валлийская, не содержит никаких намеков на то, что жизнь героя подходит к концу или каким-либо образом погибает; *ſew* продолжает жить, чтобы под взмахом палочки Гвидиона превратиться из орла в человека; а Туан мак Кайрилл продолжает существовать в различных формах до встречи со святым Финненом в шестом веке. Что касается Этейн, то в "*Книге коровы Дун*", ф. 129^a, что ее первое рождение и последующее разделены более чем тысячей лет. Таким образом, практически мы можем сказать, что эти истории подразумевают, что мужчины и женщины нетленны, что их существование не имеет обязательного конца. Подобное представление можно обнаружить и в словах Ев, когда он говорит: "Если Бог не убьет меня... меня нелегко убить". Ссылка на Всевышнего, вероятно, может рассматриваться как сравнительно поздняя интерполяция, обусловленная христианским учением. Аналогичный случай, по-видимому, встречается в стихотворении из *Черной книги Кармартена*, ф. 47^{(b)-8b}, где Артур громко воспеваает хвалу своему другу Каю. Куплет, о котором идет речь, звучит так: -

Ný bei duv ae digonhei.

Oet diheit aghev kei.

Если только не Бог это сделал,

Смерть Кая была трудноосуществима.

Однако я не уверен в этом значении, поскольку, помимо прочего, слово *diheit*, которое я склонен толковать как "труднодоступный" или "нелегко осуществимый", другие переводят *иначе*²¹. В любом случае, другой случай, кажется, подразумевает, что в свое время герои мира *ſew* не обязательно должны были умирать вообще; а когда это случалось, это, вероятно, рассматривалось, как и среди дикарей в наши дни, как результат, достигнутый с помощью магии. Любой читатель, которого может удивить такая грубость верований, найдет, что противопоставить и с чем сравнить в привычной доктрине, согласно которой, если бы не грехопадение Адама и Евы, мы бы никогда не слышали о смерти, будь то человек или животное. Но если он начнет задавать вопросы об экономике нашего мира в случае, если бы никто не умер, он должен быть удовлетворен тем, что ему ответят, что задавать подобные вопросы здесь не только бесполезно, но и неуместно.

Предположим, что в обществе, пронизанном грубыми представлениями, следы которых можно найти в "*Мабиногионе*" и других произведениях старой валлийской литературы, появился человек, склонный к философствованию и попыткам осмыслить происходящее: как бы он рассуждал? Кажется вероятным, что он стал бы утверждать, что под всеми изменениями должен быть какой-то постоянный субстрат. Если Туан, сказал бы он, переходил из одной формы в другую и помнил все, что пережил, значит, было что-то неизменное, иначе Туану пришел бы конец в самом начале истории, и более поздний индивид был бы вовсе не Туаном. Вероятно, то, что, согласно образу мышления нашего философа-фольклориста, оставалось на протяжении всех превращений, было материалом тела Туана, точно так же, как можно предположить, что тело *ſew* и тело орла, в которого он был превращен, рассматривались как одно и то же тело, трудившееся под смертельным воздействием раны, нанесенной *ſew* заколдованным копьем Гронва. Кроме того, мы уже

нашли основания считать существование души частью вероучения некоторых, во всяком случае, ранних жителей этой страны, хотя у нас нет возможности выяснить, какие именно атрибуты мог бы приписать ей наш философ, кроме, возможно, одного - продолжения существования. В таком случае он мог бы описать изменение формы Туана как вхождение души Туана в ряд различных тел. Нарисованный здесь философ довольно близко соответствует тому немногому, что известно о галльском друиде, каким его описывают античные [авторы22](#). Последние, похоже, сходились во мнении, что он верил в бессмертие души, а некоторые из них, похоже, считали его взгляды схожими со взглядами Пифагора и его школы. Поэтому, возможно, мы рискнем предположить, что друиды, как и Пифагор, верили в переселение душ, в том числе из человеческой в животную форму и наоборот. Если, за неимением прямого утверждения, приписать друидам последнюю форму этой веры, то идентичность их вероучения становится почти полной с вероучением нашего предполагаемого фольклорного философа. Когда-то я был склонен полагать, что друиды Галлии получили немаловажную часть своего учения из греческой философии через Массилию, но теперь я более склонен считать, что их доктрины были постепенно разработаны, как было предложено выше, из неизменных ресурсов того фольклора, в котором воспевались сцены изменения формы и возрождения. Возможно, доктрины Пифагора имели подобное происхождение и несколько параллельное развитие, или, скорее, орфические представления, которые предшествовали пифагорейству.

Но что касается Галлии в целом, то не следует полагать, что галльские друиды и все остальные галлы придерживались одного мнения по этим вопросам: у нас есть некоторые доказательства того, что это *не так*. Так, галлы в окрестностях [Массилии23](#), которые соглашались на обещание кредитора расплатиться на том свете, вряд ли могли предположить, что такой кредитор может быть в то время птицей или мотыльком. Если нам возразят, что трансформации, приведенные выше как бритонская и гойдельская, предполагались только в случае магов и других профессиональных или привилегированных лиц, и что нам не говорят, что должно было произойти в случае рядовых членов человечества, достаточно ответить, что мы также не знаем, что друиды Галлии считали судьбой простых людей в своих общинах. В этом направлении нельзя применить ни один рычаг, чтобы нарушить линии параллели.

В предыдущих главах, с. 45, 54, 61, 88, 97, 229, приводились примеры из валлийских источников, когда феи скрывали свои имена. Но Уэльс - не единственная кельтская земля, где мы находим следы такого обращения с именем: его можно обнаружить и на ирландской земле. Так, когда глашатай из вражеского лагеря приходит на переговоры с Кухулином и его возницей, последний, подойдя первым, называет себя "человеком того, кто там внизу", то есть Кухулином, на которого он указал; а когда глашатай подходит к самому Кухулину, он спрашивает его, чей он человек: Кухуленн называет себя "человеком Конхобара мак Нессы". Тогда герольд спрашивает, нет ли у него более точного обозначения, и Кухулайнн отвечает, что того, что он дал, будет [достаточно24](#): ни один из мужчин не называет своего имени. Таким образом, кельты обеих групп, бритоны и гойделлы, сходятся в том, что на том или ином этапе своей истории они прибегали к одному и тому же способу загадочного обращения с личными именами.

Изучение человека говорит нам, как уже отмечалось, что причина нежелания раскрывать свое имя была той же самой, что заставляет дикарей и некоторых людей, принадлежащих к нациям, находящимся выше дикарского состояния, беспокоиться о том, чтобы враг не смог завладеть чем-либо, связанным с их личностью, например, прядь волос, капля крови или что-то, тесно связанное с личностью, чтобы это не дало врагу власть над личностью в целом,

особенно если враг подозревается в том, что он обладает каким-либо умением в обращении с ужасами магии". Другими словами, антрополог сказал бы, что имя считалось отождествленным с человеком; и, сказав это, он в большинстве случаев чувствовал себя удовлетворенным тем, что окончательно разобрался с этим вопросом. Однако здесь он, возможно, ошибается; ведь когда он говорит, что имя, вероятно, рассматривалось как часть человека, это лишь заставляет задать вопрос: какая часть человека? Во всяком случае, я не вижу ничего неразумного в таком вопросе, хотя вполне готов сформулировать его иначе и спросить: есть ли какие-либо свидетельства, показывающие, с какой частью человека было связано его имя?

Что касается арийских народов, то, похоже, у нас есть ключ к ответу в интересной группе арийских слов, из которых я выбрал следующие: ирландское *ainm*, "имя", множественное число *anmann*; древневаллийское *anu*, теперь *enw*, также "имя"; древнеболгарское *ime*⁽ⁿ⁾ (для **jenmen*, **anman*); древнепрусское *emnes*, *emmens*, винительный *emnan*; и армянское *anwan* (для стебля **anman*) - все означают имя. К ним некоторые [ученые](#)²⁵ добавили бы, и, возможно, с полным правом, английское слово *name*, латинское *nomen*, санскритское *nāman* и греческое ὄνομα; но, поскольку некоторые другие находят затруднения в такой группировке этих слов, я воздерживаюсь от того, чтобы делать на них акцент. На самом деле у меня есть все основания быть удовлетворенным широким охватом арийского мира другими случаями, перечисленными как кельтские, прусские, болгарские и армянские.

Сходство между валлийским *enw*, "имя", и *enaid*, "душа", настолько велико, что я не могу не отнести эти два слова к одному и тому же происхождению, особенно когда вижу такое же или даже большее сходство, иллюстрируемое ирландскими словами *ainm*, "имя", и *anim*, "душа". Это сходство между ирландскими словами настолько пронизывает их склонение, что новичок часто впадает в ошибку, путая их в средневековых текстах. Возьмем, к примеру, родительный падеж единственного числа *anma*, который может означать либо *animæ*, либо *nominis*; именительный падеж множественного числа *anmand*, который может быть либо *animæ*, либо *nomina*; и родительный падеж *anmand*, либо *animarum*, либо *nominum*, поскольку дательный падеж *anmannaiþ* также может быть либо *animabus*, либо *nominibus*. На самом деле, на первый взгляд, можно предположить, что частичная дифференциация ирландских форм произошла только под влиянием латыни с ее отдельными формами *anima* и *nomen*. Это было бы слишком сильным преувеличением; но прямое учение кельтских вокабул заключается в том, что все они должны быть отнесены к одному и тому же происхождению арийского слова "дыхание или вдох", которое представлено такими словами, как латинское *anima*, валлийское *anadl*, "дыхание", и готское *anap*, "дуть или дышать", откуда происходит сложный претерит *uz-on*, дважды использованный Ульфилой в пятнадцатой главе Евангелия от Марка, чтобы передать его. Марка для передачи ἐξέπνευσε, "испустил дух".

Уроки, которые содержат сгруппированные здесь слова для изучающего человека, заключаются в том, что кельты и некоторые другие широко разделенные арийцы, если не сказать, что вся арийская семья, когда-то имели привычку тесно связывать душу и имя с дыханием жизни. Это доказательство удовлетворительно в той мере, в какой оно есть; но давайте немного углубимся в детали и посмотрим, насколько точно мы можем понять, к чему оно нас обязывает. Начиная с самого начала, мы можем исходить из аксиомы, что дыхание - это физическое действие, и что в умеренном поясе дыхание нередко заметно. Тогда можно сказать, что люди, создавшие слова - валлийское *enaid* (от более раннего *anatio-s*), "душа"; ирландское *anim* (от более раннего *animon*); латинское *anima*, также *animus*, "чувство, разум, душа"; и греческое ἄνεμος, "воздух, ветер" - должны были каким-то образом уподобить душу

дыханию, что, возможно, впервые навело на эту мысль. В любом случае они показали не только то, что они не рассматривали душу как кость или какую-либо твердую часть каркаса человека, или даже как манекен, живущий внутри него: на самом деле они сделали большой шаг вперед в направлении абстрактного понятия духа, в чем некоторым из них, возможно, помогла другая ассоциация идей, а именно та, на которую указывают слова о мертвых как о тенях или тенях, *umbræ*, *σκιά*. Аналогичным образом, слова, обозначающие "имя", доказывают, что некоторые древние арии должны были каким-то образом ассоциировать свое имя с дыханием жизни. С другой стороны, мы не находим ничего, что могло бы показать, что имя и душа напрямую сравнивались или ассоциировались друг с другом, в то время как ассоциация имени с дыханием представляет собой, вероятно, более ранний и грубый процесс, чем уподобление души дыханию и наречение ее соответствующим образом. Этому в некоторой степени способствует общая физиономия, так сказать, таких слов, как *enaid*, *anima*, в отличие от *enw*, *ainm*, *noten*, *name*. Если говорить относительно, то первые могут быть почти любой даты с точки зрения сравнительной поздности, в то время как вторые не могут, так как они принадлежат к малому склонению, которое не было принято пополнять свои ряды.

Каким же образом или в каком отношении ранний фольклор отождествлял имя с дыханием? Прежде чем рассчитывать на убедительный ответ на этот вопрос, необходимо изучить собирателя фольклора дикарей, а точнее, побудить его провести перекрестный допрос по этому вопросу. Например, у [сингальцев26](#), когда во время церемонии наречения имени отец произносит имя ребенка низким шепотом на ухо, называется ли это выдыханием имени? И называется ли имя, произнесенное шепотом, дыханием или выдыханием? В случае с дикарями, которые дают имена своим детям при рождении, выдвигается ли причина, что имя должно быть дано ребенку для того, чтобы он дышал, или, по крайней мере, для того, чтобы облегчить его дыхание? Такое представление об укреплении жизненной силы и безопасности ребенка вполне гармонировало бы с тем фактом, что, по словам г-на [Клодда27](#), "варварский, языческий и христианский фольклор полон примеров важности наречения имен и других церемоний рождения, в убеждении, что жизнь ребенка находится во власти злых духов, следящих за возможностью наложить на него заклинания, демонов, жаждущих обладать им, и фей, стремящихся украсть его и оставить на его месте "подменыша"". Предварительно, возможно, следует довольствоваться предположением о том, что ассоциация названия произошла с дыханием, считающимся сопровождением жизни. Если смотреть на это в таком смысле, то имя становится связанным с жизнью человека, а если говорить грубо, то с его личностью; интересно отметить, что в валлийской литературе можно обнаружить следы некоторой путаницы такого рода. Так, при крещении героя истории о Кулхвче и Олвен ему дали имя Кулхвч, что по-валлийски выражается как "принуждение или натравливание Кулхвча на него" (*gyrru kulh□ch arna□28*); Кулхвч, заметьте, а не имя Кулхвч. Аналогичным образом, когда Бран, накануне своего похода в Ирландию, оставил семь принцев, или рыцарей, как их еще называют, управлять своими владениями, мы имеем пример подобного рода. Стед или город был назван в честь семи рыцарей, и это место, которое сейчас известно как *Брин-и-Саут-Мархог*, "Холм семи рыцарей", недалеко от Гвиделверна, в Мерионетшире. Но в "*Мабиногу*" Бранвена есть формулировка о *acha□s hynny y dodet seith marcha□c ar y dref29*, означающая "по этой причине место называлось Семь Рыцарей", буквально "по этой причине один поставил на место Семь Рыцарей". В "*Мабиногу*не" Гостеса, iii. 116, это слово передано неверно, хотя и не совсем безосновательно - "по этой причине семь рыцарей были размещены в городе". Вполне вероятно, что автор историй, из которых взяты два вышеприведенных примера, а можно привести и другие, не столько стремился к двусмысленности, сколько придерживался старой формы выражения, которая с самого начала пренебрегала формальным различием

между именами и лицами или предметами, которые они, согласно современной фразеологии, должны были *представлять*³⁰.

Уже упоминался случай, когда имя человека было наложено на него или установлено на нем, или, скорее, навязано ему: во всяком случае, его имя находится *на* нем и в валлийском, и в ирландском языках, и в последнем языке о нем также говорят как *cleaving or adhering to him*. Ни в одном из языков имя, как бы тесно оно ни отождествлялось с ним, не рассматривается как неотъемлемая часть его самого или как нечто, что он сам себе обеспечил. В неокельтских языках, валлийском и ирландском, все вещи, которыми владеет человек, и все вещи, за которые он получает похвалу, находятся *при* нем или *от* него; но все вещи, которые он не может не иметь, будь то похвальные или позорные, если они рассматриваются как пришедшие извне, находятся *при* нем, а не с ним. Так, если он богат, то деньги находятся при нем; если же он в долгу и должен деньги, то деньги находятся при нем. Точно так же, если он радуется, то радость с ним; если же он стыдится или боится, то стыд или страх - на нем. Это далеко идущее различие, имеющее огромное значение в кельтской фразеологии, и если судить по этому критерию, то имя - это нечто извне человека, то, что он не может поставить себе в заслугу, что приобрел по своему прямому желанию или действию. Это следует иметь в виду, когда говорят о том, что имя отождествляется или тесно связано с жизнью и личностью человека. Но это квалифицированное отождествление имени с человеком также можно вывести из фольклора дикарей; ведь многие, возможно, большинство народов, которые дают имена своим детям при рождении, меняют их, когда дети вырастают. Это делается, когда мальчик должен быть посвящен в тайны своего племени или гильдии, или же когда он достиг каких-то выдающихся успехов на войне. В большинстве случаев это предполагает серьезную церемонию и вмешательство мудреца, будь то знахарь дикарской системы или жрец высшей *религии*³¹. В древнем Уэльсе из "*Мабиногиона*" и в языческой Ирландии имянаречение совершалось, при соблюдении определенных условий, по желанию и инициативе друида, который одновременно был наставником и учителем юноши, подлежащего *переименованию*³². Здесь я могу позволить себе обратить внимание на два следующих факта: друид, напоминающий мага Египта Пятикнижия и шамана монгольского мира нашего времени, представлял профессию, вероятно, не кельтского происхождения. Далее, его метод выбора имен из происшествий был явно несовместим с известной арийской системой номенклатуры с помощью соединений, о чем свидетельствуют летописи большинства народов арийской языковой семьи: такие соединения, я имею в виду, как валлийское *Pen-wyn*, "белоголовый", галльское *Penvo-ouivdos*, или греческое *Ἰππαρχος*, *Ἀρχιππος*, и тому подобное. Вкратце можно сказать, что ассоциация названия с дыханием жизни, вероятно, была арийской, но, возможно, не была незнакома аборигенам Британских островов до их завоевания кельтами. С другой стороны, в друиде и его методе именования мы, кажется, касаемся неарийского субстрата и обнаруживаем нечто не кельтское, не *арийское*³³.

Возможно, читатель не сочтет совершенно неуместным, если я на некоторое время переключусь с имени на другие слова и выражения в той мере, в какой они могут рассматриваться как иллюстрация того ментального окружения, в котором в последнем абзаце осталось имя. Особенно я ссылаюсь на преувеличенное влияние, связанное с формой слов, в частности, у ирландских кельтов. О'Карри приводит трагический пример: поэт Неде мак Аднай, чтобы завладеть тронном Коннаута, обратился с невыполнимой просьбой к королю, который был братом его собственного отца и носил имя Кайер. Когда король заявил, что не может удовлетворить его просьбу, поэт сделал отказ своим предлогом, чтобы сочинить на короля то, что по-ирландски называется *áir* или *áer*, написанное позже *aor*, "сатира", суть которой примерно такова: -

Зло, смерть, короткая жизнь Кайеру!

Пусть копья битвы ранят Кайера!

Кайер закален, Кайер принужден, Кайер под землей!

Под валами, под камнями с Кайером!

Далее О'Карри рассказывает, как на следующее утро Кайер, омыв лицо в фонтане, обнаружил, что на нем три волдыря, которые вывел сатир, а именно: позор, недостаток и изъян, пунцового, зеленого и белого цветов. Тогда Кайер бежал, чтобы его положение не было замечено друзьями, и пришел в Дун Сирмна (ныне Старая голова Кинсейла, графство Корк), резиденцию Кайшира, вождя этого округа. Там Кайера хорошо приняли как незнатного чужеземца, а Неде принял на себя суверенитет Коннаута. Со временем Неде стало известно, что Кайер находится там, и он поехал туда на колеснице Кайера. Но когда Неде приблизился, Кайер бежал через дом хозяина и спрятался в расщелине скалы, а Неде последовал за борзой Кайера; и когда Кайер увидел Неде, тот упал замертво от *стыда*³⁴. Это краткое изложение истории, рассказанной О'Карри, покажет, как слова сатирика вызывали страх у древних ирландцев, и как их требование должно было быть немедленно исполнено. В ирландской литературе принято считать, что слова сатирика неизменно вызывали волдыри на лице того, в кого они были направлены. По крайней мере, часть силы слов поэта, по-видимому, считалась обусловленной тем, что им придавалась определенная метрическая форма. Это, однако, не показывает, как поэт приобрел свое влияние, и нельзя закрывать глаза на то, что средства, которые он мог использовать, чтобы сделать свое влияние ощутимым, а свои желания - мгновенно исполняемыми, подразумевали, что раса, с которой ему приходилось иметь дело, была очень чувствительной: Я, пожалуй, могу применить к ней прилагательное "тонкокожая" в прямом смысле этого слова. Ведь волдыри на лице - это лишь преувеличение естественного явления. По этому поводу один из друзей обратил мое внимание на следующие фрагменты в рецензии на работу о патологии *эмоций*³⁵: - "И к обидам, и к проклятиям.

М. Фере уделяет много внимания как вредному, так и лечебному воздействию эмоций и делает по этому поводу несколько интересных замечаний. Тезис о том, что эмоции действуют на организм в большей степени за счет их влияния на кровообращение, чем за счет чего-либо другого, не нов, но М. Фере развивает некоторые новые его направления. Что сердце может быть остановлено на несколько секунд, и что там может быть локализованных румянец и бледность кожи, из-за почти любой сильной эмоции, будь то радость, гнев, страх или боль, является предметом общего наблюдения; и что там может быть много изменений питания из-за вазо-моторного нарушения является точкой легко установить. Кожа особенно легко затронута; страсть и боль может произвести пот, который действительно геморрагический (Parrot); и научный мир вынужден признать, что в стигматы Луизы Лато кровеносные сосуды были действительно сломаны, а не сломан ничем другим, чем эмоциональное состояние в качестве причины. Фоллен рассказывает, что во время кораблекрушения лоцман за час покрылся гнойниками от страха; а доктор видит множество *дермато-неврозов*, таких как крапивница, герпес, пемфигус, витилиго и т. д., от *choc moral*".

Я могу проиллюстрировать это на собственном наблюдении: когда я учился в колледже, со мной учился валлиец, который, когда его дразнили или раздражали друзья, был хорошо известен тем, что на его лице появлялось что-то вроде сыпи или мелких гнойничков: это происходило в течение часа или около того. На эту тему лица есть известная валлийская строчка, которая как нельзя лучше подходит к делу

Ni chel grud̃ gystud̃ càlon.

Щеки не скрывают сердечных страданий.

Таким образом, можно сказать, что человек, которого оскорбили или чья честь была задета, покраснел или получил иную травму лица; ирландское слово *enech*, "лицо", часто используется как синоним чести или доброго имени. То же самое, по-видимому, происходит и с валлийским эквивалентом - *wyneb*, "лицо", а *dyn di-wyneb*, буквально "безликий человек", похоже, и сейчас используется в Карнарвоншире и Гламоргане в значении того, кто лишен чувства чести, беспринципного человека. Поэтому в валлийском праве, когда речь шла об оскорблениях и посягательствах на честь, выплата пострадавшему называлась *gwynebwerth*, "цена лица", или *gwynebwarth*, "плата за опозоренное лицо". Ирландское право предусматривало подобные компенсации и называло их аналогичными именами, такими как *enech-gris*, "штраф за нанесение травмы или появление румянца на лице", и *enech-lóg* или *enech-lann*, "цена чести"; сравните также *enech-ruice*, "покраснение лица или румянец, вызванный каким-либо поступком или скандалом, который привел к позору семьи". Возможно, со следами отчасти того же типа "лица", хотя и потускневшего до грани исчезновения, приходится сталкиваться, когда в английском языке говорят о сохранении лика другого человека.

Было высказано предположение, что если фокусник узнает имя человека, он может навредить ему с помощью своих искусств: похоже, что в ирландской сатире все было наоборот, ведь для того, чтобы быть эффективной, она должна была, как в случае с Кайером, упоминать имя жертвы; любопытный пример приводится в *Книге Лейнстера*, fo. 117, где поэт Атерн не смог проклясть человека, чьим именем он не мог манипулировать в соответствии с правилами своей сатиры. Этот человек Атерн описывается как негостеприимный, скупой и жадный до последней степени. Рассказывают, как однажды он отправился в путь, прихватив с собой вареного поросенка и горшок медовухи, в место, где намеревался наесться досыта, не привлекая к себе внимания. Но не успел он приступить к трапезе, как увидел приближающегося человека, который заметил ему, что он оперирует едой в одиночку, и бесцеремонно забрал свинину и горшок с медовухой. Когда он спокойно уходил с ними, Атерн крикнул ему вслед: "Как тебя зовут?". Незнакомец ответил, что ничего особенного, и назвал его следующим образом

Sethor . ethor . othor . sele . dele . dreng gerce

Mec gerlusce . ger ger . dí r dí r issed moainmse.

Сетор-Этор-Отор-Селе-Деле-Дренг Герце

Сын Герлусце Гер-гер-дир-дир, вот мое имя.

Далее в рассказе говорится, что Атерн больше не видел своей трапезы и не сумел сделать сатиру на имя незнакомца, который, соответственно, ушел невредимым. Предполагается, что это был ангел, пришедший от Бога, чтобы научить поэта хорошим манерам. Эта комическая история возвращает нас к важности имени, поскольку подразумевает, что проклинаящий поэт, если бы ему удалось завладеть им и должным образом вписать его в свою сатиру, не смог бы не привести незваного гостя в замешательство. Маг и философ фольклора, отнюдь не задаваясь вместе с Джульеттой вопросом "Что в имени?", скорее поставил бы вопрос иначе: "Что не в имени?". Во всяком случае, древние считали, что в имени заключено очень многое, и следы того значения, которое они ему придавали, можно

найти в современной речи: посмотрите статью об *имени* или ее эквивалент в большом словаре любого языка, обладающего большой литературой.

Мы уже видели, что именно с точки зрения магии древние кельты наиболее остро осознавали всю важность своего имени, то есть магии, особенно на том этапе ее истории, когда она претендовала на определенную степень мастерства в искусстве стихосложения. Возможно, точнее было бы предположить, что стихосложение с самого начала относилось к магии, и что именно маги, знахари или провидцы впервые изобрели для своих нужд вспомогательные средства ритма и метра. Однако тема магии и ее аксессуаров слишком обширна, чтобы рассматривать ее здесь: она уже затрагивалась то тут, то там в некоторых из предыдущих глав, и я могу добавить, что чародейство и магия составляют, так сказать, механизм историй, называемых на валлийском языке "четырьмя ветвями *Мабиноги*", а именно: *Rwybrydd*, *Branwen*, *Manawydan* и *Math*. Эти четыре истории, а также приключение *ŷwyttr* и *ŷevellys* и, в некотором смысле, история о Кулхвхе и Олвен, представляют собой, в переводе на британский язык, утраченные легенды валлийских гойделов; и, как и легенды ирландских гойделов, они отличаются своим волшебством. Но и это еще не все, ведь в первых короли в большинстве своем являются величайшими магами своего времени: или, скорее, я скажу наоборот, что в них величайшие маги выступают в роли королей? Свидетель тому - сын Мата Матонви, король Гвинедда, и сын его сестры, Гвидион аб Дон, которого он, как своего преемника, должным образом обучил магии; затем идут архи-чародей Араун, король Аннуна, и Касвафон аб Бели, представленный как завоевавший свое королевство силой магии. К ним можно добавить и других членов королевских семей, в чьих историях они выступают в роли магов, например, Рианнон, которая с помощью своих магических способностей помешала своему могущественному жениху, Гваулу аб Ключу, и получила в супруги выбранного ею человека, Пвифа, принца Дифеда. Здесь также, возможно, следует упомянуть Манавиджана аб *ŷwyttr*, который, как Мананнан мак Лир, фигурирует в историях гойделов Эрина и Мана как искусный волшебник и первый король народа манксов: см. с. 314 выше. В "*Мабиноги*", однако, Манавиджану не приписывается никаких магических действий, хотя он представлен успешно побеждающим самого грозного волшебника, выступившего против него и его друзей, а именно *ŷwyttr* ab *Kilcoed*. В этих историях валлийских гойделов не только создается впечатление, что магия правящего класса передавалась из поколения в поколение в соответствии с установленным правилом материнской преемственности (с. 326, 503, 505), но и дается полный ответ на вопросы о значении уже упоминавшихся терминов *Tuatha Dé ocus Andé* и *Lucht Cumachtai* вместе с их антитезой. В рамках класса, владеющего магией и осуществляющего власть над пастухами и земледельцами страны, вполне естественно предположить, что первый король был первым магом или величайшим знахарем, как в случае с Мананнаном на острове Мэн. Разумеется, это следует понимать применительно к ранней истории гойдельской расы, или, возможно, правильнее сказать, к одной из рас, внесших вклад в ее формирование: к аборигенам, скажем так, под каким бы именем или именами вы ни решили их называть, будь то пикты или иверны. Знаменательно, помимо прочего, что наши традиции связывают силу древнего волшебства с происхождением по женской линии наследования, и, в любом случае, нельзя ошибиться, полагая, что магия зародилась очень низко в шкале социального прогресса, возможно, ниже религии, с которой она, по сути, находится в антагонизме. По мере того как грубый и инфантильный набор понятий, в совокупности называемый симпатической магией - начиная с веры в то, что любой эффект может быть произведен путем подражания действиям его причины или даже совершения чего-либо, что напомнило бы о *ней36*, - входил в обиход мага, он стал считать себя и других способным ради своего блага и блага своих друзей принудить всех возможных противников, будь то люди или демоны, герои или боги. Это не

оставляло места для молитвы и поклонения: религия в этом смысле могла появиться только позже.

1 См. президентское обращение мистера Гомма к Обществу народных преданий, напечатанное в *"Folk-Lore"* за 1892 г., с. 6-7. ↑

2 См. предварительные рассуждения Сейла к его переводу *Корана*, § iv. ↑

3 Возможно, мы можем рассматривать это как более гойдельскую версию происхождения Блoduведжа: во всяком случае, следы другой версии были замечены в примечании на с. 439 выше. ↑

4 Одна из версий приводится в *"Мивирийской археологии"*, i. 176-8; две другие версии можно найти в *"Cymmrodor"*, viii. 177-89, где предполагается, что автором был Иоло Гох, процветавший в XIV веке. См. также мою *"Артуруанскую легенду"*, с. 57-8. ↑

5 См. также примечания к этим отрывкам в издании Сан-Марте "Джеффри", стр. 219, 463-5, и его *Beiträge zur bretonischen und celtisch germanischen Heldensage* (Quedlinburg and Leipsic, 1847), p. 81. ↑

6 См. *Choice Notes*, pp. 69-70. ↑

7 См. Wood-Martin's *Pagan Ireland* (London, 1895), p. 140. ↑

8 См. *Choice Notes*, p. 61, где также говорится, что деревенские жители Йоркшира называли *душами* некоторых ночных белых мотыльков. См. также *Athenæum*, № 1041, 9 октября 1847 года. ↑

9 За это я также обязан книге Вуд-Мартина, p. 140. ↑

10 См. книгу *"Корова Дун"*, fo. 198, и Windisch's *Irische Texte*, pp. 136-45. Краткое изложение этой истории можно найти в *Hibbert Lectures on Celtic Heathendom*, p. 502. ↑

11 См. *Книгу Коровьего Дуна*, fo. 129^a-133^a; Windisch's *Irische Texte*, pp. 117-33, особенно pp. 127-31; также моя *Артуруанская легенда*, pp. 29-33. ↑

12 См. *Книгу Талиессина*, стихотворение vii, в Skene's *Four Ancient Books of Wales*, ii. 136-7; также стихотворение viii, p. 137 и далее. ↑

13 Некоторое описание этого процесса можно найти в книге Элтона *"Истоки английской истории"* (Лондон, 1882), с. 33, где он опирается на *"Описание западных островов Шотландии"* Мартина, опубликованное в 1703 г.: см. с. 204-5. ↑

14 Один или два случая номенклатуры, о которой идет речь, см. выше, с. 76-7. ↑

15 *Sywedyd* - это, вероятно, слово гойдельского происхождения: сравните ирландское *súi*, "мудрец", родительный падеж *súad* и производное *súithe*, "мудрость". Стоукс предлагает производное *su-vet*, в таком случае *súi* = *su-vi*, для *su-viss* = *su-vet-s*, и *sú-ithe* = *suvetja*, в то время как валлийское *sywedyd* формально является *su-vetiōs* или *su-vetijos*. В валлийском также есть *syw*, от *súi*, как и *dryw*, "друид", от гойдельского *drúi*. *Syw*, правда, сейчас означает только элегантный, опрятный; но доктор Дэвис из Махвида считает, что его первоначальное значение было *"sapiens, doctus, peritus"*. Корень *vet*, скорее всего, следует отождествить с *мокрым* из мед. Валлийское *gwet-id*, "изречение", *dy-wawt*, "диксум", откуда следует, что

основами были *vēt* и *vāt*, с последним из которых согласуется ирландское *fáith*, "поэт или пророк", латинское *vātes*, а также валлийское *gwawd*, "поэзия, сарказм", и в мод. Уэльс, "любой вид насмешки". В *Книге Талиессина* *syw* имеет, помимо множественного числа *sywyon* и *sywydon* (Skene, ii. 142, 152), возможно, более древнее множественное число, *sywet* (p. 155) = *su-vet-es*, , тогда как для *súithe* = *su-vetja* мы, кажется, имеем *sywyd* или *sewyd* (pp. 142, 152, 193); но все отрывки в этом смысле более или менее неясны, я должен признаться.

↑

16 См. *книгу Талиессина* в "*Четырех древних книгах Уэльса*" Скена, ii. 130-1, 134, 142, 151-2, 155. ↑

17 Как, например, в рассказе об Уате мак Имомайне в *Fled Bricrenn*: см. 110^b, и Windisch's *Irische Texte*, p. 293. ↑

18 *Книга Коровы Дун*, fo. 77^a, и *Книга Лейнстера*, fo. 75^b: сравните также историю Туана мак Кайрилла в *Книге Коровьего Дуна*, fo. 16^b, где Туатха Де Дананн представлены как *Туатха Ди окус Анде*, "племена богов и не-богов", к которым одна из рукописей добавляет народ легендарной Ирландии под названием *Галиуин*. См. историю в редакции профессора Куно Мейера в *Nutt's Voyage of Bran*, ii. 291-300, где, однако, смысл § 12 с его намеком на падение Люцифера упущен в переводе. По-моему, он должен звучать так: "Из них *Туатха Ди* и *Анде*, происхождение которых неизвестно ученым, за исключением того, что они считают вероятным, судя по интеллекту *Туатха* и их превосходству в знаниях, что они принадлежат к изгнанникам, пришедшим с небес". ↑

19 См. "*Черную книгу Кармартена*" Эванса, fo. 33^b; также *Мабиногион*, стр. 104, 306. Ирландское *lucht cumachtai* в валлийском языке дословно переводится как *□wyth cyfoeth*, "племя или воинство *cyfoeth*". Ибо *cyfoeth* в мед. Уэльсе означал власть или господство, отсюда *cyfoethog*, "могущественный", и *ho□-gyfoethog*, "всемогущий"; но в Mod. валлийском *cyfoeth* и *cyfoethog* деградировали до значений "богатство" и "богатый" соответственно. Теперь, если мы отбросим префикс *cum* из ирландского *cumachtai*, и его эквивалент *cyf* из валлийского *cyfoeth*, мы должны получить *lucht cumachtai*, сведенный к приблизительной аналогии с *□wyth Oeth*, 'племя Oeth', для которого у нас есть подтвержденный эквивалент *Teulu Oeth*, 'дом или семья Oeth'. Однако *Oeth*, по-видимому, означало скорее мощь, чем власть, и, похоже, именно в этом его сила в поэзии Гвалчмая двенадцатого века, где я встречаю его дважды: см. *Mynyrian Arch.*, i. 196^b, 203^a. В первом отрывке мы имеем *oeth dybydaf o dybwyf ryd*, "я буду могущественным, если буду свободным", а во втором - *oeth ym uthrwyd*, "я был поражен или встревожен". *An-oeth* было отрицанием *oeth* и означало слабого, немощного, легкомысленного: так, мы находим его множественное число, *anoetheu*, применяемое в истории о Кулхвхе к странным поискам, в которые Кулхвх должен был вовлечь себя и своих друзей, прежде чем он смог надеяться получить Олвен в жены. Артур и его люди были готовы отправиться на поиски Мабона, сына Модрона, который, как говорили, был похищен, когда ему было всего три ночи от роду, между его матерью Модроной и стенами; и хотя это случилось за баснословно долгое время до рождения Артура, о судьбе Мабона с тех пор ничего не было слышно. Тогда люди Артура сказали, что отправятся на его поиски, но сочли, что Артур не должен сопровождать их в таких слабых поисках: их слова были (стр. 128), *ny e□i di uynet ath lu y geissa□ peth mor uan ar rei hynn*, "ты не можешь отправиться с твоим войском на поиски такого *слабого* существа, как эти". Здесь мы имеем *uan* как синоним *an-oeth*; но *Oeth ac Anoeth*, вероятно, стало фразой, которую редко анализировали или понимали; поэтому мы имеем, кроме *Teulu Oeth ac Anoeth*, *Caer Oeth ac Anoeth*, или крепость О. и А., и *Carchar Caer Oeth ac Anoeth*, или тюрьма Саер О. и А., которая более коротко обозначается также *Carchar Oeth ac Anoeth*, или тюрьма О. и А. Поздний рассказ о

строительстве этой странной тюрьмы и крепости Манавиджаном приводится в *Iolo MSS*, pp. 185-6, 263, и нет нужды указывать, что Манавиджан, сын $\square$ ur, был не кем иным, как Мананнаном мак Лиром ирландской литературы, величайшим волшебником среди Туатха Де или Туатха Де Дананн; практическая эквивалентность этих имен доказана в *Книге Короны Дун*, fo. 16^b. Для получения более подробной информации об *Oeth* и *Anoeth* можно обратиться к "*Гейриаду*" Сильвана Эванса, s. v. *Anoeth*, где приводятся примеры применения этих терминов к обработанной земле и дикой или необработанной земле. Здесь слова, по-видимому, имеют вторичные значения прибыльных и неприбыльных земель, соответственно: сравните несколько аналогичное использование *grym*, "сила, мощь", в отрывке, относящемся к изувеченным лошадям Матолвха - *hyt nad oed rym a e $\square$ it ar meirch*, "так что от лошадей не было никакой пользы", что означает, что они были бесполезны или что с ними было покончено: см. Оксфордский *Мабиногуон*, стр. 29, и Lady Charlotte Guest's, iii. 107, где перевод "и сделал их бесполезными" едва ли достаточно силен. [↑](#)

[20](#) Однако будет правильным указать, что мнение Эригены о взглядах М. д'А. де Жубенвиля оспаривается г-ном Наттом, ii. 105. [↑](#)

[21](#) Например, у Сильвана Эванса в его "*Geiriadur*", где в значении "*dihaed*" он предлагает "незаслуженный" или "незаслуженный" как передающие смысл. [↑](#)

[22](#) Читатель найдет их цитату под словом *Druida* в "*Alt-celtischer Sprachschatz*" Холдера: см. также "*Religion des Gaulois*" М. Александра Бертрана, особенно главу "*Les Druides*", pp. 252-76, и "*Voyage of Bran*" Натта, ii. 107-12. [↑](#)

[23](#) См. *Valerius Maximus*, ii. 6. 10. [↑](#)

[24](#) См. *Книгу Корольего Дуна*, fo. 68^a. [↑](#)

[25](#) В частности, Иоганн Шмидт в *Kuhn's Zeitschrift*, xxiii. 267, где он приводит следующие градации рассматриваемого стебля: -1. *anman*; 2. *anaman*; 3. *naman*; 4. *nāman*. [↑](#)

[26](#) См. Clodd's *Tom Tit Tot*, p. 97. [↑](#)

[27](#) *Tom Tit Tot*, p. 89. [↑](#)

[28](#) The Oxford *Mabinogion*, p. 100. [↑](#)

[29](#) The Oxford *Mabinogion*, p. 35. [↑](#)

[30](#) Что касается ирландского языка, то я бы не стал придавать особого значения тому, что вопрос "Как тебя зовут?" в версии XIV или XV века французской истории о Фьерабрасе звучит как "*sa hainm tú?*" - дословно: "Как тебя зовут?", см. *Revue Celtique*, xix. 28. Здесь можно упомянуть, что ирландские составители глоссариев обладали удивительной манерой обозначать слова и предметы. Так, например, у Кормака *Cruimther .i. Gædelg indi* означает "пресвитер", что О'Донован (под редакцией Стоукса) перевел, стр. 30, как "*Cruimther*, т. е. гэльский пресвитер": буквально это было бы скорее "о том, что является пресвитером". Аналогично, объяснение Кормаком ирландского *aiminn*, теперь *aoibhinn*, "восхитительный", на латыни звучит так: *Aimind ab eo quod est amoenum*, "от слова *amoenus*", буквально, "от того, что является *amoenus*". Но эта конструкция является излюбленной у латинских грамматистов, и примеры можно найти в книге профессора Линдсея "*Латинский язык*" (Оксфорд, 1894), стр. 26, 28, 42, 53. Обратив на это внимание, он любезно сообщил мне, что это можно проследить вплоть до Варро, чей *Lingua Latina*, vi. 4, он цитирует *Meridies ab eo quod medius dies*. Таким образом, в этом вопросе ирландские писатели просто подражали

своим латинским образцам; и можно обнаружить следы того же подражания в некоторых древневаллийских глоссах, например, в кодексе Ювенкуса, где XPS объясняется как *irhinn issid crist*, "то, что есть Христос", очевидно, имея в виду "слово Χριστός или *Christus*". Так же и с *regia*, переведенной через *gulat*, 'государство или страна', in *celsi thronus est cui regia caeli*; что глоссируется *issit padu itau gulat*, 'это слово *gulat* для него' = 'он имеет в виду свою страну': см. Kuhn's *Beiträge*, iv. 396, 411. [↑](#)

[31](#) Некоторые примеры, сопровождаемые комментариями к некоторым весьма поучительным практикам и теориям Церкви, можно найти в книге Клодда "*Tom Tit Tot*", pp. 100-5. [↑](#)

[32](#) За некоторыми примерами наречения имен друидами читатель может обратиться к *The Welsh People*, pp. 66-70; крещение друидами упоминается в издании Стоукса "*Koupr Анманн*", а также в Stokes and Windisch's *Irische Texte*, iii. 392, 423. См. также *Revue Celtique*, xix. 90. [↑](#)

[33](#) См. *The Welsh People*, особенно pp. 71-4, где была предпринята попытка более подробно обсудить этот вопрос. [↑](#)

[34](#) См. "Глоссарий Кормака" Стоукса в переводе О'Донована, стр. 87, и "*Манеры и обычаи древних ирландцев*" О'Карри, ii. 218-9. [↑](#)

[35](#) См. *Mind* за 1893 г., p. 390: рецензия написана г-ном А. Т. Майерсом, а название книги - *La Pathologie des Émotions, Études physiologiques et cliniques, par Charles Féré, médecin de Bicêtre* (Paris, 1892). [↑](#)

[36](#) См. книгу Фрейзера "*Золотая ветвь*", i. 9, где приведено несколько наиболее поучительных примеров. [↑](#)

ГЛАВА XII

Раса в фольклоре и мифе

Таким образом, метод филологической мифологии дискредитирован спорами его приверженцев. Систему можно назвать ортодоксальной, но это ортодоксия, которая изменяется с каждым новым ученым, входящим в священный загон - Эндрю Лэнг.

Было хорошо сказано, что, хотя знать содержание мифов - не наука, наука - это знать, почему человеческая раса их создала. В мои намерения не входит подробное описание истории этой науки, но я могу рискнуть заметить, что она, можно сказать, не достигла зрелого возраста, пока не начала сравнивать одно с другим; и даже когда мифология стала сравнительной мифологией, ее горизонт оставался до последних лет сравнительно узким. Иными словами, сравнение было очень ограниченным: можно было, как говорили, сравнивать мифы греков, тевтонов и индусов, поскольку эти народы считались одними и теми же; но даже в этих пределах сравнение почти не рассматривалось, за исключением мифов, закрепленных в самых классических литературах этих народов. Такая мифология была скорее эклектичной, чем сравнительной, и она была склонна рассматривать мифы как простую болезнь языка. Однако со временем студент стал отдавать предпочтение более широкому полю и более широкому диапазону, и при этом он, сознательно или

бессознательно, начинал идти в ногу с большим движением, распространяющимся на все родственные науки, и особенно на науку о языке.

В свое время изучающий язык довольствовался мумифицированной речью, завернутой, так сказать, в затхлые оболочки записей прошлого: по сути, он часто становился простым исследователем мертвой буквы языка, вместо того чтобы внимательно наблюдать за дыханием жизни, оживляющим ее каркас. До тех пор, пока это оставалось в силе, глоттология заслуживала всей иронии известного высказывания Вольтера об этимологии как о "науке, в которой нет ни одного слова, а согласных очень мало". Однако в течение последних лет в этой области произошли большие перемены: не только законы арийских согласных приобрели большую точность, но и законы арийских гласных, наконец, были в значительной степени открыты. В результате мне и тем, кто узнал, что арийский крестьянин с идилическими привычками вечно твердил три ноты "а", "и", "у", приходится отучаться от этого и многого другого: на самом деле гласные оказываются куда более хлопотными, чем согласные. Но как бы ни были трудны эти уроки, глоттолог должен их усвоить, если только он не хочет остаться с отстающими, которые, как оказалось, не могут двигаться дальше. Перемены, о которых я упоминаю в связи с изучением языка, неразрывно сопровождались повышенным вниманием к реальной речи, более тщательным изучением диалектов, даже таких непонятных, к которым литератор привык относиться с презрением.

Точно так же студент, изучающий мифологию, теперь ищет основания для своих сравнений в устах путешественников и миссионеров, где бы они ни бродили; не в одной только *Риг-Веде* или *Илиаде*, но и в грубых рассказах крестьян, и в диких фантазиях дикарей от Огненной Земли до ледяных гор Гренландии. Параллель можно провести еще ближе. Подобно тому как глоттолог, опасаясь, что письменное письмо может затушевать или скрыть важные особенности древней речи, прибегает за корректировкой к актуальности современного арийского языка, так и мифолог, склонный с подозрением относиться к свидетельствам весьма уважаемых бардов *Риг-Веды*, может при случае прислушаться к свежим свидетельствам дикаря, как бы бессодержательно они ни звучали. Движения, на которые я ссылаюсь в глоттологии и мифологии, начались так недавно, что их история еще не написана. Достаточно сказать, что в глоттологии, или науке о языке, имена Асколи, Й. Шмидта и Фика, Лескиена, Бругмана, Остхоффа и де Соссюра наиболее тесно связаны с новым движением; в то время как имена учителей антропологического метода изучения мифов, несколько из них к этому времени являются общеупотребительными словами в этой стране. Но, насколько мне известно, первым, кто дал систематическое изложение этой темы, был профессор Тайлор в своей работе "*Первобытная культура*", впервые опубликованной в 1871 году.

Между мифологией и глоттологией существует такая тесная связь, что я могу быть прощен за то, что снова возвращаюсь к последней. По своему методу она применима ко всем языкам, но, по сути, она возникла в области арийской филологии, так что все это время она была главным образом наукой о сравнении арийских языков друг с другом. Она началась с открытия сэром Уильямом Джонсом родства санскрита с греческим и латынью и долгое время занимала лидирующие позиции среди более тесно связанных с ней наук: это оказалось отчасти полезным, а отчасти наоборот. Например, в случае с этнологией влияние глоттологии, вероятно, принесло больше вреда, чем пользы, поскольку открыло широкое поле для смешения расы с языком. В случае с мифологией то же влияние было отчасти полезным, а отчасти не было таковым. Там, где имена можно было проанализировать с уверенностью, где их можно было уравнивать, оставив мало места для сомнений, как в случае с греческим Ζεύς, норвежским *Týr* и санскритским *Dyaus*, наука о языке оказала реальную

помощь мифологии; Но когда студенты-языковеды, указывая в разные стороны, утверждали, что каждый из них держит в руке ту самую лампу безопасности, за пределы которой мифолог не может сделать ни шагу, кроме как под неминуемым риском сломать себе шею, помощь можно назвать, мягко говоря, несколько сомнительной. Антропологический метод изучения мифов положил конец неравным отношениям между студентами двух наук, и теперь все согласны с тем, что правильные отношения между ними - это отношения взаимопомощи. Это, несомненно, станет решением всего вопроса, но было бы преждевременно утверждать, что период напряженных отношений полностью закончился, поскольку мифолог так недавно вырвался из-под неловкого внимания студентов-лингвистов, что еще не успел выкинуть из ушей сбивчивые ноты хора разногласных криков "рассвет", "солнце" и "грозовая туча".

Теперь, когда я затронул тему дружеских отношений, которые должны существовать между наукой о языке и наукой о мифе, мне, возможно, будет позволено обратить внимание на пару моментов, когда один из них может или хочет оказать услугу другому. Изучающий язык, естественно, хочет получить помощь от изучающего миф, ритуал и религию в вопросах, которые непосредственно касаются его собственного отдела исследований; и я, возможно, могу быть оправдан за то, что занимаю позицию на кельтской почве и обращаю внимание на некоторые из моих собственных трудностей. Вот одна из них: когда по-английски говорят "It rains" или "It freezes", я должен сказать на своем языке: *Y mae hi'n bwrw glaw* и *Y mae hi'n rhewi*, что буквально означает "Она льет дождь" и "Она замерзает". Подобное местоимение также не ограничивается погодными темами, ведь когда вы говорите: "Ему плохо" или "Ему тяжело", валлиец может сказать: *Y mae hi'n drwg arno* или *Y mae hi'n galed arno*, то есть буквально: "Она зла на него" или "Она тяжела для него". И то же местоимение женского рода закрепляется в других местоимениях языка. Теперь я хочу обратиться к изучающим мифы, ритуалы и религию за помощью в определении этого вездесущего валлийского "она". Всякий раз, когда она упоминается в разговоре с англичанами, в их памяти всплывает "она" горцев из английских и шотландских карикатур, как, например, когда сэр Вальтер Скотт обращается в следующей строке к человеку лорда Ментейта, Андерсону, научившемуся манерам во Франции: "Что за дьявол, парень, она не может пить после своего хозяина, не вымыв чашку и не пролив эль, и быть обманутой им! Горец отрицает обвинение, которое пытается навесить на него наша карикатура; но даже если допустить, что когда-то оно было в какой-то степени оправданным, его легко объяснить ссылкой на гэльский язык, где местоимения *se* и *sibh*, обозначающие "он" и "ты" соответственно, приближаются по произношению к английскому местоимению *she*. Это могло привести к путанице в устах горцев, которые еще очень плохо освоили английский язык. В любом случае, это слишком поверхностное произношение, чтобы приводить его в качестве параллели с *hi*, 'she', о котором идет речь в валлийском языке. Осторожный кельтолог, если таковой существует, мог бы предупредить нас, прежде чем продолжать поиски, убедиться, что все это явление не является простой случайностью валлийской фонетики, и что это не случай смешения двух местоимений, одно из которых означает "она", а другое "оно", в результате простого фонетического распада. На это можно ответить, что язык не знает ни одного местоимения среднего рода, которое могло бы принять форму *hi*, которая нас занимает; И далее, что в выражениях, где можно было бы ожидать законного представителя среднего рода, используется другое местоимение, *ef*, *e*, означающее и 'он', и 'она', как в *i-e* для *i-ef*, 'это он, она, оно или они', *nag-e*, 'не он, она, оно или они', *ef a allai* или *fe allai*, 'возможно, peradventure, peut-être, il est possible.' Французское предложение предполагает аналогичный вопрос: какова была первоначальная сила обозначения "il" в таких предложениях, как "il fait beau", "il pleut" и "il neige"? Сейчас в таких случаях оно не обозначает никого конкретного, но всегда ли оно было одним из его имен? Французская историческая грамматика, возможно, без посторонней помощи сможет распорядиться ослабленной судьбой М. Иля, но нам придется обратиться за помощью к

изучению мифа и смежных дисциплин, чтобы определить великую "она", упорно ускользающую от нашего поиска в синтаксисе валлийского языка. Только два женских имени представляются мне сколько-нибудь подходящими: одно - *tynghed*, "судьба или удача", а другое - *Dôn*, мать некоторых из самых туманных персонажей кельтской литературы.

Однако нет никаких доказательств того, что ни одно из них не является той "она", которую мы ищем; но мне есть что сказать об обоих, поскольку они иллюстрируют другую сторону темы - как изучение языка может помочь мифологии. До сих пор я иллюстрировал это только ссылкой на приравнивание *Zeús* к *Dyaus* и их сородичам. В рамках кельтской легенды дело обстоит аналогичным образом с Доном, который на валлийской почве, как я уже намекал, фигурирует в качестве матери некоторых героев древнейших глав "*Мабиногиона*". Ведь именно от нее Гвидион, бард и маг, и Гофаннон, кузнец, его брат, называются сыновьями Дона; так и в случае Арианрод, дочери Дона, матери *ŷew* и владелицы омываемого морем замка Каэр Арианрод, расположенного недалеко от доисторического кургана Динас Дин, близ западного устья пролива Менай, как уже упоминалось в другой главе, с. 208 выше. В ирландских легендах мы обнаруживаем Дон под ирландской формой ее имени - Дану или Дону, родительный падеж *Дананн* или *Донанн*, и она почти единственная в своем роде, поскольку всегда называется божеством. От нее великие мифические персонажи ирландских легенд называются *Tuatha Dé Danann*, или "племена богини Дану", а иногда *Fir Déa*, или "люди божества". Последний этап валлийской истории Дона состоит в ее переносе на небо, где созвездие Кассиопеи должно представлять собой *ŷys Dôn* или Двор Дона, а Корона Бореалис отождествляется с *Caer Arianrhod* или "Замком Дочери Дона"; Но, как и следовало ожидать, размеры обоих этих объектов уменьшаются до сравнительной малости благодаря *Каэр Гвидион*, "Броненосцу мага Гвидиона", раскинувшемуся на сияющем пространстве всего Млечного *Путь*¹. Идентификация этой древней богини Дану или Дон как той, в которой сходятся древнейшие легенды ирландских и валлийских гойделов, была делом рук не столько мифологии, сколько науки о языке, ибо именно она показала, как вернуть немного красок в исчезающие черты этой поблекшей родовой *божественности*².

Для следующей иллюстрации, а именно *tynghed*, "судьба", я бы привел отрывок из начала одной из самых кельтских валлийских историй, истории о Кулхвхе и Олвен. Отец Кулхвча, некоторое время побыв вдовцом, снова женится и скрывает от второй жены, что у него есть сын. Она узнает об этом и сообщает мужу; тот посылает за своим сыном Кулхвхом, и вот как описывается беседа сына с мачехой в переводе леди Шарлотты Гост, ii. 252: "Мачеха сказала ему: "Хорошо бы тебе иметь жену, у меня есть дочь, которую ищут все знаменитые люди в мире". "Я не в том возрасте, чтобы жениться", - ответил юноша. Тогда она сказала ему: "Я объявляю тебе, что тебе не суждено иметь жену, пока ты не получишь Олвен, дочь Испадadena Пенкаура". И юноша покраснел, и любовь к деве охватила все его тело, хотя он никогда не видел ее. И спросил его отец: "Что случилось с тобой, сын мой, и что тебя тревожит?" "Моя мачеха объявила мне, что у меня никогда не будет жены, пока я не получу Олвен, дочь Испадadena Пенкаура". "Это будет легко для тебя", - ответил его отец. "Артур - твой двоюродный брат. Поэтому иди к Артуру, чтобы он остриг твои волосы, и попроси у него это как благодеяние".'

Физическая теория любви к неизвестной даме при первом упоминании ее имени и намек на кельтскую тонзуру, несомненно, привлекут внимание читателя, но я хочу сказать только о словах, которые перевел переводчик: "Я заявляю тебе, что твоя судьба не быть подходящей женой, пока ты не получишь Олвен". При более точном переводе оригинал можно было бы перевести так: "Я клянусь тебе судьбой, что твоя сторона не коснется жены, пока ты не получишь Олвен". В валлийском языке слово "судьба" звучит как *tynghet* (от более раннего

tuncet), а соответствующее ирландское слово засвидетельствовано как *tocad*. Оба эти слова, как и "судьба", имеют тенденцию использоваться в основном в *peiores partem*. Однако раньше они могли свободно использоваться и в благоприятном смысле, как, например, женское имя *Tuncetase* на раннем камне в Пембрукшире. Если бы ее имя было переведено на латынь, ее, вероятно, назвали бы *Фортуной*, как тезку удачи. Я перевожу валлийское *mi a tynghaf dynghet* [itt3](#) на английский: "Я клянусь тебе судьбой"; но еще более буквально можно перевести: "Я клянусь тебе клятвой", то есть "Я клянусь тебе клятвой", что означает "Я клянусь за тебя клятвой, которая свяжет тебя". Мачеха, правда, представлена не в форме слов, ибо то, что она сказала, похоже, было обычной формулой, подобно тому, как в средневековой ирландской истории человек попадает под гессу или магические узы; но клятва или форма проклятия, несомненно, когда-то была темной реальностью, скрывающейся за этой формулой. В южной части моего родного графства Кардиган фраза, о которой идет речь, вошла в обиход в течение последних тридцати лет, а практика, которую она обозначает, до сих пор настолько хорошо известна, что является предметом местных историй. Один мой друг, которому еще нет пятидесяти, прекрасно помнит, как слушал рассказ своего дяди о том, как однажды ему удалось избежать принуждения к присяге. Он находился в холмистой части прихода Анвеног, возвращался домой через деревню в глухую летнюю ночь, когда, перепрыгнув через забор, неожиданно оказался рядом с человеком, активно занимавшимся кражей овец. Дядя мгновенно бросился бежать, а вор преследовал его с ножом. Если бы вор поймал его, то, как можно понять, приставил бы нож к его горлу и заставил бы дать клятву хранить тайну. Мне не удалось выяснить формулировку этой клятвы, но все, что я могу узнать, говорит о том, что ее боялись не меньше, чем самой смерти. Более того, известны истории о людях, которые так и не смогли оправиться от последствий клятвы, но затянулись и умерли через сравнительно короткое время. С тех пор как я получил эту историю, я навел справки у других жителей Южного Кардиганшира, и особенно у моего друга-медика, который говорит в основном о своем родном приходе *angyn*o. Я обнаружил, что эта идея прекрасно знакома ему и другим моим информаторам; но, как ни странно, ни от кого я не смог узнать, что болезнь считается неизменным результатом насильственного введения *тингхеда* жертве или того, что последняя пренебрегла тайной, раскрыв друзьям имя преступника. На самом деле, я не могу обнаружить, что такая тайна подчеркивается до тех пор, пока преступник не предстанет перед судом публично. Скорее, дело в том, что *клятвопреступник* слепо влияет на разрушение здоровья клятвопреступника, независимо от его поведения. Во всяком случае, такова интерпретация, которую я вынужден дать тому, что мне рассказали.

Фраза *tyngu tynghed*[4](#), понятная еще в Уэльсе, напоминает о другом примере важности произнесенного слова, а именно о латинском *fatum*. Более того, оно наводит на мысль, что последнее, возможно, первоначально было частью такой формулы, как *alicui fatum fari*, "сказать одному изречение", в том беременном смысле, что к нему применялись слова силы. Это тем более важно, что хорошо известно, как тесно связаны друг с другом латынь и кельтский, и как каждый прогресс в изучении этих языков подчеркивает их родство. От родства языков можно ожидать, в определенной степени, сходства обрядов и обычаев, и для этого не нужно идти дальше, чем та самая история, которую я привел. Когда отец Кулхвча впервые женился, он, как говорят, искал себе жену *gwreic kynmwyt ac* [ef5](#), что означает "жена из той же семьи, что и он". Таким образом, супруга, вероятно, ела вместе с мужем, и нам вспоминается церемония еды, которая составляла аристократический брак в Древнем Риме: она называлась *confarreatio*, и во время нее Юпитеру приносили в жертву пирог, называемый *farreum libum*. Великий французский исследователь античности, М. Фюстель де Куланж, описывает эту церемонию [так6](#): "Les deux époux, comme en Grèce, font un sacrifice, versent la libation, prononcent quelques prières, et mangent ensemble un gâteau de fleur de farine (*panis*

farreus)". Наконец, мое внимание было обращено на то, какое место отводится хлебу в историях *Yn Fan Fach* и *Yn Elfarch*. Ведь если вернуться к стр. 3-6, 17-8, 28, читатель найдет слишком много упоминаний о хлебе, чтобы мы могли предположить, что он не имел никакого значения в ухаживании. Молодой фермер, влюбившись с первого взгляда в озерную деву, как будто хотел, побудив ее разделить хлеб, который он ел, сразу же перейти к форме брака через своего рода конфирмацию, которая обязывала ее стать его женой без всяких утомительных проволочек.

Возвращаясь к латинскому *fatum*, отмечу, что у римлян было множество *fata*; но насколько они были подсказаны греческим *μοῖρα*, не совсем ясно: неизвестно также, что у древних валлийцев было более одного *tynghed*. Однако в случае со старой норвежской литературой мы сталкиваемся с Судьбой, носящей имя, которое, возможно, созвучно валлийскому *tynghed*. Я имею в виду женскую фигуру по имени *Þokk*, которая появляется в трогательном мифе о смерти Бальдера. Когда Бальдер пал от рук Локи и Хёдра, его мать Фригг спросила, кто хотел бы заслужить ее добрую волю, отправившись в качестве ее посланника на переговоры с Адом об освобождении Бальдера. Гермождр Стремительный, еще один из сыновей Водена, отправился в это путешествие на отцовском колеснице Слейпнире. Девять тоскливых ночей он без перерыва следовал по опасному пути через темные и глубокие леса, пока не добрался до реки Йелл, и тогда служанка, отвечавшая за мост Йелл, спросила его о его поручении. Так он ехал все дальше и дальше, пока не подъехал к ограде обители Ада, которую его конь преодолел на полном скаку. Гермождр вошел в зал и обнаружил там своего брата Бальдера, восседающего на почетном месте. Он провел с ним эту ночь, а утром попросил Аду позволить Бальдеру поехать с ним домой в Анс. Он попросил Аду подумать о том горе, которое все и вся испытывали к Балдеру. Она ответила, что проверит это на практике, отпустив Балдера, если все живое и неживое будет плакать о нем; но его задержат, если кто-то или что-то откажется это сделать. Хермождр в одиночестве вернулся в Анс и сообщил Фригг об ответе, который Хель дала на ее просьбу. Сразу же были посланы гонцы, чтобы попросить весь мир избавить сына Водена от власти Ада. Так и поступили все: люди и животные, земля и камни, деревья и все металлы, "как вы, несомненно, видели, что эти вещи плачут, - говорит автор "Прозаической Эдды", - когда переходят от мороза к теплу". Когда же посланцы, исполнив свой долг, возвращались домой, они наткнулись на пещеру, где жила великанша по имени *Þokk*, которой они приказали присоединиться к плачу по Бальдеру; но она лишь ответила: "Я не знаю, что делать".

Þokk заплачет сухими слезами

у костра Бальдера.

Что для меня сын человеческий, живой или мертвый!

Пусть ад хранит то, что *хранит*⁷.

В этой нечисти *Þokk*, глухой к призывам более нежных чувств, мы, кажется, имеем аналог наших кельтских *tocad* и *tynghed*; а имя последнего как часть формулы в валлийской истории, давая нам ключ к мифу, показывает, что ранние арийцы не знали ничего более обязывающего, чем магическая сила клятвы. С одной стороны, эта концепция судьбы несет на себе следы скромного происхождения, и можно с готовностью согласиться со словами Цицерона, *De Divinatione*, ii. 7, когда он говорит: *anile sane et plenum superstitionis fati nomen ipsum*. С другой стороны, оно возвышается до мрачного достоинства имени темной, неумолимой силы, которой, как считается, должна подчиняться вся вселенная, силы, перед которой великий и великолепный Ζεύς арийской расы - всего лишь марионетка.

Возможно, я слишком долго останавливался на политике "давать и брать", которая должна существовать между мифологией и глоттологией. К сожалению, можно добавить, не опасаясь противоречий, что даже если эта политика будет проводиться в жизнь в максимальной степени, обе науки все равно столкнутся с трудностями, которых будет более чем достаточно. В случае с мифологией эти трудности проистекают главным образом из двух различных источников: смешения истории с мифом и смешения одной расы с другой. Рассмотрим теперь последнюю: трудностей из этого источника много и они велики, но каждое новое приобретение знаний, направленное на то, чтобы сделать наши представления об этнологии более точными, дает нам лучшие рычаги для размещения мифов смешанных народов на их надлежащих местах по отношению к расам, составляющим эти народы. Тем не менее, у нас гораздо меньше предложений, чем вопросов: так, если не заходить дальше известных историй, связанных с именем Геракла, сколько из них арийские, сколько семитские, а сколько арийские и семитские одновременно? Именно этот вопрос на каждом шагу преследует изучающего кельтскую мифологию; ведь кельтские народы современности - это смешанные потомки арийских захватчиков и коренного населения, которое эти арийские захватчики застали в своих владениях. Поэтому перед студентом встает вопрос, к какой из этих рас следует отнести тот или иной миф, обряд или обычай. Возьмем, к примеру, колоссальную фигуру Брана, на которую уже обращалось внимание, стр. 552-3 выше. Бран был слишком велик, чтобы войти в дом или подняться на борт корабля: следует ли считать его плодом кельтского воображения или воображения народа, который жил до кельтов в кельтских землях? Сравнение с галльским *трицефалом*, похоже, указывает на южное побережье Балтики (с. 553): что же тогда?

Подобный вопрос возникает и в отношении ирландского героя Кухулина: возьмем, к примеру, распространенное описание Кухулина в ярости. Так, в гневе он претерпевал странные искажения: икры его ног становились там, где должны были быть голени; рот увеличивался так, что в горле виднелись печень и легкие; один глаз становился маленьким, как игла, или же погружался в голову дальше, чем мог бы достать журавль, а другой выпячивался на соответствующую длину; каждый волосок на его теле становился острым, как шип, и держал на острие каплю крови или искру огня. Остановить его было опасно, и даже когда он уже достаточно навоевался, ему требовалось для охлаждения погрузиться в три ванны с холодной водой; первая, в которую он попадал, мгновенно закипала, вторая была слишком горячей для всех остальных, и только третья давала благодатное тепло. Я не спрашиваю, есть ли в этой странной картине отпечаток солнечной кисти, но я был бы очень рад узнать, можно ли считать ее арийским творением или нет.

То же самое происходит и с другими, не мифологическими вещами: возьмем, к примеру, бедламитский обычай *couvade*⁸, который представлен нам в ирландской литературе в единственном числе в виде *cess*, "страдания или недомогания", одновременно нападавшего на храбрецов древнего Ольстера. В "*Книге коровы Дун*", fo. 60^a, что женщины и мальчики Ольстера были свободны от него. Так же, как и любой ульстонец, оказавшийся за пределами своей страны, и так же, как Кухулайнн и его отец, даже находясь в Ольстере. Любой, кто был достаточно опрометчив, чтобы напасть на ульстонского воина в этот период его беспомощности, не мог, как утверждается далее, рассчитывать на долгую и благополучную жизнь после этого. Вопрос для нас, однако, заключается в следующем: был ли кувад введен арийскими захватчиками Ирландии, или мы скорее должны отнести его к более ранней расе? Я, признаться, склоняюсь к последней точке зрения, тем более что кувад был известен у древних иберийцев и у древних *корсиканцев*⁹. Конечно, он мог быть и арийским, и иберийским, но в любом случае он послужит примером того, на какой вопрос нужно попытаться ответить.

Другой пример, расовое происхождение которого хотелось бы установить, заключается в любопытном поверье, что, когда рождается ребенок, это один из предков семьи, вернувшийся, чтобы жить снова. Следы этого явления встречаются в ирландской литературе, а именно в одной из историй о Кухулине. Там мы читаем следующее: - Ультонцы приняли решение по поводу Кухулейна, потому что их жены и девушки очень любили его, ибо у Кухулейна в то время не было супруги. Вот что они посоветовали, а именно: искать для Кухулейна супругу, которая была бы ему приятна, и свататься к ней. Ибо для них было очевидно, что человек, имеющий рядом с собой спутницу, будет гораздо менее склонен покушаться на их девушек и добиваться расположения их жен. Кроме того, они беспокоились и боялись, чтобы смерть Кухулина не наступила раньше времени, и поэтому желали дать ему жену, чтобы он мог оставить наследника, ибо знали, что именно от него самого произойдет его возрождение (*athgein*). Именно это читаем в копии одиннадцатого века древней рукописи *Книги Коров Дун*, fo. 121^b; и это атавистическое верование, которое было затронуто в связи с трансформациями, обсуждавшимися в последней главе, о чем нет нужды говорить, хорошо известно антропологу в других местах, как можно убедиться, ознакомившись с первыми страницами второго тома "*Первобытной культуры*" д-ра Тайлора. Там он упоминает, что эта идея знакома американским индейцам, различным африканским народам, маори и аборигенам Австралии, черемисским татарам и саамам. Среди этих народов слова дона Дьего, обращенные к его сыну-победителю, Киду, вряд ли можно не истолковать в каком-то буквальном смысле, когда он восклицает: -...

..... ton illustre audace

Возроди в себе героя моей расы.

Вернемся к Кухулайнну и обратим внимание на утверждение, что он и его отец Суалдаим были освобождены от кувада, что указывает на то, что они не принадлежат к той же расе, что и ультонцы, то есть к *Fír Ulaid*, или "истинным ультонцам" - предположительно древним жителям Ольстера. Более того, у нас есть указание на то, откуда пришла его семья, ведь первое имя Кухулайнна было *Сетанта Бег*, "Малый Сетантиан", что указывает на побережье нынешнего Ланкашира, как уже указывалось выше на с. 385. Еще одна черта, которая отличает Кухулайнна от других ультонцев, - это вера последнего в то, что он должен возродиться из самого себя. Смысл этого замечательного утверждения заключается в том, что в Ольстере в то время, о котором повествует история Кухулина, существовали две социальные системы, и одна из них признавала отцовство, а другая - нет. Таким образом, чтобы Кухулайнн возродился сам, он должен был стать отцом ребенка, от которого должен был произойти человек, ставший возрождением или аватарой Кухулайнна. Другая система подразумевала происхождение только по [рождению](#)¹⁰; и история Кухулайнна создает впечатление, что она рассматривает эту систему как преобладающую, а семья Кухулайнна с ее отцовской родословной - как исключение. Во всяком случае, именно так я теперь понимаю отрывок, полное значение которого до недавнего времени ускользало от меня.

Уже упоминалась история о том, что Кухулайнн сам был перерожденцем, а именно Лугом, и эта история заслуживает дальнейшего рассмотрения в связи с вопросом о расе, к которому было привлечено внимание читателя. Однако нет нужды говорить, что сохранились фрагменты большего количества историй, чем одна о происхождении Кухулайнна. Иногда, как в *Книге Лейнстера*, fo. 119^a, он называется *gein Loga*, или отпрыск Луга, а в эпическом сказании *Táin Bó Cuailnge* Луг, как его отец, приходит из *Сиды* или Фейри, чтобы занять место Кухулайнна в поле, когда тот изнемогает от бессонницы и труда. Луг поет над ним *éli Loga*, или

"чары Луга", и Кухулайнн получает необходимый отдых и [сон11](#): об этом мы читаем в *Книге Коровьего Дуна*, fo. 78^a. В другой версии этой истории Кухулайнн является воплощением Луга: в повествовании рассказывается о том, как Дехтере, сестре Конхобара Макнесса, короля Ольстера, приняла приемного сына. Но ее приемный сын умер молодым, к великому горю Дехтере; и в день его похорон, когда ее мучила жажда, она по неосторожности проглотила вместе с напитком маленькое существо, которое вскочило ей в рот. В ту ночь ей приснился сон, в котором мужчина сообщил ей, что она беременна, что именно он находится в ее чреве, что он был ее приемным сыном и что его зовут Луг; кроме того, когда он родится, его будут звать Сетанта. После инцидента, который я могу расценить лишь как неуклюжую попытку соединить более примитивную легенду с историей, в которой он назван сыном Суалдайма, она рождает мальчика, и его должным образом называют [Сетанта12](#): это было первое имя Кухулайнна. Теперь сравните это с тем, что упоминает д-р Тайлор в о случае с саамами, а именно: "Будущей матери во сне сообщали, какое имя дать ребенку, причем это сообщение обычно давал ей сам дух умершего предка, который должен был воплотиться в [ней13](#)". Если же мать не получала такого указания во сне, родственникам ребенка приходилось прибегать к магии и помощи мудреца, чтобы узнать, какое имя дать ребенку.

Здесь достаточно сказать, что сходство между ирландской и лапландской идеей настолько близко и настолько не похоже ни на что из известных арийских, что это стоит иметь в виду. Вера в перерождение в целом кажется частью более широкой веры в переселение душ, связанной с учениями древних друидов, класса шаманов или знахарей, которые, как уже говорилось, вероятно, не были кельтского или арийского происхождения; и, вероятно, верования, о которых здесь идет речь, были верованиями некоторых неарийских народов этих островов, а не арийцев, которые поселились на них. Эта точка зрения вряд ли должна рассматриваться как несовместимая с тем фактом, что имя Луга, родительный падеж *Loga*, , по-видимому, означало свет, и что Луг был богом солнца, очень возможно, кельтским богом солнца: или, правильнее говоря, что существовал ряд Лугов, так сказать, богов солнца, называемых в древней Испании, Швейцарии и на берегах Рейна [Луговыми14](#). Ибо возникает сильное искушение рассматривать это как спасение с обломков теории солярного мифа, в отличие от тех, кто, принимая во внимание главным образом профессиональное мастерство и ремесло Луга, описанное в ирландской истории, делает из него своего рода Гермеса или Меркурия. Другими словами, мы должны либо считать, что кельтский Луг стал центром некоторых некельтских легенд, либо предположить, что ни Луг, ни его имя вообще не имеют арийского происхождения. Трудно сказать, какая точка зрения более обоснована.

Следующий вопрос, который я хочу предложить, касается этнологии фей; но прежде чем перейти к нему, нужно спросить, как происходила эволюция фей. Представление о феях, с которым валлийцы знакомы с детства, явно включает в себя элементы двух различных происхождений. Некоторые из этих элементов, несомненно, происходят из мастерской воображения, как, например, распространенное представление о том, что еда и питье приносятся феям просто силой желания, без помощи слуг; или представление, особенно распространенное в Арфоне, что феи обитают в стране под озерами Сноудона; не говоря уже о более общей связи определенного класса фей с миром вод, как указано в главе vii. Добавьте к этому, что умерший предок также, вероятно, внес свой вклад в наши представления о них; но это также содержит элемент факта или чего-то, что, во всяком случае, может быть воспринято как историческое. Под этим заголовком я должен поместить следующие положения веры о них: Мелкость их кожи и маленький рост, их жилище под землей, их нелюбовь к железу и сравнительная бедность их домов в отношении полезных предметов мебели, их глубоко укоренившееся возражение против того, чтобы зеленая трава была разорвана плугом, успех жены феи в уходе за домашними животными и молочным

хозяйством, ограниченный диапазон способности фей к счету; и, наконец, можно упомянуть об использовании ими своего собственного языка (с. 279), что подразумевает время, когда маленький народ не понимал ничего другого, и объясняет, почему они должны быть представлены занимающимися своими делами, не произнося ни единого слова (с. 161).

Приписывание этих и подобных характеристик феям вряд ли может быть простым подвигом фантазии и воображения: скорее, это результат того, что наши предки спроецировали на воображаемый мир примитивную цивилизацию, через которую, согласно традиции, прошла их собственная раса, или, что более вероятно, цивилизацию, в которой они видели или думали, что видели другую расу, живущую на самом деле. Обратимся также за примерами к двум легендам об озерах, которые только что были упомянуты (с. 650): в обеих из них проводится различие между представлениями о хлебе у феи озера и у мужчин и женщин страны. Для феи хлеб последних казался гофрированным или перепеченным: возможно, отсталая цивилизация, к которой, как предполагалось, она принадлежала, довольствовалась чем-то вроде пресного хлеба, а то и вовсе едой, в которую не входило ничего, заслуживающего названия "хлеб". Свидетельство тому - рассказ Гиральда Камбрэнского об Илиодоре, в котором хлеб бросается в глаза своим отсутствием, а ближайшим приближением к нему является нечто, напоминающее по консистенции кашу: см. стр. 270 выше. Затем возьмем другой порядок идей: юноша в обеих озерных легендах живет с матерью (с. 3, 27): у него нет отца, который мог бы дать совет или защитить его: в этом отношении он находится на одном уровне с Ундиной, которая является протеей своего утомительного дяди, Кюхлеборна. Похоже, он принадлежит к первобытному обществу, где господствуют матриархальные идеи и где с отцовством не *считаются*¹⁵. Во всяком случае, мы вправе предположить, что так было в оригинале, до того как рассказчик изобразил мать вдовой и придал картине другие штрихи своей позднейшей кисти.

Однако говорить о том, что отцовство просто не учитывается, - это еще не значит зайти достаточно далеко; поэтому нам придется вернуться, чтобы еще раз взглянуть на воображаемый аспект фей, на который мы только что бегло намекнули. Читатель, возможно, вспомнит крепкого кузнеца из Истрад-Меурига, который не стал сводить представления о феях, сложившиеся у него в детстве, к представлениям более позднего поколения, окружавшего его. В любом случае, он помнит утверждение кузнеца, что *все феи были женщинами*: см. с. 245. Эта мысль уже была знакома мне как валлийцу, хотя я не могу вспомнить, как я ее воспринял. Но слова кузнеца сразу же напомнили мне историю Кондла Руада, или Красного, - одну из сказок, впервые записанных в ирландской литературе (с. 291). В ней девица, увозящая Кондла в своей стеклянной лодке в царство Вечноживущих, поет хвалу этой восхитительной стране и использует, среди прочего, следующие слова, которые встречаются в *Книге Королья Дуна*, fo. 120:-

*Ni fil cenel and nammá acht mná ocus ingena*¹⁶.

Там нет расы, кроме одних женщин и дев.

Каким же людям могла прийти в голову идея о расе, состоящей только из женщин? Конечно, не те, кто считал, что у них самих есть отцы: это должно быть какое-то сообщество, стоящее так низко в шкале цивилизации, что у него никогда не было понятия об отцовстве: только его невежество сделало бы возможным представление о расе одних женщин. То, что в прошлом многие народы верили в это, доказывается появлением широко известных легенд о девственных *матерях*¹⁷; не говоря уже о том, что недавно было установлено, что есть

дикари, которые и по сей день занимают то низкое место в шкале цивилизации, о котором здесь говорится. Свидетельство Спенсера и Гиллена в их недавно опубликованной работе *"Туземные племена Центральной Австралии"*, а также то, что Фрейзер, автор *"Золотой ветви"*, говорит о данном отрывке в первой книге следующим образом:-

Таким образом, по мнению этих дикарей, каждое зачатие является тем, что мы привыкли называть непорочным зачатием, поскольку оно происходит благодаря вхождению в мать духа, не имеющего никакого контакта с другим полом". Изучающие фольклор давно знакомы с представлениями такого рода, встречающимися в историях о рождении чудесных личностей, но это первый случай, когда племя верит в непорочное зачатие как единственную причину рождения каждого человеческого существа, появляющегося на свет. Народ, столь невежественный в отношении самых элементарных природных процессов, вполне может оказаться на самом дне шкалы [дикарей](#)¹⁸.

Тем не менее, именно к такому низкому положению населения в далекой предыстории этой страны можно отнести веру в то, что все феи были женщинами. Это следует рассматривать как положение, явно более низкое, чем положение ультонов во времена Кухулина; ибо кувад, как мне кажется, утверждает понятие отцовства - возможно, в их случае настолько ясное понятие отцовства, насколько это было возможно для сообщества, которое еще не совсем вышло из распутной стадии общества.

Неокельтские народы этих островов состоят, если говорить грубо, из смеси вторгшихся кельтов с более ранними жителями, которых кельты застали в своих владениях. Эти две или более групп народов могли находиться на очень разных стадиях цивилизации, когда они впервые вступили в контакт друг с другом. Они, несомненно, сходились во многом, и, возможно, в том числе в унаследованном нежелании раскрывать свои имена, но кельты как арийцы никогда не обходились без десятичной системы счета. Как и французы, кельтские народы современности проявляют более или менее заметную тенденцию идти дальше и считать не десятками, а сотнями. Но только валлийцы в некоторых случаях вернулись от счета десятками к счету пятерками, что они и делают, когда считают от 10 до 20: ведь 16, 17, 18 и 19 по-валлийски - это 1 на 15, 2 на 15, 3 на 15 и 4 на 15 соответственно; и то же самое с 13 и [14](#)¹⁹. Мы уже видели, как фея озера пересчитала по пятеркам (стр. 8, 418) всю живность, которая должна была достаться ей в приданое; в остальном же можно заметить, что феи неизменно оперируют самыми простыми числами. Так, например, если вы хотите найти человека, которого они увели, десять к одному, что вам придется отправиться "в этот день в следующем году" на то место, где он исчез. За исключением манящего света полной луны, не может быть и речи о подсчете месяцев или недель, хотя нет нужды говорить, что правильно подсчитать год было бы, по сути, гораздо сложнее; но ничто не звучит проще, чем "этот день следующего года". Таким образом, в этой простой арифметике фей мы, похоже, находим следы неарийской расы, то есть, вероятно, каких-то ранних обитателей этих островов.

К сожалению, язык этих жителей вымер, так что мы не можем напрямую обратиться к их цифрам; и следующим лучшим вариантом будет взять в качестве замены их языка язык возможных родственников докельтской расы в этой стране. Теперь студенты-этнологи, особенно те, кто занимается исследованием черепов и шкур, говорят нам, что среди нас, в частности в Уэльсе и Ирландии, живут представители темноволосой, длинnochерепной расы того же описания, что и один из типов, встречающихся, как они утверждают, среди баскского населения Пиренеев. Соответственно, мы обращаемся к баскскому языку, и что же мы находим? А то, что первые пять числительных в этом языке - *bat, bi, iru, lau, bost* - все они кажутся родными; но когда мы переходим к шестому числительному, у нас появляется *sei*, которое выглядит как арийское слово, заимствованное из латыни, галльского или какого-

то родственного языка. Аналогично обстоит дело и с "семеркой", ведь в баскском языке это *zazpi*, которое также, вероятно, является арийским заимствованным словом. В баскском языке есть родные слова *zortzi* и *bederatzi*, обозначающие восемь и девять, но они длиннее, чем первые пять, и, по-видимому, являются более поздними образованиями, в которых, как и в *sei* и *zazpi*, присутствует окончание *i*. Поэтому я считаю, что здесь мы имеем свидетельство существования на западе Европы народа, который в свое время считал только до пяти. Некоторые из ранних народов Британских островов, возможно, находились на том же уровне, так что наши представления о феях, вероятно, в большей или меньшей степени заимствованы из представлений кельтов о тех некельтских, неарийских туземцах, чью страну они захватили.

Что касается моей апелляции к авторитету краниологии, то я должен признаться, что она сделана с некоторой долей оговорки, поскольку дело обстоит гораздо менее просто, чем кажется на первый взгляд. Так, в августе 1891 года Кембрийская археологическая ассоциация, среди которых был и профессор Сейс, посетила юго-запад Ирландии. Во время наших приятных экскурсий по Керри вопрос о расе был одной из постоянных тем, а профессору Сэйсу увиденное в Ирландии напомнило его визит в Северную Африку, особенно в холмистые районы страны, населенные берберами. Среди прочего он говорил, что если в ирландскую деревню привезти несколько берберов с гор и одеть их как ирландцев, то он уверен, что не сможет отличить их от самих ирландцев, таких, каких мы видели во время наших блужданий по Керри. Это показалось мне тем более примечательным, что речь шла о довольно высоких, голубоглазых мужчинах, чьи волосы нельзя было назвать черными. С другой стороны, возможно, из-за невежества и небрежного отношения к окружающим меня вещам, я несколько скептически отношусь к смуглым длинноногим черепам: в Ирландии они не встречались нам на каждом шагу, а что касается Уэльса, который я знаю так же хорошо, как и большинство людей, то в силу своего незнания краниологии я не могу с уверенностью сказать, что когда-либо замечал огромное количество представителей этого типа. Однако я хотел бы увидеть головы некоторых певцов, которых я заметил на наших *Eistedfodau* в Кардиффе, Абердаре и Суонси, под руками опытного специалиста по черепам. Ибо я давно подозревал, что мы не можем считать арийским происхождением вокальный талант, столь распространенный в Уэльсе и столь заметный в наших хорах рабочих людей, что поражает всех великих музыкантов, посетивших наш национальный фестиваль. Несомненно, раса имеет не малое отношение к художественным чувствам: например, коротышка может быть таким же немзыкальным, как и я; но разве кто-нибудь в этой стране когда-нибудь знал, чтобы узкий длинный череп был наоборот немзыкальным? Или кто-нибудь когда-нибудь задумывался о том, как мало священнослужителей высокого роста, светловолосых и голубоглазых были обращены в обрядовое и эстетское движение в Церкви Англии?

Поскольку мне кажется, что основную массу валлийцев следует отнести к короткочерепным, было бы очень приятно увидеть, как те, кто привык свободно ссылаться на темнокожих длинночерепных жителей Уэльса, соберут приличное количество экземпляров. Я верю, что их можно найти много; и, конечно, меня не волнует, как они будут добыты - с помощью мгновенного процесса фотографии или в сетях какого-нибудь антропометрического спортсмена, например доктора Беддоу. Пусть они будут получены в любом случае, чтобы можно было быть уверенным, что тип по-прежнему численно безопасен, и судить своими глазами о том, как длинные и смуглые головы выглядят на плечах живых валлийцев. Тогда мы сможем сравнить с ними и распространенное описание фейских подменышей; ведь когда феи крадут милых белокурых младенцев, вместо них они обычно подкладывают своих, похожих на стариков, детей с короткими ногами, бледной кожей и писклявыми голосами. К

несчастьем для меня, все взрослые подменыши, о которых мне довелось услышать хоть что-то, умерли за несколько лет до того, как я начал изучать население Фейри, за исключением, пожалуй, одного, чье имя я узнал под грифом "секретно". Это была жена фермера, жившего неподалеку от Нефина, в Западном Карнарвоншире. Шептались, что она была подменным, поэтому я склонен считать ее не иначе как одной из представительниц того же аборигенного племени, к которому, как можно предположить, принадлежали и некоторые из ее соседей; она должна быть крайним образцом этого типа. Остается надеяться, что фотограф и его антропометрический брат вовремя и с юмором обнаружили ее; но прошло уже много лет с тех пор, как я о ней слышал.

Если снова вернуться к феям, то некоторые из них описываются как более милые и симпатичные, чем остальные (с. 83, 250), но женщины-феи всегда изображаются очаровательными, хотя их потомство в качестве подменных столь же единообразно представлено в свете отталкивающих урчаний; а целые группы фей иногда описываются как уродливые лицом и вороватые нравом - такие, например, как *anfabon*, в Гламорганшире (с. 262). Есть, однако, один район, который является исключением из общей картины физиономий фей: это окрестности Пеннанта, в Карнарвоншире, вместе с холмами и долинами, грубо говоря, от *Cwm Strayn* до *wytmor* и от *Drws y Coed* до *Dolbenmaen*. Говорят, что феи из этого района были выше остальных и отличались светлыми или даже льняными волосами, а также голубыми глазами: см. с. 89, 93-7, 105-8. И это еще не все, ведь нам говорят, что они не позволят человеку с темным цветом лица приблизиться к ним (с. 96). Другие феи при похищении, правда, предпочитали белокурых младенцев других народов своим смуглым отпрыскам, что, возможно, означает, что политика их народа состояла в том, чтобы пополнять свои ряды мужчинами, превосходящими по телосложению более могущественное население вокруг них. Предполагаемая прародительница фей жителей долины Пеннант носит в рассказах такие имена, как Пенелопа, Белла, Пелиша и Сиби, а ее потомков до сих пор дразнят их происхождением - ссора, которая, насколько мы помним, велась кулаками на ярмарках в Пенморфе и других местах. Это, по-видимому, указывает на сравнительно позднее [поселение20](#) в округе семьи или группы семей извне и, следовательно, на происхождение, несколько сходное с происхождением *Симихиц* и *Каупериц* (стр. 67) из более восточной части того же графства, а не на то, что они заслуживают внимания вместе с остальными летописями Фейри. Итак, проезжая мимо этого оазиса, те моментальные фотографии, которые мне удалось сделать, так сказать, сказочной страны, очищенной от гламура, лежащего на ее ландшафте, открывают взору смуглое население низкорослых обрюзгших мужчин, занимающих самые недоступные районы нашей страны. Похоже, что они больше заботились о мыле, чем об [одежде21](#), и жили молоком, которое принимали раз в день, когда могли его достать. Они, вероятно, ловили рыбу и охотились, держали домашних животных, включая, возможно, свинью; но во многом они зависели от того, что могли украсть ночью или в туманную погоду. Однако их воровство не вызывало недовольства, поскольку считалось, что их визиты приносят удачу и процветание (с. 251). Их общины образовывали как бы острова, поскольку окружающая их страна была отвоєвана у них более воинственными людьми и снабжена лучшим оружием. Но существованию разрозненных групп фей не угрожал насильственный конец: они были в безопасности благодаря суеверным убеждениям своих более сильных соседей, которые, вероятно, считали их грозными волшебниками, способными, помимо прочего, вызывать или лечить болезни по своему усмотрению. Таковы, без необходимости освежать в памяти то, что было написано о карликовых расах в других частях света, впечатления, которые произвели на меня в процессе анализа и просеивания фольклорных материалов, собранных в этом томе. Разумеется, это относится только к феям в их характере реального народа, в отличие от них как созданий воображения. Но, поскольку я не желаю заслужить неудовольствие моих

друзей-литераторов, позвольте мне поспешить сказать, что я признаю последних, существ воображения, настоящими феями, восхищением детства и отчаянием зрелых лет: другие люди - аборигены, которых я пытался изобразить, - составляют лишь своего рода субстрат, своего рода фон для картины фей, которую я был бы последним человеком, который хотел бы омрачить.

Нет нужды говорить, что у нас нет никаких следов фей, приближающихся по размерам к шекспировской королеве Маб; ведь, в конце концов, наши феи в основном представлены как не слишком непохожие на других людей по внешнему виду - не настолько непохожие, на самом деле, чтобы другие люди не могли быть приняты за них время от времени вплоть до второй половины пятнадцатого века. Свидетельство тому - следующий отрывок из книги сэра Джона Уинна "*История семьи Гвидир*", стр. 74.

Приобретая эту аренду, он перенес свое жилище в замок Долвиджелан, который в то время был частично пригоден для жилья, где обитал некто Хауэлл ап Джеван ап Рис Гетин, в начале правления Эдуарда Четвертого, капитан графства и разбойник. Против этого человека восстал Дэвид ап Дженкин и стал бороться с ним за суверенитет графства; и, будучи выше его, в конце концов натаскал на него тягу, взял его в постели в Пенанмене с наложницей, сделав хитростью то, что не смог сделать силой, и привез его в замок Конвей. Таким образом, после долгих препирательств между Хауэллом и Дэвидом ап Дженкином, тот, будучи слишком слабым, был вынужден покинуть графство и отправиться в Ирландию, где он пробыл год или около того. В конце концов он вернулся летом, одел себя и всех своих последователей в зеленое, и, придя в графство, разошелся по своим друзьям, скрываясь днем и гуляя по ночам, опасаясь своих противников; и те из графства, кто случайно видел его и его последователей, говорили, что это феи, и убегали".

Но то, что, несомненно, помогло, прежде всего, увековечить веру в существование фей, можно назвать популярной ассоциацией с ними кругов в траве, широко известных в английском языке как кольца фей. Это явление, должно быть, на протяжении многих веков служило нашим предкам, практически говоря, для наглядной демонстрации, как, несомненно, и сейчас во многих деревенских кварталах.

Наиболее распространенное название фей на валлийском языке - у *Tylwyth Teg*, "Прекрасная или красивая семья"; но в Южном Кардиганшире мы находим их под названием *Plant Rhys Dwf*, "Дети Риса Глубокого" (с. 151, 158), а в Гвенте и Морганнвеге они более известны как *Bendith y Mamau*, "Благословение матерей" (с. 174). Наш поэт XIV века Д. аб Гвиллим использует первый упомянутый термин, *Tylwyth Teg*, в поэме xxxix, а в нашей прозаической литературе есть слово *corr*, *cor* в смысле карлик, и *corres* для карлика. В старом корнуэльском языке также было *cor*, которое в бретонском языке пишется *korr*²², с женским родом *korrez*, а среди других производных можно найти *korrik*, "карлик, фея, маленький колдун", и *korriges* или *korrigan*, "карлица, женщина-фея, уменьшительная колдунья". Использование этих слов в бретонском языке напоминает о случае, когда *кор*, называемый *Rhudlw* или еще *Eidilig*, обучал своей магии Ко, сына Кофруи: см. с. 326, 503, 505. Затем в романах появляются жуткие карлики, такие как, например, грубый *Кор* на службе у Эдерна аб Нуджа, описанный по-французски в романе Кретьена "*Эрек и Энид*" и по-валлийски в романе *Герейнта ваб Эрбина*, а также *Кор* и *Коррес*, фигурирующие в истории о Передуре. Последние принадлежали отцу и матери героя до распада семьи, когда карлики отправились ко двору Артура, где прожили целый год, ни с кем не разговаривая. Когда же там появился Передур, они громко приветствовали его как вождя воинов и цветок рыцарства, чем навлекли на себя гнев Кая, которому Передур в конце концов отомстил за них. В *случае*²³ Эдерна и Передура мы видим, что гномы преданно интересуются судьбой своих хозяев и

друзей своих хозяев. К ним же можно отнести и оборотня Менва, который, хотя и не выставлен в столь невыгодном свете, вероятно, должен быть причислен, как можно понять из его имени и роли волшебника-разведчика для людей Артура (с. 510). В подобной привязанности фей, которая временами могла перерасти в преданность постыдного характера (с. 250), мы, кажется, имеем один из зародышей идеи домашней феи или *банши*, как показано на примере уродливой маленькой женщины в легенде о Пантаннасе (с. 188); и кажется естественным рассматривать заинтересованные голоса в легенде о Кенфиге и других историях того же рода (с. 452) как примеры слияния идеи феи с идеей родового человека.

В любом случае, мы получили нечто, что можно поставить в один ряд с уже отмеченными примерами о фее, которая сначала против своей воли отдает свои услуги в молочной своего похитителя (с. 45, 87); о другой фее, которая работает сиделкой в семье в долине Пеннант, пока ее не попросят лучше одеваться (с. 109); о *Bwca'r Trwyn*, который охотно и хорошо работает как в доме, так и в поле, пока его не обманывают (с. 593-6). Чтобы сделать этот краткий обзор полным, необходимо упомянуть фей, которые помогали Эйлиан прясть (с. 211-3), и не забыть о тех, кто, как выяснилось, приходил на помощь женщине в отчаянии и помогал ей при условии, что она получит ребенка. Мотив здесь, вероятно, не следует путать с мотивом фей, которые тайком обменивались младенцами: в данном случае объяснение, по-видимому, заключается в том, что феи или некоторые из фей когда-то считались каннибалами, что подтверждается такой историей, как история Канрига Бвта, "Канрига-обрубщика". Говорят, что в *Canberis* она жила под огромным камнем, называемым у *Gromlech*, "дольмен", напротив *Cwmglas* и недалеко от дороги, ведущей к перевалу. Когда пришел человек, которому суждено было ее отправить, она как раз заканчивала ужинать плотью младенца. Есть следы подобной истории в другом районе, так как писатель, опубликовавший книгу в 1802 году, использует следующие слова: "Недавно недалеко от Серриг-и-Друдион, в Мерионетшире, было подземелье, сложенное из больших камней, которое называлось *Карчар Синрик Рвт*, то есть "Тюрьма Синрика Рвта", и о нем рассказывали путешественники". Синрик Рвт может быть переведен как "Синрик жадный или широкомордый". По другой версии, похожая тварь находится на возвышенности в Бвлх-и-Рхив-Фелен, на пути из Хэнго в Андегла, и местная традиция считает ее современницей [Артура24](#). Я склонен считать, что кромлех в Квмгласе скорее естественный, чем искусственный; однако меня поражает тот факт, что феи нередко находятся на древних местах или рядом с ними, например, в Корврионе (с. 57, 526), на окраине *yn Irdyn* (с. 148, 563), в Брин-и-Пибионе (с. 212-4), в Динхэне (с. 227), Карн Бодуан (стр. 227), на котором, как мне сказали, есть стены и фундаменты хижин, похожие на те, что я недавно видел на Карн Фадрун в том же районе, лагерь Моэддин (стр. 245) и, возможно, скала Йнис Гейнон и ближайшие окрестности Крейг-и-Нос, ни одну из которых я, однако, никогда не посещал (стр. 254). Местное знакомство с каждым центром фей вполне может позволить составить список, который будет наводить на размышления.

Мимоходом можно заметить, что жуткий карлик из кельтской истории, по-видимому, так или иначе послужил образцом для других карликов во французских романах и литературах других народов, попавших под влияние этих романов, например, английской. Но эта тема слишком велика, чтобы рассматривать ее здесь; поэтому я возвращаюсь к слову *cor*, чтобы напомнить читателю о намеке, сделанном на стр. 196, на некий народ, называемый *Coranneit* или *Coranueit*, произносимый в более позднем валлийском *Coránjaid*, "коранныйцы". Они приходят в Приключения *ŷelys* и *ŷelys*, и там им приписывают одну из характеристик непревзойденных магов, а именно способность слышать любое слово, которое соприкасается с ветром; поэтому, как нам говорят, было невозможно причинить им вред.

Однако [ŋū](#) посоветовал обойти их следующим образом: он должен был растолочь в воде некоторых насекомых и окропить этой водой кораннийцев и своих людей без разбора, созвав их вместе под предлогом заключения мира между ними; так как окропление не причинит вреда его собственным подданным, а других убьет. Эта нечестивая вода оказалась действенной, и все кораннийцы погибли. Приписываемая им магическая сила и способ избавления от них придают им сказочный облик, а их имя, неотделимое от *cor* - "карлик", позволяет считать их феями, а их странные черты - реальным народом. Если мы примем эту точку зрения, что *Кораниады* были именем реального народа, мы вправе считать возможным, что их имя подсказало кельтам слово *cor*, обозначающее карлика, а не то, что *cor* подсказало имя кораннийцев. В любом случае, я могу отметить, что валлийские писатели иногда считают - и, вероятно, они правы, - что мы имеем близкородственное слово в названии птолемеевских *Coritani* или *Coritavi*. Он представляет так называемый народ как обитающий, грубо говоря, между Трентом и Норфолком и владеющий двумя городами - *Линдум*, "Линкольн", и *Рамæ* (р. 547), предположительно Лестер. Там, соответственно, мы должны предположить, что старая раса сохранилась так долго и в таком количестве, что кельтские владыки южной Британии называли жителей этой области именем, означающим "карлики". Также можно предположить, что они были спокойны от захватчиков с континента из-за труднодоступности болот и отсутствия привлекательных гаваней на побережье от страны иценов до окрестностей Хамбера. Насколько далеко простиралась их территория вглубь страны от болот и моря, сказать не может, но, возможно, она занимала половину территории современного Нортгемптоншира с местом под названием *Пичли*, от более древнего *Пихтес Леа*, что означает Луг Пикта, или, иначе, человека по имени Пикт. В любом случае, оно включало в себя Кройланд в болотах между Питерборо и Уошем. Именно там в конце седьмого века святой Гутлак построил свою келью на склоне древнего кургана, и именно там его атаковали демоны, говорившие на *бриттском* или британском языке, который святой знал, поскольку был изгнанником среди бритонов. Для этого ему, вероятно, не пришлось далеко путешествовать; примечательно, что фамилия его отца была *Пенуолл*, что можно рассматривать как приблизительно бриттское "конец стены". Иными словами, он был "такой-то и такой-то из конца Стены" и стал известен под этим названием вместо своего собственного *имени*, которое не записано, возможно, по той причине, что оно было настолько бриттским, что не могло быть легко переведено в англиканскую или латинскую форму. Нет полной уверенности в том, что он принадлежал к королевскому роду Мерсии, чья генеалогия, однако, может похвастаться такими неанглийскими именами, как Пибба, Пенда и Пеада; но в [жмтuu25](#) говорится, что он был человеком, чья родословная включала самые знатные имена прославленных королей из древнего рода Исландии: то есть он был одним из *Иклингеров* или *Иклингсов*[26](#). Здесь возникает соблазн совершить небольшую глоттологическую алхимию, заменив *l* на *n*, и предположить, что *lclingas* - это форма, которую приняло в английском языке название древнего народа *иценов*. В любом случае, нет ничего более разумного, чем предположить, что некоторые представители королевского рода Прасутага и Боудикки, спасаясь от римского меча, нашли убежище среди коританцев во время окончательного поражения своего народа: возможно даже, что они уже были там правящей семьей. Во всяком случае, несколько признаков сходятся в том, что общины, говорящие на британском языке, были не так уж далеки: имена *p* в генеалогии мерсийцев, фамилия отца Гутлака, изгнание Гутлака среди бритонов и нападение на него в Кройланде бритоноязычных врагов. Часть коританской территории по своей природе была идеально приспособлена для того, чтобы служить убежищем для сломленного народа с запоздалым языком: свидетельство тому - уже в одиннадцатом веке Херевард на острове Эли противостоял нормандскому завоевателю и его закованным в латы [рыцарям](#)[27](#).

Среди носителей гойдельского языка в Ирландии и Горной Шотландии феи получили свое название главным образом от слова *síd* или *síth* (родительный *síde* или *sída*), которое, возможно, имеет общее происхождение с латинским словом *sēdes*, и первоначально означало место или поселение, но рано или поздно стало означать просто обиталище фей, поэтому в средневековом ирландском языке их называли *aes síde*, "народ фей", *fer síde*, "мужчина-фея", и *ben síde*, "женщина-фея или *банши*". От прилагательного *síd*, по-видимому, образовалось прилагательное *síde*, "из или принадлежащий к *сидам*", так что их можно встретить и просто *síde*, как в "Гимне Фиакка", где нам рассказывают, что до прихода святого Патрика языческие племена Эрина поклонялись *сидам* или *феям*²⁸. Заимствованное из этого или подсказанное *um*²⁹, валлийское *Caer Sidi*, "Крепость фей", дважды упоминается в *Книге Талиессина*³⁰. Впервые она встречается в конце поэмы xiv, где есть следующие строки, которые напоминают ирландские описания *Tura na nÓg* или Земли Молодых:-.

Ys kyweir vyg kadeir ygkaer sidi.

Nys pla□d heint a heneint a uo yndi.

Ys gwyr mana□yt a phryderi.

Teir oryan y am tan agan recdi.

Ac am y banneu ffrydyeu g□eilgi.

Ar ffynnha□n ffr□ythla□n yssyd oduchtī.

Ys whegach nor g□in g□yn yllyn yndi.

Прекрасно мое место в крепости Сиди,

Ни вредители, ни возраст не мучают того, кто там живет:

Манавиджан и Прайдери знают его.

Три органа играют перед ним у огня.

По его углам текут океанские потоки,

А над ним - плодородный фонтан,

И слаще белого вина напиток в нем.

Вино упоминается в другом месте, но расположение органов вокруг огня требует пояснений, которые я не могу дать. Крепость находится на острове, и в стихотворении xxx *Книги Талиессина* мы читаем об Артуре и его людях, плывущих туда на корабле Прайдвен: стихотворение обычно называется "Трофеи Аннуна", и строки, о которых идет речь, звучат так: - Bu kyweir karchar

Bu kyweir karchar g□eir ygkaer sidi.

Tr□y ebostol p□yll aphryderi.

Neb kyn noc ef nyt aeth idi.

Yr gad□yn tromlas kywirwas ae ketwi.

Arac preideu ann□fyn tost yt geni.

Ac yt ura□t paraha□t ynbard wedi.

Tri lloneit prytwen yd aetham ni idi.

Nam seith ny dyrreith o gaer sidi.

Прекрасной была тюрьма Гвайр в Каэр Сиди,

благодаря Пвию и эмиссару Прайдери.

До него никто не входил в нее,

На тяжелую темную цепь, которую держал верный юноша;

И перед трофеями Аннуна горестно пел он,

И с тех пор до самой смерти он остается бардом.

Три воза Прюдвена отправились мы туда,

Но только семь вернулись из Каэр Сиди.

Инциденты в этих строках мне в основном непонятны, но заточение Гвейра или Гвайра вместе с другими заточениями, включая заточение Артура в Каэр Оет и Аноет (стр. 619), упоминается также в Триадах: см. i. 50, ii. 7, 49, iii. 61. Не исключено, что в легенде о Гвайре его тюрьма находилась на Ланди, поскольку валлийское название этого острова, по-видимому, было *Ynys Wair*, "Остров Гвайра". Пви и Придери не принадлежали Аннуну, как и друг Придери Манавиджан; но в "*Мабиноги*" о Пви рассказывается, как Пви на целый год обменялся короной и королевством с Арауном, королем Аннуна, от которого он получил первую породу домашних свиней для своего народа (с. 69, 525).

В низменных районах Шотландии, а также на Оркнейских и Шетландских островах пикты в определенной степени заняли место наших фей, и в просторечии их называют пехтами. Судя по останкам, которые там приписывают пехтам, их жилища были либо полностью подземными, либо так засыпаны камнями, землей и травой, чтобы выглядеть как естественные бугры и не привлекать внимания чужаков. Этому способствовало то, что вход в жилище был очень низким и по возможности незаметным. Но одна из самых примечательных вещей в этих *сидах* заключается в том, что камеры в них часто настолько малы, что это несомненно доказывает, что те, кто в них жил, были очень маленького роста, хотя вес использованных камней показывает, что строители не были обделены телесной [силой](#)³¹. Таким образом, перед нами маленький народ, похожий на наших фей. В Ирландии одного из самых известных королей фей звали Мидер из Бри Лейт, он жил в *сиде* или кургане в окрестностях Ардага, в графстве Лонгфорд; по ирландской легенде, он унес Этейн, королеву Эохайда Эйрема, короля Ирландии во времена Конхобара Макнесса. Целый год Эохайд не мог найти, где она находится, но его друид Далан написал Огамс и, наконец, выяснил это. Тогда Эохайд отправился в Бри Лейт и начал разрушать *сид* Мидера, после чего Мидер вконец перепугался и послал королеву к ее мужу, а сам отправился своей дорогой, оставив жителей кургана переваривать свой гнев. Ведь для них характерно, что они не сражались, а предпочитали оттягивать время для мести. В данном случае она пришла лишь спустя долгое время после дня [Эохайда](#)³². Я могу добавить, что Этейн сама была одной из *сид*, или фей; одной из причин, по которой Мидер забрал ее, было то, что она была его женой на предыдущей стадии существования. Правда, фея Мидера описывается как похожая на других героев ирландских сказаний, у нее золотисто-желтые волосы и яркие голубые [глаза](#)³³, но он полностью отличается от них, будучи не воином, а великим волшебником; и

хотя о нем не говорится, что он был маленького роста, карлики были не так уж далеки. Ведь описывая поэта Атерна, который славился своей скупостью (с. 635), рассказчик подчеркивает свои слова, представляя, как он берет у Мидера трех своих карликов и расставляет их вокруг собственного дома, чтобы их ехидные взгляды и грубые слова отгоняли любого, кто придет за гостеприимством или с непрошеной [просьбой34](#), - роль, напоминающая уже упоминавшегося карлика Эдерна аб Нуджа (с. 672). Здесь используется ирландское слово *corr*, которое, вероятно, следует отождествить с бриттским *cor*, "карлик", хотя более известное значение *corr* в ирландском - "журавль или цапля". От первого также вряд ли стоит отделять ирландское *corrguinigh*, "колдуны", и [corrguinacht35](#), или процесс проклятия, к которому прибегали *corrguinigh*, как, например, когда Неде вызвала смертельные волдыри на лице Кайера (с. 632). Казалось бы, эта роль как нельзя лучше подходила маленьким человечкам, которые были непревзойденными волшебниками.

Позвольте мне на время оставить маленьких людей, чтобы обратить внимание на другую сторону этого вопроса о расе. Недавно профессор Дж. Моррис Джонс из Университетского колледжа Северного Уэльса [показал36](#), что неарийские черты синтаксиса наших островных кельтов безошибочно указывают на древнеегипетский и берберский языки, вместе с родственными идиомами, принадлежащими южному берегу Средиземного моря. Таким образом, он перевел в членораздельную речь, так сказать, физиогномические убеждения профессора Сайса (стр. 665), к которым было привлечено внимание читателя. К лингвистическому аргументу он прилагает заявление, процитированное из французского авторитета и имеющее отношение к вопросу о происхождении по рождению, о том, что когда среди берберов король умирает или свергается, что случается достаточно часто, то преемником становится не его сын, а сын его сестры, как в случае с историческими пиктами Шотландии вплоть до двенадцатого века или около того. Здесь я хотел бы добавить, что профессор Сайс обратил мое внимание на старые египетские памятники, изображающие ливийских вождей с татуировками на теле, привычка, которая, похоже, еще не исчезла среди туарегов и [кабылов37](#). Наконец, г-н Николсон недавно обратил внимание на тот факт, что некоторые принцы древней Галлии изображены с татуированными лицами на некоторых монетах, найденных на западе Франции, вплоть до юга, где когда-то жили древние пиктоны. У нас есть исчерпывающий комментарий к этому в виде появления слова *Chortonicum* в высокогерманском манускрипте, написанном до 814 года: Я ссылаюсь на Вессобруннский кодекс в Мюнхене, в котором среди множества географических названий, связанных с Галлией и другими странами, этот вокабул расположен таким образом, что позволяет отнести его к Пуату или ко всей Галлии как стране, в которой когда-то жили древние пиктоны. Великий немецкий филолог Потт, обративший на него внимание, сразу же соотнес его с *Cruithne*, множественным числом *Cruithni*, "пиктами Британии и Ирландии", словом, которое было объяснено выше на с. [28138](#).

Теперь, наконец, я подхожу к вопросу: какая докельтская раса или расы дают о себе знать в массе вещей, затронутых в этой и предыдущих главах? Ответ, я думаю, следует признать, по крайней мере, двумя. Во-первых, это раса жителей курганов, состоящая из невысоких смуглых людей, карикатурно изображенных в наших сказках. Они представляли собой изолированные части широко распространенной расы, не имевшей никакого политического значения; но, несмотря на непоследовательность, с которой все связано с феями, странный и жуткий народ, выходящий из своих подземных логовищ, похоже, оказывал на другие расы своего рода постоянное заклинание таинственности, равносильное обожанию. В самом деле, ирландская литература говорит нам, что *сидам* поклонялись (стр. 678). Благодаря своей способности к преувеличению в сочетании с неспособностью понять маленький народ, кельт смог завещать великим литературам Западной Европы пестрый отряд карликов

и брауни, целый мир волшебства и магии. Настоящая раса маленьких людей образует самый низкий слой, до которого мы можем добраться, то есть находится на уровне, который, судя по всему, не выше, чем у современных аборигенов Центральной Австралии. Так, некоторые из историй рождения Кухулайнна и Этайн, похоже, прошли через их руки, и они имеют поразительное сходство с некоторыми представлениями саамов (с. 657-8). На самом деле, характер обитания нашего маленького народа, а также другие моменты, которые можно было бы упомянуть, на первый взгляд указывают на родство с саамами; но эксперты предупреждают [меня39](#), что существуют серьезные краниологические трудности на пути любого расового сравнения с саамами, и что нужно скорее обратиться к карликовым популяциям, когда-то широко распространенным в нашем полушарии, и все еще встречающимся то тут, то там в Европе, как, например, на Сицилии. Если приблизиться к нашим Британским островам, то наличие таких карликов было установлено в отношении Швейцарии в неолитические [времена40](#).

Другую расу можно назвать пиктами, что, вероятно, является самым ранним из названий, данных ей кельтами; их родство, по-видимому, ливийское, возможно, иберийское. Это воинственный род, стоящий выше, чем жители курганов; у него было понятие об отцовстве, хотя из-за своей распушенности он вынужден был считать происхождение по рождению (с. 654-6). К ней, вероятно, принадлежали все большие семейные группы, фигурирующие в "*Мабиногионе*" и соответствующем классе литературы на ирландском языке: сюда входили группа Дананн-Донн и группа Лир- $\square$ уг, а также семьи, представленные Пви и Рианнон, которые были неотделимы от группы $\square$ уг в валлийском языке, так же как группа Лир была неотделима от Туатха Де Дананн в ирландской легенде (с. 548-9). Пикты сделали рабов и грузчиков из расы охотников за курганами, но насколько сильно произошло слияние между ними, сказать невозможно. Однако даже без слияния эти маленькие люди, если они работали няньками у детей своих пиктских господ, не могли не наложить со временем свой отпечаток на язык правящей национальности. Но возможно, что отношение к пиктам в шотландских легендах как к разновидности фей действительно указывает на слияние, хотя не исключено, что археология сможет классифицировать остатки жилищ, приписываемых пехтам, то есть отнести один класс к воинственным пиктам истории, а другой - к карликовой расе *сидов*. Определенную степень слияния может иметь и ирландская традиция, согласно которой, когда милезийские ирландцы пришли и завоевали страну, побежденные Туатха Де Дананн отказались от наземной жизни и удалились в холмы, подобно феям. Этот рассказ о них может оказаться таким же бесполезным, как и история об истреблении пиктов в Шотландии: оба народа, несомненно, продолжали жить, чтобы со временем слиться с расой завоевателей; но он может означать, что некоторые из них отступили перед кельтами и спрятались по примеру маленьких человечков в подземных жилищах в менее доступных частях страны. В любом случае, вполне возможно, что свою магию и друидизм они получили от обитателей *сидов*. В следующем месте (стр. 550-1) было отмечено, как прилагательное *hên*, "старый, древний", применяется в валлийском языке к нескольким главным людям группы Dôn, и под этим, вероятно, можно понимать, что они были старыми не только для тех, кто рассказывал о них истории на валлийском, но и для тех, кто собрал эти истории воедино на гойдельском языке на несколько веков раньше. География "*Мабиногиона*" относит доисторические останки Пенмаен Маур и Тре'р Сейри к группе донов; но по названию *Тре'р Сейри* должен быть "Городом Кейри", слово, вероятно, относящееся к пиктам (с. 279-83): это, насколько можно судить, заставляет сыновей донов принадлежать по расе к пиктам. Наконец, именно широко распространенная раса пиктов, завоеванная кельтами кельтской или гойдельской ветви и со временем слившаяся со своими завоевателями, оставила свой неарийский след в синтаксисе кельтских языков Британских островов.

Нет нужды говорить, что это лишь предположения, которые я не могу подтвердить, но, возможно, кто-то другой сможет. Пока же, однако, они не могут не наводить на мысль о морали, которую большинство людей, включая автора этих строк, привычно и с легким сердцем игнорируют: люди в его положении, люди, занимающиеся исследованиями, которые из-за быстрого накопления новых фактов или расцвета новых теорий находятся в изменчивом состоянии, должны воздерживаться от выпуска книг или чего-либо более длинного, чем журнальная статья, время от времени. Следует понимать, что даже такие незначительные произведения могут быть брошены в большой костер, зажигаемый раз в год, скажем, на Хэллоуин. Это должно помочь очистить воздух от ошибочных гипотез, будь то фольклор и миф, или история и язык, а также послужить для обозначения *Nos Calangaeaf* как начала древнего кельтского года. Отбор бумаг, которые будут спасены от сожжения, можно было бы поручить академии, созданной, грубо говоря, по образцу платоновской аристократии интеллекта. Такая академия, получив удовольствие от своего существования, нашла бы много работы и в дополнение к инквизиционному делу, которое я предложил: например, она должна быть наделена суммарной юрисдикцией над любящими родителями, которые осмеливаются проявлять необоснованное стремление спасти своих умственных отпрысков от ежегодного костра. Лучшим из этого класса писателей академия должна приказывать петь песни или сочинять оригинальные стихи. Что касается остальных, то некоторым из них можно поручить жестикулировать на галерке, а некоторым - утешать банальностью уставших от марша науки. Существует масса другой полезной работы, которая, естественно, легла бы на академию такого рода, как предлагаемая здесь. Я был бы счастлив, если бы позволило место, перечислить все детали по порядку, но пусть будет достаточно одного примера: академия могла бы избавить нас от мучительной необходимости серьезно рассматривать предложение о том, чтобы профессора, уличенные в исповедании после шестидесяти лет, расстреливались. Это послужит указанием на то, какого рода работу можно было бы с выгодой поручить августейшему органу, который здесь лишь приблизительно намечен.

Некоторые отрасли знаний находятся в счастливом положении, когда нет необходимости в таком академическом органе. Так, если человек будет утверждать, что Земля плоская, настолько плоская, насколько некоторые люди делают все возможное, чтобы сделать ее плоской, "он, скорее всего", как однажды выразился покойный мистер Фримен в "*Saturday Review*", "сделает мало новообращенных и будет забыт после, самое большее, мимолетного смеха со стороны ученых людей". Если человек настаивает на том, что сумма двух и двух равна пяти, он, скорее всего, попадет в психушку, поскольку экономика общества, в некотором роде, действует сама по себе. Так и в отношении того, кто переносит свое безумие в более материальные отделы такой науки, как химия: можно ожидать, что он выколет себе глаза, ибо всемогущая молекула осуществляет свое возмездие. Но, - снова цитируя мистера Фримена, - если бы "увлечение этого человека было историческим или филологическим" - и прежде всего, если бы оно имело отношение к науке о человеке или мифе - "он мог бы выдвинуть идеи, столь же абсурдные, как идея о том, что Земля плоская, и многие люди не были бы в малейшей степени не смогли увидеть, что они абсурдны. Если бы какой-нибудь ученый попытался его опровергнуть, мы бы услышали о "спорах" и "разногласиях". На самом деле, самое худшее, что случается с лжепророком, блистающим в любой подобной науке, - это то, что у него обычно слишком много восторженных последователей. Механизм, так сказать, не автоматический, и поэтому нам нужна помощь академии. Но даже если предположить, что такая академия будет создана, никто не должен испытывать тревогу из-за того, что больше не будет возможности для того, чтобы культивировать пример тех первых христиан, которые обладали редкой благодатью с радостью терпеть дураков.

Лично я, однако, против того, чтобы делать что-либо в спешке; и, учитывая, как мало его товарищи смеют ожидать от человека, который только и ждет, чтобы стать окончательным и совершенным, прежде чем посвятить себя печати, создание академии, наделенной суммарными полномочиями, которые были кратко описаны, может, в конце концов, удобно подождать некоторое время: мое собственное чувство заключается в том, что почти любое время, скажем, во второй половине двадцатого века, было бы лучше, чем этот год или следующий. А пока приходится довольствоваться тем, что судьба наших исследований вверена объединенным силам науки и здравого смысла. Судя по тому, чего они достигли за последние годы, нет причин беспокоиться о грядущем времени, ибо сегодня, как и тогда, когда это было написано, верно утверждение, что лучший из пророков будущего - это прошлое.

1 См. Guest's *Mabinogion*, iii. 255, где, однако, *Dôn* ошибочно трактуется как мужчина. ↑

2 Приходится, однако, признать, что тот же самый агент может и омрачить картину. После написания этой статьи я прочитал в "*Фестирифте*" Стоукса, с. 7-19, очень интересную статью Л. Хр. Стерна, в которой он обсуждает некоторые трудности, связанные с термином "*Туатха Де Дананн*". Среди прочего он предполагает, что произошла определенная путаница между *Дананн* и *dána*, генитив от *dán*, "искусство или профессия" - слово означало также "жребий или судьба", вероятно, того же происхождения, что и латинское *donum*, в валлийском *dawn*, что означает дар, и особенно "дар говорения". Но было бы неверно предполагать, что такая формула, как *Tuatha Dé Dána*, предшествовала *Tuatha Dé Danann*; ведь зачем кому-то заменять непонятный вокабуляр *Danann* на *dána* с хорошо известным значением? Доктор Стерн сомневается в том, что валлийское *Dôn* - женского рода; но было бы более удовлетворительно, если бы он доказал свое предположение или, во всяком случае, показал, что *Dôn* не имеет ничего общего с *Danann* или *Donann*. Меня устраивает такой отрывок из "*Мабиногу*" Мата, как тот, где Гвидион, обращаясь к Мату, описывает Арианрод, дочь Дона, словами *dy nith uerch dy chwaer*, "племянница твоя, дочь сестры твоей": см. "*Мабиногуон*", с. 68, а аналогичные упоминания о других детях Дона см. на с. 59 и 65. Арианрод в более древних триадах, i. 40, ii. 15, названа дочерью Бели, которого можно считать ее отцом. Поэтому в настоящее время я продолжаю принимать перевод Стоукса *Tuatha Dé Danann* как "народ богини Дану". ↑

3 См. Oxford *Mabinogion*, p. 102; Guest's trans., ii. 252. Это сочетание встречается также в *Кнуре Аневрина*: см. Stephens' *Gododin* (London, 1888), p. 322. ↑

4 Следует заметить, что между гортанными буквами этих двух слов существует расхождение: *tyngu*, "клясться" (О. Ир. *tongu*, "я клянусь"), имеет *ng* - кулхвское написание *tynghaf*, вероятно, должно быть *tyngaf* - в то время как *tynghed* и его ирландский эквивалент подразумевают *пс*. Я не знаю, как это объяснить, хотя не могу сомневаться в том, что слова считаются однокоренными. Несколько похожее различие, однако, имеет место в валлийском *dwyn*, "нести, тащить, красть", и *dwg*, "несет, несет": см. *Revue Celtique*, vi. 18-9. ↑

5 См. Oxford *Mabinogion*, p. 100, и перевод Guest, ii. 249, где это выражение переведено как "жена как помощница", что скорее банально, чем наводит на размышления. ↑

6 *La Cité antique* (Paris, 1864), p. 50; см. также Joachim Marquardt's *Privatleben der Römer* (Leipsic, 1886), pp. 49-51, и среди приведенных там ссылок можно упомянуть Dionysius of Halicarnassus, ii. 25. ↑

7 См. "*Corpus Poeticum Boreale*" Вигфуссона и Пауэлла, i. 126, 181-3, 197; "Прозаическую Эдду" в "*Edda Snorronis Sturlæi*" (Копенгаген, 1848), i. 90-2, 102, 104, 172-86; и "Эдду" Симрока (Штутгарт, 1855), pp. 292-3, 295-6, 299, 316-20. ↑

8 Две версии истории, объясняющей ультонский кувад, были опубликованы с переводом на немецкий язык профессором Виндишем в *Berichte der k. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften (phil.-hist. Classe)* за 1884 г., стр. 338 и далее. Несколько упоминаний о куваде также можно найти в моих "*Лекциях Хибберта*", где некоторые мифологические предположения, сделанные в связи с ним, требуют пересмотра. Но когда я затронул этот вопрос, мне пришло в голову, что оптовый кувад ультонских храбрецов в одно и то же время года подразумевал, что рождение ультонских детей или, во всяком случае, тех из них, которых нужно было воспитывать, происходило (в тот или иной период истории их расы) в определенное время года, а именно около начала зимы, то есть когда пища была наиболее обильной. С тех пор я утвердился в этом мнении, ознакомившись с работой Вестермарка "*История человеческого брака*" и прочитав, в частности, его вторую главу под названием "Сезон спаривания людей в первобытные времена". Там я нашел значительное количество примеров, а также краткое изложение всего вопроса. Но в случае беспорядочных половых связей, которые, несомненно, первоначально преобладали при ультонском дворе, вопрос о том, какие мужчины должны вступать в кувад, мог быть решен только путем заключения их всех в тюрьму, где мы имеем альтернативную, если не дополнительную причину для одновременного кувада. ↑

9 См. Страбон, iii. 165, и Диодор, v. 14. ↑

10 Более подробные замечания об учете родового происхождения см. в *The Welsh People*, pp. 36 et seq. ↑

11 В валлийском языке *eli* означает "мазь", вероятно, так названа из-за заклинаний, произносимых над ней при использовании в качестве лекарства. В рассказе *Twrch Trwyth* (Oxford *Mabinogion*, p. 138) один из людей Артура носит любопытное имя *Reid n uab Eli Atuer*, что можно перевести как "Р. сын Восстанавливающей мази", если не сказать "Восстанавливающей чары". ↑

12 См. *Книгу Коровьего Дуна*, fo. 128^b, и Windisch's *Irische Texte*, pp. 138-9. Возрождение Луга как Кухулайнна было затронуто в моих "*Лекциях Хибберта*", с. 431; но с тех пор весь вопрос возрождения подробно обсуждался в томах Натта и Мейера под названием "*Путешествие Брана*" (Лондон, 1895). ↑

13 Tylor's *Primitive Culture*, ii. 4, где он дает ссылку на *Culturgeschichte* Густава Клемма, iii. 77, а авторитетом Клемма оказывается Йессен, чьи заметки приведены в "tractatus", переплетенном с Knud Leem *De Lapponibus Finmarchiæ* (Copenhagen, 1767): Слова Йессена, о которых идет речь, гласят следующее, стр. 33: -*Et baptismum quidem, quem ipsi Laugo, i. e. lavacrum appellabant, quod attinet, observandum occurrit, foeminam Lapponicam, jam partui vicinam, atque in eo statu Sarakkæ impensius commendatam, de nomine, nascituro infanti imponendo, per insomnia plerumque a Jabmekio quodam admonitam fuisse et simul de Jabmekio illo, qui, ut ipsi quidem loqui amarunt, in hoc puero resuscitandus foret, edoctam. Hujusmodi per insomnia factas admonitiones niëgost nuncuparunt Lappones. Si gravida mulier a Jabmekio hac ratione edocta non fuerit, recens nati infantis vel parenti vel cognatis incubuit, per tò Myran, in*

tympano, securi vel balteo susceptum, vel etiam Noaaidum consulendo, explorare, quo potissimum nomine infans appellandus esset. В основной части работы Лима, стр. 497, можно прочитать, что если ребенок болеет или плачет после крещения, это считается доказательством того, что нужный предок не был найден; но поскольку он должен быть обнаружен и его имя наложено на ребенка, прибегают к новому крещению, чтобы исправить последствия предыдущего. ↑

14 См. Holder's *Alt-celtischer Sprachschatz*, s. v. Lugus; также указатель к моим лекциям *Хибберта*, s. v. □eu, Lug, Lugoves. ↑

15 Подробнее об этом см. главу о пиктском вопросе в *The Welsh People*, pp. 36-74. ↑

16 Правильно будет сказать, что в этой истории феи живут под властью *rí*, титула, который обычно передается как "король"; но *rí* (genitive *rig*), вероятно, когда-то был применим к любому полу, так же как мы находим галльские имена, такие как *Biturix* и *Visurix*, которые носили женщины. Удивительно, однако, что такая строка, как только что процитированная, не была давным-давно вычеркнута из стихов, так же как и отсутствие эквивалента для нее в английском расширении этой истории Джойсом в его "*Старых кельтских романах*", стр. 106-11. Сравните, однако, "Страну женщин" в "*Путешествии Майлдуна*" (Йоусе, pp. 152-6) и в "*Путешествии Брана*" Мейера и Натта, i. 30-3. ↑

17 Этот вывод был приведен в примечании к с. 37 "*Народа Уэльса*"; но для иллюстрации его различными примерами см. главы Хартленда о сверхъестественном рождении в его "*Легенде о Персее*". ↑

18 См. статью Фрейзера "Происхождение тотемизма" в *Fortnightly Review* за апрель, 1899, p. 649. Отрывок, на который он ссылается, находится на стр. 265 тома Спенсера и Гиллена, где читаем следующее: "К этому следует добавить, что среди племен арунта, луритча и илпирра, а также, вероятно, среди других, таких как варрамунга, твердо придерживаются идеи, что ребенок не является прямым результатом полового акта, что он может появиться без него, который просто, так сказать, готовит мать к приему и рождению уже сформировавшегося ребенка-духа, который обитает в одном из местных тотемных центров. Раз за разом мы спрашивали их об этом и всегда получали ответ, что ребенок не является прямым результатом совокупления". Любопытно отметить, как легко австралийское представление, представленное здесь, превратилось в представление саамов, приведенное на с. 658 в записках Джессена. ↑

19 Эта особенность валлийского языка ускользнула от внимания М. де Шаренси в его поучительном письме о "*Numération basque et celtique*", опубликованном в № 48 "*Bulletin de la Soc. de Linguistique de Paris*", pp. cxv-cxix. Вскользь позвольте упомянуть об одном числовом курьезе, который встречается в древнеирландском языке: вероятно, он имеет важное историческое значение. Я имею в виду слово "семь человек", которое иногда встречается как *morfeser*, что означает, так сказать, *magnus seviratus* или "большой шестерка". ↑

20 Не валлийские имена прародительницы фей, возможно, должны навести на мысль о происхождении этого поселения; а тщательное изучение языка *бельсиаидов* или *беллизианцев*, если их валлийский язык имеет какие-либо диалектические особенности, может пролить дополнительный свет на их прошлое. ↑

21 Наши истории часто радуют женщин-фей прекрасными платьями и длинными шлейфами; но я бы больше полагался на рассказ кузнеца из Истрад-Меурига (стр. 245) и на случай с феей Пеннанта, которая разрывает в клочья предложенное ей платье (стр. 109). ↑

22 Разница между мод. валлийским *cor* и бретонским *korr* заключается в написании, поскольку реформированная орфография валлийских слов удваивает *r* только там, где оно находится в ударном слоге длинного слова: другими словами, когда этот слог заканчивается согласным и с него начинается следующий слог. Таким образом, производными от *cor* являются *cór-rach*, "карлик", множественное число *co-ráchod*, *cór-ryn*, "карлик-мужчина", множественное число *co-rýnnod*. Некоторые из них вошли в географические названия, например, *Cwm Corryn* около *anaelhaearn* (р. 217) и *Cwm Corryn*, впадающий в Долину Нит; возможно, так же как и *Corwen* от *Cor-waen*, в значении "луг фей". *Cor* и *corryn* также используются для обозначения паука, например, *gwe'r cor* или *gwe'r corryn*, "паутина". Паук был назван так из-за своего прядения - занятия, которым феи, как представляется, часто занимаются; не говоря уже о том, что сплен (*gwawn*) также иногда рассматривается как продукт ткацкого станка фей (стр. 103). Происхождение слова *cor* окончательно не выяснено: предполагается, что оно связано с мед. Ирландское слово *cert*, "маленький, незначительный", и латинское *curtus*, "укороченный или изуродованный". Для меня это означает, что происхождение слова еще предстоит выяснить. ↑

23 О карлике Эдерне см. Foerster's *Erec*, lines 146-274 and *passim*, Oxford *Mabinogion*, pp. 248-61, and Guest's trans., ii. 73-92; а о Передуре - последние книги, pp. 197-9 и i. 304-7 соответственно. ↑

24 История Канрига (или Кантрига) Бвта существует в *anberis*, но я не помню, чтобы видел ее в печати: Я получил ее много лет назад от своего тестя. Утверждение о Карчар Синрик Рвт взято из книги Уильяма Уильямса "Наблюдения в горах Сноудон" (Лондон, 1802). Легенда о Bwlch y Rhiw Felen была зачитана мной Британской археологической ассоциации на ее заседании в *angoen*, и напечатана в ее журнале за декабрь 1878 года. Правильно, что в рассказе *angoen* женщина названа великаншей, но я не придаю этому значения, поскольку картина размыта и трактуется отчасти аллегорически. Наконец, использование слова *carchar*, "тюрьма", в термине *Carchar Cynric Rwth* напоминает *Carchar Oeth ac Anoeth*, или "тюрьму Оэта и Аноэта", стр. 619 выше: слово, по-видимому, было выбрано потому, что в обоих случаях сооружение было подземным. ↑

25 См. *Acta Sanctorum*, 11 апреля, где опубликовано латинское житие, написанное Феликсом вскоре после смерти Гутлака. См. также англосаксонскую версию, отредактированную с переводом Ч. У. Гудвина (Лондон, 1848). ↑

26 В связи с ними мистер Баллок Холл напомнил мне об *Иклингеме*, в Западном Саффолке; и, кажется, есть несколько *Иклетонов* и *Иклефордов*, большинство или все они, как мне сказали, находятся на Икнилдском пути. Имя *Icel*, чей генитив *Icles* является формой в оригинале, вероятно, было выведено из более длинного слова *Iclingas* и вставлено в свое время в мерсийскую родословную, где оно занимает шестое место в происхождении от Водена. ↑

27 Со времени написания этой статьи до меня дошла важная работа доктора Рипли "Расы Европы" (Лондон, 1900), но слишком поздно, чтобы изучать ее. Однако я заметил, что он говорит об острове древнего населения к северу от Лондона, который простирается на большую часть графств Хартфорд, Букингем, Бедфорд, Ратленд и Нортгемптон, а также на графства Кембридж и Линкольн. Значительная часть этой территории, должно быть, входила в границы коританской территории, и сейчас она, по его словам, характеризуется

чернокожестью, невысоким ростом и редкостью самоубийств, что напоминает ему Уэльс и Корнуолл: см. его карты и с. 322, 328, 521. ↑

28 См. гимн Фиакка в Stokes' *Goidelica*, p. 127, l. 41. ↑

29 В валлийских отрывках, к сожалению, не указано, произносилось ли оно *sidi* или *sidi*: если окажется, что это последнее, я буду считать его заимствованным ирландским словом. ↑

30 Skene's *Four Ancient Books of Wales*, ii. 153-5, 181-2. ↑

31 Подробнее о пиктах и пехтах см. некоторые поучительные статьи, недавно опубликованные мистером Дэвидом МакРичи, такие как "Воспоминания о пиктах" в "*Шотландском антикваре*" за январь, "Подземные жилища" в "*Scottish Notes and Queries*" за март, и "Курганы фей" в "*Антикваре*" за февраль и март. ↑

32 См. с. 424 выше, где, однако, неправильно понят объект огамов, написанных на четырех веточках тиса. Теперь я думаю, что они представляли собой просто множество писем с запросами, адресованных Даланом другим друидам в разных частях Ирландии. Похоже, здесь мы получили луч света на раннюю историю письменности огамов. ↑

33 См. *Книгу Коровьего Дуна*, fo. 130^b. ↑

34 См. *Книгу Лейнстера*, fo. 117^a. ↑

35 *Corrquinigh* встречается в рассказе "Вторая битва при Мойтуре", где Стокс перевел его как "колдуны" в *Revue Celtique*, xii. 77; а *corrquinacht* возглавляет статью в глоссарии О'Даворена, опубликованном в "*Трех ирландских глоссариях*" Стокса, стр. 63, где оно определяется как *beth for leth cois* □ *for leth laimh* □ *for leth suil ag denam na glaime dicinn*, "быть на одной ноге, с одной рукой и одним глазом, делая *glám dicenn*". По-видимому, *glám dicenn* был особым развитием искусства изготовления *piéd de nez*, которое мы трагически проиллюстрировали на примере Кайера. ↑

36 В Приложении В к "*Народу Уэльса*", с. 617-41. ↑

37 См. "*Monumenti dell' Egitto*" Розеллини (Пиза, 1832), т. I. Таблицы clvi, clx, и "*Histoire Ancienne*" Масперо (Париж, 1897), ii. 430. ↑

38 Теперь можно ознакомиться с работой Николсона "*Язык континентальных пиктов*": см. Meyer and Stern's *Zeitschrift*, iii. 326-8, 331-2, и особенно обратите внимание на его ссылку на Herodian, iii. 14, § 8. О *Chortonicum* см. *Die althochdeutschen Glossen* (под редакцией Штайнмайера и Зиверса), iii. 610; также мой доклад "Кельты и другие арийцы групп P и Q", прочитанный в Филологическом обществе 20 февраля 1891 г., стр. 11. ↑

39 Я в основном обязан моему другу профессору А. К. Хэддону за ссылки на информацию о карликовых расах доисторических времен. Я также обнаружил, что он, среди прочих, предвосхитил мою теорию о происхождении фей: вот выдержка из программы лекции, прочитанной им в Кардиффе в 1894 году на тему "*Сказки*": "Что такое феи? Легендарное происхождение фей. Из сказочной литературы очевидно, что в ней смешано возможное и невозможное, факты и фантазии. Часть фей относится к (1) духам, которые никогда не воплощались: другие феи - (2) духи окружающей среды, духи природы или местные духи, домашние духи; (3) духи органического мира, духи растений и духи животных; (4) духи людей или призраки; и (5) ведьмы и волшебники, или люди, одержимые другими духами. Все эти и, возможно, другие элементы входят в причудливый аспект сказочной страны, но есть и большой остаток реальных событий; они указывают на столкновение рас, и мы можем

рассматривать многие из этих сказочных саг как истории, рассказанные людьми железного века о событиях, которые произошли с людьми бронзового века в их конфликтах с людьми неолитического века, и, возможно, они также передали традиции палеолитического века". ↑

40 См. "Берлинский журнал этнологии" за 1894 г., т. xxvi. с. 189-254, посвященный обстоятельной статье д-ра Юля Коллманна, озаглавленной "Das Schweitzersbild bei Schaffhausen und Pygmäen in Europa". В конце статьи приводится длинный список книг и статей, с которыми следует ознакомиться по данному вопросу. ↑

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Р. 81. Я узнал, что множественное число *bodach glas* было на валлийском *bodachod gleision* - термин, который, как вспоминает Элис-о-р-Нант, его мать применяла к феям, одетым в голубое и любившим сбивать людей с пути. Она рассказывала, как однажды летней ночью в коровнике (*beudy*) Брин Бигелидж (*Bryn Bygelyd*, также *Bryn Mygelyd*) собралась компания сенокоса, и как в темноте ночи они увидели множество этих гномов (*corynnod*) в голубых одеждах, которые танцевали и кружились вокруг места. *Буди*, о котором идет речь, находится недалеко от Долвиджелана, по дороге в Капель Куриг. Иное представление о *бодах* дано в книге Дженкинса "*Bedd Gelert*", стр. 82; и, наконец, можно противопоставить *бодах Глас* в Хайленде, упомянутый выше на стр. 520, не говоря уже о другом виде, а именно о том, который изображен в "*Уэверли*" Скотта.

Р. 130. К *Сарн-ур-Афанк* добавьте *□уп-ур-Афанк*, около *□andīnam* (*Красоты Уэльса*, Н. Уэльс, стр. 841), и *Вед-ур-Афанк*, "Могила Афанка", название своего рода кургана, как мне сказали, на холме около пемброкширского ручья Неверн. Мистер Дж. Томас из Банкау Брин Бериан, расположенного неподалеку, передал мне некоторые отголоски истории о том, как афанка поймали в луже у моста Брин Бериан и как его достали, чтобы похоронить в месте, которое теперь считается его могилой. Полный список географических названий афанков в княжестве, возможно, окажется полезным. Что касается слова *afanc*, то, похоже, произошло следующее: (1) из значения просто карлика оно стало ассоциироваться с такими водными карликами, как те, что упоминались на с. 432; (2) значение было забыто, и слово стало применяться к любому водному чудовищу; и (3) там, где *afanc* встречается в географических названиях, история Ни была введена, чтобы объяснить ее, независимо от того, подходит она или нет. Я полагаю, что это относится и к кургану Брин-Бериан, и было бы неплохо узнать, содержит ли он останки обычного гнома. Озерный афанк Передура, возможно, был гномом; но независимо от того, так это или нет, примечательно, что оружие, с которым обращался афанк, было *□echwaew* или чешуйчатое копье, то есть снаряд с каменным наконечником.

Р. 131. С ролью девушки в афанковой истории можно сравнить роль Тегау, жены Карадога Фрейхфраса, на которой закрепилась змея, которую можно отвлечь только для того, чтобы она ухватилась за одну из грудей Тегау, лишившись соска, когда зверь был отрезан. Заменив этот дефект золотым, она с тех пор известна как *Тевау Эур-фрон*, или "Тевау с золотой грудью". Такова версия истории, которую обсуждает М. Гастон Парис в статье о *Карадоке и змее*, вызванной статьей, опубликованной (в ноябрьском номере *Modern Language Notes* за 1898 год) мисс К. А. Харпер из Брин-Моур-колледжа, США: см. *Romania*, xxviii. 214-31. Одна из параллелей мисс Харпер, упомянутая М. Парисом на стр. 220, происходит от Кэмпбелла: она касается принца, который получает от своей мачехи волшебную рубашку, которая превращается в змею, обвивающую его шею, и от которой он избавляется с помощью женщины, действующей примерно так же, как Тегау. Отголоски этой истории мы находим в

родословной в Jesus College MS. 20: см. *Cymmrodor*, viii. 88, где читаем о *Gŷgaŷn keneu menrud a vu neidyr vlŷydyn am y vonŷgyl*, 'Gwgon the whel of Menrud (?) who was a year with a snake round his neck' - его родословная также приводится. В предложенной М. Парисом реконструкции этой истории (с. 228) на основе различных версий он представляет деву, которая должна побудить змею покинуть человека, на котором она закрепились, как стоящую в сосуде, наполненном молоком, в то время как мужчина стоит в сосуде, наполненном уксусом. Героиня обнажается перед пресмыкающимся, которое отказывается от своей нынешней жертвы, чтобы ухватиться за одну из женских грудей. Уместность молока объясняется убеждением, что змеи чрезвычайно любят молоко, и это убеждение, полагаю, имеет под собой почву: во всяком случае, мне вспоминается его введение в сюжет не одного английского рассказа, например, книги Стэнли Веймана *"Из воспоминаний министра Франции"* (Лондон, 1895), с. 445, и *"Приключения Шерлока Холмса"* А. Конан Дойла (Лондон, 1893), с. 199-209. В Уэльсе, однако, интерес проявляется именно к женскому молоку: Я привожу две ссылки, которые объяснят, что я имею в виду. Первая из них - это *"Уэльские народные предания"* Оуэна, стр. 349, где он говорит, что "традиции о летающих змеях были когда-то распространены во всех частях Уэльса", и добавляет следующее: "Традиционное происхождение этих воображаемых существ заключалось в том, что они были змеями, которые, выпив женского молока и съев хлеб, освященный для Святого причастия, превращались в крылатых змей или драконов". Другая статья относится к *Brython* за 1861 год, р. 190, где на валлийском языке читаем следующее: "Если змее выпадет случай выпить женского молока, она непременно станет *гвибером*. Когда женщина оказывается далеко от своего ребенка, а ее груди переполнены и начинают причинять ей боль, она иногда доит их на земле, чтобы облегчить их". Крестьяне некоторых районов Кардиганшира категорически возражают против этого, опасаясь, что туда заберется змея, выпьет молоко и станет *гвибером*". Слово *gwiber* используется в валлийской Библии для обозначения гадюки, но редактор *Brython* объясняет, что в нашем фольклоре оно означает огромную змею или дракона, у которого выросли крылья и тело покрыто твердой чешуей: для примера он отсылает читателя к первому номеру *Brython*, р. 3. В Уэльсе до сих пор верят, что при благоприятных обстоятельствах у змей могут вырасти крылья: так, один человек с острова Англси, насколько мне известно, очень хотел представить недавней Уэльской земельной комиссии в качестве доказательства дикого и запущенного состояния одной фермы, что там так высоко вырос чабрец и так проросли змеи, что он действительно видел одну из них летящей прямо через широкую дорогу, разделявшую два таких чабрец-леса, как он описал: Удивленный и обиженный тем, что это не было принято, он сделал вывод, что комиссары почти ничего не знают о своем деле.

Стр. 148, 170. С "заклинанием безопасности", которое можно получить, ухватившись за траву, можно сравнить привычку мальчишек в Кардиганшире внезапно подхватывать травинку, когда им нужно перемирие или перерыв в игре в тиг или тачвуд. Трава дает тому, кто ею воспользуется, на время иммунитет от нападения или преследования, чтобы он мог снова начать игру с того же места, на котором ее закончил.

Р. 228. *Бодермуд*, вероятно, правильнее было бы написать *Бодермид*, а также, возможно, проанализировать на *Бод-джермид*, подразумевая имя, которое встречается в ирландском языке как *Диармайт* и *Дермот*.

Р. 230. После того как эта статья была напечатана, мистер Томас Причард из *ŷwydiarth Esgob*, Англси, заверил меня, что *dolur byr* чаще называют *clwy' byr*, и что это болезнь, известная в английском языке как "черная четверть".

С. 259, 268. Меня заверили несколько литературных уроженцев Гламоргана, что они не знают *dâr* от *daear*, "земля, почва". Такое отрицательное свидетельство, хотя и доказывает, что литературная форма *daear* преобладает в настоящее время, не может быть противопоставлено положительному утверждению, направленному мне мистером Хьюзом (стр. 173), о сохранении в его районе *dâr* и *clâr* (от *claear*, "теплый"), к которому можно добавить, как вряд ли кем-то оспариваемый, случай *hârn* от *haearn*, "железо".

Промежуточные формы должны быть представлены как *daer*, *clae* и *haern*, что в точности объясняет *gaet* из *Книги святого Чада*, для которого в современном литературном валлийском языке есть *gaeaf*, "зима": см. предисловие к *Книге* □ *an Dâv*, p. xlv.

Р. 290. Следовало бы указать, что феи, чья еда и питье - это смерть, представляют умерших.

Р. 291. Вместо *Конла* следует читать *Коннла* или *Кондла*: более поздняя форма - *Колла*. *Кондла*, о котором идет речь, в рассказе называется *Кондла Руад*, но в заголовке к нему есть *Ectra Condla Chaim*, "Приключение К., любимого".

Р. 294. Теперь я склоняюсь к мысли, что *Буч* был произведен из северного произношения *ведьмы* путем рассмотрения его *w* как мутационного согласного и замены его, как и в некоторых других случаях, на *b* в качестве радикала.

Р. 308. С манкским использованием рябины в майский день сравните следующий отрывок, касающийся Уэльса - я перевожу его с дефектного валлийского, на котором он был процитирован одним из претендентов на фольклорную премию на Ливерпульском Eisteddfod, 1900: он не указал его происхождение: -Еще одна дурная папистская привычка, преобладающая среди некоторых валлийцев, заключается в том, что они кладут немного древесины рябины (*coed cerdîn* или *criafol*) на свои кукурузные уголья (□ *afyrieu*) и поля в канун мая (*Nos Glamau*), думая, что такой обычай приносит благословение на их поля, - это занятие лучше подходит атеистам и язычникам, чем христианам.

Р. 325. При сравнении с брауни была упущена фея-кормилица в долине Пеннант: см. с. 109.

Р. 331, строка 1. Для l. 42-3 читайте ii. 42-3.

Рр. 377, 395. С историей о Ffynnon Gywer и других сказочных колодцах, а также с колодцами, которые в этом томе были названы священными, можно сравнить следующий абзац из "Описания западных островов Шотландии" Мартина (Лондон, 1703), стр. 229-30: он касается Gîgay, теперь чаще пишется *Gigha*, название острова у западного побережья Кинтайра: "В северной части этого острова есть колодец, называемый Toubir-more, то есть большой колодец, из-за его воздействия, которым он славится среди островитян; которые вместе с жителями используют его в качестве *католикона* от болезней. Он засыпан камнем и глиной, потому что туземцы полагают, что вытекающий из него поток может переполнить остров; и его всегда открывает *дирах*, то есть жилец, иначе, как они думают, он не сможет оказать свое благотворное влияние. Они приписывают ей одно необычное действие, а именно: когда какие-нибудь иностранные суда здесь заносит ветром (что часто случается), хозяин лодки обычно дает туземцу, который пускает воду, кусок денег, и говорят, что сразу после этого ветер меняется в пользу тех, кого задерживают встречные ветры. Каждый незнакомец, который приходит попить воды из этого колодца, имеет обыкновение оставлять на его каменной крышке кусочек денег, иголку, булавку или один из самых красивых пестрых камней, которые они могут найти". В сентябре прошлого года я посетил Гигу и увидел там колодец, который, как предполагается, и есть тот самый, о котором говорит Мартин. Он очень незначителен и известен сейчас под названием *Tobar a vëas*, произносимым, возможно, в честь более древнего *Mo-Bheas*: в шотландском гэльском *Bëas*, пишется *Beathag*,

приравнивается к имени София. Единственная существующая сейчас традиция, связанная с колодецем, заключается в том, что его опорожнение помогало поднять ветер или даже вызвать сильную бурю, и это, похоже, было рассказано Пеннанту: см. его "*Путешествие по Шотландии и Гебридам*", MDCCLXXII (Честер, 1774), стр. 226: "Посетите несколько чудес острова: первое - это маленький колодец самого чудесного свойства, ибо в старые времена, если вождь ложился здесь на ветер, ему ничего не оставалось делать, как очистить колодец, и тут же возникал благоприятный шторм. Но теперь чудеса прекратились".

Р. 378. Похожий стишок бытует в окрестностях Долгея, как сообщила мне мисс Люси Гриффит, следующим образом.

Dolge *e dol a go* *ir*,

Daear a'i *wnc*, *dw'r 'n 'i* *e*.

Dolge *eu*, долина, которая будет потеряна;

Земля поглотит ее, а вода займет ее место.

Р. 394. Что касается колодцев, убивающих посещающих их женщин, то я могу упомянуть историю, рассказанную мне на днях профессором Махаффи после встречи с другом, чье имя он назвал, о жителях одного из маленьких островов на побережье Майя - я так понял, что он сказал "у Кефали". Дело было так: все мужчины и мальчики, отправившись на рыбалку, из-за бурной погоды не смогли вернуться так скоро, как собирались, а оставшиеся в одиночестве женщины очень страдали от недостатка воды, поскольку ни одна из них не решалась подойти к колодцу. Однако вскоре одна из них родила мальчика, после чего другая отнесла младенца к колодцу и решила набрать воды.

Р. 418. Что касается *Clychau Aberdyfi*, то я теперь убежден, что "*chwech*" и "*saith*" полностью заслуга опубликованных версий, редакторы которых, похоже, договорились, что за свои деньги они получают, так сказать, как можно больше. Я обнаружил, что миссис Рис еще в детстве научилась заканчивать слова на *rimr*, и теперь ее невозможно заставить петь мелодию иначе: У меня есть аналогичное свидетельство от одной музыкальной дамы из окрестностей Врекшема; и, несомненно, можно получить еще больше свидетельств того же рода.

Р. 443. Вместо *ywelyn ab Gruffyd* читается *ywelyn ab Iorwerth*.

Рр. 450-1. Дополнительный свет на доггеровый диалог проливает следующая история, которую я нашел на валлийском языке у одного из конкурентов ливерпульского Eisteddfod: "В приходе Ysptyty Ifan, в Карнарвоншире, есть ферма Trwyn Swch, где восемьдесят лет назад жили муж и его жена, оба были молоды, и у них родились близнецы. Однажды мать ушла доить, оставив близнецов одних в колыбели - мужа не было дома, - и кто же вошел в дом, как не один из *Tylwyth Teg*! Он забрал близнецов и оставил вместо них в колыбели двух своих поросят. Тогда мать вернулась домой и увидела, что произошло; в волнении она схватила близнецов *Тильвит Тег* и отнесла их на мост, пересекающий огромное ущелье реки Конви неподалеку от дома, и бросила в омут внизу. К этому времени на место происшествия подросли *тильвит-теги*: одни пытались спасти детей, другие - женщину. Схватить старую каргу!" - сказал один из вождей *Тильвит Тег*. Слишком поздно!" - крикнула женщина на краю берега, и многие из них побежали за ней к дому. Пока они бежали, трое или четверо из них потеряли в поле свои трубы. Это трубки, хитроумно сделанные из голубого камня (*carreg las*) из оврага. Их длина составляет три или четыре дюйма, и время от времени несколько из них находили возле пещеры Трвин Свч.

Р. 506. *Рив Гифертвх* (напечатано *Ривгивертвх*) встречается в "*Записях Карнарвона*", стр. 200; но, похоже, он находился в Мерионетшире, и достаточно далеко от Арфона.

Р. 521. В уже цитированной статье из *Румынии* М. Парис находит *Twrch Trwyth* в кабане *Tortain* из французского романа: см. xxviii. 217, где он упоминает легенду о странной родословной этого зверя. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Р. 535. Менее вероятным объяснением *Latio* было бы предположение, что под ним понимается *orti*. На эту мысль меня натолкнула трактовка г-ном Николсоном надписи $\square$ anaelhaiarn как *Ali ortus Elmetiaco hic iacet*, где я должен рассматривать *Ali* как обозначение более раннего именительного падежа *Alec-s*, а также как кельтский эквивалент для *Serphas* или *Peter*: *Ali* было бы словом, которое в мед. Ирландское *ail*, генетив *aillech*, "скала или камень".

Р. 545. У нас есть *Maethwy* из *Gilvaethwy*, возможно, еще более сокращенное до *Aethwy* в *Porth Aethwy*, "деревня у Менайского моста", несмотря на то, что в *Записях Карнарвона*, стр. 77, оно встречается как *Porthaytho*.

Р. 548. К ссылке на *Cymmrodor*, ix. 170, где Бели называется сыном Анны, добавьте валлийский *Elucidarium*, p. 127, с его *belim vab anna*, и *The Cambro-British Saints*, p. 82, где мы имеем *Anna ... genuit Beli*.

Р. 560. Два ответа на вопрос о $\square$ ech *Las* теперь можно найти в "*Шотландском антикваре*", xv. 41-3.

Р. 566. Каэр Гай называется также *Каэр Гунир*, в честь отца Кая - Синира, как сказано в поэме Уильяма Эйна, умершего в 1587 году. Этим я обязан профессору Дж. Моррису Джонсу, который скопировал его из собрания сочинений этого поэта, хранящегося у Мирджина Фарджа, fo. 119.

Р. 569. Здесь, возможно, не будет лишним упомянуть *Caer Dwr gynt*, приведенный как *Dwr* в "*Кельтских останках*" Морриса, как название *Caergybi*, или Holyhead. Его авторитет приводится в скобках следующим образом: (Th. Williams, *Catal.*). Я склонен думать, что в основе названия лежит какая-то более ранняя форма, например, *Kair D $\square$ bgint*, "крепость датчан", которых в старом валлийском называли *Dub-gint* (*Annales Cambriæ*, A. D. 866, в *Cymmrodor*, ix. 165), то есть "*Gentes Nigræ* или черные язычники", а проще *Gint* или *Gynt*, "*Gentes* или Heathens".

Рр. 579-80. Слово *banna $\square$ s*, откуда позднее *bannog*, по-видимому, является источником названия *бопоес*, данного знаменитому рогу в *Лай дю Корн*, которое М. Парис в своей статье о *Румынии*, xxviii. 229, приводит как *Cest cor qui boпоес a non*, "этот рог, который называется *бопоес*". Уэльское название должно быть *Corn (yr) uch banna $\square$ s*, "рог (банного) быка", с или без артикля.

Р. 580, прим. 1. Один из конкурентов ливерпульского *Eisteddfod* цитирует В. О. Пуге на валлийском языке следующее: - $\square$ yn *dau Ychain*, "Озеро двух быков", находится на горе Хираэтог; рядом с ним есть след одного из них на камне или скале (*carreg*), где он отдыхал, когда искал своего партнера, как гласит местная легенда. В другом случае приводится еще более дикая история о том, что когда-то в этих местах жила чудесная корова по имени *Y Fuwch Fraith*, "Партикулярная корова". К этой корове пришла ведьма за молоком, как раз после того, как корова накормила всю округу. Ведьма не смогла получить молока и, чтобы отомстить за свое разочарование, взбесила корову. В результате корова бегала по горам,

причиняя огромный вред стране, но в конце концов была убита Ху возле Хираэтога, в графстве Денбиг".

Р. 592. С *trwtan*, *Trwtyn-Tratyn* и *Trit-a-trot*, несомненно, следует сравнить английское слово *trot*, которое презрительно применяется к женщине, например, когда Грумио в шекспировском "*Укрощении строптивой*", акт i, сц. 2, говорит о "старой *рыси*, у которой ни одного зуба в голове": это слово аналогично использовали Томас Хейвуд и другие.

Р. 649. Что касается примечания 1, я обнаружил, что профессор Циммер считает - фактически, он совершенно уверен, - что *tyngu* и *tyngned* никак не связаны: см. *Göttingische gelehrte Anzeigen* за 1900 год (№ 5), pp. 371-2.

Р. 673. Я склонен причислить к феям-людоедам Атекотти, которые, как известно, были каннибалами, а их название, по-видимому, означает *древнюю* расу. Если это окажется верным, придется признать, что маленькие люди или, во всяком случае, народы с примесью крови этой расы, могут быть обучены сражаться. Кроме того, вероятно, придется отнести к ним и такие неканнибальские племена, как Фир Болг и Галиуин из ирландской истории. Информацию об этих племенах можно будет найти в моих "*Лекциях Хибберта*", при чтении которых, однако, мифологические домыслы следует отбросить. Наконец, я предполагаю, что большинство народов, фигурирующих в древнейшем классе ирландских историй, окажутся принадлежащими либо (1) к карликовой расе, либо (2) к пиктам; и что внимательное чтение умножит средства для их различения. Рассматривая вопрос о ранних расах Британских островов в целом, читатель должен еще раз взвесить заключительные слова теории профессора Хаддона, процитированные выше на с. 684.

КОНЕЦ.

ОКСФОРД
НАПЕЧАТАНО В КЛАРЕНДОНСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ГОРАЦИЕМ ХАРТОМ, М.А.
ПЕЧАТНИК УНИВЕРСИТЕТА

КНИГИ КЛАРЕНДОНСКОЙ ПРЕССЫ

ИСТОРИЯ

Греция, Италия, Египет и т. д. .

Fasti Hellenici Клинтона, от LVI-й до CXXIII-й Олимпиады. Третье издание. 4to. £1 14s. 6d. net. От CXXIV Олимпиады до смерти Августа. Второе издание. 4to. £1 12s. net. Эпитома. 8vo. 6s. 6d. net.

Clinton's Fasti Romani, from the death of Augustus to the death of Heraclius. Два тома. 4to. £2 2s. net. Эпитома. 8vo. 7s. net.

Greswell's Fasti Temporis Catholici. 4 vols. 8vo. £2 10s. net. Таблицы и введение к таблицам. 8vo. 15s. net. *Origines Kalendariae Italicae*. 4 vols. 8vo. £2 2s. нетто. *Origines Kalendariae Hellenicae*. 6 vols. 8vo. £4 4s. net.

Руководство по греческим историческим надписям. By E. L. Hicks. Новое издание, переработанное Г. Ф. Хиллом. 8vo. 10s. 6d. net.

Латинские исторические надписи, иллюстрирующие историю ранней империи. Автор Г. М^{(с)Н}. Рашфорт. 8vo. 10s. net.

Источники для греческой истории между Персидской и Пелопоннесской войнами. By G. F. Hill. 8vo. Переиздание, исправленное. 10s. 6d. net.

Источники для римской истории, 133-70 гг. до н.э. A. H. J. Greenidge and A. M. Clay. Crown 8vo. 5s. 6d. net.

A Manual of Ancient History. By G. Rawlinson. 2nd ed. 8vo. 14s.

Finlay's History of Greece from its Conquest by the Romans (B.C. 146) to A.D. 1864. Новое издание, пересмотренное и частично переписанное, со многими дополнениями, автором и под редакцией Г. Ф. Тозера. 7 vols. 8vo. 63s. net.

История Сицилии с древнейших времен. By E. A. Freeman. 8vo.

Vols. I и II. Коренные народы: Финикийские и греческие поселения до начала афинской интервенции. 2 фунта 2 шиллинга нетто.

Том III. Афинские и карфагенские вторжения. £1 4s. нетто.

Том IV. От тирании Дионисия до смерти Агатоклеса. Отредактировано из посмертных MSS A. Дж. Эвансом. 1 фунт 1 шиллинг нетто.

Италия и ее захватчики (376-814 гг. н.э.). С пластинами и картами. Восемь томов. 8vo. Автор Т. Ходжкин. Vols. I-IV во втором издании.

I-II. Вторжения вестготов, гуннов и вандалов, а также мятеж герулов. £2 2s.

III-IV. Остроготское вторжение. Императорская реставрация. £1 16s.

V-VI. Вторжение лангобардов и лангобардское королевство. £1 16s.

VII-VIII. Франкские вторжения и Франкская империя. £1 4s.

Династия Феодосия; или Семидесятилетняя борьба с варварами. Под редакцией того же автора. Crown 8vo. 6s.

Aetolia; its Geography, Topography, and Antiquities. По У. Дж. Вудхаусу. С картами и иллюстрациями. Royal 8vo. £1 1s. net.

Острова Эгейского моря. По Г. Ф. Тозеру. Crown 8vo. 8s. 6d.

Далмация, Кварнеро и Истрия; с Кеттинье и Градо. По Т. Г. Джексону. Три тома. С пластинами и иллюстрациями. 8vo. 31s. 6d. net.

Описание Малой Азии Крамера. Два тома. 8vo. 11s.

Описание Древней Греции. 3 тома. 8vo. 16s. 6d.

The Cities and Bishoprics of Phrygia. By W. M. Ramsay. Королевский 8vo. Том I, часть I. Долина Ликоса и юго-западная Фригия. 18s. net. Том I, ч. II. Западная и западно-центральная Фригия. 1 фунт стерлингов нетто.

Истории о верховных жрецах Мемфиса, Сетоне Геродота и демотических сказках Хамнаса. By F. Ll. Griffith. С портфелем, содержащим семь факсимиле. Royal 8vo. £2 7s. 6d. net.

The Arab Conquest of Egypt. By A. J. Butler. 8vo. 16s. net.

Багдад во времена Аббасидского халифата, по современным источникам. По Г. Ле Стренджу. С восемью планами. 8vo. 16s. net.

Scripta Minoa. By A. J. Evans. Royal 4to. Том I. Иероглифы и примитивные линейные классы. С табличками, рисунками и множеством других иллюстраций. 2 фунта 2 шиллинга нетто.

Археология

Древний Хотан. Подробный отчет об археологических исследованиях в Китайском Туркестане, проведенных и описанных по распоряжению Его Величества индийского правительства М. Аурелом Штейном. Том I. Текст с описательным списком предметов старины, 72 иллюстрациями в тексте и приложениями. Том II. 119 коллотипий и других иллюстраций и карта. 2 тома. 4to. £5 5s. net.

Каталог монет в Индийском музее, Калькутта, включая кабинет Азиатского общества Бенгалии. (Издан для попечителей Индийского музея.) Royal 8vo, с многочисленными коллотипными пластинами. Том I, автор В. А. Смит, 30 с. нетто; или Часть I (Ранние иностранные династии и Гупты), 15 с. нетто, Часть II (Древние монеты индийских типов), 6 с. нетто, Часть III (Персидские, средневековые, южноиндийские, разные), 10 с. 6 д. нетто. Том II, автор Х. Н. Райт (первый раздел части II сэра Дж. Бурдиллона), 30 с. нетто (султаны Делхи, современные династии в Индии). Том III, автор Х. Н. Райт, 40 с. нетто (Императоры Великих Моголов).

Древние коптские церкви Египта. By A. J. Butler. 2vv. 8vo. 30s.

Каталог Кипрского музея. По Дж. Л. Майресу и Максу Онефальш-Рихтеру. 8vo. С восемью пластинами, 7s. 6d. нетто.

A Catalogue of the Sparta Museum. М. Н. Тод и А. Дж. Б. Уэйс. 8vo. 10s. 6d. net.

Каталог греческих ваз в Ашмолеанском музее. By P. Gardner. Маленький фолиант, лен, с 26 пластинами. 3 фунта 3 шиллинга нетто.

The Cults of the Greek States. By L. R. Farnell. 8vo. Пять томов, 207 листов. I-II, 32s. нетто; III-IV, 32s. нетто; V. 18s. 6d. net.

Каменный и бронзовый века в Италии и Сицилии. By T. E. Peet. 8vo, illustrated. 16s. net.

Классическая археология в школах. P. Gardner and J. L. Myres. 8vo. Второе издание. 1s. net.

Введение в греческую скульптуру. By L. E. Upcott. Cr. 8vo. 4s. 6d.

Marmora Oxoniensia, inscriptiones Graecae ad Chandleri exempla editae, cur. Gul. Roberts, 1791. Crown 8vo. 3s. 6d.

De Antiquis Marmoribus, Blasii Caryophili. 1828. 7s. 6d. net.

Fragmenta Herculaniensia. (Оксфордские фрагменты.) В. Скотт. Royal 8vo. £1 1s. Гравюры из фрагментов. Folio. 10s. 6d., большая бумага £1 1s.

Herculaniensium Voluminum Partes II. 1824. 8vo. 10s.

Английская история: Sources

Baedae Opera Historica, под редакцией К. Пламмера. Два тома. Crown 8vo, кожаный переплет. £1 1s. net.

Жизнь Альфреда Ассера с анналами Сент-Неота, под редакцией У. Х. Стивенсона. Crown 8vo. 12s. net.

The Alfred Jewel, an historical essay. С иллюстрациями и картой, автор Дж. Эрл. Маленький 4to, бакрам. 12s. 6d. net.

Две параллельные саксонские хроники; с дополнительными выдержками из остальных. Пересмотренный текст, под редакцией К. Пламмера и Дж. Эрла. Два тома. Crown 8vo. Том I. Текст, приложения и глоссарий. 10s. 6d. нетто. Том II. Введение, примечания и указатель. 10s. 6d. net.

Саксонские хроники (787-1001 гг. н.э.). Crown 8vo, жесткие обложки. 3s.

Handbook to the Land-Chartes. By J. Earle. Crown 8vo. 16s.

Коллекция ранних хартий и документов **Кроуфорда**, хранящаяся в Бодлианской библиотеке. Под редакцией А. С. Напьера и У. Х. Стивенсона. Small 4to, cloth. 12s. net.

Хроника Джона Вустерского, 1118-1140 гг. Под редакцией Дж. Р. Х. Уивера. Crown 4to. 7s. 6d. net.

Dialogus de Scaccario. Под редакцией А. Хьюза, К. Г. Крампа и К. Джонсона, с предисловием и примечаниями. 8vo. 12s. 6d. net.

Passio et Miracula Beati Olai. Под редакцией Ф. Меткалфа с рукописи двенадцатого века. Small 4to. 6s.

Песнь о Льюсе. Отредактировано по рукописи, с введением и примечаниями, К. Л. Кингсфордом. Extra fcap 8vo. 5s.

Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke, edited by Sir E. Maunde Thompson, K.C.B. Small 4to, 18s.; cloth, gilt top, £1 1s.

Хроники Лондона. Под редакцией, с введением и примечаниями, К. Л. Кингсфорда. 8vo. 10s. 6d. net.

Теологический словарь Гаскойна ("Liber Veritatum"): избранные отрывки, иллюстрирующие состояние церкви и государства в 1403-1458 годах. С предисловием Дж. Э. Торольда Роджерса. Small 4to. 10s. 6d.

Фортеस्कью "Управление Англией". Пересмотренный текст, под редакцией К. Пламмера, с введением и т. д. 8vo, кожаный переплет. 12s. 6d. net.

Stow's Survey of London. Под редакцией К. Л. Кингсфорда. 8vo. 2 тома, со складной картой Лондона 1600 года (работы Эмери Уокера и Х. У. Крибба) и другими иллюстрациями. 30 с. нетто.

The Protests of the Lords, from 1624 to 1874; with introductions. Автор Дж. Э. Торольд Роджерс. В трех томах. 8vo. £2 2s.

Исторические свидетельства. По Г. Б. Джорджу. Crown 8vo. 3s.

The Clarendon Press Series of Charters, Statutes, etc .

С древнейших времен до 1307 года. Епископ Стаббс.

Избранные хартии и другие иллюстрации английской конституционной истории. Восьмое издание. Crown 8vo. 8s. 6d.

С 1558 по 1625 год. By G. W. Prothero.

Select Statutes and other Constitutional Documents of the Reigns of Elizabeth and James I. Третье издание. Crown 8vo. 10s. 6d.

С 1625 по 1660 год. Автор С. Р. Гардинер.

Конституционные документы пуританской революции. Третье издание. Crown 8vo. 10s. 6d.

Календари и др.

Календарь хартий и роллов, хранящихся в Бодлианской библиотеке. 8vo. £1 11s. 6d. нетто.

Календарь государственных бумаг Кларендона, хранящихся в Бодлианской библиотеке. В трех томах. 1869-76.

Том I. С 1523 по январь 1649 года. 8vo. 18 с. нетто. Том II. С 1649 по 1654 год. 8vo. 16 с. нетто. Том III. С 1655 по 1657 год. 8vo. 14s. net.

Основные навигации Хаклюйта. (См. с. 12.)

Краткие жизнеописания Обри, написанные в 1669-1696 гг. Под редакцией А. Кларка по материалам автора. Два тома. 8vo. £1 5s.

Whitelock's Memorials. (1625-1660.) 4 тома. 8vo. £1 10s.

Ludlow's Memoirs. (1625-1672.) Ed. C. H. Firth. 2 vols. 8vo. £1 16s.

Дневник Люттрелла. (1678-1714.) Шесть томов. 8vo. £1 10s. нетто.

Burnet's History of James II. 8vo. 9s. 6d.

Жизнь сэра М. Хейла, а также жизнь доктора Хэммонда, написанная Феллом. Small 8vo. 2s. 6d.

Мемуары Джеймса и Уильяма, герцогов Гамильтонов. 8vo. 7s. 6d.

Burnet's History of My Own Time. Новое издание, основанное на издании М. Дж. Рута, выполненное Осмундом Эйри. Два тома, каждый по 12 с. 6d. net.

Дополнение, взятое из мемуаров Бернета, автобиографии и т. д., до сих пор не опубликованных. Под редакцией Г. К. Фокскрофта, 1902. 8vo. 16s. net.

The Whitefoord Papers. (1739-1810.) Ed. W. A. S. Hewins. 8vo. 12s. 6d.

История Оксфорда

Полный список публикаций Оксфордского исторического общества можно получить у мистера Фроуда.

Рукописные материалы, относящиеся к истории Оксфорда; содержащиеся в печатных каталогах Бодлианской и Колледжской библиотек. Автор Ф. Мадан. 8vo. 7s. 6d.

The Early Oxford Press. Библиография печати и издательского дела в Оксфорде, 1468-1640 гг. С примечаниями, приложениями и иллюстрациями. By F. Madan. 8vo. 18s.

Библиография

Типографский справочник Коттона. Первая серия. 8vo. 12s. 6d.

Книги епископа Стаббса и профессора Фримена

Конституционная история Англии, ее происхождение и развитие. Автор У. Стаббс. Библиотечное издание. Три тома. Demy 8vo. £2 8s. Также в трех томах, crown 8vo, цена 12s. за каждый.

Семнадцать лекций по изучению средневековой и современной истории и родственных предметов, 1867-1884. То же. Третье издание, пересмотренное и дополненное, 1900 год. Crown 8vo, half-roan. 8s. 6d.

История нормандского завоевания Англии; его причины и результаты. By E. A. Freeman. Vols. I, II и V (английское издание) вышли из печати.

Томы. III и IV. По 1 фунту стерлингов. Том VI (Указатель). 10s. 6d.

Краткая история нормандского завоевания Англии. Третье издание. То же. Extra fcap 8vo. 2s. 6d.

Правление Вильгельма Руфуса и воцарение Генриха Первого. То же. Два тома. 8vo. £1 16s.

Школьные книги

Companion to English History (Middle Ages). Под редакцией Ф. П. Барнарда. С 97 иллюстрациями. Crown 8vo. 8s. 6d. net.

Школьная история Англии до смерти Виктории. С картами, планами и т.д. Авторы О. М. Эдвардс, Р. С. Рейт и другие. Crown 8vo . 3s. 6d.

Перспективная историческая карта. Автор Э. А. Г. Ламборн. 8s. 6d. net.

Истории графств Оксфорда

Корона 8vo, с множеством иллюстраций, каждая 1s. 6d. net. (Также в превосходных переплетах, 2s. 6d нетто).

- **Беркшир,** автор Э. А. Г. Ламборн.
- **Дарем,** автор Ф. С. Иден.
- **Эссекс,** автор У. Х. Уэстон.
- **Хэмпшир,** автор Ф. Кларк.
- **Оксфордшир,** автор Х. А. Лидделл.

Другие в процессе подготовки.

Лидс и его окрестности. Автор А. К. Прайс. 3s. 6d.

Также для младших школьников, иллюстрированные, по 1s.

Рассказы из истории Беркшира. Автор Э. А. Г. Ламборн.

Рассказы из истории Оксфордшира. Автор Джон Ирвинг.

Специальные периоды и биографии

Древняя Британия и вторжения Юлия Цезаря. Т. Райс Холмс. 8vo. 21s. net.

Life and Times of Alfred the Great, being the Ford Lectures for 1901. By C. Plummer. 8vo. 5s. net.

The Domesday Boroughs. By Adolphus Ballard. 8vo. 6s. 6d. net.

Злодейство в Англии. Очерки английской средневековой истории. By P. Vinogradoff. 8vo. 16s. net.

Английское общество в одиннадцатом веке. Очерки английской средневековой истории. By P. Vinogradoff. 8vo. 16s. net.

Оксфордские исследования по социальной и правовой истории. Под редакцией Пола Виноградова. 8vo. Том I. Английские монастыри накануне распада. Автор Александр Савин. Патронаж в эпоху поздней империи. Ф. де Зулуэта. 12s. 6d. net.

The Gild Merchant: a contribution to British municipal history. By C. Gross. Два тома. 8vo, кожаный переплет. 1 фунт 4 шиллинга.

Уэльские войны Эдуарда I; вклад в средневековую военную историю. Автор Дж. Э. Моррис. 8vo. 9s. 6d. net.

Большое восстание 1381 года. По К. Оману. С двумя картами. 8vo. 8s. 6d. net.

Lancaster and York. (1399-1485 гг. н.э.) Сэр Дж. Х. Рамсей. Два тома. 8vo, с указателем, £1 17s. 6d. Индекс отдельно, 1s. 6d.

Жизнь и письма Томаса Кромвеля. Автор Р. Б. Мерримен. В двух томах. [Том I, Жизнь и письма, 1523-1535 и др. Том II, Письма, 1536-1540, примечания, указатель и т. д.]. 8vo. 18s. net.

Эдвард Хайд, граф Кларендон. Лекция К. Х. Фёрта. 8vo. 1s. net.

История Англии, главным образом семнадцатого века. Л. фон Ранке. Переведено под руководством Г. В. Китчина и К. В. Боаза. 6 томов. 8vo. 3 фунта 3 шиллинга нетто. Индекс отдельно, 1s.

Sir Walter Raleigh , a Biography, by W. Stebbing. Post 8vo. 6s. net.

Генри Биркхед и основание Оксфордской кафедры поэзии. By J. W. Mackail. 8vo. 1s. net.

Биографический мемуар доктора Уильяма Маркхэма, архиепископа Йоркского, написанный сэром Клементсом Маркхэмом, К.С.В. 8vo. 5s. net.

Жизнь и труды Джона Арбутнота. By G. A. Aitken. 8vo, тканевый дополнительный переплет, с портретом. 16s.

Жизнь и письма сэра Генри Уоттона. Автор Л. Пирсолл Смит. 8vo. Два тома. 25s. net.

Великобритания и Ганновер. By A. W. Ward. Crown 8vo. 5s.

История Пенинсульской войны. К. Оман. Будет завершена в шести томах, 8vo, с большим количеством карт, планов и портретов.

Уже опубликованы: Том I. 1807-1809, до Корунны. Том II. 1809, до Талаверы. Том III. 1809-10, в Торрес-Ведрас. 14 с. нетто каждый.

Англо-китайская торговля и дипломатия: в основном в девятнадцатом веке. Автор А. Дж. Сарджент. 12s. 6d. net.

Фредерик Йорк Пауэлл. Жизнь и подборка из его писем и случайных сочинений. By Oliver Elton. Два тома. 8vo. С фотогравюрными портретами, факсимиле и т.д. 21s. net.

David Binning Monro: a Short Memoir. Автор Дж. Кук Уилсон. 8vo, жесткие доски, с портретом. 2s. net.

F. W. Maitland. Две лекции А. Л. Смита. 8vo. 2s. 6d. net.

Европейская история

Исторический атлас современной Европы. (См. с. 59.)

Генеалогические таблицы, иллюстрирующие современную историю. Автор Г. Б. Джордж. Четвертое (1904) издание. Oblong 4to, boards. 7s. 6d.

Жизнь и времена Якова Первого Арагонского. По Ф. Д. Свифту. 8vo. 12s. 6d.

Ренессанс и Реформация. Учебник европейской истории, 1494-1610 гг. By E. M. Tanner. Crown 8vo, с 8 картами. 3s. 6d.

Падение Старого порядка. Учебник европейской истории, 1763-1815 гг. By I. L. Plunket. Crown 8vo, с 10 картами и планами. 4s. 6d.

A History of France. By G. W. Kitchin, Cr. 8vo; пересмотрено, том I (до 1453 г.), Ф. Ф. Уркхартом; тома. II (1624), III (1795), by A. Hassall. 10s. 6 d. каждая.

L'Ancien Régime et la Révolution" де Токвиля. Под редакцией Г. У. Хедлама, со вступлением и примечаниями. Crown 8vo. 6s.

Речи государственных деятелей и ораторов Французской революции 1789-1795 гг. Ed. H. Morse Stephens. 2 vols. Crown 8vo. £1 1s.

Документы Французской революции 1789-1791 гг. Л. Г. Уикхем Легг. Crown 8vo. Два тома. 12s. net.

Наполеоновские государственные деятели: Германия. Автор Г. А. Л. Фишер. 8vo, с картами. 12s. 6d. net.

Бонапартизм. Шесть лекций Г. А. Л. Фишера. 8vo. 3s. 6d. net.

Московская экспедиция Тьера, под редакцией Г. Б. Джорджа. Cr. 8vo, 6 карт. 5s.

История и география Америки и британских колоний

Другие географические книги см. на стр. 59.

История Нового Света, называемого Америкой. Автор Э. Дж. Пейн.

Vol. I. 8vo. 18s. Bk. I. Открытие. Том II, часть I. Аборигены Америки.

Vol. II. 8vo. 14s. Книга II, часть II. Аборигены Америки (заключительная часть).

История Канады, 1763-1812 гг. Сэр К. П. Лукас, K.C.M.G. 8vo. С восемью картами. 12s. 6d. net.

Канадская война 1812 года. By Sir C. P. Lucas, K.C.M.G. 8vo. С восемью картами. 12s. 6d. net.

Южно-Африканский Союз. Автор: почтенный Р. Х. Бранд (1909). 8vo. 6s. net.

Историческая география британских колоний. Сэр К. П. Лукас, K.C.M.G. Crown 8vo.

Введение. Новое издание Н. Е. Egerton. 1903. (Происхождение и рост колоний.) С восемью картами. 3s. 6d. В дешевом переплете, 2s. 6d.

Том I. Средиземноморские и восточные колонии. С 13 картами. Второе издание, переработанное и дополненное Р. Э. Стаббсом. 1906. 5s.

Том II. Вест-индские колонии. С двенадцатью картами. Второе издание, переработанное и дополненное К. Эчли, I.S.O. 1905. 7s. 6d.

Том III. Западная Африка. Второе издание. Переработанное до конца 1899 года Г. Э. Эгертоном. С пятью картами. 7s. 6d.

Том IV. Южная и Восточная Африка. Историческая и географическая. С одиннадцатью картами. 9s. 6d.

Также Часть I. Историческая. 1898. 6s. 6d. Часть II. 1903. Географическая. 3s. 6d.

Том V. Канада, часть I. 1901. 6s. Часть II, автор Н. Е. Egerton. 4s. 6d. Часть III (географическая) готовится.

Том VI. Австралия. By J. D. Rogers. 1907. С 22 картами. 7s. 6d. Также часть I, Историческая, 4s. 6d. Часть II, Географическая, 3s. 6d.

История доминиона Канада. By W. P. Greswell. Crown 8vo. 7s. 6d.

География доминиона Канада и Ньюфаундленда. Того же автора. С десятью картами. 1891. Crown 8vo. 6s.

География Африки к югу от Замбези. Того же автора. С картами. 1892. Crown 8vo. 7s. 6d.

Притязания изучения колониальной истории на внимание Оксфордского университета. Инаугурационная лекция, прочитанная 28 апреля 1906 года Г. Э. Эгертоном. 8vo, бумажные обложки, 1s. net.

Исторический атлас. Европа и ее колонии. 27 карт. 35s. net.

Cornwall-Lewis's Essay on the Government of Dependencies. Под редакцией сэра К. П. Лукаса, K.C.M.G. 8vo, в четвертном переплете, 14s.

Правители Индии

Под редакцией сэра В. В. Хантера. Crown 8vo. 2s. 6 д. нетто за каждую.

(Есть также специальное индийское издание).

- **Bábar.** Автор С. Лейн-Пул.
- **Альбукерке.** Автор Г. Морс Стивенс.
- **Акбар.** Полковник Маллесон.
- **Аурангзиб.** По С. Лейн-Пулу.
- **Дюплеи.** Полковник Маллесон.
- **Лорд Клайв.** Полковник Маллесон.
- **Уоррен Гастингс.** Капитан Л. Дж. Троттер.
- **Мадхава Рао Синдхия.** По Г. Г. Кину.
- **Маркиз Корнуоллис.** У. С. Сетон-Карр.
- **Haidar Alí and Tipú Sultán.** По Л. Б. Боурингу.
- **Маркиз Уэлсли, К.Г.** Автор У. Х. Хаттон.
- **Маркиз Гастингс.** Майор Росс-оф-Бладенсбург.
- **Маунтстюарт Элфинстоун.** По Дж. С. Коттону.
- **Сэр Томас Манро.** По Дж. Брэдшоу.
- **Граф Амхерст.** По Анне Т. Ричи и Р. Эвансу.
- **Лорд Уильям Бентинк.** По Д. К. Боулгеру.
- **Граф Окленд.** Капитан Л. Дж. Троттер.
- **Виконт Хардинг.** Его сын, виконт Хардиндж.
- **Ранджит Сингх.** Сэр Л. Гриффин.
- **Маркиз Далхаузи.** Сэр В. В. Хантер.
- **Джеймс Томасон.** Сэр Р. Темпл.
- **Джон Рассел Колвин.** Сэр А. Колвин.
- **Сэр Генри Лоуренс.** Генерал-лейтенант Дж. Дж. М. Леод Иннес.
- **Клайд и Стратнейрн.** Генерал-майор сэр О. Т. Берн.
- **Граф Каннинг.** Сэр Х. С. Каннингем.
- **Лорд Лоуренс.** Сэр К. Эйтчисон.
- **Граф Мэйо.** Сэр В. В. Хантер.

-
- **Асока.** По В. А. Смит. Второе издание, 1909. 3s. 6d. net.

Очерки о правителях Индии. Сокращенно из книги *"Правители Индии"* Г. Д. Освелла. Том I, Мятёж и после; Том II, Губернаторы Компании; Том III, Генерал-губернаторы; Том IV, Князья Индии. Crown 8vo. 2s. net каждая. Также в двух томах, 7s. 6 д. нетто; отдельно, каждый по 4 с. нетто.

The Imperial Gazetteer of India. Новое издание, 1908 год. Весь труд в 26 томах, ткань £5 нетто, сафьяновый переплет £6 6s. нетто. 4 тома "Индийской империи" отдельно, ткань 6 с. нетто каждый, сафьяновый корешок 7 с. 6d. нетто; Атлас, ткань 15s. нетто, сафьян на обороте 17s. 6 д. нетто; остальные 21 том, ткань £4 4s. нетто, сафьян на обороте £5 5s. нетто.

- Том I. Описательный.
- Том II. Исторический.
- Том III. Экономический.
- Том IV. Административный.
- Том V-XXIV. Алфавитный справочник.
- Том XXV. Указатель.
- Том XXVI. Атлас.

Каждый том содержит карту Индии, специально подготовленную для этого издания.

Перепечатки из Императорского справочника.

Очерк флоры Британской Индии. Сэр Джозеф Хукер. 8vo. Бумажные обложки. 1s. net.

Индийская армия. Очерк ее истории и организации. 8vo. Бумажные обложки. 1s. net.

Краткая история индийских народов. Сэр У. У. Хантер. Пересмотрено до 1903 года У. Х. Хаттоном. Восемьдесят девятая тысяча. 3s. 6d.

The Government of India, being a digest of the Statute Law relating to there; with historical introduction and illustrative documents. Сэр К. П. Илберт. Второе издание, 1907 год. 10s. 6 д. нетто.

Ранняя история Индии с 600 г. до н.э. до Мухаммеданского завоевания, включая вторжение Александра Македонского. By V. A. Smith. 8vo. С картами, планами и другими иллюстрациями. Второе издание, переработанное и дополненное. 14s. net.

The Oxford Student's History of India. By V. A. Smith. Crown 8vo. Второе издание. С 7 картами и 11 другими иллюстрациями. 2s. 6d.

Английские фабрики в Индии: By W. Foster. Med. 8vo. (Издано под патронажем Государственного секретаря Его Величества по делам Индии в Совете).

Three Vols., 1618-21, 1622-3, 1624-9. 12s. 6d. net each.

(Шесть предыдущих томов писем, полученных Ост-Индской компанией от своих служащих на Востоке (1602-1617), также можно приобрести, цена 15 с. за каждый том).

Судебные протоколы Ост-Индской компании. By E. B. Sainsbury. Введение У. Фостера. Med. 8vo. 12s. 6d. net each.

Два тома, 1635-39, 1640-43.

Судебные протоколы до 1635 года были внесены в календари государственных документов Ост-Индии, опубликованные Public Record Office.

Депеши Уэлсли, договоры и другие документы, относящиеся к его правительству в Индии. Подборка под редакцией С. Дж. Оуэна. 8vo. £1 4s.

Депеши, договоры и другие документы **Веллингтона**, касающиеся Индии. Избранное под редакцией С. Дж. Оуэна. 8vo. £1 4s.

Hastings and the Rohilla War. By Sir J. Strachey. 8vo. 10s. 6d.

ГЕОГРАФИЯ

Исторический атлас современной Европы, начиная с упадка Римской империи. 90 карт, с буквенной печатью на каждой: карты напечатаны W. & A. K. Johnston, Ltd., а все издание отредактировано R. L. Poole.

В одном томе, имперский 4to, полуперсидский, £5 15s. 6d. нетто; или в избранных наборах - Британская империя и т.д., по различным ценам от 30s. до 35s. нетто за каждую; или в отдельных картах, 1s. 6d. нетто каждая. Проспект по заявке.

Рассвет современной географии. К. Р. Бизли. В трех томах. 2 фунта 10 шиллингов нетто. Том I (до 900 г. н.э.). Отдельно не продается. Том II (900-1260 гг. н.э.). 15s. нетто. Том III. 20 с. нетто.

Регионы мира. Географические мемуары под общей редакцией Г. Дж. Макиндера. Средний 8vo. 7s. 6d. нетто за том.

- **Британия и Британские моря.** Ed. 2. Автор Г. Дж. Макиндер.
- **Центральная Европа.** Джон Партш.
- **Ближний Восток.** Д. Г. Хогарт.
- **Северная Америка.** По Дж. Расселу.
- **Индия.** Сэр Томас Холдич.
- **Дальний Восток.** Арчибальд Литтл.

Границы: Роман-лекция (1907) лорда Керзона из Кедлстона. 8vo. 2s. п.

The Face of the Earth. Эдуард Зюсс. См. с. 92.

Оксфордские географии

The Oxford Geographies. Автор А. Дж. Хербертсон. Crown 8vo.

Том I. **Предварительная география.** Ed. 3, 72 карты и диаграммы, 1s. 6d.

Том II. **Младшая география.** Изд. 2, 166 карт и диаграмм, 2s. С физиографическим введением, 3s. С вопросами и статистическим приложением, 2s. 6d. (*В процессе подготовки.*)

Том III. **Старшая география.** Изд. 3, 117 карт и диаграмм, 2s. 6d. С физиографическим введением, 3s. 6d. С вопросами и статистическим приложением, 3s.

Физиографическое введение к томам. II и III. 1s. 6d. (*В печати.*)

Вопросы по старшей географии. Ф. М. Кирк, со статистическим приложением Э. Г. Р. Тейлора. 1s.

Элементарная география. Ф. Д. Хербертсон. С картами и иллюстрациями с фотографий. Crown 8vo. I: Физиография. 10d. II: На наших островах и вокруг них. 1s. III: Европа. 1s. IV: Азия. 1s. 6d. VII: Британские острова. 1s. 6d. Другие готовятся.

Практическая география. By J. F. Unstead. Crown 8vo. Часть I, 27 карт и диаграмм. Часть II, 21 карта и диаграмма, каждая по 1s. 6d.; вместе 2s. 6d.

Отношения географии и истории. Автор Г. Б. Джордж. С двумя картами. Crown 8vo. Четвертое издание. 4s. 6d.

География для школ, автор А. Хьюз. Crown 8vo. 2s. 6d.

Школьный экономический атлас. Автор Дж. Э. Бартоломью. Introduction by L. W. Lyde. 4to. 2s. 6d. net.

Антропология

Transactions of the Third (1908) International Congress for the History of Religions. Royal 8vo. 2 vols. 25s. net.

Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in honour of his seventy-fifth birthday. Imperial 8vo. 21s. net.

Эволюция культуры и другие очерки, написанные покойным лейтенантом-генералом А. Лейком-Фоксом **Питтом-Ричем.** A. Lake-Fox Pitt-Rivers; под редакцией J. L. Myres, с предисловием Н. Balfour. 8vo, с 21 табличкой, 7s. 6d. net.

Антропология и классика. Шесть лекций А. Эванса, А. Ланга, Г. Г. А. Мюррея, Ф. Б. Джевонса, Дж. Л. Майреса, У. У. Фаулера. Под редакцией Р. Р. Маретта. 8vo. Иллюстрированная. 6s. net.

Народная память. By Walter Johnson. 8vo. Иллюстрированный. 12s. 6d. net.

Кельтский фольклор: Welsh and Manx. By J. Rh^[y]s. 2 vols. 8vo. £1 1s.

Studies in the Arthurian Legend. By J. Rh^[y]s. 8vo. 12s. 6d.

Iceland and the Faroes. По Н. Аннандейлу. С приложением о кельтских пони, написанным Ф. Х. А. Маршаллом. Crown 8vo. 4s. 6d. net.

Dubois' Hindu Manners. Переведено и отредактировано Х. К. Бошампом. Третье издание. Crown 8vo. 6s. net. На индийской бумаге, 7s. 6d. net.

The Melanesians, Studies in Their Anthropology and Folk-Lore. By R. H. Codrington. 8vo. 16s. net.

Масаи, их язык и фольклор. By A. C. Hollis. С предисловием сэра Чарльза Элиота. 8vo. Иллюстрировано. 14s. net.

Нанди, их язык и фольклор. By A. C. Hollis. С предисловием сэра Чарльза Элиота. 8vo. Иллюстрированный. 16s. net.

Древние расы Фиваиды: антропометрическое исследование. Артур Томсон и Д. Рэндалл-МакИвер. Императорское издание 4to, с 6 коллотипами, 6 литографированными диаграммами и множеством других иллюстраций. 42s. net

Древнейшие обитатели Абидоса. (Краниологическое исследование.) Д. Рэндалл-МакИвер. Портфолио. 10s. 6d. net.

Картины бушменов. Скопировано М. Х. Тонгом и напечатано в цвете. С предисловием Г. Бальфура. В коробке, 3 фунта 3 шиллинга нетто.

ЗАКОН

Юриспруденция

Фрагмент Бентама о правительстве. Под редакцией Ф. К. Монтегю. 8vo. 7s. 6d.

Bentham's Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Второе издание. Crown 8vo. 6s. 6d.

Исследования по истории и юриспруденции. By the Right Hon. James Bryce. 1901. Два тома. 8vo. £1 5s. нетто.

Элементы юриспруденции. Автор Т. Э. Холланд. Десятое издание. 1906. 8vo. 10s. 6d.

Элементы права, рассмотренные со ссылкой на принципы общей юриспруденции. Сэр В. Маркби, К.С.И.Е. Шестое пересмотренное издание, 1905. 8vo. 12s. 6d.

Римское право

Imperatoris Iustiniani Institutionum Libri Quattuor; со вступлением, комментарием и переводом Дж. Б. Мойла. Два тома. 8vo. Том I (четвертое издание, 1903), 16 с.; Том II, перевод (четвертое издание, 1906), 6 с.

Институты Юстиниана, отредактированные как переложение Институтов Гая. Автор Т. Э. Холланд. Второе издание. Extra fcap 8vo. 5s.

Select Titles from the Digest of Justinian. By T. E. Holland and C. L. Shadwell. 8vo. 14s.

Также продается по частям, в бумажных обложках: Часть I. Вводные титулы. 2s. 6d. Часть II. Семейное право. 1s. Часть III. Имущественное право. 2s. 6d. Часть IV. Обязательственное право. No. 1. 3s. 6d. No. 2. 4s. 6d.

Gai Institutionum Iuris Civilis Commentarii Quattuor: с переводом и комментарием покойного Э. Поста. Четвертое издание. Пересмотренное и дополненное Э. А. Уиттаком, с историческим введением А. Х. Дж. Гриниджа. 8vo. 16 с. нетто.

Институты римского права, автор Р. Сом. Перевод Дж. К. Ледли: со вступительным очерком Э. Грюбера. Третье издание. 1907. 8vo. 16 с. нетто.

Infamia; ее место в римском публичном и частном праве. А. Н. J. Greenidge. 8vo. 10s. 6d.

Юридическая процедура во времена Цицерона. А. Н. J. Greenidge. 8vo. 25s. net.

The Roman Law of Damage to Property: being a commentary on the title of the Digest 'Ad Legem Aquiliam' (ix. 2), with an introduction to the Study of the Corpus Iuris Civilis. By E. Grueber. 8vo. 10s. 6d.

Договор купли-продажи в гражданском праве. By J. B. Moyle. 8vo. 10s. 6d.

Принципы немецкого гражданского права. Эрнест Дж. Шустер. 1907. 8vo. 12s. 6d. net.

Английское право

Принципы английского договорного права и агентирования в его отношении к договору. Сэр У. Р. Энсон. Двенадцатое издание. 1910, пересмотренное М. Л. Гвайером. 8vo. 10s. net.

Law and Custom of the Constitution. Сэр У. Р. Энсон. В двух томах. 8vo.

Том I. Парламент. Четвертое издание. 1909. 12s. 6d. net.

Том II. Корона. Третье издание. Часть I, 1907. 10s. 6d. нетто. Часть II, 1908. 8s. 6d. net.

Введение в историю права недвижимого имущества. Сэр К. Э. Дигби. Пятое издание. 8vo. 12s. 6d.

Законодательные методы и формы. Сэр К. П. Илберт, K.C.S.I. 1901. 8vo. 16s.

Современное земельное право. By E. Jenks. 8vo. 15s.

Очерк о владении в общем праве. Авторы: сэр Ф. Поллок и сэр Р. С. Райт. 8vo. 8s. 6d.

Outline of the Law of Property. By T. Raleigh. 8vo. 7s. 6d.

Право в повседневной жизни. Руд. фон Еринг. Перевод с примечаниями и дополнениями Г. Гуди. Crown 8vo. 3s. 6d. net.

Случаи, иллюстрирующие принципы деликтного права, с таблицей всех приведенных случаев. By F. R. Y. Radcliffe and J. C. Miles. 8vo. 1904. 12s. 6d. net.

Управление частными делами. Джозеф Кинг, Ф. Т. Р. Бигхэм, М. Л. Гвайер, Эдвин Каннан, Дж. С. К. Бридж, А. М. Латтер. Crown 8vo. 2s. 6d. net.

Календарь хартий и роллов, содержащий те, что хранятся в Бодлианской библиотеке. 8vo. £1 11s. 6d. net.

Handbook to the Land-Charters, and other Saxon Documents. By J. Earle. Crown 8vo. 16s.

Fortescue's Difference between an Absolute and a Limited Monarchy. Текст пересмотрен и отредактирован, с введением и т. д., К. Пламмером. 8vo, кожаный переплет, 12s. 6d. net.

Злодейство в Англии. По П. Виноградову. 8vo. 16s. net.

Уэльское средневековое право: Законы Хауэла Доброго. Текст, перевод и т.д. А. У. Уэйд Эванс. Crown 8vo. 8s. 6d. net.

Конституционные документы

Избранные хартии и другие иллюстрации английской конституционной истории с древнейших времен до Эдуарда I. Упорядочено и отредактировано У. Стаббсом. Восьмое издание. 1900. Crown 8vo. 8s. 6d.

Select Statutes and other Constitutional Documents, illustrative of the reigns of Elizabeth and James I. Edited by G. W. Prothero. Третье издание. Crown 8vo. 10s. 6d.

Конституционные документы пуританской революции, отобранные и отредактированные С. Р. Гардинером. Третье издание. Crown 8vo. 10s. 6d.

Международное право

Международное право. По У. Э. Холлу. Шестое издание Дж. Б. Атлая. 1909. 8vo. 1 фунт стерлингов нетто.

Трактат об иностранных державах и юрисдикции Британской короны. By W. E. Hall. 8vo. 10s. 6d.

Европейский концерт в Восточном вопросе, сборник договоров и других государственных актов. Под редакцией Т. Э. Холланда, со вступлением и примечаниями. 1885. 8vo. 12s. 6d.

Исследования в области международного права. By T. E. Holland. 1898. 8vo. 10s. 6d.

The Laws of War on Land. By T. E. Holland. 1908. 8vo. 6s. net.

Gentilis Alberici de Iure Belli Libri Tres edidit T. E. Holland. 1877. Маленькое кварто, полумарокко. £1 1s.

Право народов. Сэр Т. Твисс. Часть I. В мирное время. Новое издание, переработанное и дополненное. 8vo. 15s.

Тихоокеанская блокада. A. E. Hogan. 1908. 8vo. 6s. net.

Колониальное и индийское право

The Government of India, being a Digest of the Statute Law relating to thereto, with historical introduction and illustrative documents. Сэр К. П. Илберт, К.С.С.И. Второе издание. 1907. 8vo, ткань. 10s. 6d. net.

Британское правление и юрисдикция за морями. Покойный сэр Х. Дженкинс, К.С.В., с предисловием сэра К.П. Илберта и портретом автора. 1902. 8vo, кожаный переплет, 15 с. нетто.

Cornwall-Lewis's Essay on the Government of Dependencies. Под редакцией сэра К. П. Лукаса, К.С.М.Г. 8vo, кожаный переплет, 14s.

Введение в индуское и магометанское право для студентов. 1906. Сэр В. Маркби, К.С.И.Е. 6 с. нетто.

Land-Revenue and Tenure in British India. Б. Х. Баден-Пауэлл, К.И.Э. С картой. Второе издание, пересмотренное Т. В. Холдернессом, К.С.И. (1907.) Crown 8vo. 5s. net.

Land-Systems of British India, being a manual of the Land-Tenures, and of the systems of Land-Revenue administration. By the same. Три тома. 8vo, с картой. £3 3s.

Anglo-Indian Codes, by Whitley Stokes. 8vo.

Том I. Основное право. £1 10s. Том II. Адъективное право. £1 15s.

1-е дополнение, 2s. 6d. 2-е дополнение, по 1891 год, 4s. 6d. В одном томе, 6s. 6d.

Закон об индийских доказательствах, с примечаниями сэра В. Маркби, К.С.И.Е. 8vo. 3s. 6d. нетто (издано мистером Фроудом).

Corps de Droit Ottoman: un Recueil des Codes, Lois, Règlements, Ordonnances et Actes les plus importants du Droit Intérieur, et d'Études sur le Droit Coutumier de l'Empire Ottoman. Par George Young. 1905. 7 томов. 8vo. Ткань, £4 14s. 6d. нетто; бумажные обложки, £4 4s. нетто. Части I (тома I-III) и II (тома IV-VII) можно приобрести отдельно; цена за часть, в ткани, £2 17s. 6d. нетто, в бумажных обложках - £2 12s. 6d. нетто.

Политические науки и экономика

Об "*Исследованиях* Брайса" и других книгах по общей юриспруденции и политологии см. с. 61.

Организация промышленности в XVI и XVII веках. By G. Unwin. 8vo. 7s. 6d. net.

Отношения между передовыми и отсталыми расами человечества, Романская лекция за 1902 год. By J. Bryce. 8vo. 2s. net.

Замечания Корнуолла-Льюиса об использовании и злоупотреблении некоторыми политическими терминами. Новое издание, с предисловием Т. Рэли. Crown 8vo, бумага, 3s. 6d.; ткань, 4s. 6d.

Лекции Адама Смита о правосудии, полиции, доходах и оружии. Под редакцией Э. Кэннана с введением и примечаниями. 8vo. 10s. 6d. нетто.

Теория государства Блюнчли. Перевод с шестого немецкого издания. Третье издание. 1901. Crown 8vo. 8s. 6d. net.

A Geometrical Political Economy. Элементарный трактат о методе объяснения некоторых теорий чистой экономической науки с помощью диаграмм. Автор Г. Кунингейм, к.б.н. Кр. 8vo. 2s. 6d. net.

Элементы железнодорожной экономики. By W. M. Acworth. Crown 8vo. Второе издание. 2s. net.

Элементарная политическая экономия. Автор Э. Кэннан. Третье издание. Extra fcap 8vo, 1s. net.

Элементарная политика. Сэр Т. Рэли. Шестое пересмотренное издание. Extra fcap 8vo, жесткие обложки, 1s. net.

Изучение экономической истории. Автор Л. Л. Прайс, 1s. net.

Экономические документы

Письма Рикардо к Мальтусу (1810-1823). Под редакцией Дж. Бонара. 8vo. 7s. 6d. Письма к Тройуэру и другим (1811-1823). Под редакцией Дж. Бонара и Дж. Х. Холландера. 8vo. 7s. 6d.

Цены Ллойда на кукурузу в Оксфорде, 1583-1830 гг. 8vo. 1s.

Первые девять лет Банка Англии. Автор Дж. Э. Торольд Роджерс. 8vo. 8s. 6d.

История сельского хозяйства

История сельского хозяйства и цен в Англии, 1259-1793 гг. Автор Дж. Э. Торольд Роджерс. 8vo. Vols. I и II (1259-1400). 84s. net. Vols. III и IV (1401-1582). 32s. нетто. Тома. V и VI (1583-1702). 32 с. нетто. Том VII. В двух частях (1702-1793). 32s. net.

История английского сельского хозяйства. By W. H. R. Curtler. Crown 8vo. 6s. 6d. net.

Исчезновение мелкого землевладельца. By A. H. Johnson. Crown 8vo. 5s. net.

Колофон

Доступность

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любом месте бесплатно и практически без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях [Лицензии Проекта Гутенберга](#), прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена командой онлайн-распределенной корректуры на сайте www.pgdp.net.

Это том 2 из двухтомника. Первый том доступен в Project Gutenberg как eBook [55025](#).

Сканы этой книги доступны в Internet Archive (копия [1](#)).

Метаданные

Название:	Celtic Folklore: Уэльс и Манкс (Том 2 из 2)	
Автор:	Джон Рон (1840-1915)	Информация
Язык:	Английский	
Дата публикации:	1901	
Ключевые слова:	Кельты -- Уэльс -- Фольклор. Фольклор -- Остров Мэн. Фольклор -- Уэльс.	

Записи в каталоге

Соответствующая страница каталога Открытой библиотеки (для источника): [OL7078815M](#)

Связанная страница каталога Открытой библиотеки (для работы): [OL1685975W](#)

Кодировка

История пересмотра

- 2017-11-10 Начато.

Внешние ссылки

Эта электронная книга проекта "Гутенберг" содержит внешние ссылки. Эти ссылки могут не работать для вас.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	Источник	Исправление	Расстояние редактирования
415, 576	'	[Удалено]	1
451	ярмарка	фея	1
457, 686, 711	Галангаеф	Калангаеф	1
530	Франк	Франция.	2

530	червь	червь	1
531, 671	[Нет в источнике]	)	1
546, 699, 721, 724	[Нет в источнике]	.	1
550	интерпретировать	интерпретировано	2
563	о	из	1
572	повтор	повтор	1
581		-	1
587, 587	" "	" "	2
596	есть	есть	1
619	llwyth	□wyth	2
619	Oeth	Oeth	0
657	юг	молодой	1
678	нан ог	нан	2
692	пестрый	пестрый	1
695, 704, 711, 725	,	.	1
698, 709, 709, 710, 712, 727	.	,	1
699	coiced	cóiced	1 / 0
703	Ferdeadh	Фер-дед	1
703	Хонвел	Хонвель	1
705	Говиннят	Говиннят	1
705	Пебр	Пебыр	1
705	Грусинд	Грусинд	1 / 0
705	Гварвин-а-Трот	Гварвин-а-Трот	1
705	гветид	гве-тид	1
705	689	690	2
705	gwrdueichyat	g□rdueichyat	1
705	Gwrgwst	Гврвст	2
712	Ноденс	Нодоны	1
712	Нудос	Nūdos	1 / 0
712	Нуди	Nūdo	2 / 1
713	pr̥thivī	pr̥thivī	1 / 0
726	Ралей	Ралей	1
732	2vols.	2 vols.	1

Сокращения

Обзор используемых сокращений.

Аббревиатура Расширение

A.M.	Anno Mundi
D.Litt.	Доктор литературы
HON. LL.D.	Почетный доктор права
M.A.	Магистр искусств